Н. А. Трофимова

ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ

СМЫСЛОВЫЕ УЗОРЫ ЭКСПРЕССИВОВ

Издание второе,
переработанное и дополненное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

ББК 81.2Нем
Т 76

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор

С. В. Киселева

доктор филологических наук, профессор

О. Н.Гронская

ISBN 978-5-4227-0056-1

© Трофимова Н.А., 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление.

Блез Паскаль

Одной из удивительнейших особенностей естественного языка является его способность конечными средствами в каждой новой ситуации выражать новые содержания, т.е. по сути, ограниченными средствами выражать неограниченное количество смыслов. Этот факт объясняет принципиальную возможность множества интерпретаций одной и той же языковой формы. Но фактом является и то, что говорящий обычно имеет в виду только одну из таких возможностей и предполагает, практически никогда не ошибаясь, что адресат в состоянии ее правильно распознать. Следовательно, замечательное свойство языка состоит в том, что он способен в комбинациях своих форм эксплицировать не только фиксированные значения языковых единиц, но и скрытую от непосредственного наблюдения часть мыслительной деятельности человека – задуманные говорящим смыслы, о природе которых адресат может судить лишь косвенно и которые он восстанавливает, основываясь на своей языковой и прагматической компетенции, часто дополняя или трансформируя их в соответствии с сиюминутным состоянием своего индивидуального сознания. Это важное априорное предположение легло в основу поставленной автором настоящей монографии задачи обосновать гипотезу о динамическом характере конституирования смысла языкового выражения, основным положением которой является утверждение, что смысл не является условием успешной коммуникации, он является ее творческим результатом, порождается, конституируется партнерами в процессе успешной коммуникации. Сущность процесса смыслопорождения состоит в способности любого компонента высказывания к непрерывному изменению и развертыванию смысла, который представляется нам в форме не имеющего определенных очертаний многомерного континуума, элементы которого – частные смыслы,

индуцированные языковым материалом, находятся в постоянном движении, меняют свой объем и положение в смысловом целом, обволакивают высказывание в виде некой летучей среды.

Положение о многомерности смысла высказывания побудила автора совершить попытку моделирования этой смысловой «плазмы», вычленения ее «летучих» компонентов, общих и частных, явных и подразумеваемых, проявляющих себя только в фузии со всеми другими компонентами. Элементы смысла высказывания мы представляем в виде слоев, накладывающихся друг на друга, сменяющих друг друга под влиянием разнородных и разноплановых факторов, порождающих бесконечное множество смысловых потенций. Первый, наименее глубокий, «поверхностный» слой смыслов составляют те потенции, которые непосредственно закодированы в языковом знаке, они актуализируются без всяких дополнительных условий. Другие слои смыслов – это те потенции, которые могут быть актуализированы при дополнительных условиях, соответствующих особенностям субъективной действительности в момент общения.

Обсуждении смысла в таком контексте представляет собой одну из наиболее сложных проблем современной лингвистики, отличающейся расширением «познавательной перспективы», поиском новых, более широких подходов к изучаемому объекту. Экспансионистские тенденции развития лингвистической исследовательской парадигмы определены необходимостью изучения языковых явлений с учетом фактора их обусловленности человеком, «присваивающим» себе язык в разных сферах и видах своей деятельности. Такая «человекомерность» современной лингвистики, ее направленность на интеллект, чувства и волю человека говорящего позволяет по-новому взглянуть на универсальное для языкознания понятие «смысл», процессы его порождения и восприятия, а также на его «обертон» – высказывание, в рамках которого смысл как некая виртуальная мнемоническая сущность превращается в реальность, поддающуюся эмпирическому наблюдению и описанию, в средство эмоционального и интеллектуального воздействия на человека.

Идея многомерности смысла развивается в монографии в приложении к экспрессивным речевым актам – классу речевых действий, которые отличаются тем, что в них их исполнитель выражает внутренние состояния определенного типа. Мотивом избрания экспрессивов в качестве эмпирической основы для решения поставленной задачи является их особая социальная значимость в процессе межличностной коммуникации, настоятельно требующая подведения под их здание лингвистической основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение.

Книга открывается кратким изложением теоретической концепции автора, за которым следует обзор точек зрения на природу предмета исследования – экспрессивные речевые акты, рассматриваются мнения о месте экспрессивов в традиционных классификациях речевых актов, о сути и составе класса, обосновывается широкое понимание последнего и выделение в нем подклассов социативов и инфлуктивов.

Вторая и третья главы представляют результат эмпирического исследования актуализации элементарных смыслов в речевых актов двух подклассов экспрессивных высказываний – социативах, этикетных речевых актах (3 глава) и инфлуктивах, речевых актах эмоционального воздействия (4 глава). Описание представляемых речевых актов (извинения, благодарности, пожелания, поздравления, комплимента, похвалы, злопожелания, инвективы и порицания) отражает определенную автором схему анализа – от общей когнитивно-прагматической характеристики и выявления специфики их позиции в составе диалогического единства к определению конфигурации их речевого смысла и роли отдельных элементарных смыслов в его составе. Предложенное описание универсальной модели смысла и языковых средств актуализации ее компонентов в экспрессивах способствует более глубокому пониманию как частных процессов формирования смысла высказываний, реализующих этот тип речевого акта, так и особенностей процесса конфигурации смысла речевых актов иного типа.

В качестве материала исследования была использована выборка текстовых фрагментов стилизованной разговорной речи, смоделированной авторами художественных произведений – носителями немецкого языка – с учетом закономерностей диалогического общения. Часть произведений, указанных в списке источников иллюстративного материала, представлена в виртуальном корпусе примеров COSMAS II, созданном Институтом немецкого языка в г. Маннгейм (ФРГ). Обращение к литературным текстам продиктовано в первую очередь тем, что они дают возможность рассмотреть проявление особенностей предмета исследования в разных коммуникативно-прагматических пространствах: герои художественных произведений играют различные статусные роли, их общение направлено на сотрудничество или конфронтацию, проходит в официальных или неофициальных условиях и т.д. Иначе говоря, каждое художественное произведение представляет собой концентрацию множества «возможных миров» его героев, прототипами которых являются реальные люди. Такой широкий ситуативный охват невозможен при анализе только записей живой спонтанной речи, ограниченных, как правило, несколькими параметрами ситуации, но являющихся, однако, важным средством проверки валидности результатов анализа и привлеченных поэтому как второй источник языкового материала (записи спонтанных диалогов, сделанные автором при личном общении с носителями немецкого языка).

Автор благодарит всех коллег, принявших участие в обсуждении книги на разных этапах работы над ней, за критику и помощь и надеется, что изложенные идеи представят интерес для преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами теории смысла, прагматики и теории речевых актов.

Глава 1: Конституирование смысла экспрессивного высказывания: вводные замечания

1.1. Смысл как объект исследования

Исследование проблемы взаимоотношения языка и мышления, результирующейся в порождении смысла высказывания, интересует ученых уже не один десяток лет, но по сей день не утратило своей актуальности и по-прежнему вызывает громкие дискуссии, поскольку он – смысл – остается понятием неформализуемым и не поддается строгой дефиниции. Уже не одно перо стерто в стремлении объять эту необъятную сущность, описать ее феноменологию, ее проявленность, эффекты взаимодействия. Не раз предпринимались достойные уважения попытки подробно проанализировать и систематизировать точки зрения философов, психологов, лингвистов, касающихся смысла, его особенностей и атрибутики[1].

Не желая утомлять читателя рассуждением о смысле смысла *ab ovo* и признавая существование единого (цельного, глобального) смысла высказывания аксиомой, мы сознательно отказываемся от перечисления имен и идей и ограничиваемся констатацией признаков смысла как явления[2], поскольку именно этот аспект важен для решения задач настоящей монографии. Однако сначала следует дать определение единице исследования – высказыванию.

Высказывание понимается нами как языковая репрезентация речевого действия, «приведение языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Бенвенист 2002: 312]. Широкая многозначность термина «высказывание» делает его употребление не всегда четким, а толкование неоднозначным. Из различных понятийных оппозиций, в которые этот термин

---

[1] Подробный и четкий анализ трудов, посвященных феномену "смысл", можно найти, например, в работах А.И.Новикова [Новиков 2007], О.А. Алимурадова [Алимурадов 2004], А.А. Худякова [Худяков 2000], Э.Д. Сулейменовой [Сулейменова 1989].

[2] Мы сосредоточиваемся на характеристиках, имеющих высокую степень поворяемости в специальной литературе, что свидетельствует об их существенности, значимости для определения данного понятия.

[3] Роль помощника восприятия для контекста вполне логична и общепризнанна, о ней много говорилось в литературе. Подробнее об этом см. например, [Колшанский 1976].

[4] Язык-то свидетельствует о существенности, значимости для определения данного понятия, какие

оказывается включенным, наиболее частым является определение, противопоставляющее его предложению. Последнее дефинируется как предикативная синтаксическая структура, оснащенная значащими единицами, построенная (не данная!) абстрактная схема, изолированная от любого контекста и любого вербального окружения, существующая как бы в ожидании своей актуализации. Высказывание же и есть актуализация этой языковой структуры в определенной ситуации общения, ее индивидуальная реализация [Бенвенист 2002: 312]. То есть высказывание есть единица функциональная, ее значение выявляется только в конкретных условиях коммуникации, при этом актуализуемые языковые структуры – предложения – приобретают дополнительные качества, различные коннотации, языковая модель подвергается различным функционально обоснованным изменениям, преобразованиям, усложнениям. Одним словом, в акте общения из «деталей» абстрактной схемы рождается смысл – обстоятельство, играющее особую роль в настоящем исследовании.

«Классическое» высказывание, равное по длине предложению, представляет собой прототипный, но не единственный вариант этой единицы. В настоящей работе высказывание понимается широко – как законченный отрезок речи, объединенный одной интенцией или – чаще – единым интенциональным комплексом, характеризуемый единой смысловой структурой, по сути, это единица, эквивалентная речевому акту, она не обязательно ограничивается одним, а может охватывать несколько предложений. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели.

Вернемся к характерным признакам смысла высказывания. Первое, что следует акцентировать, это **неравность смысла высказывания сумме значений составляющих его слов**. Значение, по метафорическому выражению Г. Фигаля, есть ожидание смысла [Figal 2001: 85], иначе говоря, слово, как двуликий Янус, выражает, с одной стороны, значение – инвариантный, узуальный и обязательный компонент его плана содержания, а с другой

стороны, в речевом употреблении в сочетании с другими словами и под влиянием контекста оно приобретает конкретный, нередко уникальный смысл, характеризующийся вариантностью и окказиональностью[3]. В реальной речевой коммуникации проблема соотношения значения компонентов предложения и его целостного смысла рассматривается как проблема смыслообразования и смыслопреобразования при восприятии, передаче и понимании сообщения в осуществляемых коммуникативных актах, когда языковая номинация оказывается только условно самостоятельной, целиком подчиняясь законам функционирования языка как средства общения [Колшанский 2007; Кубрякова 1986].

Таким образом, можно констатировать следующий важный признак рассматриваемого феномена: **смысл любого высказывания ситуативен**, он понимается как «индивидуальное значение слова, которое связано с личностным субъективным опытом говорящего и конкретной ситуацией общения» [Лурия 1979: 52-53; Горелов, Седов 2001: 59]. Высказывание *Du siehst aus wie Madonna* в определенной ситуации может быть комплиментом, а в другой - попыткой оскорбить, в третьей выступать в качестве трезво сформулированного предположения, что объект высказывания является родственницей известной поп-дивы. Каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно истинным. Смысл меняется не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации. Эту характеристику смысла подчеркивает и Р. Барт, говоря о том, что в высказывании «смысл неизбежно приобретает референциальный характер», то есть попадает в зависимость от конкретной ситуации порождения и/или восприятия высказывания. Без обращения к такой ситуации, без соотнесения с ней содержания всего высказывания корректное понимание смысла невозможно. Р. Барт считает, что ещё до соотнесения с конкретной ситуацией предложение уже наполняется определенным смыслом – смыслам языковым. Для того же, чтобы приобрести

[3] Роль помощника восприятия для контекста вполне логична и общепризнанна, о ней много говорилось в литературе. Подробнее об этом см., например, [Колшанский 1976].

смысл во всей своей полноте, высказывание должно быть вплетено в ситуацию - только после того, как ситуация признана полноправным компонентом структуры высказывания, возможен, по мнению автора, переход на транслингвистический уровень – уровень интерпретации смысла текста [Барт 2001: 172-173].

Смысл находится не только под влиянием ситуации, в его формировании играет роль еще один фактор – та конкретная коммуникативная задача, которая стоит перед говорящим [Лурия 1975: 24] в данный момент времени, иными словами, **смысл интенционален**. Задача является коммуникативной, поскольку, так как для её решения необходим коммуникативный акт – генерация некоего рода высказывания "не только почему-то, но и зачем-то, с какой-то коммуникативной и более общей (посткоммуникативной) целью" [Сусов 2006]. Вспомним предложение, подаренное нам много лет назад Н. Хомским: *Farblose grüne Ideen schlafen wutentbrannt*. Каждое слово в нем имеет значение, синтаксическая конструкция безукоризненна, т.е. предложение имеет буквальное значение - то, что *Farblose grüne Ideen schlafen wutentbrannt*. Однако отсутствие в нем смысла очевидно, поскольку оно содержит явные внутренние противоречия (ничто не может быть одновременно бесцветным и зеленым, нельзя спать яростно). Но и такое обоснование отсутствия смысла не абсолютно удовлетворительно, поскольку существует множество грамматически корректных предложений, которые состоят из простых лексических единиц немецкого языка и не содержат очевидных внутренних противоречий, но, тем не менее, не подходят для их использования в процессе коммуникации. Например: *Otto möchte Peters Schmerz loswerden* или *Fritz schält das Flugzeug*. Они имеют строго буквальное значение в указанном смысле, но не имеют значения, которое возможно было бы использовать в целях языкового понимания, поскольку нет иллокутивной цели, которая была бы достигнута их произнесением. В свете Грайсовой теории такие речевые действия не имеют смысла и представляют собой холостой вербальный ход. Заключение, вытекающие их приведенных рассуждений: если предложение не имеет интенции и не может служить формой совершения иллокутивного акта (по

Виттгенштейну, не может совершить ход в шахматной игре), то оно не имеет языкового значения (и, следовательно, смысла при реализации в речи) и является предложением только по определению[4].

Обязательной характеристикой смысла является **индивидуальность, субъективность смысла**. Смысл создается конкретным человеком на основе его личностного опыта, в нем выражается личное отношение говорящего к содержанию высказывания и к партнеру, его переживания "в контексте индивидуального сознания, в связи с мотивами и целями, определяющими речь, индивидуальное назначение или смысл, отражающее личное отношение говорящего – не только его знания, но и его переживания в том неразрывном единстве и взаимопроникновении, в котором они даны в сознании индивида" [Рубинштейн 2000: 46]. .Компоненты смысла высказывания, актуализируемого разными лексемами, как правило, не реализуют некое абстрактное системное значение, а фиксируют актуальные субъективные смыслы с помощью конвенциональных единиц.

Следующая характерная особенность смысла - его **аффективность**, и это утверждение было в свое время сродни открытию Коперника: в строгом смысле слова не может быть рационального познания, то есть познания, находящегося только под влиянием логики рассудка, поскольку каждое событие сознания сопровождается чувствами... Без чувств не может быть мышления. Все остальное есть языковая абстракция. Но даже она при ее реализации окружается чувствами [Juchem 1998: 151]. Аффективная организация смыслового целого способствует впитыванию информации, освоению речевой

---

[4] Языковое значение предложения есть его конвенциональное значение: оно измеряется тем, какие иллокутивные акты в соответствии с конвенцией могут быть совершены при помощи этого предложения. Хорошим примером «укрощения» бессмысленной фразы и приведение ее в соответствие с ситуацией, где она вполне адекватно может быть интерпретирована, является контекстуальная обработка упомянутого выше искусственного предложения в переводе на русский язык «Бесцветные идеи яростно спят», ставшей своеобразным знаменем целого лингвистического направления. Контекст, придуманный И.И. Ревзиным, «переварил» абсурдность этой фразы:

Идея яростно спит,
Ворочается во сне.
Идея в висках стучит,
Нашептывая мне.

Этот пример доказывает, что контекст обладает способностью обрабатывать, переваривать любую, даже самую странную фразу. Но еще раз подчеркнем, что такая обработка неконвенциональна.

и социальной среды. Понятно, что эта особенность смысла имеет часто чрезвычайно важный фоновый характер (общее ощущение говорящим комфорта или дискомфорта, покоя или смутной тревоги), но в экстремальных ситуациях она может выйти на первый план и стать самостоятельным смыслообразующим элементом.

Наконец, исключительно важный для нас признак - **подвижность смысла**. Об этой характеристике писал "Моцарт психологии" Л. С. Выготский "Смысл - динамическое, текучее, сложное образование, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Смыслы способны оказывать влияние друг на друга... Они как бы вливаются друг в друга, сливаются, влияют друг на друга таким образом, что предшествующее может содержаться в последующем или – наоборот – последующее может кардинально изменить смысл предыдущего [Выготский 2003: 1007]. Это мнение является, по сути, обоснованием теории автора настоящего изложения о существовании набора элементарных (атомарных) смыслов, присущих каждому высказыванию. Но об этом чуть позже.

Таким образом, смысл многолик. Он представляет собой ментальное образование, базирующееся на значениях элементов (слов, синтаксических структур), составляющих высказывание, но не обязательно складывающееся из них, имеющее интенциональную направленность, динамично разворачивающееся на фоне индивидуальных аффективных переживаний. Контекст и речевая ситуация в психологическом настоящем ("здесь и сейчас"), прагматическая компетентность участников коммуникации, а также внимание и память как сквозные психические функции обеспечивают актуальные условия для выражения смысла. Примем это рабочее определение за основу наших дальнейших рассуждений.

Теперь время перейти к нашей идее – идее представлении смысла высказывания как некой слойной сущности. Эта идея не нова, к ней обращались многие ученые, по разному обозначая смысловые элементы (функции языка у Якобсона [Jakobson 1963: 157-158], аспекты значения у В.Д. Адмони [Admoni 1966: 229-255], виды информации у А.В. Бондарко [Бондарко

1976: 13-14], макрокомпоненты у В.Н. Телия [Телия 1991: 40-41][5], компоненты смысла у С.А. Васильева [Васильев 1988: 98], уровни опыта у Г.Л. Тульчинского [Тульчинский 1995: 51], виды значения у А. Кеммерлинга [Kemmerling 1997: 193], атомарные смыслы у В.Б. Кашкина [Кашкин 2001: 4] и др.). Опираясь на фундамент накопленного знания, мы постулируем следующее: смысл знака (высказывания) – величина вариативная, конституируемая в каждом конкретном случае употребления знака в соответствии с актуальным языковым и внеязыковым контекстом из достаточно жестко заданного набора неравносильных атомарных смыслов, универсальных для всех людей. Общий смысловой континуум определяется доминированием в нем того или иного элементарного смысла. При этом определяющая позиция одного из смысловых компонентов ни в коем случае не означает элиминирование, непредставленность других. Все элементы смыслового континуума всегда «просвечивают» в нем, образуя многосоставную иерархическую совокупность. В зависимости от разных обстоятельств, те или иные из элементов выступают на передний план, являясь решающей силой интеграции смысла в данный момент, в то время как другие отодвигаются, проглядывая лишь в более или менее отдаленной перспективе.

Таким образом, не подвергается сомнению многочастная сущность феномена смысл, вопрос в том, каковы составляющие смыслового континуума, те самые атомарные смыслы? В результате анализа семантической структуры большого количества высказываний нами был выявлен упорядоченный некоторым образом набор компонентов, каждый из которых имеет свою структуру и особенности реализации, зависящие от прагматической ситуации. Назовем их в простой и схематичной последовательности, отвлекаясь от их характеристики и не учитывая упорядоченности и взаимодействия компонентов.

[5] См. более подробно в [Трофимова 2010: 27-28].

Пропозиция (пропозициональный смысл)[6] – элементарный смысл высказывания, его своеобразный фундамент. Пропозиция формулирует определенное положение дел в возможном мире. Различное пропозициональное содержание реализуется в различных синтаксических структурах и имеет особенности лексического наполнения, то есть мы говорим о тривиальном факте лексико-грамматической оформленности высказывания.

Содержание пропозиции регулируется определенными языковыми правилами, каждый из элементов сопряжен с другими, но при этом смысловая целостность высказывания не только не сводится к простой сумме слов, она обладает системной новизной по отношению к составляющим ее лексемам.

Интенция (интенциональный смысл): Всякий речевой акт производится говорящим с определенным намерением воздействовать на слушающего в желательном направлении. Существенной частью смысла высказывания, дополняющей его пропозициональное содержание, является, таким образом, более или менее сложный интенциональный комплекс, включающий в себя информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в языковой структуре. Этот комплекс мы и имеем в виду, когда говорим об интенциональном компоненте смысла высказывания.

В категории косвенных высказываний эта интенциональная иерархия еще более сложна: подразумеваемая – основная – интенция, выводимая путем некоторых умозаключений, накладывается на другую, буквально выраженную, включаются во взаимодействие нюансы скрытого смысла.

Единство пропозиции и интенции – диада смыслов, всегда выступающих вместе, образующих своего рода фундамент целостного смысла высказывания, его базис, на который надстраивается следующий обязательный компонент, который мы называем **психическим состоянием**. Этот компонент, в свою

---

[6] Подробный анализ сути пропозиционального содержания высказывания см., например, в [Арутюнова 1976].

очередь, имеет сложносоставной характер и делится на оценочную, эмотивную и реляционную составляющие.

Оценка (оценочный смысл) присутствует как компонент смысла в высказываниях всегда. М.М. Бахтин писал в свое время: «Всякое слово, реально сказанное, обладает не только темою и значением, в предметном, содержательном смысле этих слов, но и оценкой. … Без ценностного акцента нет слова» [Бахтин 1993: 114]. Действительно, осваивая мир, человек выражает свое отношение к окружающей действительности (субъектам, предметам, качествам, действиям) и в его сознании актуализируется их ценность, в результате чего предмет мыслей получает ту или иную оценку в зависимости от отношения к нему индивида. При этом понятие ценности касается не только положительной, но и отрицательной, а также нулевой значимости [см. об этом: Ивин 1970]. Наиболее полная характеристика семантики, структуры и особенностей функционирования оценки дана в фундаментальных и потому наиболее часто цитируемых работах Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюновой [Вольф 1985; Арутюнова 1999]. Среди категорий, рассматриваемых в данных работах, наиболее важными и имеющими отношение к настоящему исследованию являются объективный и субъективный факторы в оценке, общая и частная, рациональная и эмоциональная оценки, аффективность и интенсификация оценки.

Субъективная оценка определяется исследователями как положительное или отрицательное отношение говорящего к ее объекту (выделяется по принципу «нравится/не нравится»), а объективная оценка – как компонент, ориентированный на собственные свойства предметов или явлений – основания оценки. Общая оценка располагается в зоне «хорошо/плохо» и выражается, например, общеоценочными прилагательными *gut, toll, großartig, fantastisch, schlecht, mies, fürchterlich* и др.. Значение частной, субъективной оценки является альтернативой общей, объективной оценки. Оценка может сочетать в себе оба – объективный и субъективный – факторы: в случае, если

субъективное отношение говорящего к оцениваемому объекту (нравится/не нравится) совпадает с объективной квалификацией последнего.

Эмоции (эмоциональный смысл): Выражение оценки, особенно индивидуальной, как правило, является эмоциональным, поскольку человек есть психосоциальное существо. Отправители и получатели высказываний, выступая в качестве «персонажей иллокутивной игры», оказываются в первую очередь носителями эмоций, возникающих, если оценка касается их интересов: "По-видимому, в реальных процессах деятельности и во вплетенных в нее механизмах межличностного восприятия и самовосприятия «холодные» попытки объяснения и понимания имеют меньшее значение, чем «горячие» акты оценок и переживаний. Чем сильнее эти интересы затронуты, тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата" [Эткинд 1981: 107]. Важно отметить, что эмоциональный смысл двунаправлен: вовнутрь (самовыражение говорящего) и в окружающий мир (его эмоциональная оценка). Эмоциональное отношение, выражаемое к обозначаемому предмету действительности, соотносится в первую очередь с чувствами-отношениями типа «презрение», «пренебрежение», «порицание» или «восторг», «восхищение» и т.п. Набор выражаемых чувств предельно ограничен исходными базовыми эмоциями, варьируемыми в полюсах одобрения / неодобрения.

Эмоции являются имманентной сущностью человека, имеющего волю, желание. Они представляют собой неявное в смысле – неманифестируемые, скрытые компоненты смысла, о которых слушающий может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах. Одним из таких скрытых компонентов является эмотивное отношение говорящего к адресату – **реляционный компонент** смысла, который необходимо присутствует в любом высказывании. Он не-нейтрален: во всех речевых актах говорящий руководствуется наличием или отсутствием почтения, уважения к адресату, теплым, интимным отношением к нему либо полным или частичным

его неприятием: говорящий показывает партнерам, какую позицию по отношению к ним он занимает и как он намерен с ними общаться.

Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки целостного смысла «прослаивает» **модальный смысл**, который, с одной стороны, модифицирует логическое содержание высказывания (объективная и ситуативная модальности), с другой стороны, является частью «надстроечной», эмотивной части модели смысла (субъективная модальность).

Говоря о многомерности смысла, нельзя забывать и такой его аспект, как ситуативный, **окказиональный смысл**, создаваемый отдельными элементами высказывания, присоединяющими в дискурсе уникальные смысловые компоненты, отсутствующие у этих элементов в изолированном виде. Такие смыслы называют коннотативными – имеющими место при выражении субъектом своего отношения к предмету речи, или неинтенциональными, возникающими помимо воли автора уже в процессе восприятия высказывания.

Все названные компоненты целостного смысла высказывания – пропозиция, интенция, оценка, эмоции, отношение говорящего к адресату, окказиональные смыслы – обрамляет **прагматическая компетенция,** определяющая выбор языковых форм, соответствующих ситуации общения. Она характеризуется осведомленностью говорящего о положении дел в целом — об участниках и их ролях в обозначаемом событии, о презумптивных сведениях слушающего, о его социально-ролевом статусе и т.д. и т.п. Благодаря прагматической компетенции говорящего (его умению определить уместность/неуместность знака в тех или иных условиях общения) ему удается избежать прагматических неудач: правильная оценка ситуации приводит к правильному выбору стратегии речевого акта, что вызвает у партнера адекватную (ожидаемую) реакцию.

Таков состав компонентов смысла высказывания в схематическом его отображении. Теперь вопрос, логичен возникающий при таком рассмотрении: как эксплицируется смысл высказывания, коль скоро он нетождественен языковому предложению? Для этой цели язык развил определенную систему

средств – операторов порождения и модификации смысла, под которыми мы понимаем все те элементы языковой системы, которые служат актуализации того или иного компонента смысла высказывания. Знание этих "кодовых ключей" открывает адресату путь для понимания интенции говорящего и адекватной интерпретации всех актуализированных в речевом акте элементарных смыслов. Все многообразие маркеров смысла мы классифицируем на основании критерия функциональной доминантности оператора при формировании определенного смыслового слоя, в соответствии с которым выделяются следующие группы:

– операторы порождения пропозиционального смысла (программы семантической согласованности, лексической сочетаемости, синтаксического управления компонентов высказывания),

– операторы порождения интенционального смысла (перформативные глаголы и перформативные формулы, коммуникативные типы предложения, речевые стратегии косвенного выражения интенции) и его модальной модификации (модальные глаголы, частицы и слова),

– операторы порождения эмотивного смысла (эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов).

Все языковые средства выражения атомарных смыслов различаются по степени интенсивности выражаемых эмоций и квалификаций. Важно заметить, что операторы всегда действуют в совокупности, их собственные возможности при порождении элементарных смыслов ограничены. Только одновременное функционирование «пучка» операторов способно создать необходимую конфигурацию смысловых компонентов.

Очень существенна категория косвенных высказываний при выражении отдельных атомарных смыслов смыслов, завуалированное выражение основного коммуникативного намерения или изменение референтной отнесенности позволяет выразить еще целую гамму окказиональных смыслов, отсутствующих в высказывании в изолированном виде или превращающиеся в

недискретные, явные и, следовательно, не всегда приемлемые при прямом способе выражения.

Определение конечного количества операторов порождения и модификации смысла не предполагает ограничение и регламентирование их роли в процессе формирования смысла, фиксирование степени их значимости. Очевидно, что каким бы незначительным, случайным и «внешним» ни казался какой-либо языковой элемент сам по себе, его взаимодействие с другими элементами именно в данном речевом фрагменте может иметь существенные последствия, заставляющие признать в этом элементе одного из (бесчисленных) «истинных героев» (по выражению Р. Якобсона) разыгрывающегося в нашем сознании смыслового действия.

Второй вопрос касается расположения смысловых компонентов в рамках высказывания. Ответ на этот вопрос читатель найдет на страницах следующих глав, посвященных анализу формирования смысла в высказываниях, реализующих экспрессивные речевые акты, определению которых посвящен следующий раздел.

1.2. Экспрессивные речевые акты

Взяв за отправную точку идею многомерности феномена смысла, мы предпринимаем попытку ее развития в приложении к конкретным высказываниям. В качестве объекта исследования избраны экспрессивные речевые акты, комплексный анализ которых позволяет решить задачи выделения «слагаемых» смысла и их актуализаторов, определения правил взаимодействия частных смыслов и степень актуальности каждого из них в том или ином виде речевого акта, а также выяснения механизмов интерпретации адресатом всего комплекса смысловых нюансов.

Впервые на существование отдельного класса экспрессивных речевых действий заявили в наилучших на сегодняшний день и наиболее полно отвечающих задачам анализа речевых актов классификациях Дж. Остин и Дж. Серль.

Дж. Остин [Остин 1986], определяя тип речевого акта по значению перформативного глагола-сказуемого, не выделяет класс экспрессивных высказываний как таковой, однако некоторые типы экспрессивов входят у него в состав таких классов, как комиссивы (высказывания обязательства и угрозы), бехабитивы – реакции на поведение других людей (поздравления, извинения). Сюда же Дж. Остин относит и выражение отношений к чьим-то прошлым или предстоящим соглашениям.

Представление Дж. Остина, что классификация иллокутивных глаголов есть тем самым классификация иллокутивных актов и любые два несинонимичных глагола должны обозначать различные иллокутивные акты, справедливо критиковал последователь и продолжатель Остина Дж. Серль, считавший, что понятия иллокутивных актов и иллокутивных глаголов нельзя считать синонимами. Развивая теорию предшественника, Дж. Серль предложил собственную классификацию актов речи[7] [Серль 1986б], в которой интересующие нас речевые действия попадают в группу экспрессивов. По мнению Дж. Серля, иллокутивная цель экспрессивов, к которым он относит благодарность, поздравление, извинение, соболезнование, сожаление, приветствие, состоит в том, «чтобы выразить психическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [Серль 1986б: 183]. Он подчеркивает, что экспрессивы, возможно, являются единственным классом высказываний, для которого установления соответствия между словами и реальным миром не имеет значения. Говорящий не пытается «подогнать» мир к словам или слова к реальному миру. Таким образом, когда он извиняется, например, за то, что наступил на ногу, его целью не является объявить, что на ногу наступили… [Серль 1986а: 183].

[7] Основой для выделения главных классов речевых актов у Серля являются следующие критерии: иллокутивная цель, направление приспособления (от слова к реальности или от реальности к слову) и выраженное психологическое состояние (убеждение, желание, сожаление и т.д.), или условие искренности. В результате применения данных критериев Дж. Серль выделяет пять классов (или базисных категорий) речевых актов.

Поскольку классификация, предложенная Дж. Серлем, а затем усовершенствованная в его последующих исследованиях [Серль, Вандервекен 1986], получила широкое применение в работах до лингвистической прагматике, то и название класса экспрессивы является в наше время наиболее распространенным в специальной литературе. С другой стороны, вопрос о выделении класса экспрессивов относится сегодня к числу наиболее дискуссионных. Во многих классификациях западных лингвистов понятие экспрессивов не встречается, они распределяются исследователями по разным классам – репрезентативам, регулятивам и универсалиям [Habermas 1981], обязательствам и актам, отражающим отношения между говорящим и слушающим [Fraser 1975: 192], комиссивам и сатисфактивам [Wunderlich 1976: 77]. Существование самостоятельного класса экспрессивов не признается в системе К. Баха и Р. Харниша [Bach, Harnish 1980: 41], его нет и в таксономии Дж. Лича [Leech 1983: 103]. Е. Вейганд [Weigand 1985] рассматривает экспрессивы как речевые акты выражения чувств *(Wie herrlich ist es hier!)*. Автор считает, что такие речевые акты (вслед за Р. Якобсоном [Jakobson 1960: 354] она называет их эмотивами) не могут образовывать собственного фундаментального класса, поскольку они выражают, как правило, очевидное положение вещей. Решающим является, однако, эмоциональное волнение, которое определяет форму высказывания и принципиально отделяет экспрессивы от эмоционально нейтральных констативов. Серлевы экспрессивные речевые акты Е. Вейганд относит к подклассу декларативов; для них, по ее мнению, выражение чувств не является конститутивным, они не выполняют условие искренности, в результате чего они превращаются в рутинные, рудиментарные, «пустые фразы», лишенные смыслового содержания, выполняющие лишь функцию создания или поддержания отношений.

Лишь немногие исследователи включают экспрессивы как единый класс в свои типологии. К наиболее известным приверженцам точки зрения о самодостаточности экспрессивов относятся Т. Баллмер и В. Бренненштуль

[Ballmer, Brennenstuhl 1981], правомерность выделения отдельного класса экспрессивов четко обосновывается также в иллокутивной грамматике Ф. Лидтке [Liedtke 1998]. Класс экспрессивов и его состав уточняется и описывается в работах А Вежбицка и Л. Писарек [Вежбицка 1996; Писарек 1995]. Важной чертой их классификаций является сопоставление иллокутивного класса с психическим состоянием говорящего, а иллокутивного предиката – с предикатом пропозициональной установки, что совершенно логично: «для нормального осуществления того или иного иллокутивного акта говорящий должен находиться в соответствующем психологическом состоянии: для утверждения чего-либо говорящий должен верить в то, что утверждаемое им есть правда, если говорящий побуждает адресата сделать что-то, то он должен желать этого» [Богданов 1990: 45-46].

Нет единства мнений при классификации речевых актов и в отечественной лингвистике. Н.И. Формановкая, например, сомневается в целесообразности выделения экспрессивов как класса, считая экспрессивность функциональным свойством любого речевого акта быть особо выразительным, с усиленным, подчеркнутым, выделенным значением [Формановская 2005]. Другие исследователи признают существование экспрессивных речевых актов, но «разводят» отдельные представители Серлевых экспрессивов по разным классам: например, перформативов (поздравления, приветствия, извинения) и менасивов (угрозы) [Почепцов 1981]; речевых ритуалов, признаний, одобрения, прощения и специализированных актов отчуждения [Апресян 1986: 216]; непобуждающих иллокутивных актов (выражающих внутреннее психическое состояние говорящего), и ассертивов (психически невыражающих актов) [Богданов 1990: 53-54].

Терминологическое разнообразие в определении данного класса речевых действий связано еще и с тем, что предложенный Остином термин бехабитив по-разному переводился на русский язык: формулы социального этикета, обычно выражающие реакцию на поведение других людей [Арутюнова 2003: 48], этикетные высказывания, глаголы этикетного поведения [Вежбицка 1985:

269]. Поскольку экспрессивные речевые действия действительно обусловлены общественными конвенциями и являются как бы социальными ритуалами, то в лингвистической литературе о них говорится, между прочим, как о ритуальных речевых актах [Вольф 2006], конвенционально-этикетных формулах [Золотова 1986: 506], формулах речевого этикета [Формановская 1984: 11], этикетных речевых актах [Поспелова 1992: 72], социальных речевых актах [Рябцева 1992: 61], этикетных действиях [Карасик 1991: 45], неинформативных речевых актах [Гак 1987: 37]; актах речевых ритуалов и этикета [Гловинская 1993].

Как бы ни были названы речевые действия, отнесенные в стандартной теории речевых актов к группе экспрессивов, они выделяются на основе общности их иллокутивной цели, состоящую в выражении чувств и психологических установок относительно положения дел, выраженного в пропозиции [Серль, Вандервекен 1986: 253].

В литературе обращается также внимание на то, что экспрессивы связаны между собой общностью перлокутивного эффекта, вытекающего из их функции. Эта перлокутивная цель, согласно мнению некоторых исследователей, состоит в том, чтобы расположить адресата к говорящему, вызвать по отношению к говорящему положительную реакцию собеседника[8]. Поэтому данные действия называются также актами, регулирующими межличностные отношения [Сусов 1988: 11; Шиленко 1988: 117-118].

Самую общую суть экспрессивного речевого акта можно сформулировать следующим образом: говорящий искренне и с экспрессией произносит некоторое высказывание в присутствии адресата, выражая некое пропозициональное содержание, относящееся к адресату (которое касается адресата или за которое адресат несет ответственность).

<u>Вводным (предварительным) условием</u> успешности экспрессивов является условие, что говорящий, произнося высказывание и выражая через него некоторое суждение, манифестирует эмоциональное состояние или

[8] Сказанное касается речевых актов, выделяемых Дж. Серлем. Мы включаем в состав экспрессивов оценочные речевые акты, целью которых не всегда является положительная реакция собеседника (в некоторых случаях даже наоборот), но в любом случае это реакция, регулирование отношений.

эмоциональное отношение. Экспрессивный речевой акт должен быть произведен самим говорящим и не может касаться еще не произошедшего события[9].

Произнося высказывание, говорящий выражает пропозициональное содержание, значение которого таково, что, если выражение пропозиции правдиво в отношении объекта или субъекта, то оно правдиво, т.е. имеет смысл, и по отношению к. самому факту выражения пропозиции с экспрессией. Это условие можно назвать условием пропозиционального содержания.

Следующее (существенное) условие зависит от положительной или отрицательной заряженности экспрессивных высказываний, т.е. от того, заинтересован или не заинтересован слушающий в произнесении говорящим высказывания, которое выражает определенное пропозициональное содержание. Определим это условие так: Адресат предпочел бы, чтобы говорящий произвел определенное действие или произнес определенное высказывание, тому, что говорящий не произвел бы это действие или не произнес бы это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий сделал действие или произнес высказывание, тому, что говорящий не сделал бы действие или не произнес бы высказывание. И наоборот для отрицательно заряженных экспрессивов: Адресат предпочел бы, чтобы говорящий не произвел определенное действие или не произнес определенное высказывание, тому, что говорящий произвел это действие или произнес это высказывание, и говорящий верит, что адресат предпочел бы, чтобы говорящий не выполнил действие или не произнес высказывание, тому, что говорящий выполнил действие или произнес высказывание. Угроза, например, дефектна, если ее выполнение желательно для того, кому она направлена. Она еще более дефектна, если угрожающий не верит в то, что тот, кому она направлена, не желает ее осуществления. Так же дефектно будет извинение, если тот, кто его произносит, не имеет какой-либо вины перед тем,

[9] Возражая Дж. Серлю, мы утверждаем возможность проспективного произнесения экспрессивных речевых актов, например, пожелание касается, как правило, несуществующего положения дел, наступление которого желается говорящим. Часто встречается также проспективное извинение, извинение «впрок», касающееся действия, еще не совершенного, но предполагаемого.

кому он направляет свое извинение. Следовательно, необходима какая-то ситуация или условие, которые давали бы говорящему основания для осуществления экспрессивного речевого акта.

Обязательным является условие искренности: говорящий искренен при произведении действия или произнесении высказывания, выражающего пропозициональное содержание. Различие между искренним и неискренним экспрессивами заключается в том, что в случае неискреннего экспрессива говорящий не испытывает манифестируемого высказыванием психического состояния, он не намерен выполнить то, что выражает пропозиция. В искреннем экспрессивном высказывании говорящий произносит высказывание, испытывая заявляемое психическое состояние и имея намерение выполнять действие, выражаемое пропозицией. Ситуация произнесения искреннего экспрессивного высказывания такова, что она вынуждает говорящего произносить свое высказывание с экспрессией. Успешность экспрессива во многом зависит от того, с достаточной ли степенью выразительности говорящий осуществляет произнесение такого высказывания.

Сказанное свидетельствует о том, что условие искренности имеет при реализации экспрессивных речевых актов особенные характеристики. Можно утверждать, что экспрессивы имеют не общее, а вариативное, меняющееся в каждом конкретном речевом акте условие искренности [Vanderveken 1990: 127]. Выражаемое экспрессивом состояние или отношение (как правило, оно эмоционально) и есть его условие искренности. Исполняется ли это условие искренности, это другой вопрос.

Существование высказываний, не исполняющих условие искренности, при произнесении которых говорящий не испытывает выражаемого ими психического состояния, дает повод некоторым лингвистам не относить конвенциональные речевые акты благодарности, извинения, поздравления, пожелания и т.п. к экспрессивам. Н.И. Формановская, например, разграничивает эмотивные и этикетные речевые акты, выражающие разные, по ее мнению, целеполагания говорящего и разные перлокутивные ожидания:

эмотивные речевые акты (например, инвективы), полагает Н.И. Формановская, реализуют различные способы непосредственного выражения эмоциональных состояний, а этикетные речевые акты (благодарность, извинение и т.п.) – «социально заданные регулирующие правила речевого поведения в зоне кооперативности» и имеют, следовательно, облигаторную положительную оценочность [Формановская 2005: 112].

На наш взгляд, неправомерно отделять искренние речевые акты от неискренних и рассматривать их в рамках разных категорий: В нашем анализе мы исходим из того, что исходными, инвариантными (прототипными[10]) являются высказывания, отвечающие условию искренности. Однако в связи с повторяемостью, стереотипизацией ситуаций в отдельных случаях они превращаются в формулы, за которыми действительно не стоит выражение сильных эмоций, которые произносятся машинально, потому что «так принято». Мы рассматриваем их как варианты искренних экспрессивов – как клишированные, конвенциональные речевые акты. Такой подход представляется нам единственно верным, поскольку он дает нам возможность описания класса речевых актов как такового, выражаемого ими содержания. При таком понимании мы можем определить, насколько нейтрализовано первичное прототипное значение, какое дополнительное значение реализует высказывание, в каком соотношении они находятся между собой.

Состав класса экспрессивов

Сказанное выше показывает, что в лингвистической литературе нет общепринятого, однозначного определения границ данного типа речевых действий. Это вызвано не только разными исходными позициями авторов, но и разнородностью самих экспрессивных актов (выражение чувств и отношений). Действительно, начиная с пионерских работ Дж. Остина и Дж. Серля, к данному типу относятся не одни и те же действия. Так, например, Дж. Остин,

[10] Под прототипом мы понимаем «наиболее репрезентативный вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью, способностью к воздействию на производные варианты и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [Бондарко 2001]. Проще говоря, прототип – это эталонный репрезентант (эталонный вариант) определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов).

кроме типичных актов выражения положительного отношения говорящего к адресату *(приветствия, благодарности, извинения* и т.п.), относит к бехабитивам (экспрессивам) также вызовы на состязание, дуэль и т.п. и выражения негативного отношения говорящего к чьим-либо поступкам, представленного глаголами: *негодовать, резко возражать, обвинять, жаловаться, протестовать, оспаривать* и т.п. [Остин 1986: 119, 126]. Дж. Серль первоначально ограничивает класс экспрессивов образцовыми глаголами: *благодарить, поздравлять, извиняться, соболезновать, сожалеть, приветствовать* [Серль 1986б: 183]. Позднее он добавляет к классу экспрессивов еще глаголы *хвалить* и *говорить комплименты* [Серль, Вандервекен 1986: 225], и экспрессивы трактуются им уже как речевые акты, имеющие целью выражение положительных чувств говорящего относительно какого-либо положения дел (события).

Сравнение состава класса экспрессивов в рассмотрении других – отечественных и зарубежных – лингвистов (обзор представлен в сводной таблице) показывает безусловность отнесения к нему только речевых актов благодарности, извинения, поздравления, соболезнования, отчасти пожелания и прощания Перечень остальных речевых актов – всего их насчитывается более тридцати – варьируется в самых широких пределах, основание чему кроется в избрании отличных друг от друга критериев и следующей из этого степени дробности классификаций[11].

---

[11] Некоторые авторы объединяют рассматриваемые речевые акты в одну группу как «остаточные» единицы, не подпадающие под какие-либо общие критерии классификации. Например, А. Вежбицка, анализируя группу бехабитивов, к которым она относит *приветствия, соболезнования, поздравления, благодарности, извинения, благословления, проклятия, пожелания,* утверждает, что эти выражения не составляют какую-либо конкретную семантическую категорию [Вежбицка 1985: 265]. Отсутствие критериев классификации и, следовательно, неопределенность оснований объединения в один тип, с одной стороны, актов экспрессивного характера *(поздравлять, благодарить, соболезновать* и т.д.), и *вопросов, протестов, согласия* и т.д., с другой стороны, характеризует типологию Фрейзера [Fraser 1975: 192].

Состав класса экспрессивных речевых актов в классификациях отечественных и зарубежных авторов

	Фрейзер	Норрик	Мартен-Клиф	Рольф	Вежбицка	Еемерен и др.	Буля, Новацка	Писарек	Апресян	Гловинская	Богданов	Труфанова	Поспелова	Шиленко
благодарность	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
извинение	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+
соболезнование	+	+	+	+	+	+			+		+	+	+	+
сожаление						+						+		
сочувствие			+									+		
пожелание			+	+	+			+	+	+			+	
тост												+	+	
благословение					+							+		
проклятие				+		+								
поздравление		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
порицание		+		+										
упрек, обвинен.			+	+								+		
критика			+									+		
жалоба		+	+	+							+			
причитание			+								+			
нанес. обиды				+			+							
насмешка			+	+										
брань, оскорбл.			+	+			+							
похвала				+							+	+		+
хвастовство		+		+										
комплимент			+	+										
лесть							+							+
приглашение										+				
приветствие		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
прощание		+		+				+	+	+		+	+	
представление										+				
передача приветов							+							
выр. опасения, озабоченности			+											
выр. надежды			+											
выражение одобр./неодобр.												+		
выражение эмоций [12]			+	+		+						+		+

Обзор показывает, что экспрессивы в классификациях разных авторов включают акты, целесообразность выделения которых возможна только в рамках

[12] Выражение расположения, восхищения, триумфа, радости, ликования, гнева, негодования, разочарования.

специфического анализа, как, например, при критерии выражения чувств в классификации С. Мартен-Клиф. В целях общего анализа возможным и правильным, на наш взгляд, было бы объединение на основе общей семантики и прагматики в единый подкласс сожаления актов соболезнования и сочувствия, в подкласс порицания – актов упрека, обвинения, критики, жалобы. Тосты, благословения, проклятья логично было бы объединить в подкласс пожеланий, а нанесение обиды, брань и оскорбления – в подкласс инвективных речевых актов. Самопохвалу (хвастовство) следовало бы рассматривать как разновидность похвалы. Включение приглашения, передачи приветов, представления в класс речевых актов кажется нам сомнительным, поскольку, на наш взгляд, в них значительно больше директивности и декларативности, чем выражения психического состояния. Единичность введения в состав экспрессивов специфицированных речевых актов (как, например, акт пожелания удачи у Ю.Д. Апресяна [Апресян 1986: 210], приглашения и представления как формы этикетного поведения) в классификации М.Я. Гловинской [Гловинская 1993: 210-212], принятия благодарности и извинения в работе А.Г. Поспеловой [Поспелова 1992: 74]) доказывает нецелесообразность представления их как отдельных подклассов экспрессивов и рациональность отнесения их в одну из более «реальных» групп.

Разделяются мнения и в отношении речевых актов оценки (как комплимент, похвала, лесть, порицание, оскорбление и под.), которые многими исследователями предлагается выделить их либо в особый класс, либо причислить их к ассертивам[13] [Поспелова 1992: 71]. Другая группа авторов представляет противоположное мнение, считая, что оценочные речевые акты должны быть отнесены к классу экспрессивов, поскольку последние представляют собой «частный случай» оценочных речевых актов [Вольф 2006:

---

[13] А.Г. Поспелова [1988: 53-57] считает, что в примерах как *Молодец!* представлена иллокутивная сила констатации, так как в них выражается мнение об объекте оценки, а эмоционально-оценочная функция является дополнительной. При таком подходе речевые акты упрека, одобрения, неодобрения, похвалы, лести, носящие оценочный характер, попадают в класс ассертивов, вернее в его подкласс констатации. В данном случае за счет оценочных актов расширяется подкласс констатации. Причем иллокутивный компонент констатации ослабляется, а на первый план выдвигается эмоционально-оценочный компонент, считает автор.

166] и их объединяет общность перлокутивного эффекта (оказать «эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова» [там же: 167]) и интенции – выразить чувства (положительные или отрицательные) говорящего по отношению к адресату. Мы солидарны с этой точкой зрения, которой придерживаются Н.Р. Норрик, С. Мартен-Клиф, Е. Рольф, Д. Буля, Я. Навацка, Е.М. Вольф, И.В. Труфанова [Norrick 1978; Marten-Cleef 1991; Bula, Nawacka 1983; Вольф 2006; Труфанова 2000], и считаем естественным определение этих речевых актов оценки и эмоционального воздействия в группу экспрессивов – как актов, выражающих рациональную оценку, пропущенную через эмоциональную сферу психики. При этом можно сделать оговорку, что многие из этих актов (похвала, обида, оскорбление) даже «приближаются» к конвенциональным актам в связи с возможностью их ритуализации определенной общественной среде и в определенное время[14].

Учитывая все вышесказанное, мы предлагаем выделять в рамках класса экспрессивов (понимаемого широко) два подкласса речевых актов[15]:

- **социативы** – речевые акты выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, выражаемого в определенных стандартных ситуациях: *приветствие, прощание, извинение, положительное пожелание (тост, благословение), поздравление, благодарность, соболезнование (сожаление, сочувствие*);
- **инфлуктивы** – речевые акты выражения эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение слушающим своих социальных и межличностных ролей: *похвала, комплимент, лесть, порицание, оскорбление, негативное пожелание*.

---

[14] Вместе с тем нанесение обиды, оскорбления отличается от обычных конвенциональных актов тем, что интенция говорящего не является обязательным условием успешности акта, как и пресуппозиция обиженного (оскорбленного), что говорящий имел такую интенцию. В этом состоит отличие роли адресата в акте оскорбления (нанесения обиды) от роли адресата в других конвенциональных актах [Bula, Nawacka 1983: 38].

[15] Признавая целесообразность выделения подкласса спонтанного выражения эмоций, как это делает Труфанова И.В. [Труфанова 2000], мы рассматриваем их как эмотивное (эмоционально-оценочное) отношение, сопровождающее совершение социативных и инфлуктивных речевых действий.

Эти речевые акты осуществляются с различными целями, в различных условиях, опираются на различные канонические речевые и категориальные ситуации, но объединяются единой интенцией – выразить определенной психическое состояние, вызванное некоторым пропозициональным содержанием, а также единым перлокутивным эффектом – вызвать эмоциональную реакцию партнера. Рамки настоящего исследования не позволяют рассмотреть подробно все речевые акты, входящие в состав каждого из подклассов экспрессивов. Поэтому для анализа отобраны девять из них: извинение, добропожелание, поздравление и благодарность как представители социативов, комплимент, похвала, инвектива, порицание и злопожелание как представители инфлуктивных речевых актов [см. также Трофимова 2008].

* * *

Дальнейшее изложение посвящено анализу формирования смысла экспрессивов, роли отдельных языковых маркеров частных смыслов в этом процессе. Предупреждая возможные вопросы, предварим наши размышления замечанием о том, что комплексность, неоднозначность, многоуровневость процесса порождения смысла определяет и пространность его подробного лингвистического описания. Поэтому мы считаем целесообразным более пристально сосредоточиться на формировании только доминирующих элементарных смыслов, ведь именно они определяют суть и форму речевого акта. Неглавные, периферийные компоненты смысла подчиняются им, выполняют вспомогательную роль, им в анализе отводится второстепенное место. Порождение нетипичных, окказиональных смыслов не может быть подвержено таксономизации и поэтому отдельные случаи их появления будет рассмотрено попутно в соответствующих разделах.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СОЦИАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Небольшая доза вежливости
делает жизнь приятной,
большая облагораживает ее.
Кристиан Боуви

Речевые акты, рассматриваемые в данном разделе, в социологии называют церемониальными действиями, «ритуалами статуса», они содержат элемент «почтения», с помощью которого адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему [Goffmann 1973: 55]. Они соответствуют кодифицированным в обществе правилам поведения, комплекс которых представлен юридическим правом, моралью и этикой, формальные же правила и способы поведения составляют этикет. Осуществить с помощью речи этикетное действие, значит, по Э. Берну, послать партнеру некое социальное «поглаживание». Отсутствие ожидаемых знаков внимания: приветствия, извинения, благодарности и др. – воспринимается болезненно[16].

Ритуал представляет собой предписанный порядок, структуру, которая в символической форме отображает иерархическую и пространственно-временную структуру мира социальной единицы, являющейся носителем ритуала [Монич 2000: 86]. Истоком современного слова «ритуал» является латинское *ritus* со значением сакрально санкционированного порядка проведения религиозной службы или празднества. Это значение оказывается в дальнейшем парадигматическим для европейской культуры, закрепляясь в языке к XVI – XVII вв. и отчетливо соотносясь уже с христианским культом. Позднее, приблизительно с конца XIX века слову “ritual”, наряду с сохраняющимся и цементирующим семантическое поле религиозным, все более и более активно придается и бытовое, сниженное значение. «Ritual»

[16] Это тот случай, который Х. Хаферланд [Haferland 1996: 18] называет «элементарной вежливостью»: Элементарная вежливость предполагает привычные формы поведения и ритуалы. Она определена традициями и обычаями и разумеется сама собой. О ней вспоминают только тогда, когда она отсутствует, и в этом случае говорят о крайней невежливости. Нарушением правил элементарной вежливости считается, например, отсутствие ответа на приветствие.

трактуется как выполняемое с особой тщательностью действие, главные побудительные мотивы которого определяются не практической пользой (с практической точки зрения оно может выглядеть абсолютно бессмысленным), но высшими, символическими ценностями, стоящими над реальностью быта.

В семантической близости с «ритуалом» находится слово “церемония”. которое после Реформации связывалось в языковом сознании прежде всего с внешним (поэтому излишним и бессмысленным) помпезным ритуальным действием, выставленной на общее обозрение роскошью католической церкви. Примерно в конце 16 века под влиянием фр. *cérémonie* это слово получило обобщающее значение и стало использоваться для называния торжественных мероприятий, проходящих по определенным правилам (например, церемония коронации), и затем, в конце 17 века, произошло очередное снижение значения, и слово *Zeremoniell* стало обозначать чопорную формальность, жеманность действий [DWDS: Zeremonie].

Американский социолог Э. Гоффман, исследуя этикетные нормы социального поведения, использует понятие лица – социального образа человека, выражающего систему его позиционирований по отношению к другим лицам. Сохранение традиций, поддерживание стабильного социального порядка осуществляется за счет исполняемых лицами в непосредственном общении «ритуалов-презентаций», которыми член социума подчеркивает принятие им сложившейся социальной иерархии, системы социальных связей и норм, и «ритуалов избегания», дополняющих первые путем обозначения непринятых, нежелательных действий.

Дж. Лич возвел оказание знаков внимания – вежливость – в принцип [Leech 1983: 82] и в наиболее общем виде определил как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Следование этому принципу накладывает определенные требования на поведение членов общества, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением и желаниями. Соблюдение принципа вежливости имеет целью добиться максимальной эффективности

социального взаимодействия за счет «сохранения социального равновесия и дружественных отношений»[17]. В применении к речевой коммуникации принцип вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций, которая реализуется в процессе речи с помощью различных правил и тактических приемов[18]. Обеспечение неконфликтного общения предполагает проявление почтительности (при общении со старшим партнером), галантности (при общении с дамой), корректности (при доскональном соблюдении правил поведения), учтивости и т.д.

П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987] в рамках своей теории вежливости указывают на предположение, что каждый компетентный взрослый член общества имеет лицо как самоуважение, которому (лицу) можно угрожать или заботиться о нем. В общем, следует исходить из того, что партнеры по коммуникации кооперируются в рамках интеракции, чтобы сохранить свое лицо и лицо партнера (сохранение собственного лица зависит и от партнера, поскольку если угрожать лицу другого, то он прибегает к стратегиям, которые ставят под удар позитивную самооценку инициатора разговора, то есть угроза лицу партнера возвращается рикошетом к говорящему).

Наличие церемониальных действий предполагает любая коммуникация, их правила и рамки функционирования зависят от внешних условий и от социальных ролей коммуникантов[19]. Но при этом ритуал исключает альтернативу, поскольку принимающие участие в ритуале вынуждены подчиняться его законам. Для установления межличностных отношений и снятия разночтений в ритальных ситуациях общения используются

---

[17] Как остроумно заметил Дж. Лич, «если ты не будешь вежлив со своим соседом, нарушится канал коммуникации и ты не сможешь больше брать у него косилку для газона» [Leech 1983: 82].

[18] Дж. Лич выделяет шесть таких правил, или, выражаясь его языком, максим: 1) максима такта: «Сводо до минимума усилия других», «Старайся увеличить выгоду для других»; 2) максима великодушия: «Сводо до минимума выгоду для себя», «Бери на себя все усилия»; 3) максима одобрения: «Не хули других»; 4) максима скромности: «Сводо до минимума похвалу в свой адрес», «Хвали других»; 5) максима согласия: «Избегай разногласий», «Стремись к согласию»; 6) максима симпатии: «Будь благожелательным».

[19] Согласно В. В. Богданову общее правило коммуникации с учетом условий и ролей состоит в следующем: «чем меньше знакомы друг с другом коммуниканты, и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализованный характер приобретает это общение» [Богданов 1987:11].

конвенциональные, "стертые" семантические формы (клише, идиомы, шаблоны), характеризующиеся незначимостью собственно вербальной стороны высказывания. Иначе говоря, особенностями ритуальной коммуникации является недостаток информативности, упрощенность содержания, отсутствие новизны, стремление к стандартности и стереотипности.

Ритуальная коммуникация противопоставлена и диалогу как свободному обмену мнениями, и игре, где проявляется свобода самовыражения личности. «Ритуальный язык не может быть языком диалога. Его функция заключается не в выяснении позиции собеседника, а в обозначении того, что положение дел остается прежним, что «все играют в одну игру» и вполне удовлетворены ею. Такая функция языка в точности соответствует функции заклинания в первобытных обществах. Принятие участия в ритуале есть не что иное, как периодическая «клятва на верность» социуму» [Баранов 1997:109].

Приведенная цитата подчеркивает одну из важнейших функций ритуального общения, конститутивную для ритуала не менее, чем его основополагающие характеристики (образцовость, неинформативность, стереотипность, бессодержательность, игровой характер и др.) - поддержание связи с социумом (то самое вербальное "поглаживание" по Э. Берну), подкрепление представления о себе как о члене общества, своих установок, ценностей, мнений и т.д., повышение самооценки и самоуважения. Вторая, не менее важная функция, выполняемая такой формой общения - регулирование интенсивности выражения чувств. Ритуалы предписывают такую степень выражения эмоций, которая не угрожает лицу собеседника. Участие в ритуальном общении предполагает наличие масок (дружелюбная улыбка, расположенность к собеседнику) для повседневной коммуникации и редуцируют тем самым неуверенность и чувство ответственности партнеров в общении. При этом, по большому счету, не важно, совпадают ли чувства, скрываемые маской, с эмоциями, выражаемыми ею. Эта особенность ритуального общения часто оценивается негативно, ему вменяют в вину частое несогласование между внешними поведением и внутренним состоянием

(эмоции, мнения, отношения, мысли) партнеров и, следовательно, формальное исполнение ритуала или даже фарисейство и лживость в отношениях [Knuf/Schmitz 1980: 63]. Такое мнение не лишено оснований, но не следует забывать и о том, что ритуал (как и вежливость, которую он реализует) может быть и фоном для искреннего выражения расположения к адресату. Кроме того, ритуальные действия являются часто незаменимой психологической помощью в общении, они позволяют дистанцироваться от выражения сильных чувств, владеть ими и в случае необходимости преодолевать их (например, в ситуации потери близкого человека или выражения соболезнования партнеру по этому поводу), то есть быть значимой опорой в случае внутренней дезориентации[20].

В нашем рассмотрении мы исходим из того, что говорящий имеет искренние намерения, доброжелательно настроен по отношению к адресату и посредством ритуалов почтительности планирует усилить положительный имидж[21] адресата.

1. РЕЧЕВОЙ АКТ ИЗВИНЕНИЯ

1.1. Извинение как речевой акт. Общая характеристика

Определение извинения. Извинение представляет собой «парадный» пример экспрессивных речевых актов, когда речь идет об

[20] В теории вежливости Х. Хаферланда такое исполнение ритуалов почтительности относится к кодифицированной вежливости, собственно этикету, то есть норме поведения, которая предписывает определенной группе людей, какие действия являются вежливыми, а какие невежливыми. Этот уровень вежливости встречается, прежде всего, в стратифицированных обществах, Там членам определенного слоя общества предписан определенный кодекс поведения. Соответствующее правилам поведение не обязательно является вежливым, но оно считается приличным. Однако нарушение этих конвенционализированных норм поведения считается невежливым [Haferland 1996: 28].

[21] Следуя концепции Э. Гоффманн, исследователи С. Браун и П. Левинсон [Brown, Levinson 1987] используют понятия позитивной и негативной вежливости; позитивная вежливость служит усилению положительного имиджа адресата: говорящий показывает, что желания и личные особенности адресата ему хорошо известны, он с симпатией относится к нему и солидарен с ним, даже если в данной конкретной ситуации и было совершено некоторое действие, умаляющее это впечатление. Демонстрация внимания, комплименты, подчеркивание принадлежности к одной и той же группе, стремление достигнуть согласия и избежать конфликтов, взаимное подчинение и т. п. – примеры проявления позитивной вежливости. Негативная вежливость выражает дистанцированную позицию, то есть подчеркивает независимость личности, ее потребность в неприкосновенной территории, и основана, главным образом, на стратегии избегания, при помощи которой говорящий дает понять адресату, что он, по возможности, не нарушит границ его территории. Негативная вежливость включает сдержанность, официальность и владение собой; все возможные угрозы для авторитета адресата сглаживаются с помощью извинений и перемены темы, модальными частицами, смягчающими и косвенными формами (например, вопрос вместо просьбы) и другими подобными средствами.

обсуждении аспектов «социальный ритуал» и «искренность или неискренность». В концепции С. Браун, П. Левинсон [Brown, Levinson 1987: 68, 187] речевые акты извинения рассматриваются как акты, «подрывающие» лицо говор ящего (извиняющегося) и «укрепляющие» лицо адресата: извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает. Р. Ратмайр, автор уже упоминавшейся монографической работы о речевых актах извинения, возражает этой точке зрения и утверждает, что «извинения за пустяковую оплошность способствуют положительному имиджу не только адресата, но и самого говорящего», поскольку последний, извиняясь за разного рода ненамеренные проступки, проявляет себя как вежливый человек. Однако при наличии весомого повода для извинения просящий извинения все-таки умаляет свой авторитет, признавая свою вину, и возвышает партнера по коммуникации, предоставляя ему в этот момент решить судьбу их дальнейших отношений» [Ратмайр 2001: 22-23].

Дж. Серль рассматривает извинение как стандартный пример экспрессивных речевых актов, оно, по Дж. Серлю, не имеет никакой установки на внешний мир, так как при его произнесении говорящий не пытается «ни привести мир в соответствие со словами, ни привести слова в соответствие с миром» [Searle 1982: 34]. Р. Ратмайр возражает Дж. Серлю, обосновывая свою точку зрения справедливым замечанием о том, что его классификация основана на принятой в английском языке стандартной формуле извинения *sorry*, которая действительно выражает чувства и отношения говорящего. А принятая в немецком языке формула извинения – глагол *entschuldigen* и его синонимы в императиве – заставляет усомниться в названном статусе извинения как экспрессивного речевого акта. Поэтому Р. Ратмайр утверждает, что извинение имеет собственную иллокутивную цель, состоящую в том, чтобы привести мир в соответствие с языком (в результате ущерба, причиненного говорящим, изменился внеязыковой мир, и адресат чувствует себя обиженным; посредством извинения говорящий стремится изменить сложившееся положение), и считает извинения директивными речевыми актами.

Наша точка зрения не совпадает с мнением Р. Ратмайр. Мы считаем, что извинения, представляющие собой оценку действий говорящего, никак не могут быть направлены на изменение внеязыкового мира событий и действий и причислены к директивам. Решением спорного вопроса могло бы стать компромиссное предложение: рассматривать извинения как полиинтенциональные речевые акты, интегрирующие, кроме директивной интенции, еще и ряд других, на наш взгляд, облигаторно реализуемых коммуникативных намерений, каковыми мы считаем оправдание, признание собственной вины, выражение эмоциональной аверсии говорящего по поводу собственного поведения[22]. Чувство сожаления или раскаяния по поводу содеянного[23] учитывает в своем определении извинения Н.Р. Норрик, утверждающий, что социальная функция извинения состоит в принятии говорящим ответственности за наступление неблагоприятного положения дел, поэтому извинение всегда сопровождается эмоциональным состоянием раскаяния [Norrick 1978, 284]. Обращение к словарной дефиниции [mhd. entschuldigen = lossagen; freisprechen]: *jmdm. sagen, dass es einem Leid tut, was man getan hat; jmdn. wegen eines falschen Verhaltens oder um Verständnis, Nachsicht, Verzeihung bitten) [Duden 2000]* также показывает, что за формулой извинения в немецком языке стоит значение признания вины и выражение сожаления по этому поводу (хотя привязанность этикетных формул к стандартным ситуациям неизбежно приводит к частичной потере выразительности и конвенциональному характеру употребления этих формул).

---

[22] Наша точка зрения противоречит мнению некоторых исследователей. Например, В. Холли четко отграничивал извинение от оправдания и речевого акта признания вины в зависимости от того, 1. отказывается ли говорящий от ответственности или ограничивает ее, даже разделяя негативную оценку действия (*sich entschuldigen)*; 2. принимает ответственность за совершенное действие, но не разделяет его отрицательную оценку *(sich rechtfertigen)*; 3. принимает ответственность за свои действия и одновременно разделяет их негативную оценку (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten)* [Holly 1984: 97]. Взгляд В. Холли на извинение как на отказ от (полной) ответственности, совпадающая с мнением Й. Ребайна [Rehbein 1976: 306], обосновывается этимологически, так как глагол *entschuldigen* первоначально являлся синонимом к лексемам *lossprechen, freisprechen* [Duden 2000]. Признавая справедливость приведенных мнений, мы, опираясь на обширный языковой материал, констатируем, что все три смежных речевых действия очень часто реализуются одновременно-последовательно, расширяя рамки интенционального смысла, превращая извинение в поистине полиинтенциональный акт.

[23] По мнению Дж. Серля и Д. Вандервекена, суть извинения заключается в выражении сожаления или раскаяния по поводу положения дел, за наступление которого ответственен говорящий [см. Searle, Vanderveken 1985, 211].

Таким образом, извинение может быть определено как комплексное речевое действие, совершаемое говорящим для психологической коррекции неблагоприятного положения дел, наступившего по его вине, сопровождающегося (имплицитно выраженным) признанием собственной вины и, следовательно, эмоциональным состоянием сожаления и/или раскаяния по поводу произошедшего, а также (опять же имплицированным) обещанием не совершать впредь предосудительных действий либо (факультативным) оправданием/пояснением причин своих неуместных действий: *Entschuldige/n Sie = Ich weiß, dass meine Handlungsweise maleficent war und bekenne mit Reue meine Schuld, indem ich bitte, mich zu verzeihen; und verspreche, mich in Zukunft besser zu zeigen*. Разумеется, признание вины и просьба о прощении (*sich schuldig bekennen/um Verzeihung bitten)* и формальное, клишированное извинение отличаются друг друга интенсивностью выражаемой иллокутивной силы. Мы считаем возможным рассматривать эти два аспекта как различные коммуникативные стратегии извинения, обосновывая нашу точку зрения тем, что акт извинения (как просьба о прощении) всегда бывает первым шагом для коррекции коммуникативного нарушения и всегда нуждается в принятии извинения адресатом, чтобы говорящий действительно был из-винен (лишен вины) (*ent-schuldigt*).

Интенциональную комплексность извинения, переплетение в нем нескольких связанных друг с другом интенций, нанизывающихся, как бусины, на одну общую содержательную нить, избавляющих извинение от стереотипности, «разбавляющих» сильную концентрацию формальности небольшим количеством персонального, ситуативно релевантного. Доказывают, например, следующие речевые фрагменты: – *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien.* – *Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte*. *(K-M, 177)* – говорящий признает факт совершения действия, ущемляющего имидж адресата (принимает на себя ответственности за совершенное); – *Willst net einen Imbiss einnehmen, bis ich fertig bin?* – *Nimm`s mir nicht übel, Dirndl, aber mir schmeckt der Schmarren, den*

die Burgel zubereitet, so gut, wie sonst nix anderes. Darum freu` ich mich auch jedesmal darauf (B-W, 25) – говорящий объясняет причины, оправдывающие совершение отрицательно оцениваемого действия.

1.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения

В актах извинения говорящий имеет статус виновника (лица, совершившего действие). Но ответственность за лежащее в основе акта положение вещей может быть косвенной и касаться инцидентов, за которые говорящий несет ответственность опосредованно, например, как наставник-воспитатель, владелец и т.п., т.е. извиняются, кроме прочего, и за ущерб, нанесенный адресату поведением детей или домашних животных. В любом случае говорящий чувствует себя ответственным за произошедший инцидент и/или выражает это[24].

Конвенциональные извинения и просьбы о прощении. Типологизация поводов для извинения связана с определенными сложностями (иногда извинениям приписывается роль просто «показателей вежливости» для коррекции определенных инцидентов, затрудняющих коммуникацию [Norrick 1978: 280, 284]. Но если представить извинение как систему стратегий, то типология поводов для него выстраивается легко. Рассмотрим две ситуации, в которых осуществляется речевой акт извинения:

(1) - Vergebung, dass ich in Euch einen falschen Eindruck erweckt habe. – Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82).

(2) – Verzeiht mir, Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis zum Morgen zu warten? – Dann eben morgen früh (M-S, 320).

---

[24] Условие искренности соблюдается, на наш взгляд, и в этом случае, речь, однако может идти о степени интенсивности выражаемого сожаления. Н.Р. Норрик справедливо указывает на то, что небольшая интенсивность чувств при выражении этикетных формул не является показателем «эмоционального обеднения» современного общества. Эмоциональная нагрузка на индивида была бы слишком велика, если бы он в такой же мере сочувствовал эмоциональным переживаниям своих коммуникативных партнеров, как он чувствует сам [Norrick 1978: 287].

Данные ситуации во многом сходны: один человек своим поведением нарушает интересы другого человека, испытывает по этому поводу определенные эмоции (сожаление, чувство вины), сообщает об этом адресату с целью сохранить или улучшить отношения с ним. Различие между ситуациями заключается в том, что в первом случае адресанту совершенно необходимо получить положительный ответ адресата на произнесенное высказывание, а во втором – адресанту реакция адресата на извинение не требуется.

Причина этого различия может заключаться как в степени серьезности проступка, так и в характере цели, которую ставит перед собой говорящий, осуществляя конкретный речевой акт. Для ситуации первого типа коммуникативной целью является получение прощения, для ситуаций второго типа – выражение сожаления по поводу своего поступка. Речевые акты, свойственные первому типу ситуаций, обозначаются лингвистами как просьбы о прощении, а речевые акты, функционирующие в условиях ситуаций второго типа, как принесение извинения [Чинова 1999: 79], или в терминах Р. Ратмайр, извинения по существу и конвенциональные извинения [Ратмайр 2003: 66][25]. Как показывает исследование, количество возможных поводов – нарушений общественных конвенций значительно меньше, чем группа поводов – личных афронтов, последние, кроме того, считаются более вескими, чем нарушения социальных норм и правил [Fraser 1981: 267].

Конвенциональные извинения. Конвенциональные извинения произносятся в связи с незначительными нарушениями этикета и могут состоять из одной минимальной формулы извинения – глагола в императиве), они служат для сохранения социальной гармонии в определенном обществе и

---

[25] Похоже, но в иных терминах, классифицирует поводы для извинения С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 292], которая исходит из того, идет ли речь

1) о нарушении социальной нормы (конвенциональные извинения или принесение извинения) или

2) о нарушении границ личностной сферы адресата (просьбы о прощении или извинения по существу).

При этом С. Мартен-Клиф исключает из анализа ситуации с проспективным извинением. Фразы как *Entschuldigen Sie mal, wollen Sie mich ausreden lassen!* Или *Entschuldigen Sie, wenn ich unterbrechen muss, aber was Sie da sagen, entspricht nicht den Tatsachen!* не рассматриваются как выражение извинения, поскольку они служат, по мнению автора, не для выражения сожаления, а для выражения агрессии и вводят высказывания протеста или возражения [см. об этом также Lange 1984: 78f]. Фразы, объявляющие прерывание разговора (*Wenn Sie mich bitte einen Moment entschuldigen würden*) тоже не рассматриваются как акты извинения.

характеризуют говорящего как адекватного члена социума, соблюдающего его правила. Поводами для конвенциональных извинений могут служить, например, прерывание разговора (*Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung? (M-S, 362))* или неумение владеть собой (*O Gott, zittern mir die Knie. Was müssen Sie von mir denken, entschuldigen Sie bitte (H-M, 270)),* недостаточно уважительное уважение к собеседнику (*– Worüber lachst du? Doch nicht über meine Vorschläge? Vergiss nicht, im Grunde sprach ich von meinem Tod. – Verzeih, Tante (K-VA, 55))* или нарушение договоренностей как опоздание и др. (*Entschuldigt. Ich habe eine alte Freundin getroffen und mich verquatscht (J-K, 119))* и под.

Искренние просьбы о прощении. Просьбы о прощении формулируются более пространно, чем с помощью одного иллокутивного глагола в императиве. Эти извинения требуют дифференцированной вербальной реакции (принятие извинения или минимизация причиненного ущерба) и могут быть даже отклонены. Ситуации просьб о прощении могут быть описаны как причинение серьезного материального ущерба, часто с обвинением себя (*Verzeih mir, Pedro, ich kann nicht anders. Ich habe dich abgelenkt, ich wäre schuld an allem gewesen, was hätte passieren können ... (K-A, 33))* или причинение серьезного морального ущерба как вторжение в личную жизнь или даже как нанесение оскорбления (*– Nun, Ihr Mann ist tot, Sie sind eine Frau, das lockt die Haie an. – Ich weiß selbst, dass ich eine Frau bin, danke. <...> Es gibt aber auch weibliche Tiere unter Haien, Herr Wiedenroth. <...> Und die haben auch Zähne. – Ja, ja, ich wollte Ihnen nicht zu nahe treten (H-M, 76)),* неумение владеть собой (*Man sagt im Zorn viel und nimmt es dann doch zurück, wenn man seinen klaren Verstand wieder beisammen hat (B-W, 41))* или недостаточное гостеприимство (*Bitte, nehmen Sie Platz. Es ist zum Frühstücken nicht ganz so praktisch wie am Küchentisch, aber ich denke, es geht schon (H-M, 130))* и др.

Причина различий между конвенциональным извинением и просьбой о прощении заключается, возможно, в том, что общественная оценка того, что хорошо и что плохо, знакома каждому члену этого общества, в то время как

суждение отдельных индивидов по поводу определенного положения дел всегда индивидуально, так что чаще всего требуется указание задетого лица на его негативную оценку предшествующего действия. Как утверждает В. Ланге [Lange 1984: 71], степень тяжести проступка зависит, кроме прочего, от таких факторов, как личная дистанция, социальный статус говорящего и адресата и оценка совершенного действия; более серьезные проступки требуют большего объема коррективной деятельности.

Ретроспективные и проспективные извинения. В лингвистической литературе извинения различаются и по принципу следования до или после малефактивного действия на ретроспективное и проспективное [Лисенко 1999: 6] или превентивное в терминологии Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 134]. Проспективное извинение рассматривается как средство предупреждения конфликта, поскольку «такое извинение является попыткой компенсации ущерба, который может быть потенциально нанесен слушающему» в связи с планируемым действием, наносящем ущерб его имиджу (*Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen: Ist Ihr Sohn bei Ihnen? (K-M, 177)*. Ретроспективное извинение выступает средством улаживания уже произошедшего конфликта, компенсации уже нанесенного ущерба: – *Du musst nicht gekränkt sein. Ich wollte deinen Freund nicht beleidigen (N-H, 343).*

Проспективное извинение. Лисенко М.А. указывает, что проспективное извинение не может быть связано с речевыми актами, цель которых противоречит идее вежливости, то есть с актами, совершаемыми с целью «нарушить социальную гармонию» в общении (речевые акты оскорбления, выражения презрения, угрозы и др.), категоричными директивными речевыми актами и речевыми актами спонтанного выражения отрицательных эмоций по отношению к собеседнику или в его присутствии. Реализацию проспективного извинения допускают речевые акты просьбы, совета, предупреждения, напоминания и запроса информации, поскольку они являются «вторжением в сферу негативного лица слушающего, которому навязывается определенный

образ действий» [Лисенко 1999: 7], например: *Verzeiht mir, mein Herr, wenn ich ungefragt einen Vorschlag mache, aber wäre es nicht klüger, bis morgen zu warten? (M-S, 320)* – речевой акт совета сопровождается извинением – принятием ответственности за совершение действия, наносящего ущерб имиджу адресата.

Встречаются случаи, когда проспективное извинение сопровождает речевые акты, «связанные с нанесением ущерба позитивному лицу слушающего: речевые акты критики, упрека, выражения несогласия, отказа, выражения жалобы, упоминание в разговоре запретных тем и тем, способных вызвать разногласия между собеседниками, речевые акты хвастовства» или акты, связанные с поведением, не соответствующим правилам кооперации (прерывание собеседника, невнимание), например: *Hören Sie zu, was geht Sie eigentlich, entschuldigen Sie die harte Frage, das Privatleben von Fräulein Klett an? Haben Sie irgendwelche Rechte auf sie? (K-S, 58)* – извинение сопровождает речевой акт критики (за вмешательство в личную жизнь объекта разговора).

Ретроспективное извинение. Ретроспективное извинение встречается значительно чаще, поскольку круг ситуаций, допускающих ретроспективное извинение, шире: практически любому действию, ставшему причиной конфликта, может следовать речевой акт ретроспективного извинения, что логично, поскольку именно уже нанесенный ущерб требует компенсации в виде извинения. Даже в случаях нанесения оскорбления, угрозы, неконтролируемого всплеска эмоций, говорящий, переосмыслив свое поведение, пытается восстановить гармоничные отношения и обращается к ретроспективному извинению как к средству компенсации ущерба, например: *Entschuldige, Vater, weil ich den Ast abgebrochen habe (M-S, 371)* – ретроспективное извинение за нанесение материального ущерба*; Verzeihing, mein Fürst, wie ungeschickt von mir (M-S, 359)* – извинение за физические неудобства, причиненные при обработке раны адресата.

Такие и подобные действия не допускают проспективной компенсации, так как являются незапланированными, но в случае, если говорящий желает восстановить нарушенную гармонию, он извиняется за них.

Метакоммуникативные извинения. Существует категория метакоммуникативных извинений [Ратмайр 2003: 138] или метаизвинений [Земская, Ширяев 1988: 125] – извинений, относящихся не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого высказывания, к нарушениям норм ведения разговора. Это, как правило, вставные конструкции, включенные в более сложное высказывание, скрывающее в себе возможность конфликта и содержащие размышления говорящего о форме собственного высказывания. В фокусе метакоммуникативных извинений находится побочное перлокутивное воздействие высказываний, нарушающих принципы речевой вежливости: извинение за отказ, возражение, за вторжение в личную сферу, за отдельные нарушения в ведении диалога как перебивание партнера или употребление отдельных лексем – оговорок, грубых выражений и т.п. Примерами метакоммуникативных извинений могут служить следующие:

- Речевые акты, в процессе произнесения которых происходит нарушение постулата согласия – акты возражения, отказа, критики и т.д. – часто смягчаются извинением; говорящий сознает, что его высказывание обмануло ожидания собеседника, явилось причиной его разочарования; он извиняется именно за это разочарование, но не за само высказывание: *Tut mir wirklich leid, Frau Winkler, aber Herr Nordlohe ist in einer Besprechung. Sie hätten sich anmelden müssen (H-M, 273)* – секретарь извиняется за отказ директора банка принять посетителя, смягчая свое высказывание формулой сожаления *Tut mir wirklich leid.*

- В высказывании *Der alte Stinkstiefel glaubt dir also nicht? Verzeihung, Sabine, aber ich muss mich erleichtern <…> (K-A, 266)* говорящий извиняется за отдельную лексему, смягчает несдержанное выражение в отношении отца присутствующей при разговоре девушки ретроспективным извинением, подчеркивая, однако, сознательный выбор такого словарного регистра.

- Извинения сопровождают также высказывания, нарушающие постулат такта, т.е. вербальное вторжение в личную сферу в форме щекотливых

вопросов, например, о деталях личной жизни: *Handelt es sich – verzeih meine Frage – um einen anderen Mann? (K-S, 52).*

- Формулы извинения используются в качестве обращения к незнакомым людям, предваряя просьбы: *Verzeihen Sie, haben Sie Feuer? (R-L, 53)* или выступая как способ привлечения внимания слушающего при вступлении в разговор: *Verzeihen Sie, wir suchen jemanden! Es ist ein Notfall! Wo finden wir hier die Polizei? (K-M, 167)*

Извинения в ситуациях, подобных приведенным, рассматриваются некоторыми исследователями как чисто ритуальные, формальные, аналогичные использованию формул благодарности в качестве сигнала завершения разговора. Например, М.Л. Макаров называет такие извинения «рамочным элементом дискурса» [Макаров 2003: 186]. Данная точка зрения представляется нам спорной. С одной стороны, конечно, очевидно, что в формулах извинения в таком употреблении не вполне соблюдается условие искренности: высокая степень ритуализованности несколько десемантизирует их единицы, и идея компенсации уходит на второй план. С другой стороны, не вызывает сомнения факт, что, начиная разговор, говорящий извиняется не только для того, чтобы привлечь внимание адресата, но и для того, чтобы признать факт покушения на это внимание, навязывания партнеру необходимости вступить в разговор: *Ich muss Sie um Hilfe bitten, Sie sollen mich für meine Aufdringlichkeit/mein Einmischen/Unterbrechen ... entschuldigen*. Значение компенсации не исчезает совсем: говорящий берет на себя вину за свои действия, следуя тем самым нормам сотрудничества в общении и сохраняя лицо партнера. Значит, в метакоммуникативных извинениях происходит конкуренция функций, что позволяет отнести данные формулы к пограничной зоне между конвенциональными извинениями и искренними просьбами о прощении.

П с е в д о и з в и н е н и я . Анализ языкового материала показывает, что прототипическая ситуация извинения (искреннее раскаяние по поводу произошедшего/совершенного) не является единственно возможным контекстом для появления высказываний, по форме совпадающих с

высказываниями извинения. Помимо цели гармонизации межличностного взаимодействия, извинение может преследовать цели, во-первых, противоречащие идее вежливости, и, во-вторых, не связанные с этой идеей. В таких случаях можно говорить о псевдоизвинении или о так называемой ироничной грубости, крайней степенью которой является сарказм. Дж. Лич определяет сарказм как использование вежливой формы для передачи невежливого содержания, т.е. для нанесения ущерба [Leech 1983: 67]. Примером псевдоизвинения может быть следующий речевой фрагмент: – *Wir wollen lieber das Meer und den blauen Himmel genießen, als uns mit solchen Themen befassen – Sie sind kein guter Gesellschafter, Flip. – Verzeihung, Mylady, lassen Sie mich gleich das Thema wechseln. Ob wir morgen wieder schönes Wetter haben? Der Himmel ist so blau – ob er eigentlich so blau bleibt? (K-VA, 127).* Несоблюдение максимы искренности проявляется в данном коммуникативном акте в том, что ретроспективное извинение сопровождает выполнение пожелания партнера в саркастичной форме. Такая форма извинения является, в свою очередь, свидетельством мнения говорящего о просьбе собеседника как о нанесении ему морального ущерба, сознание этого факта позволяет ему перейти к действиям по защите своего лица.

В целом, невежливое использование извинения аналогично использованию искренней вежливости: как вежливость не сводится к набору закрепленных этикетом формул, а проявляется в вербальных действиях, направленных на поддержание социальной гармонии через уважение этических прав собеседника, так и невежливость не сводится к употреблению слов и выражений с грубой семантикой, а является речевым поведением, разрушающим социальную гармонию путем нарушения этических прав собеседника.

1.3. Речевой акт извинения в составе диалогического единства

В прототипическом случае извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет нам характеризовать его в целом как реактивный речевой акт.

Многообразие личностей и их индивидуального мировосприятия обусловливают открытость перечня поводов для извинения, поскольку причинением ущерба может считаться любое действие в специфической прагматической ситуации при специфической расстановке сил. О некоторых поводах для извинения речь уже шла выше, здесь мы остановимся только на речевых актах, которые являются реакцией на вербальный стимул адресата.

Извинение как реакция. Непредсказуемость жизни вообще рождает непредсказуемость реакции индивида на внешнее воздействие: порой самое безобидное замечание, не предполагающее каких-либо подвохов со стороны его автора, но не учитывающее некоторые пресуппозиции, воспринимается собеседником как жестокое оскорбление, для восстановления коммуникативного «мира и согласия» в этом случае непременно должна последовать просьба партнера о прощении. Но он, в свою очередь, не всегда может сориентироваться в быстро меняющейся ситуации, поэтому адресат, не желающий открытого конфликта, вынужден, по сути, требовать извинения, поясняя причины коммуникативного сбоя или указывая на ущерб, нанесенный его лицу. Примеров таких ситуаций великое множество, примером могут служить следующие.

– Segeln Sie alleine? – Geht Sie das etwas an? – Nein, Entschuldigung <...> (H-M, 87). Не имеющее никакого подтекста инициативное высказывание *Segeln Sie alleine?* рассматривается адресатом как вторжение в его личную жизнь, к которой отправитель вопроса, служащий яхт-клуба, не имеет никакого отношения. Это мнение адресат и выражает репликой *Geht Sie das etwas an?*, которая является стимулом для извинения.

Похожая ситуация общения рождает извинение в следующем речевом фрагменте: *– Diese Jugend mit ihrer Intelligenz gegen das Alter. – Ich wollte Ihnen nicht nahe treten. Der Rat war sozusagen geschäftlich (K-M, 27).* Адресат

извинения болезненно реагирует на некоторое замечание говорящего, однозначно указывая своей репликой (несмотря на обобщенную референцию), что для продолжения кооперативного общения от партнера требуется речевое действие извинения за нанесенный ущерб. Это косвенное побуждение безошибочно «прочитывается» говорящим, он правильно реагирует, восстанавливая кооперативный «мир»

Реакция на извинение. Будучи реакцией на вербальное или невербальное действие, речевой акт извинения может, в свою очередь, являться стимулом для развития сюжетной линии общения. Представленные выше поводы для извинения и реализующие их коммуникативные стратегии рождают соответственно различные диалоговые обязательства: извинения за нарушения коммуникативных постулатов и речевого этикета – метакоммуникативные извинения – исключают специфическую реакцию, а извинения за ущерб во внеязыковой среде требуют некоторой обязательной характерной ответной реплики, конвенциональной или дифференцированной (при извинении по более серьезным поводам). Таким ответом может быть согласие/отказ принять извинение или минимизация причиненного ущерба [Ратмайр 2001: 116].

Содержательно ответная реплика зависит от степени адекватности извинения, которая в свою очередь, связана с выполнением условий успешности: извинение неадекватно, если человек, причинивший ущерб, проявляет признаки неискренности, или если ущерб был причинен им намеренно. Как правило, на неадекватные извинения адресат отвечает отказом.

Реакция в виде согласия принять извинение. Прототипический случай адекватного извинения – извинение за незначительное нарушение правил хорошего тона. Идеальная ответная реплика в этом случае – это согласие его принять (*Ich verzeihe / vergebe dir, entschuldige dich*[26]), однако фактически эти формулировки употребляются крайне редко и лишь в качестве извинения по серьезным поводам и при значительной дистанции между партнерами или –

[26] Во всех формах, кроме императива, глаголы *entschuldigen, verzeihen, vergeben* актантом в винительном или дательном падеже, обозначающим одушевленное лицо, выражают предоставление прощения, т.е. перлокутивное следствие просьбы о прощении:

эксклюзивно – при общении близких людей, выполняя в этом случае ряд дополнительных функций, как, например, успокоить «провинившегося», уверить его в своем добром отношении к нему, не испорченном нанесенным ущербом: – *Entschuldige und sag mir alles. Bist du mir nicht böse? – Nein, ich bin nicht böse. Ich entschuldige (FL-S, 129).*

Чаще согласие принять извинение выражается различными описательными формулами, исключающими перформативные глаголы во избежание акцентирования внимания на серьезности причиненного ущерба с целью сохранения лица говорящего, который уже потерял некоторый авторитет сначала выполнением предосудительного действия, а затем извинением за него, например: – *Ich war blau, verstehst. – Ist vergessen (K-S, 92)* – в ситуации смущенного извинения за неадекватное поведение в состоянии алкогольного опьянения эксплицитно-перформативное согласие его принять в виде формулы **Ich verzeihe dir* выглядело бы слишком пафосным и было бы не к месту. Роль согласие принять извинение может также выполнять предложение не возвращаться больше к обсуждению произошедшего инцидента: – <…> *Es lag ja allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe. Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter... – Wollen nicht mehr darüber sprechen, Herr Inspektor (T-G, 47).*

Если извинение не касается действительно серьезного случая, то согласие его принять не эксплицируется совсем; адресат просто принимает его к сведению и продолжает разговор, реагируя на пропозициональное содержание высказывания, например: – *Komm heraus, Kuma, dann bringe ich dich nicht um. Wenigstens nicht heute. – <u>Schau doch nicht so böse</u>, Hei-chan. Ich habe nur noch deine Wachsamkeit geprüft. – Und das hättest du auch getan, während ich mich ausziehe? (M-S, 121)* – извинение за случайное присутствие при совершении туалета его адресатом принимается последним, его реакция представляет собой вопрос о возможном поведении собеседника в ситуации наблюдения им более интимной части туалета.

При неравном статусном положении собеседников согласие принять этикетное извинение вышестоящего предполагается априори, высокостатусный

партнер даже не считает нужным дожидаться реакции адресата, как, например, в следующем высказывании, где извинение следует за порицание нижестоящего: *Mein Lieber... Das bedarf doch keiner Erklärung. Mir scheint, Ihnen sitzt Ihre Krankheit mehr zu, als gut ist. Ich muss Ihnen das sagen, entschuldigen Sie. Zehn Tausend Arbeiter, mit deren Entlassung wir drohen können, sind ein größeres Druckmittel als fünftausend. <...> (K-A, 174).* Речевой действие извинение является в этом случае проявлением минимального усилия говорящего сохранить «лицо» собеседника, но это совершенно очевидно этикетный, машинальный акт, выполняемый, потому что «так принято». Согласие принять извинение (ожидаемая реакция) настолько «запрограммировано» в типизированной ситуации, что отправитель продолжает говорить, не делая паузу для эксплицирования этой реакции адресатом.

Реакция в виде минимизации ущерба. Эксплицитное согласие принять извинение встречается в повседневном общении нечасто, поскольку такая реакция идентифицирует вину говорящего и равносильна порицанию, которое, как уже говорилось, является шагом на территорию собеседника и ущемляет его лицо. Этикет же требует сохранения не только лица адресата, но и авторитета говорящего, поэтому более подходящей реакцией на извинение является минимизация ущерба, причиненного неправильным поведением последнего – в особенности при извинении по незначительным поводам. Й. Ребайн [Rehbein 1972: 316] называет этот феномен «сведением к пустяку» и приводит следующие примеры: *Das war ja nicht so gemeint! Ist ja Unfug! War ja nur ein Ausrutscher von dir!* Наш анализ выявил следующие стандартные формулы минимизации ущерба: s*chon gut, keine Ursache, kein Grund zur Entschuldigung, ist nicht so schlimm, ist in Ordnung, macht nichts,* употребленные, например, в следующих контекстах:

(1) – Tut mir leid, Mr. Centino. Wir haben Sie nicht erwartet. Stellina ist wie immer mit Mrs. Nunez nach Hause gegangen. – Ach ja, schon gut <...> (C-W, 58);

(2) *– Entschuldigen Sie, Fürst. Sie haben genau wie er geklungen. – Kein Grund zur Entschuldigung (M-S, 342);*

(3) *Pedro stellte mit der rechten Hand das Radio an und kam dabei ungewollt mit Mathildes Knie in Berührung. – Verzeihung. – Keine Ursache (K-S, 30);*

При общении близких людей используются неформульные, более «интимные» минимизации, как несогласие адресата с самообвинением говорящего: *– Vergebt mir, mein Fürst, dass ich Euch so kläglich im Stich lasse. – Onkel, noch hast du mich nicht im Stich gelassen. <…> (M-S, 181)* или нивелирование причиненного ущерба: *– Vergebung, dass ich in Euch einen falschen Eindruck erweckt habe. – Ach, steh auf, steh auf. Ich bin nicht gekränkt (M-S, 82).*

В официальных ситуациях адресат может реагировать на извинение указанием на его необязательность или преувеличенность: *– Es tut mir leid, Sir, Ihnen diese zusätzliche Last übertragen zu müssen. – Das gehört zu meinem Job, Morton (B-S, 184)* – адресат извинения считает извинение излишним, поскольку причиненный ему ущерб является неотъемлемой частью его профессиональной деятельности. Еще пример: *– Verzeihung. Anscheinend habe ich mich verlaufen, gnädiges Fräulein. Ich bitte noch einmal um Verzeihung. – Das hier ist Zimmer Nr. 308. – Also doch. Mein Zimmer (K-A, 249)* – адресат указывает на неуместность извинения, поскольку нарушение норм поведения не состоялось.

Крайним случаем является ситуация, когда человек, которому был причинен ущерб, сам считает себя провинившимся: *– Alles ist einzig und allein meine Schuld. Mene Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet <…>. – Hide, erhebe dich und lass diesen Unsinn. Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüsst habe, mich selbst zu schützen. <…>(M-S, 360).* В подобных случаях нередко можно наблюдать взаимные извинения, служащие цели восстановления нормальных отношений после небольших столкновений. Примером такой ситуации может служить следующая: *– Es tut mir auch leid, dass ich mich habe so gehen lassen. Dass ich den Joker genannt habe.*

– Das ist nicht so schlimm, Ich habe diesen Namen so oft gehört und gelesen, dass ich ihn nicht mehr als beleidigend empfinde. Es lag ja auch allein an mir, dass ich Sie so in Harnisch gebracht habe... Es tut mir wirklich leid, Mr. Hunter... (T-G, 47).

Реакция в виде отказа принять извинение. Отказ принять извинение является репликой, противоречащей принципам кооперативного поведения. Она оказывается более или менее уместной в зависимости от тяжести причиненного ущерба. Для личных отношений между говорящим и адресатом отказ принять извинение означает, что адресат все еще сердится или обижен, как в следующем примере, где адресат отказывается принять извинение, поскольку сомневается в его искренности (извиняющийся откровенно забавляется возмущением партнера):

– *Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder vom guten Charakter noch von hohen Prinzipien.*
– *Ein unverzeihlicher Fehler von mir, wofür ich mich entschuldigen möchte.*
– *Das würde ich ja gern, wenn da nicht Euer amüsiertes Lächeln wäre (M-S, 368).*

Проспективные (превентивные) извинения не требуют в ответ никаких обязательных реплик. Напротив, объявленное таким образом нарушение правил хорошего тона совершается при одном и том же говорящем и в некоторых случаях – одновременно с извинением. Ни в одном из засвидетельствованных примеров адресат не отвечает на проспективное извинение ни в форме прощения, ни в форме минимизации предварительно заявляемого ущерба. Наиболее частым поводом для проспективного извинения является нарушения порядка или покоя. В следующем примере в ситуации официального общения говорящий извиняется за свои действия, предполагая, что они могут быть малефактивными; адресат реагирует на содержание, включенное в пропозициональную часть высказывания: *– Entschuldigen Sie, wenn ich Sie störe, Frau Winkler, aber Herr Waffel hat es plötzlich sehr eilig. Er will morgen die Firma mit Ihnen besichtigen. – Haben Sie mit ihm selbst gesprochen? (H-M, 199).*

1.4. Формирование смысла речевых актов извинения

Природа речевых актов извинения определяет доминирование операторов порождения интенционального смысла, в первую очередь прототипно-ядерной эксплицитной формы выражения – адресат извинения должен безошибочно определить тип речевого действия, это важно для говорящего, искренне желающего убедить партнера в своей доброжелательности и непреднамеренности нанесенного ущерба.

1.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов извинения. В основе прямых речевых актов извинения находится полная матричная формула *Ich bitte Sie/dich um Entschuldigung für x* с императивным вариантом *Entschuldige/n Sie mich für x.* Последний является даже более популярным в связи с его простотой и меньшим уроном для авторитета говорящего (при произнесении перформативной просьбы *ich bitte um...* говорящему приходится больше «прогнуться», чем при просьбе-побуждении). Императивный вариант просьбы о прощении мы рассматриваем как особую форму имплицитно-перформативных высказываний, в которых называющий речевое действие глагол находится в вербализованной части: (*Ich bitte dich für x um Entschuldigung, indem ich sage:) Entschuldige mich.*

Самым частотным оператором порождения интенционального смысла в эксплицитных извинениях являются перформативные глаголы *entschuldigen, verzeihen* и *vergeben*, а также их номинализации *Entschuldigung, Verzeihung, Vergebung*. При изолированном употреблении глаголов извинения или их номинализаций говорящий исходит из того, что повод для извинения входит в прагматическую пресуппозицию и адресат знает, к чему относится извинение, например: – *Der Verräter ist weder Fürst, noch hat er einen Namen. – Verzeihung. (M-S, 366).* В приведенном примере в пресуппозиции находится причина просьбы о прощении: говорящий нарушил традиции социальной группы, к которой он принадлежит, в этом состоит его вина, за это он просит прошения.

Фактором, который определяет выбор перформативного синонима, может считаться значимость события, его последствий для участников

коммуникации. За незначительный проступок, за беспокойство, просьбы, нарушение правил приличия говорящий извиняется, употребляя формулы *verzeih/en Sie, entschuldige/n Sie*. За действия, поступки, которые имели для адресата серьезные последствия или повлияли на его жизнь, и/или при очень большой разнице в социальном статусе говорящий извиняется, употребляя формулы *vergib/vergeben Sie.*

Перформативный глагол и его номинализованные варианты конвенционально употребляются соответственно в двух возможных модусах – императиве, настойчиво побуждающем адресата принять извинение (*Ich weiß, es klingt gemein, entschuldige (FL-S, 58)*) и индикативе (*Ietzt bin ich ganz für Sie da, Signora. Bitte mehrmals um Vergebung (FL-S, 83)*). Второй вариант извинения – индикатив номинализованных форм (*um Entschuldigung/ Verzeihung/Vergebung bitten*) стал настолько привычным, что в абсолютном большинстве случаев его употребления «теряет» глагольную часть и функционирует как формула, произносимая бессознательно, автоматически, почти как междометие в ситуации совершения некоторого малозначительного нарушения: *Tschuldigung, Chef. Wir nehmen jetzt die Couch, wenn´s recht ist (M-H, 12).*

Но встречаются случаи, когда перформативный глагол употребляется неконвенционально, в форме настоящего времени индикатив: *Mein Englisch ist nicht gut. Ich entschuldige mich dafür (M-S, 98).* Об аналогичных случаях употребления в русском языке интересно пишет Р. Ратмайр [Ратмайр 2003: 77], опираясь на мнение авторитетных ученых, причисляющих такое функционирование перформативного глагола «извинять» к литературному просторечью [Ушаков 1935: 1148], утверждающих, что «говорить «извиняюсь» – нескромно, потому что тем самым человек извиняет сам себя» [Колесов 1988: 2342]. Наши наблюдения показывают ненейтральность такого формоупотребления: высказывание (как правило, ассертивное) приобретает категорично-констативный характер, не допускающий сомнений в результате речевого действия, то есть в его перлокутивном эффекте. Говорящий не просит прощения, а декларирует его получение, будучи уверенным в невозможности

иного исхода ситуации, в лояльности адресата, в малозначительности нарушения: *Du wirst verzeihen, wenn ich nachher mit Papa über diese Dinge spreche (K-A, 19).* Такая форма может быть естественной в ситуации «положенного» этикетного извинения, приносимого лицом, имеющим компетенцию причинять адресату некоторый виртуальный ущерб, «вторгаться» на его территорию, требуя, например, определенных форм поведения и внешности: *Monsieur, Sie werden verzeihen, aber Madam de Vochard legt einigen Wert auf Formen, wenigstens zur Tafel (ET-S)* – речевой акт извинения предваряет требование определенной формы одежды во время обеда в доме высшего дворянства, он совершается старым слугой, являющимся, по сути, распорядителем дома, и адресован детективу, не особенно заботящемуся о своих манерах. Аналогичными приведенной являются ситуации, где адресат вынужден прервать разговор или уйти, констативная форма извинения оправданы в этом случае очевидной для говорящего важностью повода для нарушения. Для формального сохранения видимости просьбы о прощении иногда употребляется слово *bitte*, смягчающее категоричность речевого акта: *Und jetzt entschuldigst du mich bitte*[27]*. Ich habe eine Verabredung <...> (J-K, 139); Sie entschuldigen bitte die Störung, Herr Sanke. Aber ich möchte nur eine Frage stellen <...> (K-M, 177).* Для усиления, интенсификации перлокутивного эффекта употребляется модальная частица *doch,* эксплицирующая уверенность говорящего в получении прощения: *Du entschuldigst mich doch? <...> (FL-S, 13)*

Императив глаголов *entschuldigen, verzeihen, vergeben* часто сопровождаются различными иллокутивно существенными дополнениями, к которым относятся, в первую очередь, антропокомпоненты – обозначения говорящего и адресата. В силу особенностей синтаксической структуры, оба антропокомпонента могут присутствовать в высказывании с иллокутивным глаголом только в форме вежливого обращения (*Entschuldigen Sie mich, Verzeihen Sie mir*), при этом указание на говорящего факультативно и придает

[27] Р. Ратмайр рассматривает такие высказывания не как речевые акты извинения, а как декларацию своего ухода и окончание коммуникативного акта [Ратмайр 2003: 79].

высказыванию особую значимость, сокращает дистанцию между говорящими, выражает доверие и близость, человеческое тепло и сердечность, как в следующем примере: – *Was habe ich Ihnen gesagt? Wer kennt dieses Refugium hier? Niemand. Aber nun sehe ich, dass Sie mir nicht glauben, Marianne... – Doch. Ich wollte es nur noch einmal hören, verzeihen Sie mir, Ralf (K-S, 50).*

Появление антропокомпонентов в высказывании извинения в некоторых случаях превращает его в процесс определения ролей собеседников: как правило, люди, имеющие более низкий социальный или ситуативный статус, придают большое значение нанесенному адресату ущербу (даже если он объективно незначителен, как, например, вынужденное прерывание разговора) и подчеркивают признание своей вины, эксплицитно называя себя в качестве субъекта нанесения ущерба: *Verzeiht mir. Inzwischen habe ich mich an seinen Zustand so gewöhnt, dass ich vergaß, Euch zu warnen (M-S, 144)* – извинение слуги за неприятный запах от находящегося под его опекой больного. При более высоком социальном или ситуативном статусе извиняющегося он, как показал языковой материал, избегает эксплицитного признания вины: служебные обязательства расцениваются им как более важные, чем обязательства перед адресатом. Извинения с указанием на говорящего в таких случаях можно рассматривать как косвенную форму побуждения прервать разговор, покинуть помещение (часто в форме изъявительного наклонения): *Das überlassen Sie bitte den zuständigen Experten, Pater, wie ich Ihnen als Experte das Wort Gottes überlasse! Ich habe gleich eine Konferenz. Sie entschuldigen mich – (K-A, 83).*

Нередко перформативные глаголы извинения модализируются – используются в сочетании с модальными глаголами, превращаясь в скрытые перформативы, формируя тонкий слой модального смысла. Это происходит в случаях, когда речь идет об извинении за инцидент, произошедший какое-то время назад, а не непосредственно перед моментом речи.

Модальный глагол *müssen* интенсифицирует просьбу о прощении, поскольку его употребление как бы выявляет объективность вины: она признается как столь очевидная или значительная, что извинение в этом случае

неизбежно. В нижеприведенном примере высокомерный директор музея, из которого была совершена кража, вынужден извиниться за грубость в отношении работника сыскной полиции, блестяще раскрывшего преступление, в деловых качествах которого он напрасно сомневался,: *– Ich... hm..., ich...na ja, ich hatte eben keinen guten Eindruck von ihm. Würde mich wohl entschuldigen müssen (T-G, 62).*

Модальный глагол *können* встречается в просьбах о прощении, выраженных в форме вопроса. Такие высказывания представляют собой запрос о возможности и способности адресата совершить действие (простить причинение ущерба), говорящий очень заинтересован в исполнении действия и наступлении желаемого перлокутивного эффекта, поскольку от этого зависит состояние его отношений с адресатом: *Ich war doch so ein Schaf und ich schwöre dir, dass ich nie, nie mehr davonlaufen werde. Kannst du mir meine Dummheit noch einmal verzeihen? (K-S, 95).* В ассертивных высказываниях извинения глагол *können* показывает обезоруживающе безоговорочное признание говорящим своей вины, он осознает меру тяжести нанесенного им ущерба и смиренно констатирует ограниченность своей компетенции только просьбой о прощении: *Wir hatten uns viel zu erzählen, Herr Konradi, ich kann Sie nur bitten, uns zu verzeihen (K-M, 181)* – извинение адресовано незадачливым женихом отцу своей невесты, поводом для него является переполох, вызванный поздней ночной прогулкой влюбленной пары.

Используя модальный глагол *mögen (möchte),* говорящий вербализует очень деликатную просьбу о прощении, облекая ее в форму выражения намерения: *– Ihr derzeitiges Benehmen zeugt weder von gutem Charakter, noch von hohen Prinzipien. – Ein unverzeihlicher Fehler, für den ich mich entschuldigen möchte. (K-M, 177)*

Увеличение иллокутивной силы извинения и выражение реляционного смысла достигается использованием обращений, которые и в этих речевых актах одновременно выполняют функцию адресации и функцию регулирования отношений между говорящим и слушающим, свидетельствуя, как правило, о

расположении говорящего к адресату: – *Entschuldigen Sie, Fürst, Sie haben ganz genau wie er geklungen (M-S, 342); Entschuldige, Papa. Das Gerede führt zu nichts (N-H, 340).* В ситуациях искренней просьбы о прощении имя часто ставится в форму, свойственную неофициальному общению, превращаясь практически в комплиментарный вокатив, при этом широко употребляются различные экспрессивные суффиксы *(Und wie ich mich schäme! Ich bin ganz zerknirscht. Bebsy, Süße, verzeih mir (K-VA, 31).*

Модифицирующими операторами, сопровождающими выражение интенции извинения, являются слово *bitte,* междометия: *Bitte, nehmt meine Entschuldigung an und verschont meine Eltern (M-S, 277)* – слово *bitte* уже своей семантикой (оно является сокращенным вариантом слова *bitten,* превратившимся в конвенциональную формулу просьбы) указывает на интенсивность просьбы о прощении и милости за причиненный ущерб.

Междометия в высказываниях извинения выводят на поверхность эмоциональный смысл, актуализирующий эмоции испуга от неожиданности причиняемого ущерба, экспликация которых, в свою очередь, свидетельствует о ненамеренности соответствующего действия: *Oh, ich bitte um Entschuldigung. Störe ich bei einer Besprechung? (M-S, 362).*

Важным оператором порождения оттенков интенционального смысла являются наречия, интенсифицирующие и модифицирующие извинение. Например, наречие *untertänigst* подчеркивает более низкий социальный статус извиняющегося и, следовательно, более интенсивную просьбу о прощении: *Ich bitte untertänigst um Verzeihung, Fürst (M-S, 25).* Использованием наречий *wirklich, ehrlich, echt, aufrichtig* говорящий заверяет адресата в искренности испытываемых им чувств: *<...> Wofür ich mich richtig entschuldige (M-S, 413);* наречие *sehr* подчеркивает чувство неловкости адресата и его оценку ситуации – повода для извинения как очень неприятной: *Ich bitte Sie sehr um Verzeihung (W-M, 56).*

В. Ланге [Lange 1984: 79] обратил внимание на интенсификацию извинения наречием *vielmals*, например: *Mein Gott, James ... Entschuldige ...*

entschuldige vielmals (L-E). Это выражение, часто используемое в разговорной речи, давно известно своей нелогичностью: нельзя требовать от человека, чтобы он много раз извинил коммуникативного партнера, но можно много раз просить его об этом. Правильно было бы сказать *Ich bitte vielmals um Entschuldigung* [Duden 1972; s.v. entschuldigen]. В. Ланге объясняет эту нелогичность тем, что наречие *vielmals*, являясь очень удобным средством интенсификации побуждения, просто «перекочевало» по принципу аналогичного уподобления из официальной формы *ich bitte vielmals um Entschuldigung* в идентичное по значению, но менее официальное *Entschuldige/n Sie vielmals*.

1.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов извинения. Пропозициональная часть высказываний извинения включает распространенное или свернутое описание вины, ставшей поводом для совершения этого речевого акта. Оператором выражения пропозиционального смысла в свернутой пропозициональной части является существительное в винительном падеже без предлога: *Vergebt mir <u>mein Eindringen zur Unzeit, mein Fürst</u> (M-S, 265)* или (значительно реже) существительным в винительном падеже с предлогом *für*, которое заменяется местоименным наречием при указании вины в пресуппозиции высказывания извинения*: Für mein allzu pünktliches Erscheinen bitte ich um Entschuldigung (L-G, 119); Mein Englisch ist nicht gut. Entschuldigen Sie mich dafür (M-D, 97).*

Развернутое описание вины приводится в форме придаточного дополнительного предложения с союзом *dass: Verzeiht mir, <u>dass ich widerspreche</u>, Fürst Kawakami. Meiner Ansicht nach ist es korrekt, wenn Euch Fürst Shigeru das Betreten verweigert (M-S, 223)* или придаточного дополнительного бессоюзного предложения: *Vergebt uns, Fürst Kudo, <u>wir sind auf Shigerus Ruf eingefallen</u> (M-S, 328).*

Часто нарушение – повод для извинения – описывается условным придаточным предложением с союзом *wenn*, которое представляет собой

особый случай минимизации вины самим говорящим, повод для извинения в нем как будто бы ставится под сомнение: *Verzeihen Sie, mein Herr, wenn ich daran zweifle (M-S, 413).* Такие высказывания представляют собой извинение «на всякий случай», говорящий готов к реакции адресата, которая оправдает его, снимет принятую им на себя вину.

Наконец, еще одна распространенная форма выражения пропозиции извинения – предложение, присоединенное к иллокутивной части противительным союзом *aber*: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos* <...> *(K-A, 25).* Очевидна грамматическая специфика таких высказываний извинения: союз вводит противопоставление, мотив которого не назван прямо, а имплицирован и выводится путем несложных инференций: *Verzeihen Sie, Pater, aber irgendwie sehen Sie mich hilflos → Ich sollte stark sein, aber die Umstände zwingen mich, hilflos zu sein, dafür bitte ich Sie um Vertzeihung.* Следует констатировать, что с помощью союза *aber* происходит компрессия важной части высказывания *die Umstände zwingen mich benificent zu handeln,* имплицируется целое предложение. Результатом такой «нетрадиционной» связи является, естественно, языковая экономия, но ею вопрос не исчерпывается: перед нами разрыв привычной формальной связи между отдельными звеньями высказывания. Такая взаимосвязь частей не соответствует синтаксической норме, неожиданная последовательность синтаксических единиц или их опущение часто выражают эмоциональное напряжение, она характерна для эмфатической речи, выражения эмотивного смысла. Это своеобразная фигура речи: просьба о прощении получает необычное смысловое продолжение: *Verzeihen Sie, aber welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio? (FL-S, 99) → Verzeihen Sie (mir die indiskrete Frage), aber (dienstlich bin ich gezwungen sie doch zu stellen und ich frage Sie also,) welcher Art sind Ihre Beziehungen zu dieser Signora Dosio?* – вопросительная часть приведенного высказывания лишена своей вводящей половины (она представлена имплицитно) и приобретает усеченный вид.

1.4.3. Формирование смысла в косвенных извинениях. Выражение интенционального смысла в высказываниях косвенного извинения осложняется экспликацией эмоционально-оценочного компонента смысла, который покидает «задний угол» и занимает более престижное место в смысловой иерархии. Эмоциональная оценка проявляется в поверхностной структуре высказывания выражением сожаления по поводу причинения ущерба, признанием своей вины, предложением возместить ущерб, ссылкой на ненамеренность действия.

Выражение косвенного извинения в форме сожаления (*tut mir leid, ich bedauere, leider, bedauerlicherweise dummerweise* и т.д.) – продуктивный речевой акт в немецком языке. Отличие косвенного извинения от прямых высказываний сожаления по поводу неблагоприятного стечения обстоятельств, причиной которого послужил не говорящий (*Tut mir leid, wenn dich das alles so mitnimmt, Ich kann dir auch nur sagen, was sich so tut <…> (B-W, 39)*), при этом заключается в том, что такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают как раз отказ говорящего взять на себя вину за произошедшее. Формула *Tut mir leid* и ее синонимы в таком случае – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить: *Ein Jammer, dass Bessie kurz vor Weihnachten sterben musste, und sie hatte das Fest doch so gern (C-W, 27).* Извинение, напротив, выражает не покорность обстоятельствам, а попытку изменить оценку неверного действия на положительную*: <…> Tut mir leid, Mr. Clark, dass gerade ich es bin, der Ihnen sicherlich nicht gerade angenehme Nachricht übermittelt. Aber morgen hätten Sie es in allen Zeitungen lesen können (T-G, 14).* Так же как и эксплицитное извинение, косвенное извинение-сожаление может выражаться по поводу вербальных или невербальных действий говорящего, причинивших ущерб: – *Wir sind da, Miss. – Ach, tut mir leid (C-W, 45)* – извинение за невнимательность, говорящая не услышала, задумавшись, что таксист уже дважды повторил просьбу расплатиться; – *Es tut mir leid, dass ich Sie damit belästigen muss <…> (C-W, 122)* – извинение за

необходимость обращения к адресату с просьбой, оно сопровождается аргументацией – указанием на причины действия, причиняющего ущерб.

В. Ланге указывает на интересный дейктический феномен: вместо *Das tut mir leid* используется *Es tut mir leid*. Во втором варианте В. Ланге видит больше выражения раскаяния, чем в сожалении с элементом, непосредственно направленном на собственное поведение. Формула *Du tust mir leid* используется только в речевых актах сочувствия [Lange 1984: 96].

Косвенные извинения в форме высказываний признания собственной ответственности и вины и объяснения причин действий, вызывающих чувство вины, могут быть практически неограниченно разнообразны[28]. Поскольку сознание вины является условием успешности речевого акта извинения и, следовательно, предпосылкой для всякого извинения, то в повседневной коммуникации эксплицитное признание вины может быть использовано в функции полноценного извинения: *Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet <…> (M-S, 360).* Признанием вины может служить, например, негативная оценка говорящим самого себя и своего поступка: – *Das war eine Falle, glaub mir, ich kann nichts anderes sagen. – Ich verstehe nicht, dass ich je daran zweifeln konnte, Liebling (K-A, 261)* – говорящая косвенно извиняется за недоверие своему возлюбленному, негативно оценивая свои сомнения в его верности и глубоко раскаиваясь в своих предшествующих действиях. Признание вины сопровождается часто ссылкой на ненамеренность произошедшего: *Es geschah in der Hitze des Gefechts. Ich habe jede Disziplin verloren. Das war unverzeihlich (M-S, 302)* – извинение за поражение в боевом состязании, включающее признание своей вины (*Ich habe jede Disziplin verloren*), ссылку на ненамеренность причиненного ущерба (*Es geschah in der Hitze des Gefechts*) и оценку степени тяжести своего проступка (*Das war unverzeihlich*).

[28] Мы рассматриваем высказывания, в которых говорящий берет на себя ответственность за происшествие, объясняет свои действия или оправдывается за них, предлагает компенсацию нанесенного ущерба, или в которых он снижает тяжесть проступка или отрицает его, как извинения (см. также [House, Vollmer 1988: 129]). С. Мартен-Клиф рассматривает все перечисленное только как дополнения к собственно извинению, для которого, как указывалось выше, характерны признание вины и чувство сожаления.

Продуктивным языковым показателем наличия извинения в пропозициональной части высказывания является словосочетание *übel nehmen*, которое можно рассматривать как включающее имплицитную просьбу о прощении и не обижаться, поскольку причинившее ущерб действие было ненамеренным и не имело целью нанесения обиды: – *Dein Butler hat mir ´ne Menge Geld gepumpt. Ich möchte es dir zurückgeben, Gordon... – Lex Franklin ist ein Idiot! Du darfst es ihm nicht über nehmen, Tom. Er hat sich eben durch deinen... hm ... etwas mitgenommenen Anzug verwirren lassen (T-G, 20).* В приведенном примере говорящий извиняется за поведение своего слуги, принявшего гостя за нищего. При этом объяснение причины, приведшей к неприятному инциденту, включает косвенное обвинение адресата в неопрятности, являющееся, по сути дела, перекладыванием вины.

* * *

В качестве вывода из сказанного об извинении следует отметить сильную формализованность этого речевого действия, его облигаторность в релевантных ситуациях, это мнение доказывается непродуктивностью неконвенциональных косвенных речевых актов извинения. Обязательная эксплицитность только иллокутивной части высказывания (говорящему важно совершить вербальный поклон для сохранения добрых отношений с партнером, продемонстрировать желание компенсировать нанесенный ущерб) и опущение пропозициональной части (вина говорящего является прагматической пресуппозицией) подчеркивает важность и интенсивность выражения интенционального компонента смысла, который в тесном переплетении с реляционным смыслом доминирует в рассматриваемых речевых актах, подчиняя себе все остальные. Эмоциональный и оценочный элементарные смыслы остаются чаще всего невостребованными (за исключением очень искренней просьбы о прощении за серьезный проступок) и находятся в ситуативно «невысвеченной» части смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости.

2. РЕЧЕВОЙ АКТ ДОБРОПОЖЕЛАНИЯ

2.I. Добропожелание как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Добропожелание определяется нами как речевой акт, иллокутивная цель которого состоит в реакции говорящего на действие адресата либо на некоторое положение дел, касающееся адресата и требующее реализации пожелания в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе. Добропожелание выражает чувство благоволения говорящего по отношению к адресату, выражение этого чувства способствует установлению или поддержанию контакта с другими членами данного общества, следовательно, высказывания добропожелания предназначены для регуляции межличностных отношений коммуникантов (ср. также [Вдовина 2007: 15].

Обращение к словарной дефиниции (*jmdm. gegenüber zum Ausdruck bringen, dass man sich für ihn wünscht, es möge ihm etw. bestimmtes Gutes zuteil werden* [Duden 2000]) показывает, что речевой акт добропожелания реализует речевое действие выражения надежды на наступление определенного положения дел в жизни адресата и информирует его тем самым о положительной оценке говорящим его действий или ситуации в целом. Поскольку желаемое положение дел не находится в компетенции адресата и говорящего, а зависит скорее от внешних обстоятельств, то при выражении пожелания речь не идет о попытке побудить адресата к действию, говорящий также не берет на себя обязательства выполнить будущее действие[29].

Общая иллокутивная сила позволяет очертить круг высказываний, реализующих речевой акт положительного, ритуального пожелания. К ним мы относим пожелания-приветствия, пожелания-поздравления, тосты, пожелания-предписания, благословения. Высказывания злопожелания мы рассматриваем как отдельный речевой акт, входящий в группу инфлуктивов. Такая трактовка ни в коей мере не является возражением точке зрения лингвистов, определяющих пожелание широко и опирающихся в своем мнении на

[29] Ср. таксономию и описание типов экспрессивных речевых актов в:[Hindelang 1978б; Graffe 1990].

семантическую структуру перформативного глагола. Например, М.Я. Гловинская, описывая компоненты семантики русского глагола *желать,* утверждает, что пожелания – это изъявление желания не только добра, но и чего-то нехорошего, недоброго [Гловинская 1993: 211; также Формановская 1984: 102]. Мы полностью согласны с мнением, что интенция выражения надежды на наступление определенного положения дел объединяет эти два вида в рамках одного иллокутивного типа; положительная или отрицательная оценки желаемого положения дел выражаются пропозицией и не могут считаться решающим критерием для разделения этих речевых актов. Но такие рассуждения верны для изолированного рассмотрения речевых актов, без отнесения их к какой-либо классификационной группе. В нашем же анализе определяющим моментом является роль пожелания в реализации целей общения: положительное пожелание относится к вежливым, этикетным речевым действиям, оно реализуется говорящим с целью выразить симпатию по отношению к адресату и надежду на будущее благополучие в его жизни. А негативное пожелание является нарушением социальных норм, формой вербальной агрессии, посредством которой говорящий в целях удовлетворения собственных интересов воздействует на эмоциональное состояние адресата, а иногда просто эмоционально разряжается [см. также Коморова 2005]. Такой угол зрения дает нам основания развести речевые акты положительного и негативного отрицания в разные группы экспрессивных речевых актов[30] и констатировать невозможность рассмотрения высказывания негативных и позитивных пожеланий как зеркального отражения друг друга, каждый из них обладает рядом специфических черт. Оценочное значение, присутствуя в высказываниях обоих типов, является необходимым условием совершения данного речевого акта; но, если высказывание положительного пожелания способствует плавному завершению общения, не разрушая контакта, то проклятия нацелены на его резкий обрыв с малой вероятностью

[30] Как два различных подкласса рассматривает положительное и негативное пожелание и автор монографии об экспрессивах С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 164f; 238f]; она считает положительное пожелание выражением надежды на будущее благополучие адресата, а негативное пожелание – надежду на то, что с адресатом случится желаемая неприятность.

восстановления: – *Kann ich sonst noch etwas für Sie tun? – Ja. Scheren Sie sich zum Teufel (H-S, 62).*

Психической основой добропожелания является «положительная эмоция ожидания» [Mees 1985: 10], которая в зависимости от степени интенсивности может варьироваться от приятного беспокойства до тоски и страстного желания. Степень интенсивности лежащего в основе пожелания чувства зависит, кроме всего прочего, и от того,

1) идет ли речь при его поводе о повторяющейся ситуации (как, например, принятие пищи) или об однократном событии (как, например, предстоящий экзамен),

2) в каких социальных отношениях находятся участники общения – говорящий и адресат добропожелания,

3) какие последствия имеет для партнеров наступление или ненаступление желаемой ситуации (например, неудавшееся блюдо имеет значительно менее серьезные последствия, чем несданный экзамен).

Повседневные рутинные речевые действия добропожелания, к которым относится большинство пожеланий благополучия и удачи в регулярной деятельности адресата, характеризуются невысокой степенью интенсивности выражения эмоции ожидания. Это доказывается тем, что большинство употребительных выражений добропожелания клишировано. Для речевого акта пожелания удачи в однократной или специфической деятельности адресата характерна, напротив, высокая степень интенсивности выражения эмоции ожидания.

Поводы для добропожелания. Принципиально важное отличие высказываний добропожелания от высказываний других речевых актов заключается в том, что они нарушают некоторые принципы кооперативного общения, например, они вопреки правилам сообщают адресату общеизвестную, банальную информацию (*Du bist 16 geworden und ich wünsche dir zu diesem großen Tag alles Beste*). Тем не менее, высказывания добропожелания соответствуют норме и реализуются в соответствии с тем, «как принято».

Значит, главным моментом в значения добропожелания и успешности этого речевого действия является существующая в том или ином обществе традиция.

Традиционные поводы для добропожелания классифицируются лингвистами с разных точек зрения. Например, Г. Хинделанг [Hindelang 1978a: 67], рассматривающий ритуальные пожелания, делит их по ситуативно-временному критерию на

сезонные пожелания (*Frohe Ostern!),*

пожелания, обусловленные временем суток (*Gute Nacht!),*

и пожелания, обусловленные случаем *(Gute Fahrt!).*

С. Мартен-Клиф [Marten-Cleef 1991: 164, 167] различает только два подтипа положительных пожеланий, причем не на основе их ситуативной привязанности, а на основе их пропозициональных особенностей. Свое мнение она обосновывает тем, что выраженное в добропожелании чувство надежды характеризуется больше его направленностью на желаемое состояние, чем его зависимостью от признаков актуальной ситуации. Подтипы высказываний положительного пожелания дифференцируются автором, таким образом, в зависимости от того, выражается ли при их помощью надежда на будущее благополучие адресата или надежда на успех его будущей деятельности.

Пожелание благополучия выражается по поводу общих праздников (*Also dann bis zum 27-sten. Ach ja, und frohe Weihnachten (M-H, 256)*), по поводу начала нового отрезка времени и по поводу индивидуальных знаменательных дат в жизни человека (*Also, alles Gute zum Geburtstag! Liebe und Freude, Vertrauen, Freundschaft, Erfolg! (разг. речь)*). Положительные пожелания сопровождают также принятие пищи и напитков (*Guten Appetit!*), они произносятся при посещении больных – пожелания здоровья и выздоровления (*Ich wünsche Ihnen gute Besserung! (H-M, 172)*).

Пожелание успеха (успешное завершение действия, благоприятные условия его совершения) относится к будущей деятельности адресата, при этом речь может идти как о регулярной деятельности (работа по профессии, занятия спортом, творческая деятельность – *Guten Flug! Bis morgen, Herr Kapitän!..*

(K-M, 13)) или однократном действии – поездке или экзамене (*Okay, mein Freund. Viel Glück! (B-S, 217*).

И. Соса-Майор, сопоставляющий функционирование разговорных клише в немецком и испанском языках [Sosa Mayor 2006], подразделяет добропожелания в зависимости от индивидуальности повода для них на

тосты и застольные пожелания (*Auf deine Gesundheit! (разг. речь*),

общие пожелания благополучия (например, *Mach's gut! Alles Gute!*),

специфические ситуативные пожелания (*Behüt dich Gott, Vater! (M-Z, 3)*),

пожелания по поводу событий частного (например, день рождения) и коллективного (например, рождество) характера, например, *Guten Rutsch, Frohe Weihnachten!*

Сравнив эти и другие[31] классификации поводов для положительного пожелания, приходим к выводу о том, что перечень традиционных внешних событий, обусловливающих появление этикетных высказываний добропожелания, весьма невелик, и они поддаются завершенному перечислению:

расставание (*Leb wohl, Wimbledon (M-H, 192); Schönen Tag noch!*),

встреча (*Guten Morgen!*),

прием пищи (*Guten Appetit*),

отход ко сну (*Gute Nacht!*),

болезнь (*Ich wünsche Ihnen gute Besserung! (H-M, 172)*),

некая деятельность (*Viel Glück, Gentelmen! (B-S, 38)*),

планирование свободного времени (*Und ich wünsche dir Spass bei der Omi! (H-M, 279)*). Каждое из перечисленных событий при условии соблюдения культурных норм конвенционально сопровождается или предваряется речевым актом добропожелания.

2.2. Функционирование и варьирование добропожелания

[31] О поводах для пожелания говорят, например, Н.А. Ранних [Ранних 1998], М.В. Уткина [Уткина 2002], Е.В. Вдовина [Вдовина 2007].

Стереотипные и индивидуализированные добропожелания. Все положительные пожелания в разговорном обыденном общении обладают единой перлокутивной прагматикой без каких-либо специфических коннотаций, т.е. не подлежат какой-либо другой интерпретации, кроме единственно обусловленной. Это значит, что если некто услышал конвенционально употребленное пожелание *Viel Glück!,* то ему не придет в голову искать в нем скрытый смысл (за исключением особых случаев преднамеренной коннотации). При реализации этикетного пожелания главное – сказать общепринятое, предусмотренное нормами межличностного общения, эта характеристика делает высказывания пожелания с положительным пропозициональным содержанием высокочастотными и стереотипными, исключающими риск ошибиться в выборе формы.

Высказывания, стереотипность которых касается не только их формы, но и содержания (дважды стереотипные), можно назвать стандартными или собственно этикетными [см. также Ранних 1994]. Посредством таких высказываний любой говорящий может совершить речевой акт добропожелания в необходимой ситуации по отношению к любому слушающему, независимо от возраста и социального положения последнего, а также степени знакомства с ним. Такие речевые акты используются при недостаточно близком знакомстве между коммуникантами, при отсутствии необходимости подчеркивать характер своего отношения к собеседнику, в ситуациях строго официального общения. Стереотипность формы и содержания достигает своего максимума в пожеланиях типа *Guten Morgen! Guten Appetit!,* строго закрепленных за определенной коммуникативной ситуацией.

Стандартным и ситуативным пожеланиям противопоставляются индивидуализированные добропожелания, предназначенные конкретному слушающему в определенный момент времени; они не могут продуцироваться любым говорящим*: Mit der Kaffeekanne kann man, finde, ich, einen recht guten Kaffee machen. Und ich hoffe, du machst es dir damit so richtig gemütlich und*

genießt ein bisschen! (разг. речь). Выбор предмета добропожелания зависит от ряда обстоятельств: ситуации общения, числа участников, личных взаимоотношений, настроения, стиля общения (встречаются как официальные, так и фамильярные формы осуществления высказываний пожелания). Индивидуализированные пожелания добра произносятся, когда говорящий намерен подчеркнуть свое отношение к слушающему, как, например, в высказывании *Kopf hoch! Sei nicht traurig! (разг. речь),* которым говорящий пытается ободрить, поддержать адресата.

Искреннее добропожелание обусловливается аффектами говорящего и сопровождается выражением положительных эмоций – очевидно, что нейтральных оптативов-пожеланий не может быть по определению: в высказывании *Gesegnet sei dieser Abend und diese Stunde! (R-L, 180)* говорящий эмоционально выражает глубокое удовлетворение настоящим положением дел, пожелание адресовано любимой им женщине, с которой он провел несколько часов и испытывает от ее присутствия неизмеримое чувство счастья. Анализ языкового материала показывает, что среди добропожеланий, обусловленных аффективными состояниями говорящего, весьма распространены высказывания со свободной пропозициональной частью, поскольку аффективное состояние говорящего предполагает, а потому и конвенционально допускает эмоционально-речевую реакцию избирательно на любое возможное событие, вызвавшее это аффективное состояние.

Среди окказиональных нестандартных пожеланий встречаются высказывания, в которых говорящий желает партнеру ненаступления некоторого положения дел, оцениваемого им отрицательно: *Wir wollen hoffen, Aniser, dass der Täter bald gefunden wird. Ich wünsche dir wirklich nicht, dass du mit deinem Sohn auch noch eine solche Enttäuschung erleben müsstest! (M-Z, 5).* В высказываниях такого рода на передний план выдвигается реляционный смысл, говорящий, испытывая искренние положительные чувства к адресату и сочувствуя ему по некоторому релевантному поводу, пожеланием проявляет свое отношение к нему, личную заинтересованность в благоприятном исходе

дел (о личной заинтересованности свидетельствует употребление местоимения *wir*, представляющим говорящего участником событий).

Следует отметить абсолютное преобладание стандартных, клишированных высказываний добропожелания в немецком языке. Объяснение этому факту кроется, вероятно, в доминантных национальных особенностях общения, т.е. особенностях, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций. В немецкой культуре отмечается существенная доля поверхностного вежливого общения[32], поэтому частотными являются стандартные нейтральные высказывания типа *Schönes Wochenende! Schönen Tag noch! Gute Besserung! Viel Spass!*, отсутствие употребления пожеланий личного характера по большему количеству поводов, что свойственно, например, русской культуре.

Полиинтенциональность добропожелания. Важной характеристикой высказываний добропожелания является их полиинтенциональность, тесная «сплетенность» их основной интенции (пожелание) с неосновными, выраженными актами благодарности или комплимента, указанием на повод пожелания, а также на дальнейшие взаимоотношения. Например, в пропозицию высказывания *Und gesegnet seist du, weil du endlich mal wagst, etwas zu sagen, worüber du sonst errötet wärest (R-L, 180)* включен повод для благословения, имплицитно говорящий выражает положительную оценку адресата и ситуации общения, а также благодарность адресату за теплые слова. Произнесение подобных высказываний добропожелания в определенном контексте является достаточным для осуществления речевых актов благодарности. В высказывании *Es war schön. Viel Spaß in New York (M-H, 142)* пожелание сопровождается ретроспективной положительной оценкой совместно проведенного времени и благодарностью за него. Положительная оценка может касаться и самого адресата, превращаясь в

[32] С. Эрхардт в результате диахронического анализа категории вежливости выявляет причины сдержанной, «холодной» вежливости в европейских, в том числе и немецкой, культурах [Ehrhardt 2002: 42-58]. Он полагает, что необходимость сдерживать аффекты и сублимировать инстинкты при общении была первоначально обусловлена принадлежностью ко двору, где сильная моделированность поведения, достигавшая невиданного перфекционизма, страховала каждое релевантное лицо от ошибок и была залогом сохранения привилегированного положения.

комплимент его достоинствам (*Bist ein fein´s lieb´s Dirndl. Der Herrgot mög´ dich hüten (B-W, 41))* или третьего лица, присутствующего при разговоре: *Beständig, wie ein Fels. Möge er so werden, ganz wie sein Vater (M-S, 480).*

Часто положительноемпожелание произносится в ситуации приветствия или прощания и совмещает соответственно иллокутивные функции пожелания и приветствия/прощания: *Gute Reise! Leben Sie wohl!* Такие высказывания играют важную роль в процессе регулирования межличностных взаимоотношений, способствуя их укреплению. Своим содержанием и собственно произнесением (не являющимся обязательным) высказывания пожелания при приветствии или прощании эксплицируют интерес говорящего к делам слушающего, симпатию.

Корт М., рассматривая формы приветствия и прощания в немецком языке [Kohrt 1985: 177ff], утверждает, что, несмотря на очевидную этимологическую связь пожеланий и приветствий как *Guten Tag!* и т.п., последние не могут рассматриваться сегодня как выражение пожелания. Это подтверждается, по его мнению, существованием функционально эквивалентных форм выражения приветствия *Guten Tag!* и *Tag!* или *Hallo!* и форм выражения прощания *Auf Wiedersehen!, Tschüs!* или *Ich empfehle mich!* Качественное различие межу пожеланием и приветствием М. Корт устанавливает при помощи двух наблюдений:

1. В отличие от приветствия в ответ на пожелание следует чаще всего акт благодарности[33], например,

пожелание: – *Alles Gute auf deinem weiteren Lebensweg! – Danke schön!;*

приветствие: – *Guten Tag! – *Danke sehr!*

2. В отличие от пожелания приветствие/прощание, по мнению автора, может дословно повториться как взаимное приветствие/прощание в секвенции адресата, например:

[33] М. Корт оговаривает одно исключение: в отличие о других формул приветствия/прощания в ответ на прощание *Gute Nacht!* наряду с «ответом-эхом» *Gute Nacht!* может появляться и благодарность, например, в виде фразы *Danke, gleichfalls!*

пожелание: – *Viel Glück im neuen Jahr! – (*Viel Glück im neuen Jahr!) Das wünsche ich dir auch!*

приветствие: *Guten Tag! – Guten Tag!*

На основе этих двух признаков М. Корт отграничивает приветствия/прощания от пожеланий: «Только в тех случаях, где восприятие формулы как пожелания исключено и одновременно возможен или даже конвенционален «эхо»-ответ той же формулой, можно без сомнений определить это выражение как формулу приветствия» [Kohrt 1985: 179]. При этом выделенные признаки достаточно четко дифференцируют приветствие только в комбинации друг с другом, о чем свидетельствует следующий пример: на пожелание-поздравление *Frohe Weihnachten!* может последовать «эхо»-ответ *Frohe Weihnachten!*, но, в отличие от приветствия, реакцией на него может быть и благодарность, как *Danke sehr!*

Мы считаем приведенное мнение не совсем справедливым и утверждаем, что добропожелание, даже если оно произносится в ситуации приветствия или прощания, остается пожеланием, и его эллиптическая форма не должна вводить нас в заблуждение: формуле *Guten Abend!* соответствует менее распространенная эксплицитно-перформативная формула *Ich wünsche Ihnen einen guten Abend!* Высказывания пожелания такого типа мы рассматриваем как высказывания, совмещающие в себе иллокутивные силы приветствия и пожелания, что доказывается возможным развертыванием формулы *Guten Abend!* во фразу *Ich begrüße Sie und wünsche Ihnen einen guten Abend!* Поскольку краткие формы значительно более употребительны в повседневном общении, то они почти полностью вытеснили свои полные, требующие больше усилий эквиваленты и превратились в повседневные языковые клише.

Формулами, реализующие одновременно интенции приветствия и пожелания успехов в будущей деятельности, являются специфические приветствия представителей определенных профессий как *Glückauf!* (приветствие горняков), *Glückab!* (приветствие летчиков), *Gut Holz!* (приветствие игроков в кегли). Из соображений коммуникативной экономии не

принято многословно желать друг другу хорошего результата в работе, благополучного возвращения к месту старта или спортивного успеха. Ситуативные условия, например, на рабочем месте горняка, ведут к ограничению коммуникации самым необходимым, быстро произносимым. Формулой *Glückauf!* приветствие связывается с пожеланием успеха и отсутствия происшествий и травм в деятельности адресата. Первоначально эта формула выражала только пожелание, чтобы месторождение «открылось» и позволило легко добыть необходимый минерал. Х. Вейт [Veith 1871: 245] предполагает, что «*Glückauf!* является стяженной формой высказывания *Ich wünsche Glück, auf das die Gänge Dir auftun!, Glück schließe sich Dir auf!».* Семантические особенности формулы *Glückauf!* вряд ли отражаются в сознании современных горняков как в эквивалентной формуле *(Viel) Bergmannsglück!* Формула *Glückauf!* используется горняками при встрече вне шахты, в ответ на нее следует эхо-высказывание *Glückauf!,* в ответ на реплику *(Viel) Bergmannsglück!* следует благодарность *Danke (gleichfalls)!*

Приветствие охотников *Weidmannsheil!* воспринимается в первую очередь как пожелание, что доказывается ответом на него *Weidmannsdank!* Приветствия представителей профессиональных социальных групп, которые реализуются, как правило, в виде формул, находятся, таким образом, на пересечении приветствия и пожелания. Принимая это во внимание, мы, тем не менее, рассматриваем их как пожелание успеха в будущей деятельности, поскольку они обладают четкими признаками этого типа речевого акта.

При прощании высказывания добропожелания могут использоваться в качестве средства плавного завершения коммуникации как с обоюдного согласия коммуникантов (*Gute Heimkehr, meine Herren! (R-l, 265))*, так и при желании одной из сторон прекратить разговор (*Nein, meine Herren! Unter Druck verhandle ich nicht! Guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag! (K-A, 224)).*

Высказывания добропожелания при прощании могут быть использованы как в комплексе со словами прощания (*Also auf Wiedersehen und alles Gute (FS-S, 23)*), так и в качестве их субститута (*Gute Reise! Viel Glück! Alles Gute!*).

Некоторые из них используются только в этой ситуации (ситуативные высказывания добропожелания при прощании *Machen Sie es gut! (разг. речь)).* Эксплицируя значение прощания, данные высказывания пожелания, тем не менее, оставляют открытой позицию собственно формул прощания.

Заслуживают внимания случаи, когда высказывания добропожелания имеют точки соприкосновения с директивами, как, например, пожелание-совет (*Viel Spaß noch. Und tun Sie nichts, was ich nicht tun würde (M-H, 87)*). Директивы-пожелания употребляются чаще всего при условии достижимости пропозиции, контролируемости положения дел, которое является предметом пожелания – в первом высказывании пожелание-совет произносится говорящим по поводу действий, выполнение которых практически возможно, то есть содержание совета характеризуется признаком контролируемости. В ситуации неочевидности практической достижимости желаемого, неясности действий, которые могут привести к желаемому результату, совет является не вполне корректной формой выражения мыслей, поэтому предпочтительной формой в этом случае является собственно пожелание: *Ich wünsche dir viel Glück, mein Alter. Hoffentlich findest du auch endlich in den Hafen der Ehe. Ich würd es dir wünschen <...> (U-V, 41).* Совет *Ich rate dir endlich in den Hafen der Ehe zu finden* в ситуации приведенного высказывания, не подкрепленный аргументацией, выглядел бы несколько странно и мог бы быть расценен адресатом как вмешательство в его личную жизнь, в то время как пожелание в представленной выше форме показывает заинтересованность говорящего в благополучии партнера и является благопожеланием, не включающим иные интенциональные смыслы, кроме эксплицированных.

Включение директивного иллокутивного компонента в высказывания добропожелания становится возможным, поскольку они, также как совет или просьба, «предполагают такие отношения между прескриптором и исполнителем, при которых последнему предоставляется свободный выбор совершать или не совершать действие» [Акимова, Масленникова 1987: 4]. Кроме того, и высказывания пожелания и директивы используют идентичные

формальные средства для выражения своих значений, что делает возможным их слияние в рамках одного высказывания.

Особняком в парадигме пожелания стоят высказывания добропожелания в обстановке застольно-торжественного общения – тосты, конвенционально возможные и социально одобряемые речевые акты пожелания, произносимые при проведении разного рода ритуальных и неритуальных застольных мероприятий. Тосты представляют собой благопожелания одному адресату или всем присутствующим, включая говорящего[34]. Их пропозиции описывают положение дел как предпочитаемое адресатом/адресатами.

Пожелания-тосты имеют такой же перлокутивный эффект, как и искреннее пожелание – они, с одной стороны, вносят изменения в психическое состояние адресата, настраивая его на положительную «волну» не только в сиюминутном общении, но и дают заряд позитивной энергии на будущее. С другой стороны, произнесение тоста как адекватная форма речевого поведения во время застолья успешно используется как речевая стратегия достижения говорящим целей установления/поддержания личных связей с адресатом. Например, тост *Trinken wir auf die Kunst und auf die Freundschaft, und reichen wir uns die Hände über den Ozean hinweg (M-H, 363)*, безусловно, является той самой «смазкой» социального механизма, продвигающего говорящего на пути достижения личных (не обязательно корыстных) целей.

Аналогично тостам функционируют застольные пожелания – пожелания хорошего аппетита и т.п.: *Guten Appetit!, Lass es dir schmecken!, Wohl bekomm's!, Mahlzeit!* При адресации формулы *Guten Appetit!* (лицу, принимающему пищу) социальные отношения между партнерами не играют роли, они могут быть даже незнакомы друг с другом. Эта формула произносится перед началом еды или во время еды и выполняет часто организационную функцию, сигнализируя начало трапезы (в этом случае произносится всегда хозяином и адресуется

[34] А. Вежбицка изображает схему речевого акта тоста-пожелания таким образом: я говорю, что я хочу, чтобы произошло нечто хорошее для X, и представляю себе, что если мы говорим это, выпивая, то это произойдет. Я говорю это потому, что хочу сказать, что мы питаем добрые чувства к X [Вежбицка 1997: 108].

гостям): *Ich wünsche euch einen guten Appetit, lasst es euch gut schmecken! (разг. речь)*.

Пожелания *Lass es dir schmecken!, Wohl bekomm's!* функционируют аналогично формуле *Guten Appetit!* и отличаются от нее только частотой употребления (*Wohl bekomm's!* является скорее «забытой» формулой и встречается редко). А формула *Mahlzeit!* как пожелание за столом встречается только на юге Германии и представляет собой результат эллиптирования средневерхненемецкой застольной молитвы *Got gesegene daz malzit* [Sosa Mayor 2006: 250],

В класс добропожеланий часто включаются так называемые пожелания-поздравления [См., например, Коморова 2005] (*Frohe Weihnachten! Alles Gute zum Geburtstag!)*. Такая точка зрения требует некоторых пояснений.

Высказывания типа *Frohe Weihnachten! Alles Gute zum Geburtstag!* действительно являются пожеланиями, поскольку форма этих высказываний, безусловно, указывает на речевой акт пожелания с имплицированным перформативным глаголом *wünschen (Ich wünsche dir frohe Weihnachten! Ich wünsche dir alles Gute zum Geburtstag!)*. Еще меньше сомнений при определении вида речевого акта вызывают высказывания со сказуемым *Glückwunsch* и с производным глаголом *beglückwünschen* в роли сказуемого, поскольку пожелание успеха/счастья является эксплицитно выраженным значением сказуемого (*Glück wünschen*).

Однако ситуация не так проста, как это кажется на первый взгляд. Высказывания указанного типа произносятся в праздничном дискурсе и предполагают (в зависимости от того, по какому поводу произносится пожелание – в связи с личным или общепринятым праздником) реакцию в виде благодарности (– *Alles, alles Gute zum Geburtstag! – Danke*), или ответного пожелания (– *Simon, wie geht's? Frohe Weihnachten <...> – Auch Ihnen frohe Weihnachten! (M-H, 254)*). Описанная в словарях семантика существительного *Glückwunsch* включает кроме компонента *Wunsch für Glück und Wohlergehen zu einem besonderen Fest*, который допускает употребление этого слова в речевых

актах пожелания, еще и компонент *Ausdruck der freudigen Anteilnahme an einem Erfolg, einer Leistung, einem freudigen Ereignis,* сигнализирующий о совершении речевого акта поздравления. Действительно, высказывания типа *Glückwünsche. Das hier ist super. Wie bist du dazu gekommen? <...> (M-H, 313)* вряд ли можно отнести к речевым актам пожелания, они являются речевыми актами поздравления с успехом, удачей.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что высказывания типа *Frohe Weihnachten!,* являясь полиинтенциональными образованиями, представляют собой особую группу, «переходную зону» между высказываниями добропожелания и высказываниями поздравления. Их полная реализация предполагает речевое действие (*Ich gratuliere Ihnen/dir*) и сообщение о событии-поводе *(zu ...)*. Но в реальном общении некоторые компоненты речевого акта поздравления отсутствуют, т.е. исходная интенция (поздравление) не эксплицируется из-за очевидности ситуации: пожелание веселого Рождества или всего хорошего в день рождения всегда предполагает предшествующее поздравление с праздником. Поэтому в высказывании выделяется только предмет поздравления-пожелания.

Немецкие лингвисты различают речевые акты поздравления по поводу уже наступившего события *(Glückwunsch)* и акты пожелания будущего благосостояния *(Glück etc. wünschen)* [Coulmas 1981: 149; Marten-Cleef 1991: 145]. Главным различием между ними является временная отнесенность. Даже если ситуативный повод для поздравления и положительного пожелания (как, например, свадьба или рождение ребенка) совпадает, эти два речевых действия касаются различных аспектов события: положительное пожелание выражает надежду на дальнейшее благополучие адресата; поздравление выражает разделение радости по поводу уже произошедшего события.

С различной временной отнесенностью обоих актов связан еще один дифференцирующий критерий – различие в выражаемом чувстве: при поздравлении чувство выражаемой симпатии можно охарактеризовать именно

как со-радость, разделенную радость; при пожелании – как участливую надежду, благожелательность [Marten-Cleef 1991: 142].

Отличие поздравления от положительного пожелания доказывается также его положением в диалогической секвенции: секвенция с поздравлением не может принимать образ «эхо-секвенции», как в пожелании, когда адресат принимает ход в разговоре от говорящего и «рикошетом» передает его обратно. Например: *– Alles Gute für die Zukunft! – Danke, gleichfalls! Das wünsche ich dir auch! (*ср. поздравление: - *Herzlichen Glückwunsch zu deinem 1. Platz! – *Dir ebenfalls!).* Исключение составляют случаи, когда поздравления касаются совместно празднуемых событий (например, близнецы могут взаимно поздравлять друг друга с днем рождения, и супруги друг друга с годовщиной свадьбы).

2.3. Пожелание в составе диалогического единства

При анализе закономерностей использования высказываний добропожелания важно дифференцировать их с точки зрения соотношения с непосредственно предшествующей им репликой. На этом основании можно наметить две группы высказываний:

а) пожелания как реакция, каузированная репликой адресата: *– Drück mir die Daumen, Grundmutter, damit ich die richtigen Worte für den Mattias find'. – Bist ein fein´s lieb's Dirndl. Der Herrgott mög´ dich segnen (B-W, 41).* Адресат «требует» положительного пожелания в сложной жизненной ситуации и говорящий в соответствии с общепринятыми нормами благословляет его, желает ему удачи в его предприятии, соблюдая при этом дискурсивные прескрипции и тем самым декларируя свою культурную адекватность. Такие добропожелания, обусловленные прагматической ситуацией, являются планируемым перлокутивным эффектом декларативной инициативной реплики адресата.

Наличие просьб о пожеланиях при прощании указывает на важность данного речевого акта как способа выяснения отношения собеседника к

личности говорящего. Использование в ответ на подобную просьбу стандартного этикетного высказывания пожелания или отказ в произнесении пожелания может быть знаком равнодушия (или даже неуважения, нелюбви) к собеседнику, непризнания важности или сложности предстоящих ему дел: – *Wünschen Sie mir Glück und sagen Sie mir, dass Sie mich vermissen. – Was wollen Sie, ein Abschiedsorden und einen Verdienstorden? (M-H, 261).*

б) р е а к ц и я н а д о б р о п о ж е л а н и е является, как правило, реакцией на некоторый экстралингвистический стимул (болезнь адресата и другие поводы, перечисленные выше). Ответ на инициативное пожелание является обязательной, ожидаемой реакцией на его иллокутивную часть – это чаще всего речевой акт благодарности, который и представляет собой планируемый перлокутивный эффект: – *Schöne Grüße vom ganzen Italienlager! Wir wünschen Frau Chefin alles Gute. – Danke. Vielen Dank (K-A, 125);*

Этикетность, ритуальность речевых актов пожелания обусловливает крайнюю редкость появления реакции на их пропозициональную часть, поскольку согласие/несогласие с содержанием пожелания является в какой-то мере нарушением конвенций общения и правил речевого этикета. Однако такая реакция все же возможна при близких отношениях партнеров, которые допускают отклонения от правил «сохранения лица» собеседника. Примером реакции на пропозицию пожелания может быть следующий речевой фрагмент: – *Also dann, bis zum 27sten. Ach ja, und frohe Weihnachten. – Davon kann keine Rede sein, außer ich lasse mich vollaufen (M-H, 256)* – адресат пожелания утверждает невозможность веселого празднования Рождества, ситуативный контекст речевого фрагмента указывает на аргументы такого пессимистического настроения – нелюбимая теща и постоянные стычки с ней негативно окрашивают радостное предвкушение праздника.

Реакция на пропозицию встречается и при произнесении пожеланий-тостов, что является более логичным – вполне допустимо появление собственной идеи-повода для застольного пожелания. Кроме того, возражение содержанию пожелания-тоста может возникнуть и из соображений скромности,

если внимание автора тоста сосредоточено на тех или иных сторонах личности его адресата: в таком случае последний предлагает переключить внимание на достоинства или благополучие всех присутствующих или «рикошетом» направляет пожелание его инициатору: – *Auf deine Gesundheit.* – *Ich trinke lieber auf uns und unsere Musik (разг. речь).*

2.4. Формирование смысла речевых актов пожелания

Языковые средства – операторы, формирующие смысл речевых актов добропожелания, не отличаются большим разнообразием; этот факт объясняется сильной формализованностью пожелания, которая, в свою очередь, позволяет говорящему в любой ситуации, не задумываясь, продемонстрировать собеседнику свою социальную адекватность и благорасположение. Полный, прототипный вариант добропожелания представляет собой высказывание с развернутыми иллокутивной и пропозициональной частями, формула которого может быть представлена как *Ich wünsche dir/Ihnen X*. В рамках этой инвариантной структуры формируются все элементы смысла высказываний пожелания, доминирующим среди которых является интенциональный смысл, с операторов порождения которого мы и начинаем рассмотрение.

2.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов пожелания. Открытая семантика мотивирующего глагола *wünschen*[35], то есть его обязательная валентность на пропозицию предопределяет состав перформативных операторов порождения интенционального смысла. Он включает, в первую очередь, эксплицитно-перформативные высказывания, содержащие перформативный глагол *wünschen*, например: *Ich wünsche Ihnen viel Kraft für die nächsten Tage (U-V, 10).*

[35] Глагол *wünschen* иногда используется в значении «хотеть», то есть находится в числе синонимов предиката желания. Дифференциация их употребления определяется тем, что пожелание обычно содержит элемент оценки, «в то время как при выражении желания говорящий, рассматривая свой объект как средство достижения цели, может оставаться к нему безразличным» [Шатуновский 1989: 76]. Перформативный глагол *wünschen* определяется исследователями как глагол эмоционально-оценочного значения [Золотова 1988: 362] или глагол со значением активно проявляемого чувства [Кубик 1977: 127], а также как глагол социальной активности [Арутюнова 2003: 126].

Полнота такой канонической формулы добропожелания (вербальная представленность обоих антропокомпонентов) обеспечивает безошибочность интерпретации ее адресатом как искренней надежды на наступление желаемого положения дел. Адресат пожелания в таких высказываниях выражается местоименной формой дательного падежа, а также дополнительно называется обращением, которое, формально нарушая закон языковой экономии – личное местоимение второго лица при непосредственном общении достаточно четко определяет адресованность высказывания, – выполняет, тем не менее, исключительно важную коммуникативную функцию: оно подчеркивает ориентированность пожелания на адресата, придает ему особую убедительность, является вербальным «касанием», «поглаживанием» адресата, то есть является незаменимым оператором реляционного смысла высказывания, выводящим его на передний план. Обращения представлены, прежде всего, собственными именами (*Ich wünsche Dir alles Glück, Fritz <..> (K-A, 158)*), но могут быть ситуативно обусловлены и выражены фамильярными клише (*Ich wünsche Dir viel Glück, mein Alter (U-V, 41))* или официальной номинацией (*Ich wünsche Ihnen einstweilen ein langes Leben, Mr. Fonesca (B-S, 166)*).

Интересным наблюдением является факт изменения эмотивной направленности смысла высказывания пожелания при элиминировании антропокомпонентов – при всей очевидности их избыточного характера они являются важными элементами структуры речевого акта. Их неназывание может превратить искреннее пожелание в ироническое, даже саркастическое, ср. *Wünsche angenehme Nachtruhe! (N-H, 201)* – пожелание спокойно провести ночь адресовано солдатам противовоздушной обороны, уже несколько суток не имеющим возможности отдохнуть из-за непрекращающихся бомбежек. В высказываниях такого рода реляционный смысл не превалирует (поэтому исчезает необходимость ситуативно избыточного называния адресата и адресанта), он уступает доминирующее положение эмоционально-оценочному смысловому компоненту, который, эксплицируясь, оказывается на

отрицательном отрезке оценочной шкалы, даже несмотря на использование положительно-оценочных лексем *angenehm* и *Nachtruhe*.

Высказывания пожелания-поздравления реализуются, как правило, посредством именных перформативных формул, в предикативной позиции которых находится номинация *Wunsch/Glückwunsch: Ein bisschen verspätet, aber dennoch von Herzen: meine allerherzlichsten und liebevollsten Wünsche zu deinem Geburtstag!* (*разг. речь*). Элементами, указывающими на адресата и адресанта в этом случае, являются соответствующие притяжательные местоимения. Такие высказывания функционируют, как уже было указано, в специфическом праздничном дискурсе, их употребление демонстрирует культурную и социальную адекватность говорящего.

Перформативное выражение интенционального смысла иногда интенсифицируется наречиями образа действии, как: *von Herzen* или *wirklich:* Пожелания, включающие такие операторы, эмоционально маркированы и являются показателями искреннего, неформального пожелания. Достаточно редкая употребляемость модификаторов (они появляются скорее в официальных ситуациях, чем в повседневном общении) объясняется, вероятно, тем, что пожелание априори предполагает открытость намерений и отсутствие скрытых мотивов, поэтому дополнительное убеждение собеседника в истинности выражаемой интенции является излишним и несколько тавтологичным. Оно используется только как ситуативный смысловой оператор, когда прагматические условия требуют эмоциональной «поддержки» интенционального смысла.

Семантически избыточным является также указание на будущность желаемого (*wünsche für die Zukunft*), поскольку пожелание по своей природе проспективно, всегда касается еще ненаступившего положения дел (было бы странно выражать пожелание, направленное в прошлое: **wünsche für die Vergangenheit)*. Следует оговориться, что речь идет не об установлении пожеланием временных рамок его действия, такое ограничение в релевантных специфических ситуациях даже логично – пожелание по поводу дня рождения

или новогоднего праздника традиционно определяет срок его исполнения: наступающий календарный год или год жизни: *Für das neue Jahr wünschen wir euch, dass die Zeit bis Pauls Rückkehr recht schnell vergeht (разг. речь).* В следующем примере говорящий указывает на временные границы (*für die nächsten Tage),* в которые адресату, потерявшему близкого человека, предстоит прощание с ним и осознание тяжести потери: *Ich wünsche Ihnen Kraft für die nächsten Tage (U-V, 10).* Возможно, такое частое традиционное включение в пожелание временного актанта и распространяется – в соответствии с законом аналогичного уподобления – на речевые акты с неопределенным «сроком реализации», пожелания просто на будущее, ср.: *Ich danke Ihnen, Frau Strobel. Und ich wünsche Ihnen für die Zukunft alles Gute (U-V, 22).* Эта избыточность раздвигает рамки безличной клишированной формулы (*Ich wünsche Ihnen alles Gute*), вносит некоторый, пусть минимальный, элемент разнообразия, а, значит, и индивидуальности в пожелание.

Эксплицитный перформатив добропожелания редко «скрывается» за модальным глаголом, модифицирующее влияние которого порождает новые нюансы смысла, не всегда уместные в дискурсе пожелания; так, например, вынужденность, неотвратимая обязательность как главный элемент значения глагола *müssen* противоречит условию искренности при совершении речевого действия пожелания (**Ich muss Ihnen wünschen....*) и обрекает его на неудачу. Тем не менее, модальные глаголы спорадически все же сопровождают пожелание, например *Ich will es Ihnen von ganzem Herzen wünschen, dass sich Ihr großes Opfer gelohnt hat (T-O, 40).* Модальный глагол *wollen*, основное значение которого определяется как выражение воли, твердого желания [Duden 1998: 101], при сочетании в этом высказывании с перформативным глаголом *wünschen* удваивает иллокутивную силу называемого им речевого действия, указывая на личную заинтересованность говорящего в реализации речевого акта: *ich will wünschen und ich wünsche...*

Значение глагола *dürfen* предполагает получение права на совершение речевого действия [Duden 1998: 94], однако, поскольку современные

социальные конвенции не требуют разрешения адресата для выражения пожелания[36], то очевидно выполнение этим модальным глаголом иной функции. На наш взгляд, он подчеркивает подчиненное статусное положение благожелателя-говорящего и является средством повышенной вежливости, придает высказыванию особую торжественность, даже некую пафосность, например: *Dies alles vorausgeschickt, dürfen wir dem Fürsten Hohenlohe wünschen: möge er für den Rest des Lebensabends so glücklich werden, wie man es mit einundachtzig Jahren sein kann (K-B, 550)).*

Аналогично функционируют добропожелания с глаголом *lassen,* с тем лишь небольшим различием, что если *dürfen* в повествовательном по форме высказывании констатирует наличие права совершать речевое действие пожелания, то *lassen* (как правило, в побудительном высказывании) представляет собой формальную просьбу о предоставлении такого права: <...> *Lassen Sie mich Ihnen und meiner Freundin Glück wünschen (G-M, 529).* Значит, при наличии специфических условий принципиально возможно отклонение такой просьбы: **Nein, ich lasse Sie es nicht tun.* Однако поскольку модальная «маска» перформатива в добропожелании формальна, то с уверенностью можно утверждать, что глагол *lassen* представляет собой здесь некоторый «разбег», имеющий целью придать высказыванию особую торжественность, эмоционализировать его (ср. формальное *Ich wünsche Ihnen Glück).*

Иногда перформативный глагол употребляется в форме кондиционалиса, некатегоричность которого превращает его в оператор порождения окказионального смысла – неуверенности в возможности исполнения желания и поэтому в целесообразности пожелания: *Ach Ulla, ich würde Dir ja so sehr wünschen, dass Du diesmal Glück hast! (G-W, 144).* Осознавая слабую степень надежды на положительный исход дел, говорящий все-таки осторожно, с оговоркой осуществляет это речевое действие.

---

[36] Можно предположить, что первоначально запрос разрешения на произнесение пожелания имел логичные основания: пожелание как некий ритуал, призывающий высшие силы для исполнения желаемого, представлялся как нарушение границ личной сферы адресата, «вторжение» на его индивидуальную территорию. Поэтому, вероятно, имевший искренние коммуникативные намерения благожелатель осмеливался произносить пожелание, только если был уверен в расположенности адресата принять его.

Перечисленные особенности исчерпывают список специфических возможностей эксплицитно-перформативного выражения иллокутивной части высказываний пожелания. Поскольку коммуникативная ситуация и прагматический контекст безошибочно «проявляют» интенцию говорящего, то необходимость ее вербализации отпадает. Поэтому наиболее стереотипной формой выражения пожелания являются имплицитно-перформативные высказывания: *Guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag! (K-A, 224).* В них формально отсутствует перформативная часть, но они всё же являются перформативными, так как их актуализацией совершается определенное речевое действие: = *Ich wünsche Ihnen einen guten Tag und weiterhin einen schönen Sonntag!* Опущение актантов, соответствующих говорящему и адресату, вызвано тем, что они очевидны в ситуации произнесения пожелания. Опущение же актанта, являющегося вербальным выражением пропозиции, невозможно в силу семантической недостаточности глагола *wünschen (*Ich wünsche Ihnen!).* Такие высказывания «стилистически в небольшой степени снижены, несколько непринужденны» [Формановская 1984: 102].

2.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов пожелания. Вербализованная пропозиция высказываний стандартного пожелании представляет собой ритуальные клише, выраженные зависимой именной словоформой в винительном падеже. Наиболее употребительными среди них являются *Viel Glück! Alles Gute! Guten Appetit! Mahlzeit! Gute Besserung! Gute Reise! Schönes Wochenende! Schöne Ferien! Viel Spass! Viel Freude!* и др., например: *Ich wünsche dir und Evi einen guten Aufstieg (B-G, 15).* Положительное пожелание предполагает наступление бенефактивного для адресата положения дел, поэтому в качестве дополнения всегда выступает либо положительно оценочная лексема (*Gutes, Glück, Spass, Vergnügen, Freude, Lust, Behagen, Erfolg, Liebe: Ich wünsche Ihnen die Liebe zu Ihrem Schicksal (M-KH, 86)*), часто с интенсифицирующими операторами *viel, alles,* либо нейтральное существительное (*Tag, Abend, Erwachen, Leben, Reise, Heimfahrt, Gesundheit Unterhaltung* и др.), сопровождаемое положительно-

оценочным прилагательным в функции определения (*gut, glücklich, (wunder)schön, angenehm, froh, gesund, unterhaltsam, ungebrochen*, *vollkommen* и др.): *Wir wünschen Dir ungebrochene Schaffenskraft und eine so enge Mitarbeit mit uns wie bisher (K-T, 401).* Оценочное прилагательное может выступать также в качестве определения к предикату, например: *So schön wünsche ich mir auch unser weiteres Leben (T-O, 40).*

Большинство из словосочетаний, употребляемых в пропозиции высказываний стандартного добропожелания, имеют фразеологизированный характер, они не допускают включение в них дополнительных элементов. Особое место в списке таких клише-пожеланий занимает формула *Hals- und Beinbruch!,* номинативная референция которой значительно отличается от референции в пожеланиях как *Gute Reise!* или *Guten Appetit!* В последних пропозиция содержит прямые именования мыслимых объектов *(Reise, Appetit),* которые должны стать (в соответствии о пожеланиями говорящего) благоприятными для адресата пожелания. В пропозициях пожелания *Hals- und Beinbruch!* содержатся номинации *(Halsbruch, Beinbruch),* называющие объект, формально не имеющий отношения к желаемому положению дел. Даже наоборот, они как будто выражают надежду на отрицательный результат усилий адресата. Однако стертая внутренняя форма[37] нимало не препятствует функционированию этой конвенциональной формулы как пожеланию успеха: *Hals- und Beinbruch, halt die Ohren steif! (N-H, 350).* Примечательно, что именно формальная отрицательность пожелания этого фразеологизма является порой основой для ее индивидуализирующей модификации[38], например, «удачным», на наш взгляд, пожеланием при открытии зимнего катка является *Viel Vergnügen und keinen Hals- und Beinbruch! (SZ, 05.12.2006).*

Распространенной формулой пожелания является высказывание, предлагающее собеседнику самому определить круг желаемых приоритетов:

---

[37]Словарь Wahrig объясняет такую «странную» форму пожелания удачи вероятным народно-этимологическим перевоплощением выражения на языке идиш *hazloche und broche,* означавшим *Erfolg und Gelingen [Wahrig 2002].*

[38]И. Соса-Майор заметил зависимость между степенью устойчивости формы идиомы и ее значением, он считает, что чем идиоматичнее формула, тем больше вероятности, что ее формой и буквальным значением «играют» [Sosa Mayor 2006: 32].

Wir wünschen dir, was du dir selber wünschest (S-B, 131). Вероятно, такой тип, достаточно распространенный в наше время, представляет собой образец обезличивания имевшего когда-то большое значение ритуала пожелания: отправитель высказывания не дает себе труда (или не имеет возможности, времени) задуматься о том, что было бы благом для его собеседника и лишь формально соблюдает минимум необходимых правил вежливости. Такое «практичное», оправданное современным темпом жизни пожелание можно сравнить с не менее распространенными сегодня денежными подарками, когда даритель предлагает партнеру самому приобрести себе желаемый предмет.

Возможности индивидуализированного выражения пропозиции пожелания вряд ли можно исчислить, поскольку жизненные ситуации, в которых уместно добропожелание, исключительно многообразны. Это многообразие умножается также включением в рассмотрение риторических способностей и умений говорящего, прагматической ситуации (торжественность, праздничность контекста поздравления). Поэтому мы констатируем, что «несть числа» вариантам пожелания, рожденным творческим потенциалом собеседников в той или иной ситуации. Приведем лишь некоторые наиболее интересные примеры: *Ich bin sehr unbescheiden. Ich wünsche mir sehr viel, aber vor allem, dass wir solche Augenblicke noch oft erleben, Daniel, mein Liebster! (V-DN, 64)* – пожелание беспредельности счастливых минут с любимым человеком*; Ich wünsche Ihnen allen eine gute Zeit und vor allem gute und schöne Gefühle in allen Lebensbereichen (разг. речь)* – новогоднее пожелание положительного жизненного настроя*; <...> Hoffentlich findest du in den Hafen der Ehe. Ich würd es dir wünschen (U-V, 41)* – пожелание хорошему другу устроить, наконец, свою личную жизнь и др. Перечень индивидуализированных форм добропожелания может быть продолжен, но уже приведенные примеры с большой очевидностью доказывают, что при неизменности поводов для пожелания формы их эмоционального выражения в пропозициональной части пожеланий значительно варьируются,

пропозициональный смысл тесно «сплетается» с представленным всеми тремя элементами эмотивного смысла.

Формально пропозициональная часть индивидуализированных добропожеланий выражена дополнительным придаточным предложением, например: *Ich wünsche dir, dass du endlich mal vernünftig und nüchtern dem Leben entgegen gehst! (разг. речь).* Такие пожелания пространны, позволяют говорящему учесть отдельные нюансы жизненной ситуации адресата. Частотными операторами, порождающими различные окказиональные смыслы, в таких высказываниях являются модальные частицы, которые, например, в приведенном выше высказывании эмоционально указывают на пресуппозицию пожелания – непутевость и легкомысленность адресата. В контексте совместных переживаний собеседников, их общего жизненного опыта, высказывание пожелания может и не содержать полной пропозиции, а лишь дейктически указывать на ее представленность в предыдущих репликах, например: *Ich bin überzeugt, dass das Blut der Witwen und Waisen an seinen Reichtümern klebt. Wie denkst du, Albrecht? – Ich wünsche es, Ditlinde, ich wünsche es, dir und deinem Gatten zum Trost (M-KH, 152).*

Особую «нишу» в сфере выражения пропозиции пожелания занимают высказывания благословения с глаголом *mögen* в сослагательном наклонении, например: *Mögen euch kraftvolle Gezeiten vorwärts tragen und möge euch die Woge der Erinnerung nach Hause bringen (M-S, 484).* Как видим, говорящий при произнесении таких пожеланий-благословений призывает для их исполнения высшие силы (*Gott/Götter, Herr/Herrgott, Buddha/Buddhas)* или силы, сравнимые по значимости для говорящего с высшими (*Ahnen, Gezeiten)*. Эти номинации выполняют в синтаксической структуре благословения роль грамматического субъекта или генетивного определения к существительному, называющему их благорасположение (*die Gunst der Götter, Gottes Segen),* например: *Mögen unsere Ahnen über Euch wachen und euch sichere Heimreise gewähren (M-S, 309); Möge die Gunst der Götter mit allen sein, die wahre Tugend besitzen (M-S, 289); Gottes*

Segen zu deinem Geburtstag, Vater. Möge der Herr seine Hand allzeit schützend über dich halten (S-T, 15).

В качестве сказуемого таких пожеланий-благословений чаще всего употребляются глаголы *beschützen/schützen, behüten, segnen, retten, beistehen, wachen,* основным компонентом значения которых является защита, оберегание, предохранение от чего-либо, в нашем случае от действия черных, нечистых сил. Такие благословения сопровождают прощание с отправляющимся в дальнюю и/или опасную дорогу или на сложное предприятие, например: *Mögen alle Götter und Buddhas dich segnen und beschützen! (M-S, 177).* Модифицирование такого пожелания модальным глаголом делает его стилистически отмеченным вариантом, формой вежливости с высокой степенью торжественности.

Структурным вариантом высказываний благословения является образование без глагола *mögen*, например: *Gott beschütze dich! (разг. речь).* Эмфатический порядок слов в таких высказываниях выводит на передний план желаемое действие охранения адресата, эмоционализируя тем самым благословение: *Behüt dich Gott, Vater! (M-Z, 3).* Сакральный характер таких высказываний сохранился и до сегодняшних дней и, несмотря на частое употребление их «всуе», они являются важными операторами порождения эмотивного смысла высказывания, выражая значимость речевого действия для самого говорящего и желаемую действенность его для адресата. Вся конструкция является в высшей степени эмоциональной.

Следует указать на существование пожеланий-эксклaмативов с глаголом-сказуемым в презенс конъюнктив, например: *Noch einmal: es lebe die Zivilisation! (R-L, 226); Lang lebe der Kaiser! (M-S, 178).* Такие пожелания адресованы не конкретному собеседнику желающего – важному элементу речевой ситуации пожелания, а некоему собирательному или статусно очень удаленному адресату, что делает их отнесение к пожеланиям спорным.

Особую форму имеют пожелания-тосты, пропозиции которых могут быть как условно свободными, строящимися по модели **Auf + N_4!** (*Auf die kleinen*

bezaubernden Hotels! (M-H, 170)), так и фразеологизированными *(Zum/Auf das Wohl! Prosit!* с вариантами *Prost! Prösterchen!),* Формула *Prosit!* этимологически представляет собой форму 3 лица единственного числа презенс конъюнктив латинского глагола *prodesse,* означающего *nützen, zuträglich sein,* и является пожеланием *(es nütze, es möge nützen),* синонимичным немецкому *Wohl bekomm's* [Coulmas 1981: 168].

В пропозиции тостов-пожеланий чаще всего не содержатся дейктические компоненты, указывающие на адресата речи, как в следующем фрагменте: *Auf fröhliche Zeiten, mein Lieber (M-H, 22)*. В приведенном тосте и подобных ему вообще невозможен дейктический компонент, указывающий на адресата речи, поскольку он, адресат речи, не является субъектом в пропозиции тоста и вообще не фигурирует в ней. Однако встречаются высказывания, в которых адресат пожелания указан, например: *Auf den Chauffeur. Es war sehr freundlich von dir (M-H, 133)* – высказывание адресовано человеку, оказавшему говорящему помощь на дороге.

Выбор говорящим одной из названных форм осуществления речевого акта пожелания зависит от многих социальных факторов: от возраста и пола собеседника, наличия или отсутствия иерархического компонента в отношениях между партнерами, наличия или отсутствие эксплицитно выраженной симпатии у коммуникантов, эмоционально-психологического состояния говорящего в момент общения. Эти факторы определяют выбор формы обращения к адресату, размер высказывания пожелания и наличие в нем различного рода интенсифицирующих и модифицирующих операторов, выбор пропозитивных номинаций и их объем.

Модификаторы высказываний добропожелания (специфические обращения, наречия-интенсификаторы или деинтенсификаторы) позволяют адресату узнать об отношении к себе говорящего: этикетное ли это внимание (характерное для нейтральных и нулевых отношений и выражающееся в клишированных вариантах пожеланий *(Fröhliche Weihnachten!, Auf Dein*

Wohl!)) или особое, предполагающее некую степень интимности в отношениях участников коммуникации.

Не менее важным экстралингвистическим фактором при формировании смысла высказываний пожелания является социальный статус или иерархия отношений коммуникантов, рождающие специфически конфигурированный реляционный смысл. Пожелания вышестоящему более сдержаны, направлены на сохранение дистанции. Они характеризуются структурным разнообразием и распространенной пропозицией *(Auf die guten schönen Jahre, die wir zusammen gearbeitet haben!)*, употреблением эксплицитно-перформативных вариантов *(Ich wünsche Ihnen alles Gute zum Geburtstag!)* иногда с добавлением обращения, выраженного титулом или фамилией *(Frau Winkler, ich wünsche Ihnen alles Liebe zum Geburtstag!).* В отношении равного по статусу адресата используются как краткие клишированные формулы *(Alles Gute für die Zukunft!),* так и индивидуализированные личностные языковые средства эксплицитного и имплицитного характера *(Ich wünsche Dir alles erdenklich Gute!; Kopf hoch! (разг. речь); Lasst uns darauf trinken, dass nichts passiert! (K-A, 179)).*

Факторы пола и возраста играют в социальной интеракции второстепенную роль и подчиняются по степени важности факторам социального статуса и социальной дистанции.

2.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний добропожелания. Операторы косвенного выражения смысла речевых актов добропожелания представлены в небольшом количестве, что объясняется, вероятно, отсутствием необходимости скрывать благоволение говорящего к адресату. Скорее, наоборот, пожелание как речевое действие с интенцией совершить «поглаживание» адресата и укрепить тем самым фундамент отношений с ним не допускает косвенности во избежание недопонимания и недоразумений, а, следовательно, речевых неудач. Однако существует категория высказываний пожелания, конвенциональная косвенность которых имеет целью не скрыть по каким-то причинам свое намерение, а интенсифицировать его. Речь идет о пожеланиях-побуждениях,

пожеланиях в форме императивных высказываний: *Werde mit Oliver glücklich und erzieh ihn anders, als ich erzogen wurde (K-A, 308).* В таких высказываниях повелительное наклонение глагола десемантизируется, утрачивает свое первичное грамматическое значение и является оператором-интенсификатором реализации пожелания: *Ich wünsche dir, dass du mit Oliver glücklich wirst und ihn anders erziehst, als ..., und betone meinen Wunsch ausdrücklich – werde mit Oliver glücklich und erzieh ihn anders, als...* Высказывания пожелания в императивной форме не следует идентифицировать с директивами, которые, согласно Дж. Серлю, представляют собой попытки … со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил [Серль 1986: 182]. Высказывание *Werdet glücklich, Kinder (K-A, 202)* не имеет целью изменение окружающего мира – невозможно стать счастливым по приказу, одномоментно. Оно является выражением психического состояния радости, глубокого удовлетворения от созерцания теплоты отношений между сыном говорящего и его невестой.

Поводы для выражения пожеланий-побуждений не выходят за рамки вышеприведенного перечня, Регулярность употребления пожеланий в повторяющихся речевых ситуациях приводит к их конвенционализации и превращению в этикетные, бессознательно произносимые формулы. Такими лексикализованными пожеланиями являются формулы пожелания при прощании: *Leb wohl, Gundel (N-H, 355), Machen Sie es gut (разг. речь), Lass dir´s gut gehn (N-H, 317);* при приеме пищи: *Lass dir´s gut schmecken (B-G, 24));* при отходе ко сну: *Und nun schlaf schön, mein Sohn (K-VA, 38), Gute Nacht. Träum was Schönes (разг. речь),* а также идиомы – синонимы перформативных пожеланий: *Ich drücke Ihnen beide Daumen für Bochum (K-A, 145) = Ich wünsche Ihnen viel Erfolg in Bochum.*

Косвенные высказывания пожелания неконвенционального характера встречаются редко, их появление в рассматриваемом дискурсе обусловлено специфическими нетипизируемыми причинами, каждое из них требует индивидуального рассмотрения.

Примером стратегии изменения референциальной соотнесенности объекта пожелания может служить следующее высказывание: *Ich wünsche dir zu deinem Sohne Glück; er soll einen reichen Vater haben (G-M, 46)* – пожелание удачи новорожденному сыну адресата является, по сути, пожеланием материальных благ его отцу. Такая форма пожелания избирается говорящим, вероятно, из соображений ситуативной неуместности прямой адресованности речевого действия.

В высказывании *Hoffentlich kommst du in den freien Tagen ein bisschen zur Ruhe (разг. речь),* которое произносится в предверии рождественских каникул и интерпретируется как *Ich wünsche dir, dass du ein bisschen zur Ruhe kommst,* косвенная форма призвана снизить категоричность пожелания, выразить осторожную надежду на, по крайней мере, небольшой перерыв в суете рабочих дней. Ключевым словом-оператором в этом высказывании является модальное слово *hoffentlich*, эксплицирующее скрытый компонент смысла – сожаление-сочувствие по поводу большой занятости адресата. В таком же контексте произносится пожелание *Ein kleiner Adventskalender für dich, vielleicht kann er dir die Adventszeit ein bisschen erheitern (разг. речь).* Ассертивно-информативная форма пожелания также выполняет функцию снижения категоричности и выражение неуверенной надежды на изменение в психическом состоянии адресата. Более того, дарение праздничного подарка (*ein kleiner Adventskalender für dich*), сопровождающее пожелание, практически исключает прямое выражение этого речевого акта (*Ich wünsche dir, dass der Adventskalender dir die Adventszeit erheitert)*, поскольку категоричное утверждение благоприятного влияния подарка равнозначно самопохвале, которая является социально порицаемым действием.

* * *

Заключая анализ высказываний пожелания, можно констатировать сильную формализованность этих речевых актов, лишь изредка «разбавляемых» элементами персонализации, порождающими различные нюансы эмотивного смысла. Важной особенностью высказываний пожелания,

замеченной в результате анализа, является «привязанность» эмотивного смысла к пропозициональному, а не к интенциональному, как в речевых актах извинения. Индивидуализированные пожелания пронизаны положительными эмоциями и свидетельствуют о теплом, сердечном отношении говорящего к партнеру. При формировании интенционального смысла используются типизированные, клишированные формы, перемещающие эмотивный смысл на вторые позиции. Такая стереотипность обусловлена социальными конвенциями и позволяет высказываниям пожелания быть частотными формулами, годными «на все случаи жизни», которые, являясь частью общего тезауруса членов языкового сообщества, автоматически выдаются сознанием говорящему в релевантной ситуации, требующей подтверждения его положительного отношения к партнеру.

3. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

3.1. Поздравление как речевой акт. Общая характеристика

О п р е д е л е н и е . Поздравление может быть определено как речевой акт, связанный с общепринятыми нормами поведения в типизированной речевой ситуации, обладающий общими свойствами класса социативных экспрессивов: он выражает эмоциональное состояние говорящего, его доброжелательное отношение к адресату и направлен на получение положительной эмоциональной реакции последнего. Целью данного речевого действия является сохранение контакта в нужной тональности, поддержание теплых дружеских отношений с адресатом, об этой цели свидетельствует дефиниция перформативной номинации *Glückwunsch: freudige Anteilnahme an einem Erfolg, einer Leistung, einem freudigen Ereignis [Wahrig 2002]*. Таким образом, можно утверждать, что поздравление является действием, регулирующим межличностные отношения собеседников, они выполняют – как и другие социативы – функцию создания особой атмосферы вежливости, доброжелательности в процессе общения.

В приведенном определении называются важные характеристики поздравления, составляющие специфику этого речевого актов[39]. Рассмотрим их подробнее.

Общность иллокуции и перлокуции. Интенция выражения эмоции со-радости с целью добиться ответной эмоциональной реакции адресата, создать у него положительный эмоциональный настрой находит свое отражение в пропозиции поздравления (не обязательно выраженной эксплицитно), включающей положительно оцениваемые адресантом события в жизни адресата, например: – *Damit können wir uns ein Weilchen über das Wasser halten! – Gratuliere, Bob! (M-H, 156)* – поздравление с успешно совершенной сделкой; *Dann bist du obendrein noch ein Glückspilz. Auch dazu gratuliere ich dir (M-S, 305)* – поздравление с удачей.

Ритуальность. Речевой акт поздравления связан с регламентированным речевым поведением в определенной ситуации общения, четко ориентирован на соблюдение социальных ритуалов, ведь у него (как и у всех социативных речевых актов в целом) нет другого назначения, как служить «поглаживаниями». Именно поэтому отсутствие поздравления в важной для нас ситуации задевает, а его совершение является сигналом уважения адресата, желания поддержать контакт с ним.

Клишированность. Поздравление отличает устойчивость, стереотипность формул его выражения, наличие ядерных лексических единиц, обслуживающих этот речевой акт – матричных глаголов *gratulieren* и *beglückwünschen*, а также номинации *Glückwunsch*: *Glückwunsch! (M-H, 155); Ich bin gekommen, um Sie zu beglückwünschen (K-A, 262).* Варианты формул поздравления служат адекватному отражению прагматических установок говорящего и получению желаемого эффекта воздействия на партнера,

Личная адресованность. Обязательная направленность поздравления на адресата отграничивает этот речевой акт от ряда экспрессивов, выражающих

[39] Критерии отнесения высказываний к речевым актам поздравления рассматривались Ю.Н. Марининым [Маринин 1996: 10-12]..

психическое состояние субъекта речи безотносительно к собеседнику и вне связи с этикетным поведением (например, спонтанное выражение эмоций). Действительно, фраза *Das ist eine gute Entscheidung. Ich gratuliere (разг. речь)* должна интерпретироваться не иначе как *Ich gratuliere (dir) (zur guten Entscheidung)*, при обращении говорящего в пустое пространство, высказывание теряет смысл.

Поздравления могут содержать элемент признания, похвалы, комплимента (это отличает их от речевых актов пожелания[40]). Они произносятся при особых достижениях адресата, которые по достоинству оцениваются говорящим: *Herzlichen Glückwunsch zum Examen, Delia! Mit Auszeichnung besteht nicht jede ihr Sekretärinnenexamen (G-V, 23)* – поздравление по поводу успешно сданного экзамена сопровождается эксплицитно выраженной положительной оценкой способностей адресата[41]. Но поздравление, тем не менее, неидентично комплименту, оно касается достигнутых успехов или торжественных событий в жизни адресата, при этом определяющим моментом является результативный характер события – повода для поздравления: достигнут определенный успех, завершен определенный отрезок в жизни.

П о в о д ы д л я п о з д р а в л е н и я. Ситуации – поводы для поздравления определяются культурными традициями, поэтому они легко поддаются исчислению. Например, С. Мартен-Клиф классифицируют поводы для поздравления следующим образом [Marten-Cleef 1991: 147]:

1) «переходные» ритуалы[42] как дни рождения (прежде всего совершеннолетие и «круглые» дни рождения), религиозные праздники

---

[40] О критериях дифференциации пожелания и поздравления говорилось в предыдущем разделе, посвященном пожеланию.

[41] Безусловно, поздравляют и по поводу событий, произошедших без вмешательства адресата и которые не могут быть положительно оценены похвалой: день рождения, выигрыш в лотерее: *Da Sie Leser unserer Zeitung sind, <...> wissen Sie, dass wir zwölfmal im Jahr eine Glücksfamilie des Monats wählen. Für diesen Monat hat die Redaktion Sie gewählt: Herrn und Frau Steputat. Meine herzlichsten Glückwünsche. <...> (L-GM).*

[42] «Переходные ритуалы» Ф. Коулмас [Coulmas 1981: 99] характеризует как события, которые знаменуют уникальные отрезки или переломные моменты жизни «общественного» человека (рождение, достижение половой зрелости или инициация, свадьба или смерть), регулирующие поведение окружающих его людей. Ф. Коулмас считает, что переходные ритуалы во многих культурах представляют собой поводы для поздравления и пожелания. Языковая дифференциация между частными и общими, цикличными и одномоментными

(конфирмация) и семейные праздники (помолвка): *Ich gratuliere dir zur Konfirmation (G-E, 82); Lieber Großvati, ich gratuliere Dir zu Deinem Geburtstag und zu Deinem Heiratsfest (G-W, 161);*

2) особые успехи адресата как, например, успешно сданный экзамен, спортивная победа и др.: *Herzlichen Glückwunsch, Lone, zur Silbermedaille (L-K, 240);*

3) счастливые события, произошедшие без непосредственного вмешательства или специальных усилий адресата: *Sie will dich sprechen. Ich habe schon ein Dutzend Fragen an sie gerichtet, aber sie besteht darauf, mit dir zu quatschen. Herzlichen Glückwunsch! Du hast Eindruck auf die Dame gemacht (C-T, 43).*

Представляется, что ситуация, где поздравляют не по поводу календарного праздника, который наступает как бы сам собой, а по поводу достигнутого адресатом успеха или его индивидуальной удачи, является более значимой. Соответственно ожидается, что этот повод будет чествоваться поздравлением больше. С. Мартен-Клиф объясняет эту особенность поздравления его приспосабливаемостью: достигнутый адресатом результат поднимает его настолько, что это требует эмоционального признания говорящего, чтобы сгладить возникающие эмоционально-ценностные неровности и чтобы не возникло впечатление эмоциональной недоброжелательности (зависти). В этой ситуации облигаторно требуется не допускающее сомнений выражение участливой радости [Marten-Cleef 1991: 156].

Для поздравления важнее, чем для пожелания, сам факт его произнесения, который свидетельствует о заинтересованности и участии говорящего в жизни адресата. Отсутствие поздравления в релевантной ситуации говорит о снижении или даже отсутствии интереса к адресату и чувства единения с ним. Причина такого трепетного отношения к, казалось бы, личным событиям заключается, вероятно, в том, что положительная ценность

поводами различается, однако в разных культурах . [Coulmas 1981: 151].

рассматриваемых ситуаций установлена общепринятыми общественными конвенциями (в немецкой культуре день рождения считается важным праздником[43]) и нуждается поэтому в соответственном почитании[44].

С другой стороны, для успеха речевого акта поздравления не обязательно, чтобы говорящий действительно положительно оценивал повод для поздравления и действительно испытывал радость, которую он выражает. Соблюдение конвенций речевого общения предполагает, что особые успехи, удача партера или важные события в его жизни оцениваются положительно и радость по их поводу разделяется окружающими. Вопрос об искренности поздравляющего не встает до тех пор, пока эти правила признаются и речевое действие совершается в соответствии с нормами.

Для поздравления важен эмотивный смысл, роль играют так называемые «чувственные конвенции», как их называет А.Р. Хохшильд [Hochschild 1975: 573], или конвенции проявления чувств, которые, собственно, соблюдаются – в разной степени – при совершении всех экспрессивных речевых действий, Выражение радости при поздравлении соответствует, как правило, существующей социальной позиции ожидания, к которой говорящий (более или менее осознанно) привязан. Поэтому сила, степень выражаемого чувства не имеет для описания действия поздравления центрального значения и нуждается только в общей характеристике, поскольку определяющей является не только радость сама по себе, но и внутреннее, психологическое участие, заинтересованность в успехе партнера. Эмоциональный смысловой фон при выражении поздравления может варьироваться от простой радости (например, по поводу дня рождения партнера-друга) до гордости (например, по поводу успешно сданного выпускного экзамена) и восторга (например, по поводу выигрыша в лотерее).

---

[43]Следует, однако, оговориться, что в действительной оценке положения вещей мнение адресата может не совпадать с мнением партнера, например, в ситуации, если последний поздравляет с именинами как принято в католической церкви, а адресат является представителем иной конфессии и не придает этому празднику большого значения.

[44]Социальное соглашение о значимости частных праздников или особенных событий особенно четко просматривается в большом количестве и выборе поздравительных открыток. Интересным в этой письменной форме поздравления является факт, что небольшие возможности языковой реализации часто компенсируются особенно оригинальным и шутливым оформлением.

Полиинтенциональность речевого акта поздравления. Будучи реализованными в контексте, этикетные формулы, входящие в состав речевого акта поздравления, наряду с инвариантным значением приобретают дополнительные ситуативно обусловленные интенциональные смыслы, зависящие от многих речевых факторов. Наиболее часто поздравление сопровождается выражением пожелания, обе интенции образуют неизменный, неразлучный «тандем», выводимый в поверхностную структуру в первую очередь лексическим оператором *Glückwunsch* и производным от него *beglückwünschen,* сама форма которых (→ *Glück wünschen*) свидетельствует о неполной экспликации этого интенционального гибрида; в высказывании *Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag, mein Schatz! (G-V, 34)* формально совершается речевое действие пожелания, но контекст однозначно сигнализирует имплицирование интенции поздравления. О том, что лексемы *Glückwunsch* и *beglückwünschen* превратились в системные синонимы поздравительному перформативу *gratulieren,* можно судить по ставшим конвенциональными тавтологиям *ich beglückwünsche und wünsche*, например: *Ich beglückwünsche Sie herzlich und wünsche Ihnen weitere Erfolge (K-T, 367).* Однако языковой материал позволяет констатировать, что изолированное употребление слова *Glückwunsch* или *beglückwünschen* абсолютно доминирует и не требует никаких дополнительных операторов для проявления интенций пожелания или поздравления. И несмотря на всегда однозначно поздравительный дискурс функционирования рассматриваемых лексем, именно их обусловленное внешней формой значение стирает сомнения в выражении ими интенция пожелания и, следовательно, в интенциональной гибридности рассматриваемого речевого акта.

Поздравление и пожелание могут выражаться разными лексическими единицами и выражать названные интенции не одновременно, а последовательно, нанизываясь, как бусины, на единую ситуативно-специфическую мыслительную нить: *Gratuliere, Bernhard! Ich drücke Ihnen beide Daumen für Bochum <...> (K-A, 145)* – высказывание поздравления с

успехом сопровождается речевым актом пожелания удачи в дальнейших начинаниях.

В пропозиции поздравления часто скрывается имплицитно-перформативное выражение комплимента, например: *Gratuliere. Sie besitzen einen ausgesprochen guten Geschmack (H-M, 129)* – говорящий поздравляет адресата с удачно найденными дизайнерскими идеями, одновременно совершая речевое действие комплимента, который как таковой и воспринимается партнером. Речевой акт *Glückwünsche. Das hier ist super <...> (M-H, 313)* можно, следовательно, интерпретировать как *Ich mache dir ein Kompliment, weil ich finde, du hast hier alles super gestaltet; ich gratuliere dir zu deinem Erfolg und wünsche dir auch weiter viel Glück.*

Поскольку поздравление всегда связано с успехами адресата в той или иной сфере, для достижения которых он приложил некоторые усилия, то говорящий, индивидуализируя основное речевое действие (поздравление), эксплицитно выражает положительную оценку действиям, стараниям, умениям партнера, рассчитывая на положительную эмоциональную реакцию последнего, то есть совершает одновременно речевой акт похвалы, например: *Mein Gott, das ging aber schnell. Meinen Glückwunsch, alter Junge. Gut gemacht <...> (M-H, 187).*

Поздравление сочетается также с выражением многих других интенций, вряд ли поддающихся исчислению, что свидетельствует о когнитивном многообразии человека и неисчерпаемом разнообразии ситуаций общения. Следующие примеры являются лишь небольшой иллюстрацией сказанному.

В высказывании *Ich gratuliere, Kläuschen. und ich bin so stolz auf dich, ganz schrecklich stolz auf dich (T-L. 59)* поздравление сопровождается выражением эмоциональной положительной оценки, сопряженной с подчеркнуто эмоциональной ассертивной экспликацией реляционного смысла – открытым заверением в гордости говорящего за успехи партнера. Этот пример показателен для подтверждения тезиса об одновременной реализации не только интенциональных, но и эмотивных смыслов. Поскольку речевой акт поздравления является, как уже говорилось, выражением со-радости, то

совершенно логично, что искреннее индивидуализированное поздравление всегда сопровождается экспликацией комплекса эмоций – от сдержанного одобрения до большой радости, восторга. Поздравление как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию и оценку, превращаясь в многоглавую эмотивную сущность.

Примером сочетания «нетрадиционных» интенций в речевом акте поздравления служит высказывание *Gratuliere, du hast den Vogel abgeschossen. Du wirst den Preis natürlich nicht annehmen (L-Ex, 237),* где говорящий, поздравив адресата с успехом, настоятельно рекомендует ему (в форме уверенного утверждения, что подчеркивает прескриптивность рекомендации, превращая ее практически в веление) не принимать предусмотренный за победу приз. Лишь контекст и пресуппозиции общения дают нам возможность инферировать причины такой необычной реакции – говорящий – организатор соревнования по стрельбе – запрещает сыну – незапланированному победителю – получать награду, чтобы не дать злым языкам повода для досужих разговоров о нечестности релевантных лиц и семейственности всего предприятия.

Высказывания поздравления всегда являются показателем определенного типа отношений между говорящим и адресатом, вербальное проекцией положительного реляционного смысла: поздравляют тогда, когда хотят подчеркнуть свое внимание к адресату, заботу о нем. Поэтому так показательна содержательная наполненность поздравления, по которой адресат может узнать об отношении говорящего к себе: является ли это внимание машинальным, просто привычкой соответствовать социальным конвенциям или особое, предполагающее некую степень интимности в отношениях участников коммуникации. Полиинтенциональность поздравления, как и специальные языковые показатели эмотивности, свидетельствует о некотором «смятении чувств», желании сказать много и сразу.

3.2. Поздравление в составе диалогического единства

П о з д р а в л е н и е к а к р е а к ц и я . Как уже указывалось выше, ситуация поздравления предполагает, что говорящий правильно оценивает некоторые события из жизни адресата как положительные и согласно этикету поздравляет его. Значит, можно утверждать, что при поздравлении мы имеем дело с реактивным речевым актом, стимулом для которого являются самые разнообразные жизненные ситуации, индивидуально оцениваемые партнером как бенефактивные или имеющие положительный оценочный знак в соответствии с культурными традициями языкового коллектива. Например, речевой акт *Ich wollte dir nur gratulieren. Mit deiner Bäuerin kannst dich wahrlich sehen lassen (M-W, 20)* представляет собой адекватную реакцию на первое появление на людях «новоиспеченной» супружеской пары, поздравление при этом касается не только важного события в жизни адресата – его женитьбы, но и успешного выбора жены, которую, по мнению говорящего, не стыдно показать окружающим (поздравление сливается, по сути, с речевым актом комплимента).

Поздравление может быть рикошетной реакцией на поздравление партнера, если наступление положительного положение дел (сданный экзамен, победа в соревновании, выигрыш в лотерее и др.) касается обоих, например: – *Herzlichen Glückwunsch, Lone, zur Silbermedaille. – Ich gratuliere zur Bronzenen, Jan (L-K, 381).* Такая реакция в ситуации обоюдного успеха партнеров также является конвенционально ожидаемой, отсутствие взаимного «поглаживания» часто свидетельствует о сознательном нарушении норм поведения с целью невербального маркирования (молчанием как нулевым речевым актом) антипатии к собеседнику,

Контексты поводов для поздравления, касающихся обоих участников общения, являются, скорее, исключением, чем закономерностью (вряд ли возможен коммуникативный ход как *– *Herzlichen Glückwunsch zu deinem 1. Platz! – Dir ebenfalls!).* Но это исключение подтверждает постулированное выше отличие поздравления (*beglückwünschen)* от пожелания (*Glück wünschen),* заключающееся в том, что диалогическое единство с поздравлением принципиально не может принимать образ «эхо-секвенции». При пожелании же

адресат как эстафетную палочку принимает ход в разговоре от говорящего и всегда имеет возможность передать его обратно выражением взаимного пожелания. Например: – *Alles Gute für die Zukunft! – Danke gleichfalls! Dir auch! (разг. речь).*

Партнер по разным объективным обстоятельствам не всегда бывает в курсе актуального положения дел, требующего реакции в виде поздравления. В таком случае собеседник сам сообщает ему новости о последних событиях, надеясь на совершение им соответствующего речевого действия, ожидая его: – *Flip, alter Freund, stell´ dir vor, Bebsy hat sich mit mir soeben verlobt. – Gratuliere <...> (K-VA, 100.*

Реакция на поздравление. Поздравление как ритуал требует, в свою очередь, обязательных ответных ритуальных речевых действий от адресата – как правило, это высказывания благодарности, являющиеся самой простой и наиболее частой реакцией на поздравление и планируемым перлокутивным эффектом: – *Gratuliere zu Ihrem Geburtstag! – Danke, für mich ist jeder Tag ein Geburtstag (L-D, 204)*

Но пресуппозиции партнеров в общении иногда значительно отличаются друг от друга, так что один из собеседников может по той или иной причине оказаться обладателем информации о достойных поздравления событиях, неизвестной другому, В такой ситуации логичной реакцией на поздравление является удивление и вопрос о причине нестандартного «прочтения» поздравляющим событийного фона общения, например: **–** *Ich bin gekommen, um Sie zu beglückwünschen. – Beglückwünschen? Mich? <...> (K-A, 262).* Явная «непрозрачность» повода и искреннее недоумение адресата подчеркиваются эмоциональной структурой его ответной реплики, представляющей собой последовательность однословных эллипсов. Ненаигранная обескураженность реакции требует от отправителя поздравления пояснения, которая и является третьим репликовым шагом данного коммуникативного акта: – *Ja, Doktor. Nachträglich. Sie haben Glück, noch am Leben zu sein*

Реагируя на пропозицию поздравления (часто имплицированную в связи с ее очевидностью для обоих партнеров), говорящий имеет возможность согласиться с положительной оценкой своих успехов, согласие при этом не обязательно выражается эксплицитно, но легко выводится из контекста общения, например: *Gratuliere, Bob! – Wenn das rauskommt, werden sie drüben bei M&R ein paar Leute aus dem Fenster schmeien (M-H, 156)* – адресат поздравления, находясь в эйфории от успеха рискованного предприятия, «не слышит» речевого акта партнера и рассуждает о возможных следствиях своей удачливости.

Противоположной реакцией на пропозициональное содержание поздравления может быть также его отклонение по некоторым причинам, например: – *Jetzt will er auch noch ein Buch über mich schreiben. – Ach. da gratuliere ich dir aber. – Ich will nichts davon wissen. <...> (J-B, 111))* – адресат выражает недовольство по поводу для поздравления (предполагаемое написание книги о нем), рассматривая его в собственной, отличной от общепринятой, системе ценностей, в которой возможность стать героем литературного произведения оценивается отрицательно.

Причиной для отклонения поздравления может быть несовпадение оценки события – повода для поздравления – адресатом с оценкой адресанта, как, например, в следующей ситуации, где адресат не считает себя причастным к удаче и, следовательно, не признает себя объектом поздравления, что и декларирует в своей реактивной реплике: – *Dann bist du obendrein auch noch ein Glückspilz. Auch dazu gratuliere ich dir. <...> – Diesmal stand das Glück sowieso auf unserer Seite <...> (M-S, 305).* Такое неприятие обусловлено, вероятно, также стремлением минимизировать собственные достижения, даже степень удачливости, поскольку их безоговорочное признание граничит с самопохвалой, которая табуируется социальными конвенциями.

3.3. Формирование смысла речевых актов поздравления

Формирование смысла речевых актов поздравления происходит при помощи устоявшихся в языке четких формул или изобретенных отправителем окказиональных единиц. Исследование показывает, что клишированные формулы поздравления представлены в языке в абсолютно преобладающем большинстве, причины чему следует, вероятно, искать в исторических корнях светских ритуалов, когда любой неверный шаг, не к месту сказанное слово могли стоить релевантному лицу не просто положения при дворе, но часто свободы и даже жизни. Отточенная в течение столетий, отмеренная до миллиметра ритуальная вежливость, разученные вербальные «поклоны» снижали риск неправильной интерпретации высказывания, исключали двусмысленности при его восприятии адресатом, но, несомненно, ограничивали гибкость и вариативность выражения интенции.

Полная реализация речевого акта поздравления предполагает интенциональное речевое действие (*ich gratuliere*) и называние события-повода *(zu ...),* таким образом, матричная формула речевого акта поздравления может быть представлена в следующем виде: *Ich bewerte die aktuelle Sachlage/die letzten Ereignisse als günstig für dich und gratuliere dir dazu (zu deren Eintritt).* Эта прототипная формула лежит в основе всех высказываний поздравления, в какие бы внешние формы они не облекались; скрытая, подразумеваемая часть высказывания *Herzlichen Glückwunsch zum Examen, Delia (G-V, 23)* эксплицируется нами как *Ich gratuliere dir zum Examen, Delia und spreche dir meinen herzlichen Glückwunsch dazu aus.*

Таким образом, можно констатировать, что поздравление является эксплицитно-перформативным речевым актом, ликоподдерживающий интенциональный смысл доминирует в его смысловой структуре.

3.3.1. Формирование интенционального смысла речевых актов поздравления. Главными операторами порождения интенционального смысла высказываний поздравления являются

перформативные глаголы *gratulieren* и *beglückwünschen*[45] *(Das höre ich gern und beglückwünsche dich zu deiner Gottesklugheit (M-J, 1073)),* а также отглагольный дериват *Glückwunsch,* как правило, в сочетании с (имплицитно представленным) функциональным глаголом *(darbringen, anbringen, abstatten, ausdrücken, aussprechen),* например: *Ich habe Ew. Majestät meine Glückwünsche dargebracht zu dem wahrlich beneidenswerten Lose, der Herrscher über ein so glorreiches Land wie Portugal zu sein <...> (M-BK, 609).*

Варьирование иллокутивной части высказываний поздравления связывается в первую очередь с полнотой ее представленности, то есть с наличием или отсутствием элементов, называющих адресата и адресанта, а также с формой их репрезентации. Оба антропокомпонента могут опускаться – присутствие обозначаемых ими лиц при общении делает их называние избыточным, а валентность перформатива допускает имплицирование зависимых актантов, В целом опущение антропокомпонентов создает особую естественность, фамильярность общения, например: *Gratuliere zum Sündenbekenntnis (K-T, 703); Herzlichen Glückwunsch (L-FS, 185)* (ср. чопорно-официальное *Ich spreche hiermit meinen herzlichen Glückwunsch aus).* Синтагматика изолированного употребления существительного *Glückwunsch,* требуя опущения зависимых актантов в роли грамматического субъекта, допускает, однако, называние отправителя высказывания в форме соответствующего притяжательного местоимения: *Auch in meinem Namen: herzlichen Glückwunsch und so weiter (L-GM, 74).* А для адресата в случае такой представленности иллокутивного компонента и узуальной невозможности называния грамматического объекта речевого акта (**Meinen Glückwunsch für dich!*) существует возможность репрезентации его в форме обращения, значительно индивидуализирующего поздравление, снижающего степень его

[45] Глагол *beglückwünschen* является прямым переводом латинского *gratulari = Glück wünschen* и поэтому идеографическим синонимом глагола заимствованного в 16 веке глагола *gratulieren [Duden 1998: 252].* По аналогии с другими перформативами, функционирующими в социативных речевых актах, квалифицируем названные глагольные лексемы как глаголы со значением социальной активности, по определению Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 2003: 126] (они активно воздействуют на межличностное взаимодействие), а также как глаголы со значением активно проявляемого чувства [Кубик 1977: 127] и глаголы эмоционально-оценочного значения [Золотова 1988: 362: Вольф 2006: 163].

формальности, клишированности, выводящего реляционный смысл в приоритетную позицию: *Glückwunsch, Clarissa (S-Tr, 36).*

Эксплицитно-перформативное выражение интенционального смысла речевого акта поздравления модифицируется в направлении усиления или снижения иллокутивной силы высказывания, его эмотивности. Основными лексическими операторами порождения эмотивного смысла являются положительно-оценочные наречия и прилагательные или предложные группы – интенсификаторы эмоциональной выразительности речевого действия, наиболее частотные из них *herzlich, aufrichtig, von Herzen: Und nun noch einmal: herzlichen Glückwunsch. Und diese Blumen für Sie (L-GM, 75); Gratuliere Ihnen aufrichtig! Da haben Sie was Gutes, was Reelles (M-B, 152); Ein bisschen verspätet, aber dennoch von Herzen: meine allerherzlichten und liebevollsten Wünsche zu deinem Geburtstag! (разг. речь).* Еще большая степень интенсивности воздействия иллокутивной силы достигается употреблением превосходной степени наречий и прилагательных при квалификации предиката: *Meinen tiefgefühltesten Glückwunsch, Kleiner (M-G, 24).*

Выражение интенционального смысла речевых актов поздравления модифицируется включением в предикатную структуру модальных глаголов, «прикрывающих» перформативную представленность интенции и. окрашивающих смысл всего высказывания дополнительными модальными оттенками. Анализ языкового материала позволяет нам констатировать, что в таких квазиперформативных речевых актах возможно употребление всех модальных глаголов – факт, противоречащий утверждению С. Мартен-Клиф, считающей значения возможности и необходимости не совместимыми с интенцией выражения поздравления [Marten-Cleef 1991: 152]. Наши наблюдения приводят нас к выводу о популярности глагола *können* и реальной представленности глаголов *müssen* и *sollen,* что в очередной раз доказывает нерациональность установления жестких рамок при определении сферы функционирования языковых явлений – язык, как живой организм, чутко реагирует даже на малейшие нюансы ситуации общения и отношений между

партнерами, предлагая для их выражения порой самые неожиданные, окказиональные, непрототипические средства. Поэтому правильнее говорить не о невозможности употребления тех или иных средств в некоторой ситуации, а о рестрикциях, действующих при этом.

Ограничения касаются, например, функционирования глагола *dürfen,* появляющегося при особенно вежливом поздравлении, как правило, в форме вопросительного высказывания: *Emily, darf ich dir jetzt zu deinem Geburtstag gratulieren <...> (M-S, 481)*. Конвенциональная ответная реплика адресата – благодарность (*Danke, Matthew. Ganz herzlichen Dank*) – доказывает совершение речевого акта поздравления, а не запроса разрешения на него. Глагол *dürfen* в высказывании в форме утверждения теряет оттенок несмелого поздравления, когда говорящий в случае принципиально возможного отрицательного ответа (*Nein, du darfst nicht)* ретируется, отложив попытки совершения запланированного речевого акта на более благоприятный момент. Ассертивная форма поздравления, напротив, приобретает настойчивость, даже некоторую безапелляционность, обусловленную правом говорящего (часто самостоятельно присвоенным или предусмотренным положением) совершать любые речевые акты, в том числе и поздравление: *Was ich gesehen habe, verdient höchste Anerkennung, Herr Minister, ich darf Sie zu Ihren Leistungen beglückwünschen (L-G, 144).* Очевидно, что говорящий употреблением глагола *dürfen* в приведенном высказывании подчеркивает свой приоритет и статусность, официальность обстановки совершения речевого действия.

Идентично *dürfen* функционирует глагол *erlauben,* имеющий системное значение обладания правом, разрешением: *Da <u>erlauben Sie</u> mir aber, Sie herzlich zu beglückwünschen! (M-Z, 344); Ich <u>erlaube</u> mir, Sie zu beglückwünschen (L-F, 37).*

Модальные глаголы *wollen* и *mögen* употребляются в высказываниях поздравления в целом без ограничений (чаще всего в форме второго конъюнктива): *Ich möchte dir gratulieren. Amerikaner sind heutzutage Mangelware <...> (M-H, 417); Ich wollte dir nur gratulieren. Mit deiner Bäuerin kannst du dich sehen lassen (M-W, 20).* Функции, выполняемые этими операторами модального

смысла, идентичны во всех экспрессивных речевых актах – совершение некоторого «разбега» перед реализацией основной интенции, кроме того, вербализация преднамеренности, осмысленности речевого действия, маркирование его неспонтанного и, следовательно, неритуального характера.

Глагол *können,* выражающий, как известно, способность или возможность совершения действия, тоже очень тонко нюансирует поздравления, пользуясь при этом, как правило, поддержкой других операторов. Например, высказывание поздравления с успешным, по мнению говорящего, принятием решения *Zu dieser Wahl könnte ich dich nur beglückwünschen (L-P, 62)* предполагает такую степень обезоруженности говорящего правильностью выбора, что он признает себя способным только совершить речевое действие поздравления и отказывается от какого бы то ни было комментария.

Наконец, глагол со значением необходимости *müssen* уже по определению вносит в высказывание элемент вынужденности, незапланированности события – повода для поздравления: *Nein, wirklich sehr geschmackvoll, äußerst geschmackvoll. Ich muss Ihnen gratulieren (H-M, 19).* Гибридный речевой акт, сочетающий поздравление с комплиментом (художник адресует комплимент хозяйке дома, нашедшей, по его мнению, интересные дизайнерские решения) показывает неожиданность увиденного и некоторую обескураженность говорящего. Искреннее восхищение заставляет его на какой-то момент забыть о правилах приличия и выдать употреблением глагола *müssen* его невысокую предварительную оценку способностей адресата. Такое функционирование *müssen* сближает его с описанным выше контекстом использования глагола *können:* у говорящего нет иного выхода, кроме как признать достоинства адресата и поздравить его с обладанием ими.

Примеров употребления глагола *sollen* в контексте прямого речевого акта поздравления нам не встретилось, что, однако, на наш взгляд, свидетельствует о невысокой частотности, но не невозможности функционирования этого глагола в рассматриваемой сфере. Не вызывают сомнения такие потенциально возможные высказывания как *Ich soll dir gratulieren,* передающее волю третьего

лица, но не включающее говорящего в число отправителей поздравления, что должно, вероятно, свидетельствовать об особом, возможно, негативном, отношении говорящего к адресату, нежелании его поздравлять. Реальными являются также такие высказывания как *Soll ich dich (zu...) beglückwünschen?/Soll ich dich wohl beglückwünschen?*, указывающие на неуверенность говорящего в существовании повода для поздравления, но в случае наличия такового рассматриваемые как совершение соответствующего речевого действия.

В целом следует подчеркнуть, что квазиперформативные высказывания поздравления, модифицированные модальными глаголами, являются стилистически маркированными как формы подчеркнуто вежливые, и, как и при выражении других речевых действий, содержат мысль не о желании, возможности или необходимости совершить действие, а выполняют функцию самого действия «здесь» и «сейчас», то есть являются эквиакциональными. Причинами появления модификаторов являются эмоциональная дистанция между коммуникантами, степень языковой компетенции адресанта, его психологический настрой.

Далее следует констатировать непредставленность в немецком языке третьего члена перформативной парадигмы речевых актов поздравления – имплицитно-перформативных высказываний. Невозможность и неправильность интерпретации высказываний типа *Du hast Geburtstag!* как *Ich gratuliere dir zum Geburtstag, indem ich sage, dass du Geburtstag hast* свидетельствует об обязательной вербализованности иллокутивной части высказывания поздравления, без этого облигаторного компонента речевой акт поздравления несостоятелен.

3.3.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов поздравления. Пропозициональный смысл высказываний поздравления играет далеко не первостепенную роль, поэтому он часто бывает имплицирован, поскольку ситуация и пресуппозиции общения делают вербализацию референции к поводу для поздравления избыточной.

Избрание говорящим такой «неэкономной» формы речевого акта поздравления свидетельствует об особой важности, по мнению поздравляющего, пропозиционального содержания или же о его профилактическом стремлении исключить непонимание и переспрос, В этом случае пропозициональная часть высказывания поздравления представлена развернуто и может быть выражена:

– простой номинацией повода для поздравления нейтральным существительным (*Examen, Geburtstag, Konfirmation, Heiratsfest, Medaille, Erfolg, Leistung* и др.), например: *Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag, mein Schatz (G-V, 34)* или

– распространенной номинацией повода для поздравления в виде самостоятельных или придаточных предложений, например: *Martha, du hast vorhin wunderschön auf dem Cembalo gespielt! Meinen Glückwunsch! (U-M, 52).*

Пропозиция может быть свернута и ограничена местоименным наречием, отсылающим к названному ранее или эксплицируемому из контекста поводу для поздравления: *– Fünf nach, und meine Uhr geht genau. – Ich beglückwünsche dich dazu, eine genaugehende Uhr ist tatsächlich das, was wir augenblicklich dringend nötig haben. Ohne Uhr wären wir angeschissen (L-S, 31)* – развернутая пропозиция указана в инициативной реплике адресата поздравления, в собственно поздравлении она повторяется в свернутом виде (*dazu).*

Наконец, пропозициональная часть высказывания может быть представлена имплицитно, это происходит в том случае, если коммуникативная ситуация подсказывает содержание мотива поздравления: *Gratuliere, Bernhard! (K-A, 145)* – поздравление адресовано человеку, перенесшему тяжелую травму и с трудом добившемуся дополнительной операции в известной клинике. Знания этих обстоятельств является частью прагматической пресуппозиции обоих участников общения, кроме того, повод для поздравления эксплицируется в инициативной реплике адресата, сообщающей последние новости, достойные поздравления: *Es ist erreicht! Ich komme nach Bochum! Dort wird man meinen Haxen wieder hinkriegen!*

3.3.3. Формирование смысла косвенных высказываний поздравления. Клишированный характер и обязательная перформативность поздравления практически исключает возможности непрямого выражения интенции, поэтому категория косвенных высказываний поздравления ограничивается небольшим набором структур, в основном окказиональных, случайных. Образцами таких неграмматикализованных косвенных речевых актов могут служить следующие, скрывающие основную интенцию за формулами вежливости – (1) извинением за нетерпение и (2) эксплицитным, а потому особенно торжественным выражением радости по поводу успеха адресата: (1) *Verzeihen Sie meine Ungeduld, wenn ich mir erlaube, Sie zu beglückwünschen (L-G, 128); (2) Lieber Herr Martini. ich bin, wie gesagt, sehr erfreut, Sie zu Ihrem großen Erfolge beglückwünschen zu können (M-KH, 175).*

Единственной конвенциональной косвенной формой поздравления является поздравление-пожелание: *Alles Gute zum Geburtstag und viel Glück im weiteren Leben! (разг. речь)*, которое, однако, тоже подчиняется определенным рестрикциям – эта формула может появляться только в ситуациях поздравления, поводом для которых являются переходные ритуалы, но абсолютно исключаются при поздравлениях с успехами адресата (**Alles Gute zu deiner großen Leistung!).* Этот факт в очередной раз подтверждает правильность мнения об имплицитной представленности поздравления в таких высказываниях, эксплицирующих только вторую часть полиинтенционального речевого акта – пожелание. Формула *Alles Gute!* является идеальным образцом клише и полностью соответствует всем центральным признакам этой практически лексикализованной языковой формы, выделенным Ф. Коулмасом [Coulmas 1981: 81]: она предсказуема, облигаторна и понятна в релевантной ситуации, несмотря на свою эллиптичность. Эта формула может варьироваться, но в очень небольших пределах – можно пожелать *Alles erdenklich Gute, Alles Beste, Alles Liebe,* но узуально не **Alles Schöne, *Viel Gutes, *Das Beste.*

Косвенные высказывания с изменением референциальной отнесенности встречаются при поздравлении крайне редко, что объясняется все теми же

причинами – важностью ритуального действия поздравления для поддержания межличностных отношений, опасностью неправильной интерпретации речевого акта, совершенного с отступлениями от конвенциональных форм. Опасения прагматической неудачи вполне оправданы, восприятие не заложенных говорящим неинтенциональных смыслов возможно, примером этому может служить следующее высказывание, произнося которое, говорящий не включает себя в отправители поздравления: *Beglückwünschen kannst du dich, da dir gelungen ist, was du erreichen wolltest (L-V, 199).* Это речевое действие не может быть воспринято как ликоподдерживающее, скорее наоборот, предложение поздравить самого себя имплицирует нежелание говорящего совершать требуемый ситуацией речевой акт, а, следовательно, отрицательную оценку достигнутого адресатом успеха или средствам его достижения. Значит, можно констатировать доминирование в этом высказывании не интенционального смысла (выражение поздравления), а эмотивного, в первую очередь реляционного – дефинирование отношения говорящего к партнеру. При трансформации же этого высказывания в соответствии с нормами ритуала мы получаем доброжелательное поздравление, выражающее положительную оценку успехов адресата и радость по этому поводу: *Ich kann dich beglückwünschen, da dir gelungen ist, was du erreichen wolltest.*

* * *

Главным итогом краткого анализа речевых актов поздравления является их определение как строго формализованных, типизированных речевых актов, не имеющих практически свободного пространства для вариаций. Важным выводом является также невозможность импликации интенциональной части речевого акта, что подчеркивает доминирующую роль интенционального компонента в целостном смысле высказываний поздравления.

4. РЕЧЕВОЙ АКТ БЛАГОДАРНОСТИ

4.1. Благодарность как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Благодарностью называют сложное чувство

признательности, возникающее на базе эмоциональной и рациональной оценки сделанного адресатом добра (оказанного внимания или услуги), а также способы выражения этого чувства. В античности благодарность трактовалась как добродетель и связывалась с справедливостью. Сенека отмечал добровольность благодарности и указывал, что она имеет не только практическую ценность (выражение признания и поддержки), но в первую очередь нравственную, поскольку «В добродетелях упражняются не ради награды: прибыль от правильного поступка в том, что он совершен» [Сенека 1977: LXXXI]. Сенека считал, что благодарность возвышает душу, поэтому сознание благодарности ценнее, чем полученный дар. Марк Туллий Цицерон называл благодарность "матерью" всех других добродетелей. В христианской традиции благодарность рассматривается не только как добродетель (в русском языке слово благодарность имеет очень прозрачную внутреннюю форму – "благо дарить"), но и как долг, предполагающий обязательную деятельную (выражаемую в действиях) признательность благотворителю. И. Кант, развивавший концепцию благодарности, считал благодарность моральным долгом человека перед самим собой, он не может быть окончательно оплачен никаким вознаграждением, поскольку у дарителя навсегда останется заслуга быть первым в благодеянии [Кант 1797: 353-354].[6].

Условия успешности речевого акта благодарности. Благодарность — позитивное чувство, сплачивающее членов социальной группы, ее вербальное выражение относится к «подтверждающему» типу вежливых действий [Holly 1979; Goffman 1994] и в качестве одной из основных вежливых вербальных стратегий является неотъемлемой составной частью социального поведения, "через которое раскрывается личность человека и его отношение к другим индивидам" [Имас 2001: 32]. Основным признаком речевого действия благодарности является его оценочность и последовательность: выражение благодарности всегда следует за положительной оценкой действий партнера.

Факт, что действия адресата являются бенефактивными для говорящего, является вводным условием их совершения [Searle 1969: 67]. Важным условием

является также факт, что говорящий ратифицирует действия адресата как бенефактивные и испытывает благодарность или признательность к нему. Его речевое действие есть попытка выразить свое внутреннее состояние[46]. Таким образом, речевое действие благодарности является признанием позитивного вклада адресата в развитие отношений и способствует их уравновешению.

Т. Зандер [Sander 2003], размышляя о сути экспрессивных речевых актов, подробно останавливается на двух самых интересных, по его мнению, условиях совершения речевого действия благодарности. Первое из них – правило искренности, которое предполагает, что благодарность должна произноситься только тогда, когда говорящий действительно находится в эмоциональном состоянии благодарности. Второе заключается в том, что действие, за которое выражается благодарность, должно быть действительно бенефактивно для говорящего, и говорящий должен в это верить. Т. Зандер вносит свои коррективы в описание условий успешности благодарности: если цель анализа заключается в том, чтобы выяснить, при каких условиях говорящий может выразить благодарность, то следует ограничиться теми условиями, об исполнении которых говорящий может компетентно судить и на которые он в случае необходимости может опереться для оправдания своего речевого акта. Если говорящий благодарит адресата за подаренный ему велосипед, на котором он на следующий день попадает в аварию, привязывающую его надолго к кровати, то действие дарения вряд ли можно рассматривать как бенефактивное для слушающего. Значит, задает вопрос Т. Зандер, говорящий не *должен* был благодарить адресата за подарок? Если же придерживаться иной точки зрения, то вводное правило должно учитывать не (или не только) объективную бенефактивность, а *убежденность* говорящего в том, что речь идет о бенефактивности.

Следует, вероятно, абстрагироваться от обоих тривиальных условий и модифицировать вводные правила, то есть исходить из того, что отдельные

---

[46] Searle/Vanderveken [1985: 212] дают такое определение благодарности: суть благодарности заключается в выражении признательности. Вводным условием является бенефактивность положения дел – повода для благодарности – для говорящего и ответственность адресата за его наступление.

правила Дж. Серля вместе следует понимать как достаточное условие для «уместности» высказывания или использования того или иного языкового средства, которое в соответствии с конвенциями определенного языка эксплицирует иллокутивную силу. В таком случае общее правило для выражения благодарности можно было бы определить следующим образом: Пока говорящий убежден в том, что действие адресата было для него бенефактивным, и пока говорящий благодарен за исполнение этого действия, до тех пор говорящий может благодарить адресата за его действие.

Речевые акты благодарности, как и все экспрессивы, выражающие психические состояния, обладают особым статусом: они не дескриптивны, не прескриптивны. Если бы они, как ассертивы, были направлены на внешний мир, то их вряд ли можно было бы рассматривать как особый феномен, скорее эти речевые акты считались бы чисто дескриптивными сообщениями о внутреннем состоянии определенного типа. Но тогда именно при анализе такого перформативного высказывания как благодарность было бы совершен дескриптивный промах[47], и была бы стерты семантические различия между высказыванием „*Vielen Dank für die schönen Blumen*“ и высказыванием *„Ich berichte dir gegenüber, dass die Blumen in mir eine Empfindung der Dankbarkeit hervorgerufen haben*“.

А. Вежбицка эксплицирует условия успешности речевого акта благодарности следующим образом: *Спасибо! = зная, что ты был причиной того, что нечто хорошее произошло со мной, желая сделать так, чтобы ты знал, что я ценю это, я говорю: я тебе благодарен* [Вежбицкая 1985: 270]. В этом толковании также отмечается предпосылка (повод) для совершения речевого действия благодарности (*зная, что ты был причиной того, что нечто хорошее произошло со мной* - предварительное условие Серля), условие искренности приводится во втором предложении экспликации (*желая сделать так, чтобы ты знал, что я ценю это)*, и, наконец, называется иллокутивная

[47] Об этом термине писал Остин Дж. [Austin 1979]. В другой работе Остина Дж.Л. [Остин 1986]. приводятся общие аргументы против точки зрения, что перформативные высказывания являются описанием „inward performance“.

цель речевого действия (*я говорю: я тебе благодарен* - существенное условие Серля).

Следует заметить, что в описанных условиях совершения речевого действия благодарности особо не оговаривается факт, что данное действие, бенефактивное для говорящего и совершенное слушающим – адресатом благодарности, может иметь место в будущем, то есть та услуга, за которую благодарит говорящий, может быть только обещана (*Danke im voraus*). В таком случае, по-видимому, предпосылка акта (предварительное условие) включает в себя не только совершение некоторого действия (оказание услуги, проявление внимания), но и факт обещания такого действия, который также можно рассматривать как нечто положительное для говорящего.

Гловинская М.Я., исследовавшая семантику глаголов, называющих акт благодарности в русском языке [Гловинская 1993: 209], привела следующее толкование: *X благодарит У за Р = (1) X знает, что У сделал Р, хорошее для X; (2) X хочет показать, что он ценит это; (3) X понимает, что если он не покажет, что ценит Р У-а, У-у будет неприятно; (4) X произносит словесную формулу, принятую для этого; (5) X говорит это, чтобы У знал, что X оценил Р У-а.* Как видим, эта интерпретация близка к семантической экспликации А. Вежбицкой и содержит предпосылки (пресуппозицию), условие искренности и иллокутивную цель данного акта.

4.2. Поводы для благодарности. Варьирование благодарности. Полиинтенциональность благодарности

Поводы для благодарности могут быть дифференцированы на основе следующих аспектов:

а) степень ожидания говорящим действия адресата,

б) степень причастности адресата к совершению бенефактивного для говорящего действия,

в) объективная значимость действия, являющегося поводом для благодарности,

г) степень, в которой действие адресата коснулось говорящего.

Характеристика поводов для благодарности с помощью этих признаков рекомендуется потому, что ситуативные контексты благодарности очень различны и варьируются в диапазоне от незначительных, повседневных действий, как, например, предложение сигары (*Gib mir eine Zigarre. Danke (N-H, 353)*) или гостеприимство (*Und ich danke dir recht schön für deine Gastfreundschaft (B-SZ, 11)*) до действий, имеющих для говорящего большое или даже экзистенциальное значение, как, например спасение жизни: *Bestimmt wäre ich zu spät gekommen, um das Mädchen zu retten. Ich weiß nicht, wie ich Ihnen danken soll, Herr Baron (B-St, 30)*).

Благодарности может предшествовать и вербальное действие. В таком случае положительная оценка может касаться речевого действия говорящего как такового (например, когда благодарят за осведомление о положении дел говорящего или его близких: *– Wie geht es Ihrer Frau? – Danke für die Nachfrage, Herr Graf <...> (B-St, 37)*) или пропозиции вербального действия (*– Mein Angebot gilt: ich bring dich fort von hier. Wenn es sein muss, ohne einen Schilling! – Danke (B-SZ, 5)*). Ассертивное высказывание имеет для говорящего положительную ценность также, если оно содержит информацию о положении вещей, знание которого интересно или важно для говорящего: *Ich lege dir keinen Stein in den Weg, Norma, du kannst gehen, wohin du willst. – Danke, Werner. Glaube mir. Es ist besser so (B-St, 31)* – благодарность следует в ответ на положительное решение супруга о разводе, которое он сообщает своей измученной его нелюбовью жене.

Благодарность может следовать в ответ на комиссивное речевое действие, которым адресат утверждает будущее желаемое говорящим действие, как, например, приглашение (*– Sie zählen zu den Ehrengästen! – Danke (M-Z, 13)*) или обещание (*– Das eine kann ich Ihnen versprechen: In meiner Gegenwart soll niemand mehr schlecht über Sie sprechen! – Danke, Bäuerin! (M-Z, 48)*). Благодарность касается, с одной стороны, иллокутивного акта, с другой стороны, объявленного действия. Что касается последнего, то здесь речь идет о «благодарности заранее», которое незначительно отличается от благодарности

постфактум (кроме, может быть, того, что объявленное действие больше обязывает адресата).

Директивное речевое действие положительно для говорящего, если выполнение побуждения лежит в его интересах, как, например, в случае совета (*– Gut, dann werde ich dort anfragen. Ich danke dir. <...> (B-SZ, 9))* или предложения (*– Da sind Birnen. Sie können sich eine nehmen, Kai hat sie mir aus Schleswig mitgebracht. – Danke, ich hab mir auch welche mitgebracht, Williams-Birnen (L-A, 299)).*

Благодарность следует в ответ и на другие симпатизирующие экспрессивные речевые действия, как, например, комплимент (*– Ein reizender Gastgeber, der Marquis. Er war ein guter Freund meiner Mutter. Unter uns: ihretwegen hat er nicht geheiratet. – Wenn man die Tochter sieht, kann man ihm das nachfühlen. – Oh, danke. (L-F, 54)*) или поздравление (*– Aber zum Geburtstag möchte ich Ihnen gratulieren. Herzlichen Glückwunsch, Herr Präsident, und ein langes Leben. – Danke. Ich hoffe, Sie werden in dieser oder jener Form dazu beitragen ((L-G, 197))* и, как правило, завершает секвенцию.

Варьирование благодарности. Есть различия между благодарностью в ответ на невербальное действие и на речевое действие. Мы не обязаны благодарить служащих в учреждениях за выполнение ими своих обязанностей, поскольку их действия ожидаемы и разумеются сами собой. Отсутствие благодарности в этом случае не оценивается негативно (хотя оно и предусмотрено ритуалом). А во втором случае благодарность обязательна, она является частью элементарной вежливости. Отсутствие благодарности в ответ на поздравление будет воспринято как нарушение правил, хотя поздравление тоже является ритуализованным речевым действием. Правила языковой игры при совершении ритуала поздравления предполагают акт благодарности как сигнал о том, что поздравление принято.

И опять приходится делать оговорку о том, что утверждение о необязательности произнесения благодарности за действия, которые входят в обязанности адресата, не всегда верно. Ведь мы обязательно благодарим врача

за его действия по спасению жизни, поскольку повод для благодарности значителен, хотя врач, по-видимому, тоже только выполнял свои профессиональные обязанности.

Степень благодарности (или, правильнее будет сказать степень искренности благодарности) тоже различна. Ритуальная благодарность по незначительному поводу (вопрос о самочувствии при приветствии) отличается от искренней, лично значимой благодарности матери за спасение попавшего в беду ребенка. В первом случае чувство благодарности как таковое едва ощутимо, во втором случае оно является сильной эмоцией. При этом немаловажную роль играет и оценка роли адресата в выполнении бенефактивного действия. Как считает Коулмас [Coulmas 1981: 148], выражение *Dank schulden* указывает на тесную связь между благодарностью и признанием вины[48]. В немецком языке этот понятийный компонент благодарности не всегда так явно присутствует. Сознание вины перед адресатом растет с оценкой значимости повода для благодарности. Чем выше оценка, тем больше чувство благодарности связано с сознанием говорящим своей виновности (в том, что адресату пришлось приложить определенные усилия для совершения бенефактивного для говорящего действия).

Форма и функции вербальных единиц благодарности не всегда отражаются однозначно. Реализуя свои коммуникативные цели и скрытые/явные намерения, интерактанты могут либо придерживаться принципа кооперации, либо намеренно нарушать его и тогда достигается качественно новый эффект. Очень часто за счет несоответствия внеязыковой ситуации прагматическому содержанию выражения благодарности достигается эффект ироничного звучания. В следующем примере благодарность-отказ следует в ответ на угрозу и представляет собой саркастичную насмешку над напрасными усилиями адресата устрашить говорящего: – <...>*Verschwinden Sie! Oder ich*

---

[48] В этом выражении мы видим проявление восприятия благодарности как обязанности, которая может обернуться тем, что принимаемое благодеяние становится бременем, обрекая получателя на "расплату". В. О. Ключевский писал об этом: "Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит. <...> Кто не любит просить, тот не любит обязываться, то есть боится быть благодарным".

mache Ihnen Beine...! – Verbindlichsten Dank, mein Herr. Aber ... ich habe meine beiden Beine noch und benötige keine neuen <...> (T-G, 20). Значение сарказма в приведенном высказывании усиливается благодаря употреблению сильного модификатора *verbindlichst* и преувеличенно вежливого обращения *mein Herr* по отношению к равному в социальном отношении партнеру. Еще один пример саркастичного употребления благодарности, которая следует в ответ на упрек и инвективу и сопровождается взаимным упреком: *– Vergiss nicht, was du mir zu verdanken hast, du kleiner Emporkömmling. – Danke, ebenfalls. Ohne mich wärt ihr doch längst geschieden (J-K, 134).*

Выше уже говорилось о том, что в рамках пропозиционального содержания речевого акта благодарности описывается положение дел, расцениваемое говорящим как бенефактивное, т.е. говорящий приписывает пропозиции положительное оценочное значение, как бы положительно заряжая ее. Интенциональный и пропозициональный компоненты высказываний с иллокутивной силой благодарности связаны, таким образом, отношениями причинно-следственной зависимости, базирующейся на итеративности значений положительной оценки. В то же время положительное оценочное значение пропозиции может и не находить выражения в поверхностной структуре высказывания, сама пропозиция может быть нейтральной, более того, она может быть и негативно-оценочной. Это имеет место, например, в случае реализации предложений, по своим структурно-семантическим особенностям способных передавать иллокутивную силу благодарности, например, в контексте упрека: *Vielen Dank für Ihre Belehrung. Bitte weisen Sie mir auch weiterhin den Weg (M-S, 215).* Даже вне контекста приведенное высказывание, формально совпадающее с формулами благодарности, воспринимается как саркастическое замечание по поводу попыток партнера участвовать в судьбе говорящего. Основную роль в таком репрофилировании интенции играет существительное *Belehrung* (системное значение "поучение, нравоучение"), находящееся в ненейтральной (отрицательной) аксиологической зоне. Таким образом, первичное с точки зрения формально-синтаксической

организации предложения значение благодарности нейтрализуется, и реализуется вторичное значение упрека.

Полиинтенциональность высказываний благодарности. Предложениям с предикатами благодарности, включающим пропозицию прошедшего времени, может быть свойственна иллокутивная сила благодарности, в то время как предложения с проспективной ориентацией, включающие аналогичные глаголы в форме будущего времени, характеризуются иллокутивным синкретизмом, поскольку выражение благодарности в них может совмещаться с выражением просьбы, например: *Ich würde dir für eine Tasse guten Tee danken*. В данном случае выражается пропозиция будущего действия, выражение благодарности является последующим по отношению к другому, будущему действию, определенному в рамках пропозиционального содержания. Выполнение этого действия в будущем повлечет за собой благодарность, то есть содержащееся в пропозиции выражение благодарности является фактически ее условием, что позволяет прочитать высказывание следующим образом: *Wenn du mir einen guten Tee machst, werde ich dir danken. Ich werde dir danken = Mach bitte Tee.* В. Райбле называет такое взаимодействие наиболее вежливой формой высказывания просьбы [Raible 1987: 147]. При этом особенно важно, что часть предложения, описывающая позитивный эффект (X), предшествует называнию самого желаемого действия. Обе части предложения могут употребляться в сослагательном наклонении, что предоставляет партнеру свободу выбора перевести нереальное в реальное, не навязывает действия: *Und ich wäre Ihnen dankbar, wenn Sie sich Ihre Kommentare für später aufheben würden (M-H, 250).*

Предложение с эксплицитным показателем интенции может в определенных «утилитарных» контекстах одновременно реализовывать иллокутивные силы благодарности и согласия (отказа), при этом выражение личностной реакции может иметь выход не только в эмоциональную, но и практическую сферу, выражаясь, скажем, в согласии принять предложение: – *Ich wollte gerade Tee trinken. Möchten Sie sich mir anschließen? – Vielen Dank (M-*

S, 411). Значение благодарности как выражение психологического состояния говорящего предполагает наличие импликативной связи со значением положительной оценки, выступающей как мотив благодарности: *Nochmals vielen Dank für Ihre Hilfe (M-S, 432)*. Суждение, выражающее значение положительной оценки, может быть связано импликативными отношениями как с высказыванием, реализующим иллокутивную силу благодарности и выражающим результаты эмоциональной оценочной деятельности субъекта, а также с фиксирующим их практическую сторону высказыванием с значением согласия, а отношения между данными значениями справедливо интерпретировать как каузативные.

При совместной реализации интенций благодарности и отказа ослабляется негативный эффект отказа, партнеры избегают конфликта. Здесь возможны, по крайней мере, два случая:

– говорящей не хочет предлагаемого адресатом благодарности действия, но благодарит и, чтобы не быть грубым, признает внешне позитивное действие (или попытку такового): – *Danke, dottore. Whisky? Für einen Sizilianer? Das schmeckt auf unserer Zunge ganz scheußlich (K-A, 262)* – говорящий отказывается от предложенного ему напитка, объясняя причины отказа и благодаря за желание сделать ему приятное.

– говорящий рассматривает действие адресата благодарности как желаемое для себя, но в силу обстоятельств вынужден отказаться от его выполнения: – *Wollen Sie einen Leibwächter, Morton? – Vielen Dank, Sir, nein. Unser gesichtsloser Gegner besitzt das beeindruckende Talent, Schutzmaßnahmen zu umgehen (B-S, 184)* – говорящий считает, что телохранитель не сможет обеспечить ему безопасность и поэтому отказывается от его услуг, благодаря при этом за заботу.

4.3. Речевой акт благодарности в составе диалогического единства

Благодарность как реакция. Речевой акт благодарности функционирует преимущественно как реактивный речевой акт. Причем для

благодарности, как и для всех действий подтверждающего типа общим является следующий образец: это всегда реактивный речевой акт, второй шаг, сигнал о том, что предыдущее действие замечено, принято к сведению, т.к. любое действие, поддерживающее имидж одного, предполагает то же самое в отношении другого партнера. Поэтому ритуализованные действия происходят «шаг за шагом»: адресат совершает в отношении говорящего некоторое бенефактивное действие (1 шаг), говорящий высказывает благодарность (2 шаг), адресат вербально реагирует на благодарность (3 шаг). При этом первый шаг является облигаторным компонентом, стимулом, третий – факультативным, реакцией на второй шаг. Второй шаг – собственно благодарность – неоднороден, его можно, как правило, разложить на два и более компонента: перформативный инвариант и группа распространения (дополнительная оценка) [Имас 2001]. Два или более взаимосвязанных шага образуют ритуальный круг, который может быть самодостаточным или продолженным, то есть порождать подобные или другие круги.

Вслед за В. Холли [Holly 1979], А. Имас [Имас 2001: 52] выделяет три основные группы ситуаций-стимулов, предполагающих как следствие реакцию в виде вербальной (и/или невербальной) благодарности:

- комплимент, лесть, похвала:

– *Du siehst wieder bezaubernd aus, Vroni. – Danke, Louis (K-A, 19)* – высказывание благодарности следует в ответ на комплимент внешности собеседницы и предполагает согласие с оценкой*;*

– *Und Herr Wollf – Sie haben eine gute Arbeit geleistet. – Danke, Sie auch! (H-M, 125)* – благодарность является реакцией на речевой акт похвалы и, кроме согласия с положительной оценкой действия, включает взаимную похвалу.

- выражение признания, почтения, одобрения-согласия, пожелания, соболезнования:

– *Ich möchte Ihnen mein tiefstes Bedauern über das Ableben Ihres so geschätzten Herrn Gemahl aussprechen <...>. – Ich bedanke mich, Herr Waffel (H-M, 56)* – речевой акт благодарности в ответ на выражение соболезнования;

– *Mit schönes Gruß von ganzes Italienlager! Wir wünschen Gutes alles der Frau Chefin. – Danke. Vielen Dank (K-A, 125)* – выказывание благодарности является нейтральной реакцией на пожелание;

– *... Ich habe diese Bitte respektiert, aber Sie müssen jetzt dafür sorgen, dass ich es nicht bereue, von meinen Gepflogenheiten abgewichen zu sein. – Auch dafür bin ich Ihnen dankbar, Sir <...> (B-S, 180)* – благодарность следует в ответ на согласие вышестоящего на социальной лестнице партнера принять говорящего, пришедшего с просьбой;

– *Du wirst viele Schlachten gewinnen, Shigeru. Und andere Männer werden dich fürchten, sogar sehr. – Ich danke dir, Vater (M-S, 146)* – благодарность как реакция на выражение признания и почтения.

– *Es freut mich zu sehen, dass du den Angriff überlebt hast, Hanako. – Vielen Dank, Herr (M-S, 236)* – выражение благодарности в ответ на высказывание признания, радости по поводу того, что говорящая осталась в живых после военной схватки, унесшей много жизней.

- Выражение вежливого предложения, приглашения, слов гостеприимства. Реакцией на них может быть вежливый отказ или выражение согласия:

– *Ich wollte gerade Tee trinken. Möchten Sie mir anschließen? – Vielen Dank. (M-S, 411)*) – благодарность, имплицирующая согласие на предложение.

Благодарность-согласие может выражаться косвенно, представляя собой положительную оценку предлагаемого действия: – *Mehr als Spaghetti wird es wohl nicht geben. Aber die sind schnell fertig, und eventuell findet sich ja auch noch eine Dose Tomatensauce. – Das wäre ja wunderbar (H-M, 36).*

– *Nun hier um die Ecke ist eine Weinstube. Sie hat noch Licht. – Nein, danke. Die Fahrt war nicht gerade amüsant <...> (H-M, 85)* – отказ от предложения посидеть за бокалом вина имплицируется благодарностью за предложение и сопровождается объяснением причины отказа.

- Благодарность может являться реакцией на выполнение бенефактивного для говорящего действия, оказание услуги (невербальной или вербальной – совет) или помощи:

– *Danke. – Wofür? – Sie haben Oliver gerettet (K-A, 106)* – благодарность за оказание услуги – спасения провалившегося в шахту ребенка – сына говорящего;

– *Und ich würde es mir an Ihrer Stelle in Zukunft zweimal überlegen, bevor Sie einen höheren Beamten mit Ihrer persönlichen Meinung beglücken. – Das werde ich, Herr Inspektor. Vielen Dank (C-T, 414)* – благодарность за совет и за то, что советующий – руководитель благодарящего – простил последнему вспышку гнева за несправедливое, на его взгляд, отношение к нему. Благодарность за совет может сопровождаться оценкой его бенефактивности, как, например, в следующем примере: – *Wenn ich Sie wäre, würde ich auf meine Haut aufpassen... – Vielen Dank für den guten Rat... (B-S, 59).*

Благодарность может касаться не только выполнения бенефактивного для говорящего действия, но и невыполнение действия, малефактивного для него, например: *Oh, Jimbo. Ich hab gar nicht bemerkt, dass du hier bist. Beinahe hätte ich dich getreten. – Vielen Dank, dass du es nicht gemacht hast (M-S, 459).*

Благодарность следует в ответ

– на проявление заботы: – *Was ist mit Ihnen los? – Nichts, Sir. Danke für die Nachfrage (G-T, 142;)*

– на заботу и уход: *Ja, es geht mir blendend. Vielen Dank für alles (H-M, 276);*

– на сообщение требуемой информации: – *Wo ist sie? – Drüben im Bruch. Sie wollte heute Hasen schießen. – Danke (K-S, 89).*

Благодарность может появляться не только как реакция на выполненное действие или оказанную услугу, но на обещание выполнить указанное действие/оказать услугу: – <...> *Wir werden Ihnen die Fotos ebenfalls zeigen. – Danke. Ich weiß das zu schätzen (C-T, 297)* – говорящий благодарит адресата за обещание помощи в проведении расследования.

Частый случай произнесения благодарности – ситуация получения разрешения на выполнение того или иного очень желаемого действия. В следующем примере благодарность следует в ответ на разрешение удалиться и провести оставшееся до отъезда в дальнюю дорогу время с любимым человеком: – *Geh zu ihm. Er wird deine Gegenwart sicherlich mehr schätzen als wir. – Vielen Dank, Herr (M-S, 237).*

Естественно, указанные группы ситуаций и вербальных реакций на них не исчерпывают всего многообразия коннотативных нюансов в реализации вербального выражения благодарности.

Благодарность как стимул. Речевой акт благодарности может быть связан отношениями следования с речевым актом-реакцией на благодарность, по отношению к которому он выступает как инициативный, причем в таких парах смежности могут встречаться речевые акты как с одинаковой, так и с различными иллокутивными силами, например: – *Danke. – Wofür? – Dass du mich vor dem Mann so gut hingestellt hast. Das war sehr lieb (J-K, 20).* Высказывание благодарности *Das war sehr lieb* с пропозицией *Dass du mich vor dem Mann so gut hingestellt hast* является реакцией на высказывание *Wofür*?, которое следует в свою очередь в ответ на благодарность. Данные импликативные отношения, однако, не являются обязательными, а степень «реактивности» речевого акта благодарности во многом определяется значением речевого акта, по отношению к которому он выступает как реактивный.

Речевой акт анализируется в контексте определенного социального события как орудие социального действия [Сусов 1983]. Очевидна связь этикетной стороны речевой деятельности с реализацией определенного типа общения, равно как и с процессом регуляции общения в различных его фазах. Выбираемые коммуникантами речевые интеракциональные ходы обусловлены во многом моделью общения с ее правилами и стратегией, далеко не в последнюю очередь подчинены принятым в обществе правилам вежливости. Являясь социально значимыми актами, речевые акты благодарности в

ритуализированных ситуациях являются знаком уважения говорящего к выработанным в обществе нормам вербального поведения, а их употребление, следовательно, свидетельствует о признании собеседника как равноправного члена данного культурно-языкового социума, на которого распространяются требования уважительного отношения. Однако отсутствие вербального выражения благодарности в определенных ситуациях не обязательно выступает индикатором нежелания собеседников продолжить контакт, невыраженная благодарность является порой более сильным индикатором благодарности, чем эксплицитное ее выражение: Например: *Nur wenigen Männern kann ich voll und gut vertrauen. Du bist einer von Ihnen… – Fürst. – Mehr brachte Hide nicht heraus. Er war tief bewegt (M-S, 310).*

Выражение благодарности, как видно в исходной структуре, может сопровождаться, завершаться (факультативной) репликой-реакцией адресата. По функционально-семантическому признаку можно выделить:

1. реплики-реакции, отклоняющие благодарность:

– *Außerdem, Taro, danke, dass du die Ehre der Dame verteidigt hast. – Für Dank gibt es keinen Anlass, mein Fürst (M-S, 491)* – адресат отклоняет благодарность, считая защиту чести дамы совершенно естественной обязанностью каждого мужчины, не заслуживающей какого-то бы ни было специального внимания;

– *Gute Nacht, Professor. Und vielen Dank für die aufschlussreiche Geschichte... – Sie schulden mir keinen Dank, Inspektor <...> (T-G, 39)* – адресат благодарности не считает оказанную услугу поводом для благодарности, поскольку сам очень заинтересован в раскрытии преступления и готов всячески содействовать этому.

2. реплики-реакции, преуменьшающие необходимость высказанной благодарности, минимизирующие ее повод. Формы их показывают абсолютное разнообразие:

– *<...> Natürlich bekommst die Mahlzeit umsonst. Hast dich wahrhaftig lebhaft getummelt. Ich bin dir ja so dankbar dafür. – Ist doch selbstverständlich, dass*

ich dir helf, <...> (B-W, 38) – адресат благодарности минимизирует повод для благодарности, поскольку влюблен в адресанта и пытается всячески доказать свою преданность и готовность помочь;

– *Es ist herrlich, euch zu haben. Ich wüsst' net, was ich ohne dich in der schweren Zeit angefangen hätt', Anneli. Dass du trotz allem zu mir gehalten hast, vergess' ich dir nimmer. – Ich lieb dich halt (B-W, 66)* – пример, похожий на предыдущий: адресат косвенной благодарности (*Dass du trotz allem zu mir gehalten hast, vergess' ich dir nimmer*) считает свои действия – повод для благодарности – естественным проявлением своего чувства, не нуждающегося в признании;

– *Guten Tag, Frau Ziegler, schön, dass Sie Zeit für mich haben! – Aber ist doch keine Frage ... (H-M, 23)* – необходимость благодарности минимизируется, поскольку ее адресат – парикмахер, и оказание соответствующих услуг клиентам (хорошо их оплачивающих), является, собственно, основным занятием адресата;

– *Vielen Dank für den Brief, Major. Er hat gewirkt. – Ich hatte keine andere Wahl, Sir. Mein Land kam schon immer an erster Stelle (B-S, 239)* – в этом примере причиной для минимизации повода для благодарности является честное отношение ее адресата к своему профессиональному долгу;

– *Meine Herren, ich stehe tief in Ihrer Schuld. – War doch nur unsere Pflicht, Herr Direktor (K-A, 100)* – косвенная благодарность в приведенном примере (*ich stehe tief in Ihrer Schuld)* адресуется подчиненным говорящему людям – шахтерам, – спасшим его ребенка, провалившегося в шахту; они также считают проведение подобных спасательных работ своей обязанностью, не нуждающейся в дополнительном поощрении;

– *Vielen Dank, dass Ihr uns unter derart außergewöhnlichen Umständen empfangt, Fürst Kawakami. – Unsinn. Ein Schluck Sake gegen die Kälte? <...> (M-S, 286)* – минимизация повода для благодарности происходит по причине естественности доброго отношения хозяина дома к принимаемым гостям;

3. реплики-реакции, переадресующие благодарность. Они, в отличие от реплик предыдущей группы, не показывают большого разнообразия:

– Na denn, zum Wohl und danke für die Einladung. – Ich habe zu danken (H-M, 286) – пример представляет собой «дежурный» обмен любезностями дамы, приглашенной на ужин, и сопровождающего ее мужчины, которому приятно общество интересной и недурной собой собеседницы.

– Mir fehlen die Worte, um euch meine Dankbarkeit zu bezeugen. – Wir sind es, die dankbar sein müssen. Wir könnten keinem edleren Fürsten dienen (M-S, 417) – переадресация благодарности сопровождается объяснением ее причины – высокой оценкой этических качеств адресанта благодарности, служить которому, как считает адресат благодарности, есть большая честь для него и его товарищей;

4. нейтральные реакции, принимающие благодарность, завершающие конвенциональный акт благодарности. К ним относятся стандартные клише *gern geschehen, bitte, keine Ursache:*

– Mit mittelalterlichen Ansichten aber, mit Standesdünkel <...> sind Sie heute nur noch ein lebendiger Witz, der herumläuft. Als solcher heiraten Sie lieber nie, zum Segen jeder Unglücklichen, die Ihnen in die Hände fallen könnte. – Danke. – Bitte, keine Ursache (K-S, 70);

– Dann kann ich also darauf verlassen, dass ich richtiges Englisch spreche, wenn es sich in Japan weiter verbreitet? – Ja, ohne den geringsten Zweifel. – Vielen Dank, Emily. – Gern geschehen, Fürst Genji (M-S, 343);

– Wieviel Zeit haben wir jetzt, Lulatsch? – Eine Minute später, Herr Baron. – Danke. – Keine Ursache, Herr Baron (K-S, 65).

Все эти реактивные единицы имеют общую сферу употребления, их появление ограничено контекстами, в которых предшествующую позицию занимает выражение благодарности. Но это вовсе не означает, что любая из них может быть употреблена во всех подобных контекстах. Приведенные примеры свидетельствуют о значительной ситуативной обусловленности выбора той или иной реплики-реакции адресата. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что

речевой акт благодарности как тип еще не является исходной точкой относительно приемлемых последующих действий и что решение об их проведении может быть принято только при учете всех предшествовавших выражению благодарности вербальных и невербальных действий. При этом традиции соответствующей группы в любом случае выступают в качестве детерминанта в процессе выбора последующих действий.

4.4. Формирование смысла речевого акта благодарности

Прямые речевые акты благодарности образуют перформативную парадигму высказываний, в которую входят собственно перформативные, то есть базирующиеся на использовании перформативного глагола *danken (sich bedanken)* и его дериватов, и констативно-перформативные высказывания, которые по своей сути лишь сообщают о каком-либо факте или событии.

Информативная формула прототипных (включающих иллокутивный и пропозициональный компоненты) высказываний благодарности, в развернутом виде может быть представлена как *Ich danke dir/Ihnen für X (Ich bedanke mich bei dir/Ihnen für X)*: *Edler Graf und Eidam, ich danke Euch für die Ausrichtung dieses denkwürdigen Festes (K-AL, 46); Ich gebe dir noch ein kleines Abschiedsküsschen und bedanke mich artig für Speise und Trank und für den herrlichen Ausflug (W-MM, 64).* Предикат констативно-перформативных предложений может быть представлен грамматически различными типами сказуемых: выраженными глагольными словосочетаниями, например, *Es erfüllt mich mit Dankbarkeit, dass es dazu zu meinen Lebzeiten kommt (M-S, 237)*, и именными, в предикативной позиции которых употребляется прилагательное *dankbar (Bin Ihnen ausgesprochen dankbar)* или причастия *verbunden, verpflichtet*, например: *Es ist meine Schuld, allein es ist meine Schuld, und durch die werde ich dir mein ganzes Leben lang verpflichtet sein! Das verspreche ich dir, so wahr ich einen ehrlichen Namen trage (M-R, 320)* или существительное *Dank: Sehr freundlich von Ihnen, vielen Dank (S-T, 87).* Варьирование структурно-семантических особенностей предложений – способов реализации речевых актов благодарности обусловлено

варьированием репрезентации как его иллокутивного, так и пропозиционального компонентов.

Формирование интенционального смысла высказываний благодарности. К конвенциональным языковым формам, на основе которых коммуниканты распознают интенции друг друга[49] в высказываниях благодарности, относятся глаголы-матрицы, индицирующие тип речевого акта - перформативные глаголы: *danken, sich bedanken: Ich danke Euch, Gernot, für Eure Offenheit! (S-A, 97); Ich bedanke mich bei allen Fans, die mir auch in schlechten Tagen die Treue gehalten haben. Ich hoffe, wir werden noch viele schöne Partys abfeiern! (W-AA, 268).*

Общеизвестна краткая формула благодарности *Danke (schön/sehr),* которая является "остатком" полной прототипной фразы *Ich danke dir schön/sehr.* Ее существование является еще одним доказательством ускорения темпа нашей жизни и сокращением в связи с этим количества церемониальных действий в повседневном общении: глагольная форма достаточно информативна, очевидна и недвусмысленна, поэтому называние субъекта и объекта благодарности, а также повода для совершения этого речевого действия излишне. Универсальность использования краткой формулы *Danke!* в подавляющем большинстве поведенческих ситуаций является, таким образом, результатом эволюции форм выражения благодарности и вежливости в целом как следствия противостояния рационального и эмоционального начал, которое в немецком языке имеет четкую направленность к обезличиванию вежливых форм общения (т.е. к преобладанию рационального начала) [Имас 2001].

Эксплицитно-перформативные высказывания являются наиболее "прозрачным" языковым средством, к которому прибегает говорящий в ситуации выражения благодарности, но с точки зрения частоты употребления и социостилистических характеристик перформативный глагол (и эксплицитно

[49] Мы исходим из предположения, что партнеры действуют рационально и избирают для достижения своих коммуникативных намерений наиболее подходящие для этого языковые средства, то есть такие, для интерпретации которых адресату потребуется приложить минимум усилий. Такое предположение основывается определенном Г.П. Грайсом принципе кооперативного общения: «В нормальной ситуации человеческий диалог не является последовательностью не связанных друг с другом реплик – в этом случае он не был бы осмысленным» [Грайс 1985: 221].

перформативная формула) не может быть назван среди «лидеров», поскольку обладает признаками официальности, нечастотности. В неинституализированных дискурсах чаще употреблются синонимы «чистых» перформативов, их значительно большая употребительность дает исследователям повод утверждать, что «перформативный глагол-предикат покидает глагольную парадигму и вступает в новые парадигматические системные отношения с группой синонимичных, эквивалентных высказываний» [Формановская 1998: 177]. Применительно к выражению интенции благодарности перформативную парадигму можно представить следующими членами:

а) высказывания с существительным *Dank*[50]. В них нет грамматического 1 лица настоящего времени (обязательный признак перформативного глагола), в них присутствует семантическое подлежащее, семантический момент речи, поэтому их можно назвать семантическими перформативами: *Du warst immer mein Lichtblick! Hab Dank für alles, Farie! (P-R, 166).* Формула благодарности (*Hab Dank!*) является краткой и лаконичной реакцией на инициированное адресатом наступление положительного положения дел. В таком виде благодарность встречается довольно редко, она, как правило, "разбавляется" интенсифицирующими операторами (наречием *viel* и прилагательными *herzlich, best* - суперлативом от *gut*), вносящими в высказывание элемент эмоциональности и теплого отношения к партнеру: *Ich werde es sorgfältig behandeln! Haben Sie vielen Dank! (P-R, 235).* Однако и формулы с глагольным элементом бывают чаще всего избыточными и поэтому редуцируются до короткого *Vielen Dank / Herzlichen Dank / Besten Dank: Vielen Dank für Ihren wertvollen Besuch (M-S, 267); Dankeschön, Kollegin Weise, besten Dank! (B-Sp, 66).* Эти "зацементированные" в течение столетий вербальные знаки признания – прагматические идиомы [Földes 1995] – тоже являются быстрым, мимолетным "касанием" партнера, которое тем не менее необыкновенно важно

[50] Примечательно, что это существительное не является производным от глагола *danken,* как было бы логичным предположить. Напротив, оно дало жизнь этому глаголу в 9 в.

в повседневном общении. Чем более благодарен говорящий, тем менее конвенциональна и более эмоциональна его благодарность, даже ее краткая форма, ср. очень "горячее" высказывание: *Ich informiere Sie über das Ergebnis. Ich denke, dass Ihnen das genügen sollte. Und meinen heißesten Dank für Ihr umwerfendes Verständnis! (H-S, 89).* В таких номинализованных высказываниях благодарности тоже может появляться указание на субъект благодарности в виде притяжательного местоимения, оно является в таком случае оператором порождения релятивного смысла – показателя ненейтрального отношения говорящяге к адресату: *Unseren besten Dank!*

Часто в ситуациях большой признательности благодарность измеряется в числовых показателях, при этом отсчет начинается сразу с тысячи (*Hab tausend Dank!*), вероятно потому, что две или три, или даже десять благодарностей не выражают степень признательности говорящего (принципиально возможно появление высказывания как *Fünfzehn Dank!,* но оно воспринимается как шутливое, ироничное).

К случаям номинализации следует отнести и выражение предиката иллокутивной части именным сказуемым *dankbar sein,* что предполагает необходимость репрезентации в поверхностной структуре элементов, представляющих участников ситуации общения. Такая необходимость обусловлена особенностями синтагматики прилагательного *dankbar*, включение которого в речь в позиции предиката требует валентностно связанного с ним актанта: *Bin Ihnen ausgesprochen dankbar (M-S, 95).*

б) сочетание перформативного глагола с модальным элементом, в первую очередь с модальным глаголом: *Ich möchte/muss/soll danken,* и т.п. Такие скрытые перформативы употребляются в так называемых «ритуалах избегания» (И. Верлен), так как они формулируют модальность долга, возможности, необходимости – виды модальности, касающиеся человеческих потребностей сохранения «лица». Г. Лич объясняет действие скрытых перформативов как переход при их произнесении на метаязыковой уровень, где говорящий, символически испрашивая разрешения на совершение речевого акта, тем

самым совершает его [Leech 1983: 140]. Запрос разрешения на совершение речевого акта связан, по мнению автора, с тем обстоятельством, что партнеры не всегда автоматически могут претендовать на приоритетное право инициировать разговор и использовать его в собственных целях.

Следует отметить, что в высказываниях такой конструкции соответствующий речевой акт, несмотря на «скрытость» перформатива, совершенно реален, поскольку фокус внимания в нем сосредоточен не на субъективной модальности желания, долженствования, возможности и др., а на интенциональном значении перформативного инфинитива, и, значит, такие высказывания эквивалентны собственно перформативам: *ich möchte danken = ich danke: Was ich sagen will, ist... Nun ja, ich möchte Euch einfach danken für diesen weisen Rat, der von so viel Güte und Lebenserfahrung zeugt (K-AL, 337).*

Включение в предикатную позицию высказываний с иллокутивной силой благодарности модального глагола *müssen* или *sollen* модифицирует значение всего высказывания таким образом, что выражение благодарности говорящим выступает как бы обязательным в данной ситуации (эксплицируется восприятие благодарности как долга и обязанности), причем обязательность обусловлена действием социальных конвенций, регулирующих нормы вербального поведения в той или иной ситуации: *Letztendlich müssen wir auch den beiden hübschen Damen unseren Dank aussprechen (разг. речь).* Скрытый перформатив *Ich muss/soll danken* выступает по отношению к исходной, немодифицированной форме *ich danke* как менее интенсивный способ представления иллокутивной силы, связанный со снижением личной заинтересованности говорящего в выражении благодарности.

в) сочетание стертого императива *Gestatten Sie (Erlauben Sie, Lassen Sie mich...)* с перформативным инфинитивом или семантическим перформативом: *Gestatten Sie mir, Ihnen zu danken/Gestatten Sie mir, einen Dank auszusprechen,* оно также эквивалентно прямому перформативу (*ich danke Ihnen*), но обладает социостилистическим оттенком официальности и употребляется исключительно в торжественных случаях: *Gestatten Sie uns, dass wir Ihnen für*

Ihr geschätztes Vertrauen und Ihre Interesse an unserer Firma danken <...> [зап. живой речи]

г) функциональные глаголы *ausdrücken, aussprechen* в сочетании с номинацией интенции: *Ich drücke meinen Dank aus.* Вариантами развернутой номинализации могут быть следующие: *jmdm. seinen Dank abstatten, aussprechen; jmdm. [für etwas] Dank sagen; jmdm. Dank schulden, schuldig sein; ein Wort des Dankes sagen; als/zum Dank dafür, dass...; etwas mit Dank annehmen; von Dank erfüllt sein; jmdm. zu Dank verpflichtet sein* и др. Выбор конкретного сочетания может быть обусловлен различными параметрами речевого акта, такими, в частности, как контактность/дистантность партнеров, моно/полиадресность того речевого события, частью которого является речевой акт благодарности, при официальном или неформальном обращении к аудитории. Развернутые номинализации типичны прежде всего для официальных ситуаций, торжественных и обязывающих обе стороны соблюдать социальные конвенции, как, например, в случае произнесения хвалебной речи - лаудацио: *Sie werden mir gestatten, einen besonderen Dank zu ihr beispielgebendes Mäzenatentum an das Ehepaar Heidemarie und Curt Engelhort zu richten <...> [зап. живой речи]*. Но такие высказывания встречаются и в неформальном общении, где они рождают совершенно иной смысл, скрытый для беглого взгляда, но совершенно очевидный для коммуникантов, как в следующем примере: *Es ist also angebracht, dem lieben Oskar heute Abend außergewöhnlichen und außerordentlichen Dank auszusprechen, dafür, dass er uns zu dem wunderbaren Bier eingeladen hat ... (разг. речь).* Интенцией говорящего в приведенном высказывании является благодарность одному из присутствующих за приглашение на кружку пива. Облеченность благодарности за небольшую бенефактивность в такую многословную суперлативную форму создает комичный эффект и является оптимальным средством выражения теплых чувств и сближения участников общения.

Н.И. Формановская, анализируя особенности русских перформативных высказываний, вводит понятие коммуникативно-семантической группы –

синонимически (или тематически) связанные группы перформативных высказываний, объединенных одним интенциональным значением [Формановская 1986]. Речь идет о типизированных способах выражения интенции, поэтому при этом возможет учет не только прямых, но конвенциональных косвенных речевых актов, которые в силу типичности в типичных ситуациях стали повседневными клише и закрепились в языковом сознании говорящих и в их коммуникативной и прагматической компетенции.

Как видим, понятие коммуникативно-семантической группы синонимично перформативной парадигме. Системная организация высказываний в них проходит также на уровне интенционального смысла, категориального речеактового устройства и прагматических функций. Так, интенциональное значение и иллокутивная функция *Dank* находит выражение в соответствующей коммуникативно-семантической группе: *Ich danke dir (euch/Ihnen)* (с интенсификатором *herzlich, verbindlichst*), *Dank (vielen, herzlichen); Ich bin Ihnen (so/sehr) dankbar. Ich möchte Ihnen (herzlich) danken; Gestatten Sie mir, Ihnen zu danken; Gestatten Sie mir, Ihnen meinen Dank auszusprechen* и т.д. Каждое из высказываний коммуникативно-семантической группы имеет свои социостилистические характеристики, поэтому говорящий в конкретной ситуации общения ориентируется на статусно-ролевые признаки адресата и на степень важности его речевого действия (за пустячную услугу не принято благодарить с использованием формул как *Gestatten Sie mir, Ihnen meinen Dank auszusprechen).*

К случаям варьирования прагматического значения высказываний с иллокутивной силой благодарности следует также относить модификацию их прагматического значения в сторону усиления или снижения их иллокутивной силы, силы эмоционально-экспрессивной выразительности, с которой речевые акты репрезентируются в речи. Модификация прагматического значения может обеспечиваться средствами, принадлежащими к различным уровням языковой системы, причем они могут помещаться как в иллокутивную, так и в пропозициональную части высказывания.

К средствам модификации относятся, как уже упоминалось выше, единицы лексического уровня, как, например, разнообразные интенсификаторы – частицы, наречия и т.д., включение которых в состав высказывания обусловлено намерением говорящего повысить силу представления прагматического значения благодарности, например: *Vielen (tiefen, herzlichen, schönen, besten) Dank, Danke schön (sehr), Sehr verbunden, ausgesprochen (äußerst) dankbar*. Модификация прагматического значения может быть связана с квалификацией предиката, в том числе и тогда, когда репрезентантом предиката выступает номинализация: *Tausend Dank*, например: *Es war ein toller Abend. Tausend Dank.* Модификаторы указывают на количественные параметры предиката. Однако употребление в подобном случае, к примеру, *Zwei Dank* недопустимо, так как коммуникативно значимым является именно значение очень большого количества. Модификатор *tausend* является, таким образом, качественно-количественным и сигнализирует характер выражаемого номинализацией действия (ср. также формулу *Danke vielmals!)*. В то же время введение оператора *wenig*, указывающего на качественные параметры предиката, в высказывание *Wenigen Dank* является средством модификации прагматического значения высказывания с иллокутивной силой благодарности в сторону ее снижения. Таким образом, введением модификатора *wenig,* имеющим в данном контексте отрицательное оценочное значение, достигается тот же эффект, что и при рассогласовании иллокутивного и пропозиционального компонента по знаку оценки, то есть в высказываниях с негативно окрашенной пропозицией, ср.: *Danke für nichts. Wenigen Dank.*

Средствами модификации прагматического значения высказываний – речевых актов благодарности могут выступать разнообразные лексико-синтаксические повторы. Повторы могут ограничиваться рамками одного высказывания, оформляться как самостоятельные высказывания, непосредственно соположенные в речевой цепи как *Danke, Matthew. Ganz herzlichen Dank (M-S, 481)*, а также образовывать своеобразную рамку в пределах коммуникативного блока – ряда высказываний, объединенных общей

иллокутивной силой, например: *Vielen Dank, Fürst Hiromitzu. Wir werden Eure Gastfreundschaft dankbar annehmen (M-S, 294)*.

Формирование пропозиционального смысла высказываний благодарности. Варьирование языковой репрезентации речевого акта благодарности справедливо связывать также с варьированием способа представления его пропозиционального компонента. Употребление высказываний благодарности с имплицитным пропозициональным компонентом возможно при очевидности пропозиции из контекста, например: *Er sah sich um. Er konnte ihr keinen Stuhl anbieten. – Danke, ich stehe ganz bequem (M-S, 242)*. В подобных случаях сам ситуативный контекст предлагает «информационную компенсацию».

Однако семантика иллокутивного глагола не всегда однозначно указывает на акторечевой контекст функционирования высказывания. Существенным в этой связи представляется учет не только семантики иллокутивной части, но и собственно внутренней организации речевого акта, согласование иллокутивного и пропозиционального компонентов по оценочному значению и темпоральной ориентации.

Пропозициональная часть высказываний благодарности включает распространенное или свернутое описание бенефактивных действий адресата, ставших поводом для совершения этого речевого акта. Оператором выражения пропозиционального смысла в свернутой пропозициональной части является существительное в винительном падеже с предлогом *für*: *Für die vorzügliche Bewirtung meiner Männer habe ich die Erlaubnis meines Herrn Euch hiermit zu danken (H-G, 101)* или его субститутом, местоименным наречием *dafür* при указании повода для благодарности в пресуппозиции высказывания*: Es hört sich gut an, wie Sie das äußern. Es klingt so wahr. Ich wollte Ihnen so gerne glauben und dafür danken (B-L, 107)*.

Развернутое описание повода для благодарности приводится в форме придаточного дополнительного предложения с союзом *dass: So Jungs, danke, dass ihr meine Frau sicher zu mir geleitet habt! Schönen Abend noch! (W-MM, 28)*.

В условиях обстоятельной, торжественной речи придаточное иногда тоже вводится местоименным наречием *dafür,* такая благодарность "подносится" адресату как подарок, любовно упакованный в красивые и теплые слова: *Wir danken Ihnen dafür, Frau Heider, dass Sie uns ihre Zeit geopfert und so offen Auskunft gegeben haben (G-B, 19).*

Развернутая пропозиция, включающая повод для благодарности, может присоединяться к вербализированной интенции бессоюзным способом, в этом случае на месте подразумеваемого союза возникает пауза, длящаяся всего одно мгновение, но добавляющая в ситуацию совершения речевого действия элемент патетики: *Mademoiselle, uns ist in diesem Kriege manch großes Unglück widerfahren. Vor einem Weiteren haben Sie uns bewahrt – wir danken Ihnen (M-R, 517).*

Встречаются ситуации, когда говорящий выражает благодарность за повторяющееся действие, совершаемое адресатом регулярно или время от времени. Тогда пропозиция благодарности выражается в форме временного придаточного предложения с союзом *wenn: Ich bin immer sehr dankbar, wenn du nach Hause kommst, Glenn! Ich liebe dich! (P-R, 207).*

Если функционирование высказываний с расчлененным представлением иллокутивного и пропозиционального компонентов в их поверхностной структуре связывается с их преимущественным функционированием в контексте прямых речевых актов с данной иллокутивной силой, то высказывания, не содержащие указания на иллокутивную цель, а также высказывания, реализующие в речи прагматическое значение, не являющееся первичным с точки зрения их формально-синтаксической организации, употребляются в контексте косвенных высказываний благодарности.

Формирование смысла косвенных высказываний благодарности. В семантико-синтаксичесной структуре предложений может и не фиксироваться определенный интенциональный смысл, что позволяет считать их потенциально полииллокутивными. Реализация речевых актов благодарности с помощью таких предложений обусловлена их способностью к

прагматическому варьированию: диапазон прагматического варьирования данных предложений обусловлен самой их семантикой.

Предложения – языковые составляющие косвенного речевого акта благодарности могут, например, выражать общую оценку пропозиционального действия прагматическим субъектом как бенефактивного: *Es ist lieb von dir, dass du mir helfen willst (B-W, 28)* – в пропозиции приведенного высказывания, выраженной придаточным предложением, указано действие, положительная оценка которого и одновременно выражение чувства благодарности за которое (*Es ist lieb von dir*) является содержанием иллокутивной части; в высказывании *Es war schön, Ursula, sehr schön (H-M, 92)* косвенная благодарность за приятно проведенной время выражается в форме положительной оценки предшествующих действий адресата.

Косвенная благодарность может выражать также эмоциональное состояние прагматического субъекта, вызванное данным действием (положением вещей): *Es war mir wirklich ein Vergnügen, Schätzchen. (H-S, 225)* – косвенная благодарность за приятное общение с умной и наделенной хорошим чувством юмора собеседницей, приведшее говорящего в лучшее, чем до начала разговора, расположение духа. Еще пример: *Sie haben mir wirklich den Tag gerettet. Falls Sie selbst Massage haben möchten...(H-S, 64)* – косвенная благодарность за важную информацию, которая сопровождается предложением своих услуг в качестве оплаты. Пропозициональная ситуация в этом случае служит объектом не только рационального осмысления, при котором положение дел, описываемое в рамках пропозиционального содержания, осмысливается как причина благодарности, но и эмоционального отношения субъекта.

Моделью высказывания косвенной благодарности может служить также обещание помнить об услуге, оказанной адресатом благодарности (*Sie selbst...? Würden Sie mir den Gefallen tun? – Natürlich. – <u>Das vergesse ich Ihnen nie, Stanley</u>! <...> (T-G, 55))* или уверения в понимании ценности этой услуги: *Ich*

weiß es zu schätzen, dass Sie mir etwas von Ihrer kostbaren Zeit widmen, Herr Präsident, <...> (B-S, 180).

К формулам конвенционализированной косвенной благодарности относится фраза *Vergelt's Gott!*[51], соответствующая русской клишированной формуле благодарности «спасибо» – «спаси бог!»: *Vergelt's Gott, dass du mir so fleißig geholfen hast. Ohne deine Hilfe wäre ich aufgeschmissen gewesen. <...> (B-W, 40)* – подобные высказывания содержат кроме косвенной благодарности, которая однозначно читается из контекста и является, собственно, основным компонентом их смысловой структуры, еще и пожелание блага адресату за бенефактивность произведенного им действия или выполненной им услуги.

Примерно так же функционируют формально императивные клишированные высказывания, благодарящие всевышнего или другие небесные силы за наступление положительного положения дел: *Bunar! Ihr habt sie gefunden? Den Monden sei Dank! (P-S, 280).* Безусловно, адресуя благодарность невидимым силам, говорящий имеет в виду и тех, кто непосредственно причастен к положительно оцениваемым им событиям и действиям. Следовательно, формулы такого рода можно причислить к категории высказываний с измененной референциальной сооотнесенностью. В их основе лежит сокращенный и упрощенный вариант хвалебной песни из Ветхого Завета (псалм 150: 4 и сл.[52]) *Gott sei Dank!* или его эвфемистические синонимы *Dem Herrn sei Dank!* и *Dem Himmel sei Dank!*, которые настолько конвенционировались и закрепились в языковом сознании, что превратились сегодня во вторичное междометие, выражающее облегчение, когда вопреки ожиданиям происходит нечто положительное: *Gott sei Dank sieht ihr Kavalier total harmlos aus, ein richtiges Milchbübchen. Und so linkisch. Da habe ich keine*

---

[51] Формула *Vergelt's Gott (Vergelte es Gott)!* наиболее распространена в южнонемецких диалектах, в которых особенно ярко отражается влияние католической церкви. Предикат этой формулы, выраженный императивом глагола *vergelten,* связан со словом *gell,* являющимся частью разделительного вопроса и означающего *nicht wahr?* Слово *gell,* в свою очередь, производно от глагола *gelten* (*gültig sein)* и является остатком полной формулы *Das gilt doch wohl?* Глагол *gelten* имел в двн. значение *kosten, wert sein*, которое и сохранилось в формуле благодарности *Vergelt's Gott!,* буквально означающей: Пусть бог оценит (отблагодарит тебя за) это!

[52] *Lobet Ihn mit Pauken und Reigen, Lobet Ihn mit Saiten und Pfeifen, Lobet Ihn mit hellen Cymbeln, Lobet Ihn mit wohlklingenden Cymbeln. Alles, was Odem hat, lobe den Herrn. Haleluja.*

Bedenken (W-MM, 238). На основе этой модели (*N_3 sei Dank)* творческие языковые личности создают новые высказывания благодарности, всегда ситуативные, всегда уникальные, ср.: *Den klugen Wesen sei Dank! (E-B, 10).*

Особым случаем формирования интенционального смысла в косвенных высказываниях благодарности следует признать использование предлога *dank,* этимология которого восходит к соответствующему существительному: его исходной формой также следует считать словосочетание с *Dank sei j-m, einer Sache,* которое было настолько употребительным, что превратилось сначала в парантезу и затем, с 18 века, стало употребляться в качестве предлога для выражения причинно-следственных отношений. Но первоначальное значение в предлоге не стерлось окончательно, оно все еще довольно очевидно, поэтому его появление в речи совершенно однозначно проявляет намерение говорящего поблагодарить адресата: *Er fühlt sich dank Eurer Hilfe schon viel besser! (P-S, 232)*

В качестве высказывания благодарности можно рассматривать и следующую реплику адресанта – одинокой, плохо себя чувствующей героини, которую неожиданно посещает почти незнакомая женщина, окружающая ее теплом и заботой: – *So, die ist sehr kräftig, mit reichlich Rindfleisch und Gemüse. – Ich weiß überhaupt nicht, was ich sagen soll <...> sie bewirten mich in meinem eigenen Haus. So etwas ist mir noch nie passiert <...> (H-M, 216).* Это высказывание благодарности построено аналогично употребляемой формуле благодарности, тоже ставшей конвенциональной *Ich weiß nicht, wie ich dir/Ihnen danken soll.* Внутренняя форма этой фразы довольно прозрачна: говорящий настолько обескуражен положительным влиянием адресата на актуальное положение дел, что в растерянности не может определить адекватную меру благодарности ему. Высказывания как *Ich weiß nicht, wie ich Ihnen danken soll, Dr. Kolbe (E-B, 112)* функционируют как "нормальная" благодарность, но они значительно более эмоционально заряжены, чем их аналоги с четко выраженной интенцией. Поэтому можно констатировать, что в

высказываниях такого типа эмотивный смысл выходит из конвенциональных рамок и возглавляет всю когорту атомарных смыслов.

В целом можно констатировать, что появление форм косвенной благодарности как выход за рамки обезличенных формул связано с такими субъективными факторами, как личностное восприятие значимости бенефактивного действия и желание открыть партнеру свое эмоциональное видение ситуации.

***

Все вышесказанное свидетельствует о том, что природа речевых действий благодарности – обязанность адресату – определяет доминирование интенционального смысла в смысловом целом, поскольку адресат благодарности должен безошибочно определить тип речевого действия, это важно для говорящего, искренне желающего убедить партнера в своей доброжелательности и признательности за сделанное добро. Важность и интенсивность выражения интенционального компонента смысла подчеркивает неэксплицирование пропозициональной части (совершенная адресатом добродетель является прагматической пресуппозицией. Эмоциональный и оценочный элементарные смыслы часто остаются невостребованными (за исключением лично значимой благодарности, когда эмоции и оценка актуализируются не специальными операторами, а всем контекстом, полной прототипной формой речевого действия) и находятся на "заднем плане" смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости. Реляционный же смысл является непременно активным элементом в смысловом континууме высказываний благодарности, поскольку, как уже не раз подчеркивалось, именно выражение расположения к партнеру является целью социальной интеракции. Специфическими операторами выражения реляционного смысла являются, как и во всех других рассмотренных социативах, обращения, которые эксплицируют элемент индивиальности в благодарности, пусть даже выраженной конвенциональной формулой.

ГЛАВА IV. ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ИНФЛУКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Речевые акты выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к явлениям окружающего мира не упоминаются в работах Дж.Р. Серля и Дж.Л. Остина, на это впервые обратила внимание В.Н. Телия в связи с анализом эмоционально-оценочных лексем. Она утверждала, что для того, чтобы выразить неодобрение, презрение, пренебрежение или одобрение как иллокутивную силу, можно прибегнуть к перформативу типа «Я презираю тебя, Я одобряю тебя» или же к эмотиву «Ты – Иуда <христопродавец». Считая презрение, пренебрежение и т, п. – не вердиктами суда, а «приговорами души», автор называет эксплицируемые в речи чувства-отношения эмотивами или эмоциональными перформативами [Телия, 1996: 210].

Инфлуктивы (от лат. *influcto* – воздействовать) или речевые акты эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия – это речевые акты эмоционального самовыражения, поводом для которого является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней. В них выражаются не только чувства-состояния (по Телия В.Н.), но и чувства-отношения, неразрывно связанные с рациональной оценкой воспринимаемого, пропущенной через эмоциональную сферу психики [Графова 1987]. Это всегда воздействия, направленные вовне, связанные с нормами, социальными (интегрирующими людей в общество) и ролевыми (права и обязанности одного лица по отношению к другому, формирующие систему социального взаимодействия).

В обществе существуют конвенции, по которым то или иное поведение считается предосудительным или похвальным, в том числе и в виде неписаных правил, не всегда вполне осознаваемых индивидами. Предпосылкой целесообразности и успешности инфлуктивных речевых актов является факт принятия индивидами характерных для данной национальной духовной культуры поведенческих норм, нравственного сознания, господствующего в

ней. Но поскольку все конвенциональные нормы порой нарушаются, предусматривается принуждение для их соблюдения. «Действия, которые предполагается осуществить в случае выполнения или невыполнения нормы субъектом, обычно нормируются в виде поощрений и наказаний <...>. Роль санкции как регулятора поведения – предупреждать повторения нарушения и закреплять положительный опыт следования норме» [Ишмуратов, 1987: 87-88]. Одобрение, похвала – неформальные позитивные санкции, порицание, замечание, насмешка, издевка, неодобрение, недоброжелательный отзыв, пренебрежение – неформальные негативные санкции к тем, кто нарушает социальные нормы. Эти санкции, облеченные в формы соответствующих речевых актов, обладают огромной силой воздействия, выступая как инструмент регулирования совместной деятельности людей: они могут изменять образ мыслей, поведение и действия собеседников. Некоторые из них представляют собой, с одной стороны, вмешательство в сферу жизненного пространства адресата, наносят вред социальному статусу языковой личности (например, оскорбление), а другие участвуют в усовершенствовании человеческих отношений и форм общения посредством возвышения (преувеличения) достоинств партнера (например, комплимент). В целом они отражают систему аксиологических координат языкового коллектива, качество исполнения коммуникантами социальных ролей, взаимоотношения между ними, то есть все то, что имеет отношение к установленным в обществе социальным нормам и процедурам их исполнения. Перлокутивный эффект совершения инфлуктивных речевых актов представлен такими конечными результатами воздействия как возникновение у адресата эмоциональных состояний радости, восторга, воодушевления или недовольства, раздражения, оскорбленности и т.п. Учет таких перлокутивных эффектов дает В.И. Карасику назвать рассматриваемые в данном разделе речевые акты эмоционально-каузативными [Карасик 2002: 150].

1. РЕЧЕВОЙ АКТ КОМПЛИМЕНТА

Комплимент как речевой акт прочно закреплен в повседневном речевом общении. Если не во всех, то во многих языковых обществах обмен комплиментами является общепринятой стратегией вежливости.

1.1. Комплимент как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Как правило, комплимент определяется как ритуализированная (не всегда искренняя) оценка объектов, которая прямо касается партнера; совершением речевого действия комплимента говорящий стремится убедить адресата в своем уважении[53]. Но такая дефиниция не учитывает прототипического понятия «подлинного» комплимента, предполагающего восхищение положительными качествами человека, «мифологизирующего» адресата, указывающего на прецедентность его качеств. «Широкое» определение комплимента как речевого акта: включает обе «узкие» характеристики и считает комплиментом всякое направленное на адресата высказывание искреннего восхищения его положительными качествами или их ритуальную положительную оценку, выражаемую говорящим с целью убедить собеседника в своем уважении[54]. Важной характеристикой комплимента является обязательное личное присутствие адресата при его произнесении. Оценка достоинств лица, не участвующего в референтной ситуации, мы рассматриваем такие высказывание положительной оценки, оно близки анализируемому речевому акту комплимента тематически, композиционно и стилистически, но не рассчитано на непосредственный перлокутивный эффект (хотя опосредованный, отсроченный подобный эффект

[53] Подобное определение дает комплименту, например, К. Адамчик [Adamzik 1984: 269].

[54] Дж. Холмс определяет критерии, которым должен отвечать комплимент, чтобы вообще считаться комплиментом: Комплимент – это речевой акт, который эксплицитно или имплицитно приписывает кому-либо другому, не говорящему, как правило, адресату, что-либо «хорошее» (собственность адресата комплимента, его качества, умения и т.д.), которое положительно оценивается говорящим и слушающим. В большинстве случаев комплименты имеют оценку «хорошо» для адресата, и даже если комплименты явно относятся к третьему лицу, они могут быть косвенными комплиментами адресату [Holmes 1987: 465-466].

возможен), который является конституционным элементом этого речевого акта[55].

Отличия комплимента от других речевых актов. Комплименты близки другим речевым актам с идентичной формой: речевым актам похвалы, лести или поздравления-пожелания. Однако на констатации идентичности названных речевых актов все единодушие исследователей практически и кончается, появляется множество разногласий: В.В. Леонтьев определяет речевые акты лести и комплимента как разновидности речевого акта похвалы. Н.Д. Формановская и В.И. Карасик классифицируют комплимент как лесть, а американские лингвисты отождествляют речевые акты похвалы (комплимента) и лести. Несмотря на структурную и тематическую близость речевых актов комплимента и похвалы, они имеют, на наш взгляд, существенные различия: похвала подчиняется большим ограничениям, чем иллокутивно независимое высказывание комплимента, поскольку похвала всегда имеет статусную зависимость: вышестоящий может сколько угодно хвалить подчиненного, но не наоборот – подчиненный не может направить вышестоящему даже обоснованную похвалу (но восхищенный комплимент). Поскольку похвала представляет собой оценку достижений, то хвалящий должен обладать компетенцией оценивания, у подчиненного такой компетенции (по статусу) быть не может.

Критерий статусной и ролевой дифференциации партнеров определяет еще один характерный признак комплимента, часто остающийся недоучтенным в исследованиях – обязательный момент интимации, то есть вхождения в личное (в том числе интимное) смысловое поле адресата, участие в моделировании и модифицировании его «личного образа себя» (Мурашкина Э.В.). Этот момент определяет деликатность комплимента как особого речевого акта в отличие от похвалы, при производстве которой признак статусной дистанцированности является не нейтральным. Интимность в устном

[55] Е.В. Падучевой рассматривает высказывания оценки достоинств отсутствующего лица как комплименты, но употребленные в неканонической ситуации общения [Падучева 1996].

комплименте создается пространственной близостью, визуальным контактом, улыбкой, частной темой разговора.

В качестве отличительных признаков комплимента называются, кроме того, его краткость, а также окказиональность, появление в определенных ситуациях [Beetz 1981: 145], меньшая степенью искренности по сравнению с похвалой [Безменова 2001: 5; Трипольская 1999: 75; Marten-Cleef 1991: 128]. Последняя особенность объясняется, вероятно, тем, что при выражении комплимента по многим поводам важнее выразить чувства, чем их на самом деле испытывать, то есть для успешного совершения речевого акта комплимента, как правило, неважно, является ли симпатия говорящего искренней или нет. Это не означает, однако, что комплимент всегда неискренен, как лесть. Скорее ни говорящий, совершающий речевое действие комплимента, ни его адресат, просто не задумываются о том, испытывает ли говорящий те эмоции, которые он декларирует.

В похвале оцениваются заслуги, достижения, являющиеся результатом усилий ее адресата, то есть похвала тяготеет к образу предвосхищаемого нормативного и никак не неожиданного результата; комплимент же включает ситуативную оценку, которая ориентирована не столько на заслуги, сколько на нестандартную, выходящую за рамки повседневной рутины данность (например, внешность, вкус, даже характер). Всем участникам общения очевиден конвенциональный характер ритуального комплимента, никто не принимает его всерьез; похвала имеет, как правило, более сильные аргументы.

При нарушении прагматической пресуппозиции мы имеем дело с лестью. Высказывания лести отличает высокая степень эмоциональности, многословность, максимально положительная оценка. Пресуппозиция лести включает неистинность и сознательно ложные намерения со стороны говорящего. Комплимент же не имеет намерений обмануть адресата, его очевидная ритуализированность исключает возможность нанесения обиды неискренностью говорящего.

Лесть предполагает ролевые отношения, направленные снизу вверх, в отличие от комплимента, произносимого в ситуациях общения равноправных партнеров либо направленного от вышестоящего к нижестоящему. Поскольку, однако, по формальным признакам лесть не отличается от комплимента, то единственным способом их дифференциации является опора на ситуацию и контекст.

Поздравление-пожелание в отличие от комплимента, который не носит устойчивого характера и варьируется в зависимости от конкретных условий речевого общения, касается скорее конвенционализованных поводов (успехов, удачи, хорошего здоровья партнера и т.п.). Его произнесением в ожидаемых ситуациях говорящий подчиняется принятым в обществе правилам вежливости, пользуясь очень ограниченным набором языковых средств. Однако различия между комплиментом и поздравлением-пожеланием не всегда очевидны. Часто эти два речевых акта совпадают или дополняют друг друга: *Aber ich wünsche ihr nichts mehr, als dass sie die Schönheit ihrer Mutter geerbt hat, deine Schönheit, Karin (K-O, 64)* – комплимент матери совпадает с пожеланием ребенку, эти две интенции являются двумя семантическими слоями приведенного высказывания.

Поводы для комплимента. Условием для совершения речевого действия комплимента, как уже указывалось выше, является исходящая от говорящего положительная оценка различного рода (референтных, то есть существующих, или виртуальных, то есть приписываемых) имиджеобразующих признаков как личности слушающего, так и его деятельности в широком понимании. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет нам выделить следующие «провоцирующие» комплимент признаки:

1) внешний вид собеседника; такие комплименты адресуются, как правило, женщинам: *Sie wissen, dass Sie entzückend sind. Sicher haben Ihnen das viele Männer vor mir gesagt, ich kann es nur wiederholen (K-S, 34);*

2) положительные качества собеседника: *Sie sind sehr tapfer, gnädige Frau! (J-K, 82); Du bist ein kluger Junge (K-A, 290);*

3) особенности внешности, характера или поведения собеседника: *Lass dich anschauen, Jacques, gut siehst du aus, braun, wie ein Zigeuner (K-An, 13);*

4) профессиональные качества собеседника: – *Was ist mit Ihren Marketingleuten? – Gute und fähige Leute. Aber keiner von ihnwn besitzt Ihre Qualitäten. <...> (M-H, 446);*

5) высокие нравственные качества собеседника: *Wir sind es, die dankbar sein müssen. Wir könnten keinem edleren Fürsten dienen (M-S, 417);*

6) способности собеседника: *Wissen Sie, Alvirah, Sie können gut mit Worten umgehen (C-W, 108);*

7) родственники или близкие люди собеседника: *Was für ein hübscher Junge. Er wird in der Zukunft viele Herzen brechen (M-S, 480);*

8) собственность, жилище собеседника: *Oh, Sie sind zu beneiden! Was würde ich geben, um solch ein herrliches Schiff zu besitzen! Sie müssen eine sehr, sehr glückliche Frau sein! (H-M, 64).*

Как видим, при совершении комплиментов избегаются темы, которые касаются интимной сферы или сферы табу (за исключением специфических ситуаций), поскольку они легко могут стать угрозой самоуважения говорящего – желанию неограниченной свободы действий и сохранению дистанции. Поэтому выбирается нейтральная, безобидная тема, которая, так же как и формальная структура, поддерживает ритуальный характер речевого акта. Фатические элементы разговора, не имеющие большого значения с содержательной точки зрения, служат той самой «социальной смазкой»: «роль играет не буквальное значение, а тот факт, что произносится ожидаемое [...]. Буквальное значение исчезает, уважительность становится все более заметна» [Coulmas 1986].

1.2. Функционирование и варьирование комплиментов

Наиболее «чистой» формой комплимента является искренняя оценка самого партнера, а не принадлежащего ему имущества. Такое открытое выражение оценки возможно при тесных отношениях и небольшой социальной

дистанции между коммуникантами. В других случаях, когда партнеры не находятся в близких дружеских отношениях друг с другом, предпочитается оценка объектов.

Анализируя особенности социальных контактов в разных ситуациях, К. Адамчик сделал интересное наблюдение: открытая оценка партнера при неблизких социальных отношениях высказывается в случаях окончания «общей истории интеракции», когда исключается опасность превращения такого высказывания в источник особого фокусирования отношений [Adamzik 1984: 289]. Иллюстрацией сказанному может служить ситуация обращения со словами положительной оценки к увольняющемуся с работы коллеге: *Wir haben Sie alle als immer hilfsbereiten Kollegen und liebenswürdigen Menschen ins Herz geschlossen* (пример К. Адамчика [там же]). В продолжение «нормальных» отношений такие открытые высказывания оценки и отношения, по меньшей мере, необычны, заключает автор.

Опасность интерпретации открытого выражения положительной оценки партнера как навязывания близких отношений исключается при явно выраженной вертикальной дистанции. Вышестоящее лицо может без страха быть неправильно понятым выражать адресату свое мнение о нем: *Sie haben uns viele Jahre treu gedient (B-H, 8)*. Общая положительная оценка вышестоящего лица нижестоящим звучит, на наш взгляд, несколько подобострастно: *Sie waren immer sehr freundlich zu mir, Sie und Ihr Fräulein Schwester (B-H, 8)*. Средством профилактики неверной интерпретации адресатом выражения восторженной оценки в комплименте как попытки навязать ему тесные отношения при неблизкой социальной дистанции между партнерами является маркирование высказывания как не совсем соответствующего действующим конвенциям социального поведения, то есть как легкое нарушение нормы. Признавая «ликоущемляемость» своих речевых действий, говорящий ритуально предваряет комплимент просьбой о разрешении его произнести: *Miss, darf ich mir erlauben, Ihnen zu sagen, dass Ihre Schönheit die Schätze dieser Sammlung in den Schatten stellt (M-S, 157).*

Псевдокомплименты. В исследуемом материале встречаются высказывания комплимента, которые преследуют цели, противоречащие идее позитивной вежливости – демонстрации солидарности и единства. В таких случаях можно говорить о псевдокомплименте или о неприкрытой иронии, например: *Talentvoll geschlussfolgert. Kolossal scharfsinnig, Monsieur, und ein ganz entzückender Humor! (ET-S, 78).* О сарказме говорящего свидетельствует суперлативная положительная оценка ничем не примечательной реплики партнера, «выворачивающая» комплимент наизнанку и превращающая его в антикомплимент: говорящий считает замечания собеседника неумным и неуместным. Псевдокомплимент, имея в своем распоряжения языковые средства выражения, идентичные искреннему комплименту (метафоры, гиперболы, суперлативы), формально не отличается от последнего, поэтому вывод о несовпадении буквального содержания высказывания и его интенционального смысла мы делаем только на основе социальных конвенций общения людей, не находящихся в близких отношениях друг с другом: открытая многословная положительная оценка не приветствуется, она рассматривается как нежелательная попытка нарушить дозволенные границы социальной свободы адресата. Следовательно, даваемая предельно завышенная оценка создает эмоционально-комический эффект и такие притворно-восхвалительные высказывания воспринимаются как насмешливые, осуждающие.

Комплимент превращается в свою противоположность и при неинтенциональном искажении имиджеобразующего признака адресата, создающем ситуацию прагматической неудачи: неправильная оценка ситуации приводит к выбору неверной стратегии комплимента и неадекватной реакции партнера, как в следующем высказывании искреннего комплимента отца, небогатого горняка, сыну, ставшему зятем крупного промышленника: – *Du siehst gut aus. Zu gut für meine Begriffe. – Ich komme mir auch vor wie ein Pfau, Vater, aber ich kann keine Party im Blaumann besuchen (K-A, 133).* Адресату в словах отца слышится отрицательная оценка его внешности, поэтому реакцией

на этот неудавшийся комплимент служит оправдания адресата о необходимости выглядеть именно так, а не привычным ему и отцу образом.

К о м п л и м е н т и п о л . В речевых актах комплимента находит свое реальное отражение половой признак: явно прослеживается тенденция к высказываниям комплимента в адрес представителей противоположного пола. Комплименты делаются обычно мужчинами и адресуются женщинам [Leisi: 61]. Однако нельзя полностью согласиться с общепринятым мнением, представленным, например, в работе В.И. Карасика [Карасик 2002: 124], что комплимент, адресованный мужчине, касается скорее его деятельности, профессии, хобби, характерных особенностей, нежели его внешности, как комплимент женщине. Если первую часть этой точки зрения следует признать в принципе верной (ср. комплимент мужчине *Und wenn Sie meine Meinung hören wollen: Sie haben außerordentlichen Mut bewiesen <...> (B-H, 46))*, то вторая часть – о том, что комплимент женщине касается в первую очередь ее внешности – уже давно не соответствует изменившимся социальным условиям и приоритетам женщин. Свидетельством этому может служить наш языковой материал, отражающий современную языковую картину, в котором почти равномерно представлены комплименты женщинам, основанием для которых являются, конечно, внешность (*Toll siehst du aus (R-P, 17)),* но и интеллект (*Du bist ein kluges Mädchen (U-M, 64)*), способности (*Du bist eine gute Zeichenleserin, ich habe dich heimlich beobachtet (L-Ex, 546)*), моральные качества (*<...> aber du bist ein ehrliches Weib und hast deinen Verstand <...> (M-B, 338)*), профессиональные качества (*Sie sind eine glänzende Schauspielerin und ziemlich furchtlos obendrein (P-N, 27)*), нравственные качества (*Sie sind eine Heldin, Ulrike (U-M, 47)*). То есть содержание комплиментов не зависит в целом от пола. Правильнее было бы поэтому говорить не о гендерных различиях оснований для комплиментов, а о гендерном варьировании форм выражения. Самым простым примером может быть уменьшительно-ласкательный суффикс *–chen*, употребляющийся по отношению к молодым женщинам или детям (*Engelchen, Schätzchen*) и приобретающий пейоративную коннотацию в случае

употребления по отношению к мужчине[56]. Языковые средства такого рода можно назвать «прагматическими полуфабрикатами», приобретающими свой коннотативный компонент при актуализации в речи, и именно их следует рассматривать в гендерном анализе.

Полиинтенциональность речевого акта комплимент. Функционирование комплимента является яркой демонстрацией комплексности актуализируемого в них интенционального смысла: кроме интенции выразить положительную оценку и сопровождающие ее эмоции (удовольствия, восторга), комплимент реализует намерение воздействовать на эмоциональное состояние и ценностные представления (самооценку) адресата, установить желательную атмосферу коммуникации. Окказиональными интенциями, эксплицитно выражаемыми высказываниями комплимента могут быть, например, следующие:

– обоснование положительных изменений внешнего вида собеседника: *Du siehst wirklich prächtig aus. Die Provence hat dir gut bekommen (M-H, 342);*

– объяснение причин тому, что некоторый предмет стал поводом для комплимента: *Dein Haus gefällt mir. Ich mag Räume, die nicht so aufgemotzt sind (M-H, 147);*

– квази-исповедальное признание в симпатии и чувстве гордости за знакомство или за возможность иметь близкие отношения с лицом, которому делается комплимент: *Du bist wunderschön. Und eben in dieser Disco war ich richtig stolz. Die schönste Frau gehört mir, mir allein (R-P, 57);*

– указание на обстоятельства, проявляющие положительные особенности внешности адресата: *Sandra, wissen Sie, wie schön Sie sind, wenn Sie lächeln? (C-W, 106);*

– выражение побуждения к желаемому говорящим действию: *Du bist ja ein kleiner, tapferer Mann, und du musst mir jetzt etwas versprechen (K-A, 256).*

---

[56]Интересное рассуждение О.А Субботиной о гендерной маркированной коннотации русского прилагательного *хорошенький,* возникающей при эстетической оценке мужчин и женщин [Субботина 2004: 210].: положительная оценка при отнесении к женщине и пейоративная при отнесении к мужчине, что автор связывает с существованием социального представления о «хорошеньком мужчине» как об эстетическом «антиидеале» мужчины.

Здесь комплимент выступает средством воздействия на самооценку адресата комплимента с тем, чтобы заручиться в дальнейшем его поддержкой. Такие высказывания являются наиболее яркими примерами функционирования комплиментов как «социальной смазки».

Такой (безусловно, множественно варьируемый) компонентный состав интенционального смысла с доминирующей комплиментарной интенцией, которой подчиняются другие, дополняющие представление ситуации, уверяющие в искренности говорящего, делают это речевое действие сильным средством манипуляции, позволяющее склонить адресата к продолжению какого-либо действия, добиться от него желаемых поступков, сделать его зависимым от комплиментарных действий.

Комплименты представляют собой часто «гибриды», синкретично реализующие некоторые узуальные интенции, к которым относится, в первую очередь, поздравление-пожелание. Например, когда коллеги поздравляют очень уважаемого университетского профессора с юбилеем на торжественном собрании, то комплименты и поздравления-пожелания смешиваются или комбинируются: Поздравления-пожелания произносятся как формульные высказывания в рамках юбилея, одновременно успехи, достигнутые юбиляром за годы творчества и обогатившие науку, признаются и почитаются в форме комплиментов.

Другой узуальный речевой акт, который выступает в комбинации с комплиментом, – акт благодарности. Так, говорящий благодарит в ситуации, в которой предметом комплимента является кулинарное искусство (*Das Essen schmeckt wunderbar, vielen Dank*) или театральный успех (*Danke für den gelungenen Abend, klasse Inszenierung und super gespielt*). И, наконец, комплимент выступает в сочетании с актом приветствия (или в качестве его субститута): *Hei, toller Schnitt.*

В косвенных высказываниях комплимента при выражении положительной оценки активнейшую роль играют и эмоциональные смыслы, вернее, номинации и предикации с общим эмоциональным смыслом (*lieben,*

wünschen, sich freuen и под.): *Nicht der Augenblick überwältigt mich, sondern du, Heiko, du allein (M-S, 226).* Автор комплиментарного высказывания, исходя из своих этических представлений, оценивает партнера на основании того, что он любит, желает, уважает, например, как в следующем высказывании, на основании умения думать и рассуждать, определять суть явлений, *Noch nie habe ich aus dem Mund einer Kurtisane in Edo derart wahre Worte vernommen. Mit Ausnahme von einer (M-S, 126).* Верно утверждение, что «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека. ... Оценка представляет человека как цель, на которую обращён мир» [Арутюнова 1988: 159]. Значит, идеализированная модель мира, включающая кроме прочего, и цели, к которым человек стремится, является основанием для комплиментарных высказываний, обусловленных любовью и рожденных этим чувством эмоциями радости, восторга и пр.: *Ich brauche dich zu meinem Leben, wie eine Blume die Sonne. Ich weiß, dass es ohne dich für mich <…> kein Glück mehr geben wird (T-O, 63).*

Примечательно, что представление о предмете любви, восторга, уважения, подражания варьируется в различных культурах и даже ситуациях. Высказывание *Richtig frivol seihst du aus (K-A, 247)* воспринимается адресатом как комплимент в ситуации тайной встречи влюбленных, но может быть порицанием в любой другой. В связи с вопросом культурной адекватности комплимента следует еще раз подчеркнуть недопустимость интерпретации смысла любого высказывания с опорой только на одну лишь поверхностную структуру. Исключительно важную роль играет прагматический контекст. Иное высказывание, помещенное в другие ситуативные условия, может превратиться из комплимента в его противоположность.

1.3. Речевой акт комплимента в составе диалогического единства

В отличие от ритуальных экспрессивных речевых актов комплимент не «привязан» к определенному месту в структуре диалогического единства. Но, несмотря на то, что точных «предписаний» для употребления комплиментов не

существует, действуют определенные «правила поведения»: в определенных ситуациях (впервые увиденный новый предмет одежды, ювелирное украшение или необычная прическа) и в ответ на определенные высказывания партнера следует реагировать произнесением комплиментов. Ожидание комплимента в таких случаях настолько велико, что их отсутствие может быть воспринято как знак неодобрения [Manes, Wolfson 1981: 130]. Следует, однако, заметить, что социальное давление – «движущая сила» производства комплиментов – оказывается только на интерактантов, которые находятся в близких отношениях друг с другом, этот факт еще раз указывает нам на то, что комплименты – как и другие интеракциональные ритуалы – функционируют, прежде всего, как средство сохранения и поддержания отношений.

Реакция на комплимент. Существуют определенные правила, регулирующие отношение адресата к речевому акту комплимента. Анализу типов реакции на комплимент в американском английском языке посвятила свое исследование А. Померанц [Pomeranz 1978]. Вместе с ней мы выделяем два основных реакционных хода на комплимент: а) реакцией на иллокуцию является признание комплимента как желаемого в данной ситуации речевого действия или отклонение его как нежелательного речевого действия, б) реакцией на пропозицию – выражение отношения к содержащейся в комплименте оценке. Эти два типа реакций не являются альтернативными, они могут комбинироваться в следующей реплике.

Отклонение действия комплимента как такового и выражение несогласия с его содержанием мешают созданию атмосферы согласия. Признание комплимента, напротив, дает понять, что адресат принимает речевое действие и коммуникативную цель партнера; таким образом он подтверждает интеракциональную инициативу говорящего. Можно предположить, что согласие с содержанием высказывания партнера или уклонение от открытого возражения способствует развитию или поддержанию социальной близости; однако и такие реакции на комплимент имеют, как показано ниже, определенные ограничения.

Реакция на иллокуцию. Типичными реакциями на иллокутивную составляющую комплимента являются следующие:

1. Простое признание комплимента, положительно оценивающее коммуникативную интенцию партнера, состоит в благодарности за него: *Sehr schön. Das Kleid, meine ich. – Danke (K-K, 593)*. Краткость форм реакции-благодарности объясняется, вероятно, тем, что более обстоятельные формы как *Ich möchte mich ganz herzlich bedanken* неадекватны ситуации и отвлекают внимание от сути разговора, поскольку они придают комплименту как легкому дружескому жесту несоответствующее ему значение.

Благодарность за коммуникативное намерение сделать приятное собеседнику выражается и в форме положительной оценки этого намерения: *Wie schön du bist, Pat! – Schön, dass du mir das sagst (R-DK, 430).* В ответе может содержаться, кроме того, выражение эмоций радости, удовольствия от полученного комплимента: *Manchmal finde ich Euch fast ein bisschen sympathischer, Longinos. – Wie schön (K-K, 271)*. Многие из таких реакций (*sehr freundlich, sehr lieb* и т.д.) привязаны к формальным ситуациям общения и в целом являются проявлением значительно более интенсивных усилий по поддержанию отношений: адресат, благодарно принимающий комплимент, указывает говорящему и на то немаловажное обстоятельство, что комплимент является верным ключом в беседе, что его произнесением задано конструктивное направление для общения.

Формы реакций, подобные описанным, могут появляться и в ответ на неритуальные, то есть искренние речевые акты положительной оценки собеседника. В этом случае адресат комплимента истолковывает инициативное положительно-оценочное высказывание говорящего как дружеский жест и, оценивая социальное значение этого речевого акта, затушевывает вопрос об истинности пропозиции. Реагируя на такое действие, адресат может минимизировать комплимент, руководствуясь представлениями о скромности, если он считает, что отсутствие возражения или ограничения содержания комплимента может быть воспринято как

самопохвала: – *Ich fühle mich geehrt, Euch kennenzulernen, Dame Heiko. Euer Ruhm hat sogar diesen abgelegenen Ort erreicht. – Ein gänzlich unverdienter Ruhm, mein Fürst (M-S, 294)*. С другой стороны, адресатом может двигать желание побудить говорящего к подтверждению неритуального характера комплимента. Тогда следующая, третья реплика говорящего включает его заверения в серьезности коммуникативных намерений: – <...>*Und du bist nicht nur schlagfertig und charmant, sondern du siehst auch noch toll aus* <...>. – *Hör auf! Sonst werde ich noch größenwahnsinnig. – Das wirst du nie. Du merkst ja gar nicht einmal, wie gut du bist (R-P, 61).*

2. метакоммуникативное определение инициативного высказывания как комплимента: – *Nicht der Augenblick überwältigt mich, sondern du, Heiko, du allein. – Es ist nicht nötig, mir Komplimente zu machen. Ich liebe Euch (M-S, 226)*. Такое указание на ритуальность инициативного высказывания (оно может появиться в ответ не только на действительно формальные высказывания, но и в ответ на искреннее восхищение партнером) тоже является показателем скромности адресата. Высказывается ли посредством метакоммуникативной квалификации *Sie sind ein Schmeichler, junger Freund (G-B, 91)* в ответ на комплимент возрасту адресата благодарность, скромно минимизирующая положительную оценку партнера, или иронично критикуется инициативный ход говорящего, зависит в значительной степени от коннотативного содержания реактивной реплики и выраженного в нем отношения адресата к такому типу высказываний.

3. прямое неприятие положительной оценки партнера: – <...> *Du bist ein Dorfpolizist. Und zwar der beste, den´s gibt. – Reg dich nicht auf (G-T, 372).* Такая реакция, агрессивно отклоняющая попытку партнера позитивно структурировать общение, противоречит социальным конвенциям вежливой кооперации. А. Померанц даже исключает такие (реактивные высказывания из своего анализа. Мы рассматриваем реакции такого типа как средство подчеркнутого дистанцирования. Они реализуются главным образом в форме прямого требования прекратить совершение нежелательных речевых

действий или негативной оценки комплиментарного ритуала: – *Ist er dein Vater? Meine Hochachtung! Nicht allen Vätern gelingt es, solche Töchter in die Welt zu setzen. – Was wollen Sie? Wir haben keine Zeit für solchen Quatsch! (K-VA, 12).*

Реакция на пропозицию. В случае искренней комплиментарной оценки, касающейся, как правило, объектов, которые, по мнению говорящего, положительно оцениваются и самим адресатом, последний реагирует на пропозициональное содержание инициативного высказывания согласием с этой оценкой: *Du bist so jung. – Ich fuhle mich jung! (F-T, 5).* При этом согласие не обязательно эксплицируется, адресат принимает комплимент к сведению, испытывая положительные эмоции – цель комплимента достигнута – и продолжает разговор: – *Und du, Cordelia, wirst noch mit 100 Jahren so quicklebendig sein wie ein Showstar. – Apropos, ich sollte mir eigentlich die Proben zum Krippenspiel ansehen <...> (C-W, 112).*

В случаях особенной гордости адресата оцениваемым объектом он, соглашаясь с содержанием комплимента, добавляет к нему выражение собственной оценки: – *Nettes Auto, Nigel. Sehr praktisch für das Land. Und für wieviel sind diese Dinger zu haben? – Ungefähr für das, was man für eine nette kleine Wohnung in Fuhlham hinlegt – das heißt, falls man überhaupt einen bekommt. Die Warteliste für dieses Modell ist ellenlang. Eine wirklich gute Investition. Wertsteigerung inbegriffen (M-H, 223)* – многословная тирада показывает распирающую счастливого обладателя эксклюзивной модели автомобиля гордость и радость. Такую реакцию на краткий комплимент можно обозначить как социально порицаемую похвальбу.

Желание избежать самопохвалы, противоречащей социальному требованию быть скромным, объясняет факт, что адресат часто все же отказывается от вербального согласия с положительной оценкой. Для адресата возникает дилемма, которую А. Померанц описывает следующим образом: Желание избежать самовосхваления и стремление согласиться с содержанием комплимента, чтобы поддержать инициативу говорящего

положительно структурировать общение, находятся в потенциальном конфликте друг с другом: принять комплимент – значит, согласиться с его содержанием, а это равнозначно самопохвале [Pomeranz 1978: 92]. Коммуниканты решают этот конфликт, указывая в ответных высказываниях на частичное несоответствие оценки говорящего действительности или ее ограничение какими-либо обстоятельствами. Примерами таких ограничений могут служить следующие ответные реплики:

- Адресат соглашается с содержанием комплимента, но ослабляет его выражением сомнения по поводу объективности оценки, например, в форме переспроса «из скромности», используя глагол отношения *finden*: – *Talentvoll geschlussfolgert. Kolossal scharfsinnig, Monsieur, und ein ganz entzückender Humor! – Finden Sie? <...> (ET-S, 78).* Функцию «согласия с сомнением» выполняет переспрос словами *wirklich, ja* и др.: *Ich bewundere Ihre Einrichtung. – Ja? – Ja, es steckt eine pure, ja, wenn ich so sagen darf, eine fast sinnliche Leichtigkeit darin <...> (H-M, 18)* – переспрос показывает соответствующую приличиям неуверенность адресата в искренности оценки и выражает требование подтвердить ее.

- Адресат соглашается с содержанием комплимента, но ограничивает его обусловленностью обстоятельствами, как, например, необходимостью хорошо выглядеть, чтобы понравиться адресату: *Du bist schön, Marie. – Für dich! Ich muss schön sein (Ph-M, 235)* или обосновывает ссылкой на мнение третьего лица – *Wissen Sie, Alvirah, Sie können gut mit Worten umgehen. – Das meint mein Redakteur auch immer (C-W, 108).*

- Ограничением положительной оценки может служить объяснение обстоятельств, приведших к актуальному состоянию дел или качеству адресата, являющемуся поводом для комплимента: – *Du siehst wunderbar aus, Emma. Dein Haar gefällt mir. – Ich war bei Bruno am Beauchamp Place – ein richtiger Goldschatz und schrecklich indiskret (M-H, 129).*

- В ответ на оценочное суждение, которое является не только выражением субъективного мнения, адресатом приводятся различные

недостатки оцениваемого объекта: – *Es ist schön hier. Es ist saugemütlich. – Herr Direktor... Unser Haus ist eben nur ein kleines Arbeiterhaus (K-A, 119).*

- Адресат приводит слабое возражение в ответ на комплимент: *Findest du auch, dass ich leichtsinnig war? – Nein, mutig. – Ach, Mut – ich bin nicht sehr mutig. Ich habe manchmal Angst genug dabei gehabt... (R-DK, 155)*; возражение часто сопровождается сомнением в истинности оценки: – *Du bist der geborene DJ. Das Publikum mag dich, das spürt man. – Und was ist, wenn ich das Publikum im „Magic“ nicht begeistern kann? (R-P, 66);*

- Адресат квалифицирует оценку как преувеличенную: *Du bist so schön. – Nun übertreib nicht, Junge, ich weiß selber, wie ich aussehe! (F-T, 27)*. Возражение может быть при этом связано со знанием реальных обстоятельств, не допускающих положительной оценки: – *Sie sehen gut aus. Bald werden Sie mich wieder herumscheuchen... – Lügen Sie nicht, Mädchen. Unter Kollegen tut man das nicht (K-A, 86).* В приведенных фрагментах комплимент не имеет под собой никаких оснований и поэтому наигран, неискренность говорящего замечена адресатом и досадна.

- Адресат скромно умаляет свои заслуги: – *Man muss sich als Mann anstrengen. – Sie machen das in bewunderungswürdiger Weise. – Es gibt auch geradezu unverständliche Verpflichtungen, die damit verbunden sind (K-S, 30);*

- Адресат прибегает к комплименту-«бумерангу» – сравнению названных говорящим качеств с характеристиками самого говорящего, которые адресат оценивает, как правило, значительно выше: – *Er ist sehr schön. – Aber nicht so schön wie du (K-K, 166*);

- В ответе на комплимент может содержаться положительная оценка третьих лиц, причастных к предмету обсуждения: – *... Ich habe in Singers Bericht die Sache mit Chile gelesen. Sie sind sehr gut, Laura, und ich bin es auch. – Und derjenige, der hinter uns her ist, ebenfalls (B-S, 112).*

Реакцией на неудавшийся комплимент может быть также вербально выраженное недовольство адресата (*Selbst die Tochter einer Hexe ist mit achtzehn schön. – Aber mein Fürst, ist das Euer schönstes Kompliment? (M-S, 482)*) или

сокрушение адресата по поводу его собственного внешнего вида (*Du siehst gut aus. Zu gut für meine Begriffe. – Ich komme mir auch vor wie ein Pfau, Vater, <...> (K-A, 133)*).

Комплимент как реакция. Комплимент может входить в состав не только прогрессивной, инициирующей реплики, но и быть частью регрессивного, реагирующего, репликового шага, в таком случае комплимент является неожиданной реакцией,, отличной от конвенциональной, обычно ожидаемой. Ситуацией-стимулом, вызывающей реакцию в виде комплимента, может быть, например, вопрос о внешности говорящего, которым говорящий практически «напрашивается» на комплимент, и реплика говорящего является вынужденной реакцией (не всегда искренней) на него: – *Ich gebe zu, dass ich mir mit dem besten Willen nicht vorstellen konnte, wie unsere U-40 aussieht. – Und wie sieht sie aus, Mike? – Sehr ungewöhnlich und sehr herausfordernd (B-S, 107). U-40* в приведенном примере – женщина-тайный агент, коллега и собеседница человека, произносящего комплимент.

Адресат «напрашивается» на комплимент и намеренным принижением своих достоинств или высказыванием искреннего недовольства своими успехами: *Mein Englisch ist nicht gut. Ich entschuldige mich dafür. – Sie sprechen gut Englisch (M-S, 98),* или жалобами на недостаток физических возможностей (финансовых средств и т.п.) для достижения того или иного качества/статуса: – *Man hat auch viel Arbeit. Das Ganze muss nicht nur erhalten, es soll auch noch vergrößert werden. <...> Man muss sich auch als Mann anstrengen. – Sie schaffen das in bewunderungswürdiger Weise (K-S, 30).*

Интересен случай, когда комплимент появляется в ответ на вопрос доктора о здоровье пациента, заданный в популярной среди людей этой профессии солидаризирующей *wir*-форме, включающей говорящего в число лиц – субъектов действия: – *Na, wie fühlen wir uns heute? – Sie sehen blendend aus, Doktor. Aber wie ich mich fühle – das hoffte ich eigentlich von Ihnen zu erfahren (J-K, 141).* Пациент – человек с чувством юмора – остроумно «перевернул» вопрос, используя при этом комплимент как тонкий и действенный инструмент.

1.4. Формирование смысла речевых актов комплимента

Различные исследования комплиментов показывают, что формирование их смысла подчиняется определенным правилам. Употреблением готовых схем, клишированных структур[57], которые с минимальными усилиями могут быть приспособлены к большому количеству ситуаций, говорящий облегчает адресату идентификацию этого речевого акта. Однозначно положительная конвенциональная форма снижает при этом риск появления двусмысленностей и недоразумений

В качестве иллокутивной структуры комплимента выступает инвариантная формула, отражающая взаимодействие собеседников в следующем виде: *Hiermit anerkenne (konstatiere) ich auf Grund der imagebildenden Kennzeichen das Vorhandensein der positiven Eigenschaften von X und drücke mit meinem Sprechverhalten die Bewertung dieser Eigenschaften aus.* Эта иллокутивная матрица коррелирует с перформативной комплиментарной формулой (*Hiermit mache ich dir/Ihnen ein Kompliment, indem ich sage...*), которая является основой семантического содержания любого высказывания комплимента, какие бы функциональные и смысловые оттенки не находили в нем свое выражение.

1.4.1. Периферийные компоненты смысла речевых актов комплимента. Прямые комплименты относятся к категории имплицитно-перформативных высказываний, которые практически не употребляются в перформативной формуле, этому препятствует факт их подчинения предикату цели (Апресян Ю.Д.) – чересчур «прямолинейная» положительная оценка рассматривается в межличностном взаимодействии как

[57] Исследование Дж. Манес и Н. Вольфсон показывает, что в английском языке в двух третях высказываний комплимента, в которых носителем положительной оценки является прилагательное, используется всего пять прилагательных (*nice, good, beautiful, pretty, great*); высказывания с глаголом – носителем положительной оценки – в 90% ограничиваются двумя глаголами *love* и *like*. При исследовании синтаксических структур выявилось еще более строгое ограничение: в более 50% всех подвергнутых анализу комплиментов использована одна и та же структура, 85% всех исследованных комплиментов лежат всего три структуры [Manes, Wolfson 1981]. В связи с ограниченной гибкостью и вариативностью формы речевой акт комплимента описывается как формализованный или рутинный: Комбинация ограниченных семантических средств и синтаксических структур доказывает, что дело здесь не просто в частотности их употребления. Авторы утверждают, что комплименты являются формулами, как благодарность или приветствие [Manes, Wolfson 1981: 123].

нежелательное навязывание близких отношений. Разумеется, эксплицитно-перформативные комплименты не могут быть совсем исключены из рассмотрения, поскольку положительная оценка партнера реально может выражаться фразой *Mein Kompliment!* или квази-перформативной формулой *Ich muss dir ein Kompliment machen!*, использование слова *Kompliment* в которых выражает высокую степень серьезности коммуникативного намерения говорящего. Однако большинство высказываний комплимента состоят все-таки только из пропозициональной части, иллокутивная часть (*Ich mache Ihnen/dir ein Kompliment, indem ich sage, dass ...)* представлена имплицитно. Этот факт является наглядным свидетельством нерелевантности интенционального компонента при формировании единого смысла речевого акта комплимента. При его реализации общая иерархия элементарных смыслов трансформируется, «уводя» интенциональный смысл в «тень» и выводя на передний план эмотивный, порождаемый большей частью теми же операторами, что и пропозициональный компонент, тесно интегрированный поэтому с последним.

1.4.2. Формирование пропозиционального и эмотивного смыслов речевых актов комплимента. Пропозиция высказываний комплимента включает выражение говорящим либо положительной оценки объекта (*Du bist ein geborener DJ. Das Publikum mag dich, das spürt man (R-P,66))*, либо своего положительного отношения к объекту комплимента (*Ich habe Sie bewundert, Frau Winkler. Wie Sie so am Grab Ihres Mannes standen, so alleine und so gefasst, ich hätte das nicht geschafft! Es hat mich beeindruckt, wie Sie Ihre Gefühle in der Gewalt hatten (H-M, 24)*). Различный пропозициональный смысл реализуется в разнообразных синтаксических структурах посредством специфических лексических смыслопорождающих операторов, которые, являясь многофункциональными единицами, формируют одновременно триединый эмотивный смысл, выделяют его, «освещают» его составляющие особым светом. Эмотивный смысл становится в комплиментах доминирующим, подчиняющим своему влиянию все другие. Имея в виду его надстраивание на пропозицию, мы в дальнейшем сосредоточиваемся на

рассмотрении процесса и операторов формирования совокупности эмоционального, оценочного и реляционного смыслов.

Выражение положительной оценки партнера. Первый тип комплимента, выводящий на передний план эмоционально-оценочный смысловой слой, представлен пропозицией с квалифицирующим предикатом, приписывающим субъекту некоторые положительные признаки: *Bist doch ein Goldjunge! (K-VA, 68).*

Существительные как операторы порождения эмотивного смысла. Наиболее ярким представителем этого типа является высказывание с предикатом, выраженным оценочными существительными, в которых сема оценки является единственной и составляет основу их номинативного значения. Основной функцией таких оценочных существительных является именно характеризующая – они используются не (или не только) для идентификации предмета речи (указание на объективные признаки лица, предмета, явления), а для выражения субъективного отношения к данному предмету: *Barbirolli! Du bist ein Genie! (L-F, 23)* – эмоциональный комплимент адресату по поводу его умения собраться в сложной ситуации и найти выход из сложившегося положения*; Mein Junge, du bist ein richtiges Naturtalent! (P-N, 13)* – комплимент исключительным способностям адресата*; – Welch ein Genuss ist es, ein richtiges Damenkleid zu sehen. Sie sind ein Inbegriff der Eleganz, Madame (M-H, 441)* – комплимент внешнему виду адресата-женщины, выглядящей необыкновенно элегантно в вечернем платье, включает не только объективно положительную оценку, но и выражение особенного субъективного расположения.

Как видно из двух последних приведенных примеров, распространенным средством создания эмотивного смысла является метонимическое уподобление адресата олицетворенному положительному морально-нравственному (*Naturtalent*) или эстетическому (*Inbegriff der Eleganz*) качеству, Традиционным метонимическим переносом является, кроме того, перенос *pars pro toto*, при котором личность адресата замещается выдвигаемой на передний план частью тела адресата, заслуживающей положительной оценки: *Aber ich sehe – Sie*

hatten wieder *eine Nase* *(ET-S, 82)* – комплимент профессиональной интуиции адресата – детектива, причем она не специфицируется дополнительно прилагательным как *gute Nase*, отсутствие такой характеризации является, на наш взгляд, особым средством интенсификации комплимента, как бы усилением «от обратного». Похожим примером языковой экономии в целях повышения воздействия на адресата является следующий: *Der liebe Gott hat dir* *eine Stimme* *gegeben (C-W, 113)*, где явно не просто декларируется наличие у адресата голоса (голосом обладает, собственно, каждый способный говорить), а подчеркивается его исключительный вокальный дар. Существительное *Stimme* выражает в этом случае оценочный признак более ярко, конкретно и, следовательно, экспрессивно, и добавление к нему прилагательного, даже самого аффективного (*wunderbare, ausgezeichnete, zauberhafte, tolle* и т.п.), «разжижает образ и по общеэстетическому закону ослабляет его» [Пешковский 1930: 157].

Оценочные существительные как средства комплимента представляют собой метафорическое употребление имен собственных, мифологических героев, известных личностей и т.д., как, например, в высказывании *Sie sind ein rechtes Schätzchen, Sylvio (W-O, 54),* где комплимент строится на основе метафорического сравнения адресата с сокровищем; а в высказывании <...> *Weil Sie die Sonne sind, die über meinem an sich trostlosen Dasein strahlt (K-VA, 28)* значимость адресата в жизни говорящего сравнивается со значимостью солнца для всего живого.

Часто только ситуативный контекст определяет истинную интенцию идиоматичного высказывания комплимента с оценочным существительным, он может семантически инвертировать смысл высказывания. Например, восклицание *Sie sind mir ein Früchtchen, Ern! (M-H, 195),* парадигматическое значение существительного в котором определяется словарем как *Taugenichts, Tunichtgut*, правильно интерпретируется адресатом как шутливый комплимент и похвала одновременно в ситуации, когда адресат, предугадав положительный исход сделки (покупки крупной недвижимости), заранее приготовил бутылку

дорогого шампанского и в подходящий момент как бы невзначай, как «рояль из кустов», предлагает ее говорящему. Близкие социальные и положительные личностные отношения между партнерами являются дополнительным аргументом в трактовке приведенного высказывания как комплимента за хороший выбор и похвалы за предусмотрительность.

Среди оценочных существительных следует отметить особую группу комплиментарных вокативов – комплиментов, стянутых в обращение, но легко трансформирующихся в свою полную форму. Они выражают субъективно-положительное отношение говорящего к адресату, их примерами могут служить слова *Schatz/Schätzchen, Liebling* или любое обращение в комплиментарной ситуации, как, например: *Liebes, reizendes Tantchen, du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid (K-VA, 132).* Первую часть приведенного высказывания можно трансформировать в полную формулу: *Du bist lieb und reizend, Tantchen, <und du siehst entzückend aus in deinem Sommerkleid>*. Комплиментарный вокатив может находиться в причинно-следственных отношениях с основным содержанием высказывания, например: *Kleine tapfere Frau! Kopf hoch! <...> (T-O, 38)* – приведенное высказывание может быть развернуто в *Sie sind eine kleine und zierliche, aber eine tapfere Frau, deshalb halten Sie Ihren Kopf hoch!*; оно выполняет одновременно с комплиментарной еще и ободряющую функцию в ситуации общения адресата с врачом перед принятием важного решения.

Такое индивидуальное называние человека (как правило, любимого) имеет древнюю традицию и в высказываниях приведенного типа подчеркивает особенности адресата, его непохожесть на всех остальных, но и выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического называния партнера при близких социальных отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [Leisi 1978: 27]. Креативность выражающих свои нежные чувства коммуникантов при

создании новых комплиментарных вокативов не имеет границ; используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что комплименты просто «кишат» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Simone, mein Herz! <...> (U-V, 59); Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen! Du hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? (B-St, 64); Aber es wird vorüber gehen, denn ich habe ja dich. Dich, du meine geliebte Frau! (T-O, 33).* Характерными являются уменьшительно-ласкательные суффиксы, присоединяемые не только к оценочным словам, но и к именам собственным, сопровождающимся притяжательным местоимением первого лица и прилагательными *klein, lieb, süß*, которые являются самыми частотными в комплиментарных вокативах: *Annilein, mein Liebes. Schau mich an, mein kleiner Liebling (U-V, 64).* Такое сочетание притяжательного местоимения, прилагательного и оценочного существительного или имени собственного может представлять собой законченное общеоценочное высказывание комплимента в интимной социальной сфере общения: *Simone, meine allerliebste Frau! (U-V, 60)*; *Ach, du mein kleines süßes Engelchen! (T-O, 47); Dirk, mein Dirk. Mein lieber kleiner Junge du! Ich habe dich so lieb <...> (U-V, 34); Meine liebe Frau, die Sonne meines Lebens! (T-O, 28).* Можно сказать, что взаимное «переименование» партнеров является прототипичным языковым средством общении близких людей, выбор вокатива всегда индивидуален, главное для говорящего – поднять близкого человека над повседневностью.

Комплиментарные вокативы следует отличать от собственно обращения как простого сигнала привлечения внимания, выполняющего функцию идентификации адресата. Ласкательные слова при употреблении в роли традиционного обращения теряют свой оценочный компонент, сохраняя, однако, значение для выражения отношения говорящего к адресату, поскольку изменение ритуала обращения может привести к изменению отношений. Ласкательные слова в функции обращения не употребляются самостоятельно как комплиментарные вокативы, а сопровождают различные речевые акты, создавая атмосферу интимности и доверительности, например, речевой акт

эмоционального приветствия: *Liebes, wie schön, dich zu sehen! (B-H, 15)* или *Guten Abend, kleine Waldfee! (B-St, 6);* речевой акт просьбы о прощении: *Liebling, verzeih, wenn ich etwas heftig war (B-H, 16);* речевой акт напоминания: *Bruderherz, hast du vergessen, dass Armin heute zum Kaffee kommt? (B-H, 4);* речевой акт обещания: *<...> Aber Sie sollen sich nicht mehr über mich zu beklagen haben, schönes Kind (T-O, 58)* и др.

Наряду с оценочными существительными эмотивный смысл в комплиментах порождается существительными с синтаксически обусловленным оценочным значением – такие существительные не имеют в своем значении семы оценки, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, они выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем, что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно определенные квалитативные единицы. Например: *Es war ein Gedicht (M-H, 300)* – комплимент приготовленному адресатом блюду; семантическая структура слова *Gedicht* как единицы словарного состава не включает аксиологических компонентов, но в ситуации оценивания обеда оно приобретает роль метафорического оценочного сравнения (*Das Mittagessen war so schön, wie nur ein Gedicht sein kann).* Еще пример: *Du bist ein wahrer Mensch! (G-M, 569).* Атрибутивное прилагательное в таких высказываниях выступает не в функции носителя оценочной информации, а в функции усилителя оценочного значения, выраженного существительным: *Sie sind ein echter Profi <...> (C-W, 201).*

Прилагательные как операторы порождения эмотивного смысла. Прилагательные благодаря своей чрезвычайной семантической мобильности – они легко приспосабливаются к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении – часто включается в высказывания комплимента как средство обозначения положительно оцениваемых признаков адресата или связанных с ним предметов или явлений: *Ich habe dich beim Reiten beobachtet. Du bist ein guter Reiter (M-S, 317)* –

качественное прилагательное *gut* (являющееся ядерным оценочным определителем) выражает положительную оценку способности адресата ездить верхом.

Прилагательные выполняют в высказывании две основные семантико-грамматические функции языка – атрибутивную и предикативную. Считается, что предикативные прилагательные способны осуществлять пропозициональные функции, и без них предложение, как таковое, немыслимо: высказывание *Du bist echt gut! (R-P, 61),* лишенное именной части сказуемого, теряет смысл: ~~*Du bist.*~~. Атрибутивные же прилагательные, выполняя в предложении квалитативную функцию, не входят непосредственно в пропозициональную часть и могут быть опущены без нарушения целостности предложения. Однако Е.М. Вольф, анализируя атрибутивные группы в составе текста [Вольф 2006: 154], утверждает, что во многих случаях прилагательное становится обязательным элементом высказывания. К таким случаям относятся и речевые акты комплимента с оценочным прилагательным, являющимся центром высказывания; если предложение без атрибутивного прилагательного и остается грамматически правильным, то теряет всякий смысл с точки зрения авторской интенции: высказывание *Du bist eine wunderschöne Frau, Laura. Ich hatte es fast vergessen (B-S, 103)* меняет свой смысл при опущении атрибутивного прилагательного *wunderschön* и превращается из восторженного комплимента в ироничное замечание, граничащее с насмешкой: *Du bist eine Frau, Laura. Ich hatte es fast vergessen.* Впрочем, здесь следует оговориться и напомнить о специфических случаях выражения искренне-восхищенной комплиментарной оценки неоценочным существительным без определения его оценочным прилагательным как в примерах, приведенных выше: *Sie hatten wieder mal eine Nase (ET-S, 82), Der liebe Gott hat dir eine Stimme gegeben (C-W, 113).* Такие высказывания следует определить, вероятно, как особую группу речевых актов, реализующих интенцию комплимента только в определенном контексте при условии использования специальных интонационных средств.

В комплиментах с прилагательным-носителем положительной оценки выкристаллизовывается большая группа высказываний с положительными общеоценочными прилагательными (в предикативной и в атрибутивной функции), которые не просто реализуют сему рациональной оценки со знаком «+», констатируя ее наличие, но и указывают на особую интенсивность представленности этой оценки и чувства, вызываемые оцениваемым лицом или предметом: *ausgezeichnet, wunderschön, wunderbar, hervorragend, kostbar, herrlich, bezaubernd: Sie sind* <u>*ein hervorragender Kapitän*</u>*. <...> (K-Mr, 14) = Sie sind ein außerordentlich guter Kapitän.* Поскольку указанные и некоторые другие прилагательные выражают высокую степень представленности оцениваемого признака, они не могут употребляться с усилителями типа *sehr, unheimlich, ungeheuer, unwahrscheinlich, wahnsinnig* и т.п., словосочетания **außerordentlich wunderbar, *wahnsinnig ausgezeichnet, *unwahrscheinlich hervorragend* и подобные избыточны и потому недопустимы. Из сказанного совершенно логично сделать вывод, что семантически менее «сильные», рационально-оценочные прилагательные (*lieb, gut, sympatisch, schön)*, без таких интенсификаторов просто не могут достигнуть равновесной степени экспрессивности: ср. *Du bist gut!* И *Du bist unwahrscheinlich / unheimlich / außerordentlich gut!*

Функцию модификации, спецификации, градации, интенсификации комплиментарной оценки, выраженной прилагательным, выполняют также слова *echt, wirklich, wahrlich, richtig* и др., выводящие на передний план значение истинности, соответствия содержания комплимента реальному положению дел, например: *Du bist ein* <u>*richtig*</u> *schönes Mädchen geworden (C-W, 58)* – модальное слово *richtig* со значением «несомненно» усиливает положительное оценочное значение, указывая на отсутствие расхождения между оцениваемым признаком адресата – его внешностью – и общепринятой нормой. Такую же функцию выполняет модальное слово *wirklich* со значением «действительно», оно указывает на искренность слов говорящего, соответствия

содержания комплимента действительности (*Du bist ein wirklich schönes Mädchen geworden).*

Среди комплиментов с прилагательным в предикативной функции встречаются «странные», на первый взгляд, высказывания как *Du bist einfach zu schön (M-S, 156)*, в которых говорящий указывает на избыточность положительного признака, что в традиционном употреблении оценивается скорее отрицательно, порицается, ср.: *Du bist zu bescheiden = Ich bin überzeugt, dass du mehr kannst, als du zeigst, also sollst du mehr zeigen.* Однако мы склонны, тем не менее, рассматривать такие высказывания как комплименты, иногда неинтенциональные, случайные, но большей частью все-таки намеренные, указывающие на неподходящее «обрамление» комплиментарного признака действительностью, условиями, в которых он проявляется. Это мнение о несоответствии формы/содержания и окружающей реальности, как правило, поясняется говорящим во избежание неправильной интерпретации его высказывания адресатом: *Du bist es, die zu gütig ist, und außerdem zu schön, um dich in diesen Ginzawäldern zu verstecken (M-S, 127),* либо вытекает из ситуативного контекста: *Sie sind zu hübsch (K-A, 44)* – невольный комплимент врача новой медсестре, сомневающегося в достаточной мере ее безопасности в условиях работы с большой группой итальянских шахтеров-гастарбайтеров «с Везувием в крови».

Прилагательное в комплименте может представлять и частнооценочное значение, то есть выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому, сочетаясь при этом с нейтральным существительном, не имеющим в своей семантической структуре оценочного значения. Комплиментарными признаками в таких высказываниях не отличаются своеобразием, они касаются внешности партнера (черты лица, волосы, фигура, улыбка, предметы одежды): *Sie sind eine so hübsche Dame (K-A, 293),* его профессиональных качеств: *Sie waren eine äußerst geduldige Lehrerin (M-S, 341),* его интеллектуальных особенностей: *<...> Du bist ein kluger Mensch <...> (M-B, 258)* и т.д.

Эффективность комплимента, сила его воздействия повышается при употреблении прилагательного в сравнительной или превосходной степени, ср. комплимент внешности женщине, с которой говорящий был ранее знаком только опосредованно и которая явно выигрывает при сравнении реальности с представлениями о ней: – *Und nun enttäuscht Sie die Wirklichkeit? <...> – Nein, nein. <...> Die Wirklichkeit ist schöner, greifbarer, mitreißender. <...> (K-M, 123).* Комплименты с прилагательным в суперлативе представляют собой самую высокую оценку и характеризуются гиперболизованной мерой качества по отношению к норме проявления этого качества. Комплиментарная оценка в таких высказываниях часто расходится с реальным положением дел, что чревато для говорящего уличением его в неискренности, корыстных намерениях: *Je mehr ich darüber nachdenke, desto mehr kommt es mir doch so vor, als wäre dies der amüsanteste Weg, Edo zu verlassen (M-S, 255)* – высказывание, задуманное как комплимент военно-тактическим умениям высокостатусного адресата, воспринимается последним как плохо скрытая лесть. Интересным способом избежать интерпретации комплимента как неискренней лести является употребление скрытого суперлатива как в следующем высказывании: *Wir sind es, die dankbar sein müssen. Wir könnten keinem edleren Fürsten dienen (M-S, 417).* Приведенный комплимент – искренний, эмоциональный – может быть трансформирован в высказывание с эксплицитным суперлативом, приобретающим оттенок подобострастия и теряющим значение скромного саморазумеющегося почитания: *Es gibt keinen Fürsten, der edler sind, als Sie, Sie sind der edelste Fürst.*

Комплиментарное сравнение может выноситься за структурные рамки предложения, выражающего собственно комплимент: *Beeindruckend. Wie in einem erstklassigen Restaurant (H-S, 304),* что повышает прагматический эффект речевого акта: поначалу скованный стеснением и неуверенный в себе адресат приведенного высказывания «тает», услышав положительную оценку его, хозяина дома, эстетического вкуса и кулинарных умений.. Социальный

механизм «смазан», адресат благодарно реагирует на комплимент, объясняя источник своих способностей, завязывается дружеская беседа.

Выражение отношения к объекту. Во втором типе высказываний (выражение отношения к объекту комплимента), определяющем приоритетную позицию реляционного смысла, говорящий сообщает о собственном эмоциональном состоянии, о том, как он воспринимает партнера. В качестве операторов в них выступают глаголы, в которых оценочная сема присутствует имплицитно, «по умолчанию»: *Ich bewundere Ihre Einrichtung (H-M, 18)* – выражение положительного отношения к предмету комплимента предполагает его положительную оценку говорящим (восхищение вызывает то, что нравится, было бы абсурдно выражать восторг по поводу предмета, вызывающего у нас неприятие): *Ich finde Ihre Eirichtung absolut spitze und ich bewundere sie.*

Следует заметить, что глаголы играют значительно менее важную роль в производстве комплиментов по сравнению с прилагательными или существительными, их возможности в плане выражения оценки более ограничены, поскольку глагол выражает такие значения, которые отражают характер действия, способ его осуществления, особенности протекания. Эти причины определяют немногочисленность оценочных глаголов, наиболее употребительными из которых являются *bewundern, begeistern, gefallen, genießen*, например: *Manchmal bewundere ich dich echt, aber das weißt du ja (R-L, 34); – Ich freue mich, dass Ihnen die Bilder gefallen. – Was heißt „gefallen“? Ich bin begeistert, hingerissen! Wie machen Sie das nur? (K-S, 47).*

Немногочисленность оценочных глаголов не делает их менее значимым языковым средством при реализации комплиментарной интенции, напротив, они актуализируют дополнительные смысловые нюансы, отражая личную оценку и тем самым солидаризирующее действие совершенно особенным образом, поскольку глагол прямо связан с личностью говорящего – это он является лицом, которое ощущает, имеет эмоции: *Ich habe seit Monaten nichts mehr so sehr genossen (M-H, 25)* – говорящий, измученный скандалами и затянувшимся бракоразводным процессом с бывшей супругой, испытывает

необыкновенный психологический комфорт в обществе старого друга. Его высказывание – комплимент изысканному ужину – является одновременно благодарностью за поддержку и понимание и выражением всего комплекса обуревающих его в связи с последними событиями эмоций. Еще пример: *Was ich über Sie gehört habe, beeindruckt mich, Mr. Singer (B-S, 38)* – говорящий делает комплимент деловым качествам адресата, высоко оценивая их и подчеркивая важность этой оценки в приложении к своим прагматическим целям..

Значительна группа высказываний комплимента с глаголом-носителем положительного заряда, характеризующим действие, выполняемое или выполненное адресатом высказывания: *Das machst du spitzenmäßig, Joana (R-P, 56); Es macht mir nicht aus, ich fahre gern mit Ihnen durch Landschaft. Sie fahren sehr sicher (H-M, 31).* Действие или состояние, выраженное предикатами таких комплиментов, модифицируют оценочные наречия, которые мы, вслед за Е.М. Вольф [Вольф 2006: 133] считаем частью двучленного семантического единства с глагольным базовым элементом – вместе они образуют полный предикат. Другими словами, оценочные наречия в комплиментах являются обязательными семантическими и синтаксическими модификаторами глагола, их опущение лишает высказывание смысла или «перевоплощает» его в странную декларацию действия партнера: *Sie fahren ~~sehr sicher~~ – Sie fahren!*

Специфическим глаголом этой группы, оценивающим внешность адресата как состояние, является глагол *aussehen,* который, сочетаясь с наречиями положительной оценки *hübsch, gut, wunderbar, prächtig, umwerfend, köstlich, blendend, phantastisch, bezaubernd, entzückend, hinreißend,* и др., характеризует внешний вид адресата*: Du siehst wunderbar aus, Emma. Dein Haar gefällt mir (M-H, 129); Sie sehen phantastisch aus, Laura (B-S, 141).*

В ряду оценочных наречий, положительно квалифицирующих внешний вид говорящего, встречаются наречия с отрицательным системным значением, которые в сочетании с негатором дают в сумме выражение положительной оценки: *Du siehst auch nicht schlecht aus! (R-P, 36) = Du siehst auch gut aus.*

Такое «отрицание отрицания» является одним из способов некатегоричного, сдержанного комплимента при социальных отношениях между партнерами, не допускающих открытого выражения восторга без нарушения личностных границ адресата (ущемления его «лица»).

Различные ситуационные условия добавляют отдельные прагматические нюансы смысла в высказывания комплимента с глаголом *aussehen*. Это может быть, например, поддразнивание в целях разрядки обстановки, как в высказывании *Du siehst hinreißend aus, wenn du wütend bist (K-VA, 136)*, где комплимент предназначен влюбленной в говорящего девушке, ревнующей его ко всем особам женского пола. Он произносится во время очередной сцены ревности, где является абсолютно неадекватным ситуации общения, но именно неадекватность и неожиданность делают данный речевой акт действенным средством «обезоруживания» адресата. В высказывании *Sondra, wissen Sie, wie hübsch Sie sind, wenn Sie lächeln? (C-W, 106)* комплимент является скорее средством ободрения подавленного жизненными обстоятельствами адресата.

Семантика глагола *aussehen* легко допускает сравнения различного рода в качестве квалифицирующих актантов. Здесь следует оговориться, что элемент сравнения, или, правильнее, вывод из сравнения, присутствует в любой оценке, являясь ее конституирующим элементом, он даёт новое знание о величине или степени интенсивности определённого свойства в его отношении к другому [Бартон 1978: 48]. В высказывании с имплицитным компаративом *Du hast noch nie <u>wie vierzig</u> ausgesehen, Schatz (G-T, 289)* предметом комплиментарной сравнительной оценки являются возрастные особенности внешности адресата, который, по мнению говорящего, выглядит значительно моложе своих лет, инференциальный вывод из сравнения может выглядеть следующим образом: *Du hast noch nie wie (Leute mit) vierzig ausgesehen = Du siehst viel jünger aus, als die Leute mit vierzig aussehen, und das schätze ich positiv ein.* Наряду с имплицитным компаративом может употребляться эксплицитное сравнение в форме наречия в сравнительной степени, особенно в ситуациях, в которых

именно изменение внешности является главным поводом для комплимента, например: *Sie sehen sehr viel besser aus, als beim letzten Mal (J-K, 146).*

В подлинном, неритуальном, а потому часто многословном комплименте функцию обстоятельства образа действия при глаголе *aussehen* выполняет придаточное предложение нереального сравнения: адресат в нем сравнивается с прецедентными или мифическими фигурами, божествами: *Du überraschst mich, du siehst so aus, als wärst du einem Gemälde aus der Zeit des schimmernden Prinzen entstiegen (M-S, 265).*

Местоимения в комплиментах. Интересно обратить внимание на использование местоимений в речевых актах комплиментов, поскольку они реализуют некоторые особые смысловые оттенки.

Объект комплиментарной номинации обычно легко определяется контекстом, ситуацией общения – комплимент является речевым актом, обязательным условием успешности которого является присутствие адресата, поэтому референт не всегда выражается языковыми средствами. Однако при неясной референции и/или в целях убеждения адресата в положительной оценке его говорящим и, следовательно, в расположении говорящего особенно важным является «привязывание» оценки к адресату, то есть включение в высказывание элементов, исключающих всякие неточности или недоразумения при идентификации, а именно личных и притяжательных местоимений второго лица. Таким образом избегается впечатление, что говорящий оценивает объект, принадлежащий адресату, вне связи с самим адресатом, ср.: *Das ist ein nettes Auto,* но: *Du hast ein nettes Auto; Dein Auto ist nett.* Можно утверждать, что личные и притяжательные местоимения ритуально используются для того, чтобы конституировать близость общения и партнеров. Наш языковой материал дает нам доказательства этой точки зрения: *Ein vielversprechender Vorschlag, mit einleuchtenden Vorzügen (M-S, 255)* – оценочно-дескриптивное высказывание без отнесения к его автору превращается в льстивый комплимент при включении притяжательного местоимения: *Ihr Vorschlag ist vielversprechend, er hat einleuchtende Vorzüge.* И наоборот, аффективный комплимент смелой

предприимчивости адресата, выражающий субъективные эмоции гордости говорящего, как *Und wenn ich ehrlich sein soll, ich bewundere deinen Entschluss <...> (B-H, 7),* становится нейтральным (по шкале эмоциональности) высказыванием положительной оценки при трансформации синтаксической структуры и замене притяжательного местоимения определенным артиклем: *<...> das ist ein tapferer Entschluss <...>*. Таким образом, личные местоимения 1 и 2 лица единственного и множественного числа и соответствующие им финитные формы глаголов и притяжательные местоимения являются сигналами реализации личного плана высказывания, «включенности» говорящего и адресата в ситуацию общения.

Синтаксические операторы. Анализ синтаксических структур, используемых для выражения прямого комплимента, дает нам основания возразить мнению о комплименте как об исключительно ритуальном речевом акте. Наличие большого количества вариантов (с нейтральным и эмфатичным порядком слов, с различной степенью представленности членов предложения и т.д.) дает очень весомый аргумент в пользу рассмотрения большинства комплиментов как искренних, а следовательно, подлинных, нефатических речевых актов положительной оценки партнера.

Остановимся на некоторых специфических синтаксических особенностях высказываний комплимента. Высказывания, называющие комплиментарный признак адресата (как, например, *Sie sind wirklich eine tapfere Frau! (T-O, 40); Ein schönes Gut haben Sie, Herr Baron (B-St, 20);Deine Technik ist großartig (C-W, 157))* всегда могут иметь варианты с неполной представленностью членов предложения – эллиптические варианты, выражающие эмотивную оценку в очень концентрированной форме. В них может отсутствовать либо указание на предмет комплимента, либо глагольная часть или артикль: *Höchste Klasse! Gib mir noch einen (R-P, 45); Nettes Auto, Nigel. Sehr praktisch fürs Land (M-H, 33).*

Эллиптичными являются специализирующиеся только на выражении комплиментарной оценки эксклaмативные фразеологизированные высказывания (безглагольные эллиптические и полные) комплимента с

типизирующими словами *was für, welch, wie, solch* которые в сочетании с эмоционально-экспрессивной интонацией поддерживают положительную силу высказываний. В пропозиции комплиментов (1) *Was für strahlende kleine Schönheiten sie doch sind! (M-H, 367)*; (2) *Karin, welch eine wunderbare Frau bist du doch! (T-O, 35);* (3) *Karin, was bist du für ein Mensch! (T-O, 58)* выражается эксплицитно (1, 2) и имплицитно (3) спонтанная аффективная оценка, совмещаемая с семой интенсивности качественного признака[58]. Наибольший интерес представляет собой третий тип высказывания, где оцениваемый признак не выражен и должен быть выведен на основе стереотипных представлений адресата о возможных признаковых характеристиках. В нем говорящий имплицирует общеоценочное значение *wunderbar*, которое адресат и воспринимает, исходя из своей картины мира Значит, положительное содержание комплимента заложено в самой структуре высказывания и в высокой степени поддерживается ею.

Местоимения *was für, welch, solch, wie* в указанных конструкциях играют роль интенсификаторов оценки, и значение интенсификации накладывается на оценку, даже превалируя над ней в комплиментах типа (3), поскольку имплицитность выражения является, как уже указывалось выше, традиционным средством усиления эмоционального воздействия. Такие комплименты можно назвать интригующими, имеющими установку на завладение вниманием адресата. Заметим, что в успешном комплименте интригующий момент, как правило, дополняется эксплицирующим, иначе он может озадачить адресата, а не вдохновить его. В нашем контексте высказывание (3) дополняется пояснением говорящего: *Karin, was bist du für ein Mensch? Ich kann den Jungen immer weniger verstehen. Er scheint in seiner Dunkelheit vernünftiger gewesen zu sein als jetzt. Ich habe fast das Gefühl, dass er erst als Sehender blind wurde.* Восклицание обращено к покинутой мужем – прозревшим после врожденной

[58] Г.Е Крейдлин и Е.В. Рахилина, рассматривая подобные структуры русского языка, выделяют три части их пропозитивного компонента: презумптивную (знание говорящим нормативного для всех членов общества значения оцениваемого признака) и двух ассертивных: утверждения о том, что адресат обладает этим признаком, и утверждения о том, что адресат обладает высокой степенью этого признака [Крейдлин, Рахилина 1984].

слепоты сыном говорящего – женщине, обладающей отвратительной внешностью, которая, однако, сполна компенсируется ее нравственной красотой.

В эллиптических высказываниях – комплиментарных вокативах часто наблюдается прономинальная инверсия – рематическая постановка личного местоимения после обращения: *Mein geliebter Mann, du! (T-O, 38)*, что можно, вероятно, объяснить желанием выделить адресатную отнесенность, виртуальную тактильность такой оценки – вербальное «прикосновение» говорящего к адресату является сигналом его особого, интимного отношения к последнему.

Интенсифицирующими операторами комплиментарной оценки могут считаться разнообразные лексико-синтаксические повторы, которые не обязательно ограничиваются рамками одного высказывания, часто оформляются как самостоятельные высказывания, непосредственно соположенные в речевой цепи, например: – *Sie wissen, wer ich bin? – Ein Engel. Eine Madonna (K-A, 33).*

1.4.3. Формирование смысла косвенных комплиментов. «Стратегические» соображения заставляют говорящего обращаться к нестандартным, косвенным способам выражения: прямой комплимент может иметь ликоущемляющий эффект для адресата, а его косвенная форма позволяет избежать впечатления, что он служит только прагматической цели добиться расположения адресата.

Степень косвенности комплимента варьируется от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение может быть определено только с подключением ситуативного контекста. Многообразие языковых форм косвенных комплиментов не позволяет категоризировать их, поэтому при их анализе мы опираемся на речевые стратегии говорящего.

Комплименты с изменением референциальной соотнесенности. Одной из наиболее популярных «куртуазных» комплиментарных стратегий

является преобразование различных элементов прямого положительно-оценочного высказывания, в частности преобразованием референциальной соотнесенности объекта или субъекта комплимента. Примером реализации такой стратегии может случить высказывания с заменой конкретной референции субъекта оценки на неопределенную: *Ein Mann, der solch eine Frau wie Sie an seiner Stelle hat, der soll Gott auf Knien dafür danken <...> (T-O, 38).* В приведенном высказывании, формально представляющим собой декларативное выражение говорящим своего мнения, не указан положительно оцениваемый признак (*solch eine (*wunderbare) Frau*), она заложена как данное, как факт в рамках высказывания. Кроме того, в нем изменен субъект оценки – говорящий, производящий предикацию признака, устраняет себя как оценивающее лицо, и приписывает оценивающую деятельность обобщенному субъекту, не участвующему в ситуации общения (*ein Mann, der solch eine Frau hat*). Указанием на действительную оценку адресата говорящим является его мнение о необходимости высокой степени благодарности (*soll Gott auf Knien danken*), которое может появиться как реакция на нечто исключительно положительное для субъекта оценки. Таким образом, путем несложных инференций мы можем сделать вывод о подлинном эмотивном смысле высказывания с доминированием в нем комплиментарной оценкой адресата: *Sie sind eine außerordentliche Frau <und ein Mann, der solch eine Frau wie Sie an seiner Stelle hat, der soll Gott auf Knien dafür danken>*. Комплимент адресату включает при этом окказиональный смысл - порицание третьего лица – супруга оцениваемой женщины, который не смог оценить ее по достоинству.

Большую группу косвенных комплиментов составляют высказывания с изменением референции объекта оценки, например: *Und warum hast du Nicole vor mir versteckt gehalten? Ich lerne nie so bezaubernde Frauen kennen (M-H, 313).* Эксплицитная положительная оценка, выраженная причастием *bezaubernd*, направлена адресату, но касается не его (ее) конкретно, а всей категории женщин, выделяемой говорящим (*so bezaubernde Frauen*), к которой причисляется и адресат (*<Sie sind eine bezaubernde Frau, Nicole. Ich habe Pech,*

denn> ich lerne nie so bezaubernde Frauen <wie Sie> kennen). Наречие *nie* гиперболизирует высказывание, придает ему значение исключительности а, следовательно, уникальности.

Косвенный комплимент достигается и путем смещения объекта оценки – оценивается не адресат высказывания, а третье лицо, присутствующее при этом: *Joana macht das ganz toll. Du kannst stolz auf sie sein (R-P, 57).* Формально такое высказывание выражает собственно оценку, однако присутствие оцениваемого лица и намеренный выбор положительно-оценочного наречия индицируют комплиментарную интенцию.

Высказывания отрицательной оценки, порицания лица, не присутствующего при разговоре, могут являться комплиментом адресату высказывания или третьему присутствующему лицу, поскольку при этом недостатки отсутствующего противопоставляются достоинствам присутствующего: *Von seinem Personal sollte er lernen. Sein Kammerdiener hat ein besseres Benehmen als er (K-VA, 64)* – комплимент манерам адресата, выигрывающим при сравнении их с поведением обсуждаемого лица. Вариантами такого типа косвенных комплиментов является принижение себя и своего окружения для положительно-оценочного выделения адресата: *Meine Männer reichen nicht an Eure Krieger heran, trotzdem geben sie ihr Bestes (M-S, 294)* – комплимент воинскому искусству адресата и его спутников.

Лицо, чьи качества являются предметом сравнения, может быть не конкретным, а собирательным, тогда положительно оцениваемые качества конкретного адресата высказывания и комплимента гиперболизируются, приобретают масштаб исключительности: *Du verlierst mich nie. Und weißt du, warum nicht? Weil du mich nie festhalten wolltest, wie ein Bauer seinen Acker. Der glänzendste Mann ist langweilig dagegen (R-L, 292).*

Комплименты с имплицитной оценкой. Другой тип косвенных комплиментов – высказывания, не выражающие «видимую» оценку, представляющие собой, казалось бы, «безобидные» замечания о внешних изменениях или вновь приобретенных объектах адресата, но, безусловно,

заставляющие сердце адресата биться чаще : *Hast Du abgenommen?*; *Oh, eine neue Kette!* Констатации, имплицирующие положительную оценку, могут иметь и более обстоятельный характер, положительно характеризовать некоторое положение дел, касающееся адресата, зависящее от него, как высказывание *Du stiehlst dem Star die Show (R-P, 15)* – комплимент девушке, выполняющей функции ди-джея на дискотеке настолько хорошо, что реакция публики на ее реплики заставляет говорящего сомневаться в качестве выступления присутствующей в клубе поп-звезды. Высказывание *Kate, für ein Stück von deinem Streuselkuchen würde ich bis ans Ende der Welt gehen (C-W, 163)* представляет собой комплимент кулинарному искусству адресата, говорящий готов совершить невозможное для того, чтобы насладиться произведением этого искусства. Произнося комплименты с имплицитной оценкой, говорящий ориентируется на конкретного адресата с его фоновыми знаниями и языковой компетенцией, он рассчитывает на способность адресата восстановить эксплицитно не выраженную информацию. Интерпретация смысла таких комплиментов полностью зависит от контекста. Фактором, оказывающим влияние на их прагматическую сущность, оказывается признак релевантности содержания высказывания для данной ситуации общения.

Многие косвенные комплименты включают эксплицитное или имплицитное выражение желания говорящего достичь статуса, который сравним со статусом адресата: *Oh, Sie sind zu beneiden! Was würde ich geben, um solch ein herrliches Schiff zu besitzen! Sie müssen eine sehr, sehr glückliche Frau sein! (H-M, 64).* Такие комплименты обладают большой положительной силой, поскольку оценка говорящего выходит за рамки простого положительного суждения, ведь говорящий рассматривает предмет комплимента как желаемый и достойный подражания. При выражения сожаления по поводу отсутствия у самого говорящего способностей или возможностей для достижения цели – состояния/статуса адресата, говорящий принижает себя при одновременном восхвалении слушающего. Эта стратегия использования намеренно асимметричной конструкции имплицирует высокую меру солидарности и

соответствует присутствующему всегда (пусть бессознательно) желанию адресата получить одобрение [Brown, Levinson 1987: 62]. Е. Фромм видит в производстве таких комплиментов отражение мировоззрения, ориентированного на владение, при котором идентификация индивида происходит на основе того, чем он владеет [Fromm 1991: 79-90]: говорящий, который рассматривает достигнутый адресатом статус или находящуюся в его распоряжении собственность как достойную стремления или подражания, ищет вербальную возможность приобщиться к этому. Эта стратегия, даже будучи солидаризирующей, отражает, те не менее, общее убеждение в том, что владение или приобретение чего-либо – будь это материальная вещь или способность – является обогащением личности.

* * *

Рассматривая универсальную модель смысла в ее применении к ситуации реализации речевых актов комплимента, мы видим совершенно иную конфигурацию сцепления ее элементов, чем в социативных речевых актах. Абсолютной доминантой в ней является теперь эмотивный смысл, в котором, в свою очередь, в постоянном движении находятся его составляющие – эмоциональный, оценочный и реляционный смыслы, то и дело (в различных прагматических ситуациях) «уступающие» друг другу место на поверхности смыслового универсума. Пропозициональный и интенциональный смыслы нерелевантны в ситуации комплимента, они подавляются безусловным приоритетом трехглавой доминанты и выполняют лишь вспомогательную роль в формировании единого смысла. При непрямом выражении комплимента интенциональный смысл несколько ближе к поверхности, поскольку его хотя бы минимальное проявление важно для идентификации речевого акта адресатом, но при этом его спутниками становятся самые различные непредсказуемые окказиональные смыслы.

2. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОХВАЛЫ

В этом разделе рассматриваются речевые акты похвалы, прагматическая сущность которых проявляется в принципе увеличения ценности, возвышения достоинств адресата. Оценочный компонент в общении коммуникантов затрагивает параметр психоэмоционального комфорта говорящей личности в общении. Следовательно, речевой акт похвалы может быть опосредованным сигналом развертывания общения по модели комфортного диалогического общения [Романов, Ходырев, 2001: 40-45], которое базируется на переживании и демонстрировании эмоций и чувств.

2.1. Похвала как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Похвала определяется как демонстративное выражение (часто в присутствии третьих лиц[59]) особого одобрения партнера по поводу его поступка (поведения), исключительных успехов (по меньшей мере, выходящих за рамки требований нормы), имеющее целью вызвать его положительную эмоциональную реакцию. Это определение называет некоторые индексальные признаки, которые следует рассмотреть подробнее.

Эксплицитность. Есть много возможностей выражения одобрения и признания заслуг. Но ободряющую улыбку, кивок головой, восхищенный взгляд нельзя считать похвалой. Похвала есть вербальное и эксплицитное речевое действие. Она всегда имеет конкретного адресата и не допускает сомнений в своей адресованности. Важной особенностью похвалы является тот факт, что она представляет собой однозначный социальный и ситуативный маркер отношения говорящего к адресату: хвалят потому, что нравится нечто, совершенное или сказанное адресатом. Похвала означает одобрение, служит для адресата вербальным сигналом того, что его действия (или действия третьего лица) положительно оценены адресантом.

---

[59] Ср. определение речеактового глагола *loben* в словаре Wahrig: *jmdm. ein Lob erteilen, jmdn. vor anderen anerkennen*

Эксплицитность похвалы предполагает осознанную интенциональность. Говорящий имеет намерение похвалить, значит, он не симулирует своего эмоционального состояния, хвалит искренне, от души, возможно, даже не осознавая движущий им мотив.

Оценка. Квалификативная компетенция говорящего распространяется на интерпретацию оценочных критериев и на действия адресата. Он сам выбирает объект похвалы и выбирает вербальные средства ее выражения, определяет ее нюансы. Это тот самый ценностно-квалификативный характер похвалы, который делает ее гибким инструментом воздействия. И именно ее субтильность и многочисленные возможности ее варьирования и дозирования, как отмечает Р. Пэрис, исследующий языковые механизмы властного манипулирования людьми [Paris 1998: 155], являются источником часто возникающей психологической зависимости адресата: он становится зависимым от суждения говорящего и сам начинает моделировать себя по заданному им образцу. То есть «коварство» похвалы заключается в том, что адресату приходится «расплачиваться» за нее потерей какой-то части своей самостоятельности.

Статусные роли. Похвала встречается в условиях, определяющим компонентом которых является параметр типовых статусно-ролевых проявлений коммуникантов (учитель – ученик, начальник – подчиненный, родитель – ребенок), где возможна определенная выборка речевых маркеров оценки, отличающихся по силе воздействия. Но речевой акт похвалы конструирует отношения не только говорящего и адресата, квалифицируя их, он модифицирует отношения говорящего с теми, кому похвалы не досталось – третьими лицами, присутствующими при выражении похвалы. Похвала сравнивает, она отделяет среднестатистическое от того, что заслуживает особого одобрения, незаурядного. Таким образом, похвала распределяет места в оценочной иерархии, претендуя на компетенцию такого распределения.

Индивидуальный характер похвалы. Похвала всегда однозначно адресована, она всегда имеет индивидуальные контуры. Только на основе

строгой личностной отнесенности похвалу можно использовать как технику индивидуализации, дифференциации общей массы и личности.

Несмотря на то, что разделение оценивающего и оцениваемого выражает фундаментальную асимметрию, оно одновременно создает своеобразную близость, квази-интимность между говорящим и адресатом. Прежде всего, адресат чувствует себя выделенным из толпы и поднятым над ней авторитетной похвалой – эффект, который – парадокс – тем сильнее, чем дальше и недосягаемее авторитет.

Референция успехов. Похвала пресуппозирует достижение адресатом успехов, доказывающих, в свою очередь, наличие у него определенных умений. Однако общее правило – без достижений нет похвалы – часто нарушается, встречаются случаи, когда похвала отсутствует, несмотря на достижения. Поскольку похвала является средством поощрения адресата, то говорящий, обладающий компетенцией поощрения, сохраняет за собой безусловное право определять границу между нормой и экстраординарностью. Более того, он в какой-то мере решает, что можно считать достижением, а что нет. Часто выдающееся не замечается, сознательно игнорируется, а среднее выделяется. Решающим в этом случае являются не действительные усилия потенциального адресата, а преференции, иногда просто личная симпатия говорящего.

Но независимо от того, заслужена ли похвала или нет, намерения говорящего – повышение самооценки адресата, его ободрение и побуждение к дальнейшим усилиям, повышение его мотивации – не меняются. Выразительное одобрение укрепляет чувство собственного достоинства и подтверждает идеализированную картину собственного «Я». Она одновременно ратифицирует гордость за собственные достижения, придает уверенность в своих способностях. Этим она направляет взгляд в будущее: за достигнутыми успехами должны последовать другие, которые, как надеется адресат, тоже будут отмечены похвалой. Так одна похвала питает надежду на следующую, возможно, большую похвалу, на невысказанное *«Weiter so!»*, присутствующее имплицитно в любой похвале [Sprenger 1999: 10], она

фиксирует одновременно уровень достижений адресата, ниже которого теперь ему опускаться не следует. Поэтому нередко – опять парадокс – адресат воспринимает похвалу как груз, как наложенное на него обязательство и в будущем добиваться таких же экстраординарных успехов, по меньшей мере, не опускаться ниже уже достигнутого уровня.

Отличие похвалы от других речевых актов положительной оценки. В типологиях оценочных речевых актов (например, В. Циллига или К. Адамчика) похвала располагается над теми положительными оценочными речевыми актами, которые часто встречаются в повседневных ритуалах подтверждающего характера. При их дифференциации важно учитывать направленное партнеру внимание – показатель социальной границы отношений. Эксплицитность и непосредственная адресация похвалы, а также интенсивность оценки выделяют ее из общего потока высказываний и определяют градацию релевантности, в которой успех и статус адресата, а также масштаб говорящего находятся на первом плане.

Конечно, границы слабого, часто обозначенного только жестами или неэмоционально вербализованного одобрения и перехода от него к эксплицитной похвале размыты, ведь в оценочном высказывании может варьироваться суть оценивающих квалификаций, их сила и интенсивность, а также весь спектр одновременно выражаемых смысловых нюансов. Это четко видно при сравнении ритуального комплимента и похвалы. Как ритуальная форма положительной оценки партнера комплимент реализует интенцию сигнализировать партнеру (часто при помощи клишированных форм) вежливую любезность и предупредительность, при этом вопрос об искренности является вторичным. В отличие от похвалы квази-интимность отношений в комплименте нейтрализуется, поэтому комплименты возможны и там, где партнеры (почти) не знакомы, комплимент тогда является способом начать разговор и познакомиться. Прямое или косвенное указание на успехи в ритуальном комплименте слабо представлено (или не представлено совсем), часто оценка выражается совершенно спонтанно, как непосредственное

выражение расположения, она может распространяться на объекты, принадлежащие адресату и не рассматриваемые как достигнутый успех.

Типологически похвала отграничивается и от таких стандартизованных поощрений как публичное вручение наград или премий. В таких ситуациях особенно четко виден неритуальный характер похвалы. Чествование уже изначально определяется как не-рутинная ситуация, оно проходит в соответствии со строгой схемой, которая не допускает варьирования. Премия символизирует поощрение, но не эксплицирует его. Квалификация остается задачей лаудативного речевого акта, который является частью предписанного ритуала. Похвала-лаудацио обосновывает поощрение и в этой функции используется в рамках торжественного мероприятия. В качестве примера приведем небольшой отрывок из лаудативной речи по поводу присуждения Лейпцигской премии комитета по правам человека: <...> *Ich stehe nicht an hervorzuheben, dass Sie damit ein Pionier der Auseinandersetzung mit Scientology in Europa und der ganzen Welt sind. Wir wissen dass dazu Mut gehört. Der einfache Weg ist sich abzudecken und abzuducken und Auseinandersetzungen aus dem Weg zu gehen. Ich habe Respekt vor einem Mann, der nicht sich windschnittig macht, sozusagen die Segeln so stellt, dass er nicht vom Gegenwind erfasst wird, sondern der seine Verantwortung ernst nimmt, nämlich die Verantwortung sowohl gegenüber den einzelnen Personen, vor allem jungen Menschen, aber auch älteren, also gegenüber den einzelnen Personen, aber auch die Verantwortung gegenüber dem gesamten Staats- und Gemeinwesen* <...> [www.leipzigerpreis.de]. Подобная многословная публичная похвала, построенная по определенным правилам, звучит часто пресно и скучно: ее ритуальность выводит на передний план клишированность формулировок, стандартизованность ситуации лишает похвалу ее качественных признаков.

2.2. Функционирование и варьирование похвалы

П о в о д ы д л я п о х в а л ы . Похвалой оценивается прошлое действие адресата, поэтому существенным моментом в нем является момент каузальности. Объектами-каузаторами оценки, то есть поводами для похвалы могут быть:

– стремление адресата сделать свою работу качественно, добросовестно, умело: *Jetzt wirst du eine wirkliche Musikerin (C-W, 159); Das nenne ich pünktlich (B-H, 16);*

– нравственные качества адресата, как честность, доброта, проявляемые во взаимоотношениях субъекта с другими людьми, то есть в поступках, адресованных другим. Именно эти поступки и оцениваются похвалой, например: *Du bist wenigstens ein ehrliches Kind, Arnulf, und das gefällt mir (T-O, 17); Bist ein braves Mädchen, dass du dich so um deine kleine Schwester kümmerst (M-S, 379);*

– ум и сообразительность адресата: *Du hast deinen Ruf klug eingesetzt. (M-S, 305); Gute Idee. Damit hast du Medien erst ma auf deiner Seite (J-K, 123);*

– смелость адресата: *Du hast dich auf unserer Reise hierher mustergültig verhalten (M-S, 166); Sie wehren sich ordentlich. Fast schade, dass Sie allein sind (H-S, 393);*

– послушание адресата, его подчинение авторитету, требованиям ситуации или общества в целом: – *Sie hat Kopfweh. Da muss man ganz leise sein! – Ich bin ganz leise, Mami! – Du bist ja auch meine Supermaus (H-M, 212).*

Из перечисленных поводов для похвалы следует вывод о ее деятельностном, созидательном характере: адресат похвалы хорошо делает что-то от него зависящее: свою работу, хорошо ведет себя, совершает добрые поступки, проявляет смелость и сообразительность. Эти поводы являются стимулом для реакции говорящего, который, однако, имеет свободу выбора – вербализовать свою реакцию или промолчать. Между усилием для достижения успеха и его выразительным одобрением находится открытое пространство,

зона неопределенности, контролируемая только авторитетом, обладающим компетенцией одобрения, решающим, хвалить или не хвалить. Такая социальная власть над адресатом наряду с непредсказуемостью квалификации часто воспринимаются им как источник некоторого оценочного произвола и укрепляют в нем чувство зависимости от оценивающего [Paris 1998: 165].

Говорящий, произнося похвалу, не принимает на себя никаких обязательств. Однако похвала тоже содержит элемент демонстративного признания говорящим ценностей и норм, по которым он измеряет партнера. Более того, говорящий должен не просто обладать качествами, которые он положительно оценивает, он должен их репрезентировать и олицетворять как личность. Иначе возникают сомнения в оценочной компетенции говорящего (не может хвалить за честность лживый, за доброту злой, за трудолюбие ленивый человек). Другими словами, для того, чтобы иметь «право» правдоподобно хвалить, говорящий должен сам быть одобряем. Если он обладает авторитетом, то похвала действенна, если же он не пользуется уважением, то речевое действие похвалы безуспешно.

Варьирование похвалы. Похвала варьируется в каждом конкретном случае в зависимости от ситуации. Существует огромное количество модификаций похвалы, большой спектр высказываний, которые маркируют самые различные способы похвалы. Так, наряду со спонтанным выражением наивысшего восхищения (*Hut ab, Frau Winkler! Hut ab! Sie können sich auf mich verlassen! (H-M, 252)*) существует снисходительная похвала, которая посредством одобрения пытается понизить статус адресата (*Freut mich ungemein, dass Sie doch noch drauf gekommen sind (H-M, 256)* – похвала с иронией, указывающая на ненаблюдательность адресата). Существует льстивая похвала, имеющая целью расположить к себе адресата и получить ответное одобрение (– *Mein Fürst, Ihr habt triumphiert. – Nein Mukei, du hast triumphiert. Dieser Sieg gebührt dir allein (M-S, 453)*); не говоря уже о самопохвале. Сложно объединить все нюансы этого речевого акта в одной типологии, поэтому мы предлагаем в качестве когнитивного критерия классификации статусный

признак: исходным положением является утверждение, что похвала может быть направлена сверху вниз или появляться в общении равностатусных партнеров.

Похвала «сверху вниз». Похвала сверху вниз представляет собой классический образец статусного общения: *Ihr seid treue Gefolgsleute eines treuen und selbstlosen Freundes (M-S, 453)* – похвала царственной особы свите погибшего военоначальника. Похвала сверху вниз является сутью авторитарной власти, которая только в вынужденных случаях прибегает к строгим мерам для реализации своей воли, которая действенно регулирует поведение других «раздачей и лишением поощрений или созданием ситуаций их ожидания (надежды на поощрение, опасения лишения поощрения)» [Popitz 1992: 129]. Поэтому похвала авторитетного лица имеет свободу модуляций: она может быть милостивой или покровительственной *(Aber Ihre Zeugnisse sind einwandfrei. Sie gefallen mir. Ich stelle Sie zur Probe ein (B-H, 10))*, великодушно сокращать дистанцию между партнерами (*Vielen Dank, Mukai. Wie immer hast du deine Sache gut gemacht (M-S, 259))* или наоборот ее увеличивать, часто она произносится с оговоркой и смешана с порицанием, иногда она настолько амальгамирована с одновременной критикой, что границы между одобрением и порицанием практически неразличимы: *Sie können ja sogar lachen. Freut mich ungemein! (ET-S, 28)* – похвала имплицирует порицание адресата за излишнюю серьезность. Поскольку адресат находится в зависимости от суждения хвалящего, последний получает в свое распоряжение широкий спектр «автократичных» суждений, власть дефиниции.

Похвала при равных отношениях между партнерами. Похвала равностатусного партнера тоже имплицирует ситуативную, «одномоментную» асимметрию говорящего и адресата. Такое «неравновесие» тут же или через какое-то время, как правило, компенсируется и нейтрализуется асимметрией в пользу говорящего. Иначе говоря, речь идет о ситуации крыловских петуха и кукушки – похвала одного предполагает похвалу другого, хваля друг друга, партнеры взаимно повышают статус: *Donnerwetter! Da hast dich aber mächtig ins Zeug gelegt! – Nur zu wenig, wenn ich dich so betrachte. Du siehst hinreißend aus*

(H-M, 285) – похвала равных не принимает демонстративный характер эксплицитного одобрения, она сливается с другой, более слабой формой выражения положительного мнения и оценки партнера – комплиментом. Часто одобрение адресовано партнеру косвенно, при оценке объекта, указывающей на особые умения адресата *Ich weiß ja nicht, wie du das machst. Hast du in der Küche eine Köchin versteckt? (H-M, 288).* Этим на второй план отодвигается важность авторитетного суждения, избегается четкое указание на социальную расстановку сил.

Самопохвала. Самопохвала или оценочный рефлексив (Е.М. Вольф) представляет собой речевой акт, в котором субъект и объект оценки совпадает – говорящий положительно оценивает сам себя: *Frau Winkler! Wenn ich Ihnen so etwas sage, können Sie hundertprozentig davon ausgehen, dass das stimmt. Ich habe schließlich auch meine Ehre. Und wir haben einen guten Ruf, wie Sie wissen! (H-M, 124).* В жизни мы оцениваем себя на каждом шагу, произносим самопохвалу с целью произвести на адресата хорошее впечатление, считая, что другие будут о нас лучше думать. П. Экман рассматривает самопохвалу как один из видов лжи с целью «повысить свой социальный статус, выглядеть в глазах других людей более важным, привлекательным, интересным. Преувеличенный факт куда более привлекателен, чем тот, который реально имел место. В преувеличении всегда присутствует доля правды, но правда приукрашена» [Экман 1993: 87]. Таким образом, цель самопохвалы – улучшить мнение окружающих о себе, произвести впечатление. Кроме того, говорящий пытается компенсировать внешним выражением невысокую реальную самооценку или подтвердить высокую самооценку: – *Ich bin eine ganz schechte Köchin. – Dann mache ich alles selbst. Ich bin ein guter Koch (V-DN, 10)* – ироничная самопохвала уверенного в своих кулинарных умениях говорящего, она является одновременным порицанием адресата высказывания, признающегося в отсутствии таковых; *Ich habe den Besitz gut verwaltet! Wirklich! (F-WZ, 8)* – самопохвала имеет целью убедить собеседника в своем усердии, принесшем, на его взгляд, хорошие результаты.

Поскольку открытая самопохвала порицается, то положительная самооценка выражается чаще всего косвенно и скрыто. При этом совсем не обязательно упоминать себя. *Ein Mann hat eben die Führungsnatur. Das ist gottgegeben. Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in guten Händen (H-M, 128).* Самохвалящий говорит о своих поступках и предметах, о степени сложности какого-то дела, с которым он справился, невзначай называет знаменитостей, с которыми он общается, морализирует и сетует на испорченность мира, осуждает осуждающих, презирает слабых духом и т.д., то есть постоянной квалификацией всего и вся говорящий представляет себя как несгибаемого стража нормы. Себя он представляет очень скромным и кокетничает своей «нормальностью».

Каждая похвала представляет собой в определенной мере самопохвалу, поскольку она, как было указано выше, демонстрирует соответствие говорящего критериям оценки, предъявляемой им к партнеру. Иначе говоря, нет похвалы без самоодобрения. Но ведь конвенциональной является и формула «нет уважения без самоуважения». Так, очевидное самоодобрение часто стимулирует одобрение внешнее и может на него рассчитывать. Самопохвала должна побудить партнера к ответному хвалящему речевому действию: – *Ich bin eine gute Musikerin, gute Geigerin. – Genau. Endlich sagen Sie etwas Positives über sich selbst (C-W, 108).* И все-таки вынужденная ответная похвала значительно менее ценна, так как в ней изначально отсутствует тот важный момент спонтанности и искренности, на которых строятся личные одобрительные отношения.

Полиинтенциональность речевого акта похвалы. Основной интенцией речевого акта похвалы является выражение намерения похвалить, похвала всегда интенциональна. Теоретически можно себе представить случайно, ненамеренно вербализованную похвалу в случае, когда говорящий, положительно оценивая действия адресата, по каким-либо причинам (психологическим, педагогическим и т.д.) желает воздержаться от эксплицирования своей оценки, но его эмоции берут верх и похвала

произносится. В нашем языковом материале таких неинтенциональных высказываний похвалы нам не встретилось, их следует, скоре, искать в педагогическом институциональном дискурсе.

Похвала пресуппозирует одобрение действия или поведения адресата, то есть положительная оценка является важнейшим конституирующим элементом смысла высказывания похвалы: *Gut gemacht, Kleine. Das war gekonnt (K-A, 252)* – говорящий положительно оценивает выполнение данного им адресату задания.

Референциальная система похвалы включает кроме оценки еще и норму. Без отнесенности к субъективной оценочности, с одной стороны, и без опоры на существующие в обществе нормы, с другой стороны, не может быть похвалы. Более того, похвала контурирует ценностные ориентиры, как бы создавая их заново. Конечно, общность оценочных критериев ничего не меняет в основополагающей асимметрии отношений: один оценивает, другой оценивается. Независимо от того, действительно ли говорящий находится в более высоком статусном положении, он своим поведением берет на себя роль компетентного ценителя, «стража» нормы, которой он сам, по его мнению, без сомнений соответствует.

Выражение оценки, в свою очередь, сопровождается выражением комплекса эмоций, от сдержанного одобрения до восторга, оценка как бы «вбирает» в себя соответствующую эмоцию, и параметры оценки и эмоции совпадают: *Es sieht phantastisch aus, Ern! (M-H, 238)* → *Es sieht phantastisch aus und das schätze ich gut ein* – эмоция восторга сопровождает выражение положительной оценки, имплицирующей похвалу. Это есть следствие того, что природа эмоций двуедина: их познавательно-информативные свойства слиты с ценностно-оценочными. Эмоциональные механизмы работают по принципу взаимной оценочно-когнитивной корреляции [Приходько 2004; 12].

Определение похвалы как гармонизирующей коммуникативной ситуации придает первостепенную важность интенции создания атмосферы сотрудничества, доброжелательности, коммуникативной комфортности.

Произнося похвалу, говорящий оказывает воздействие на эмоциональное состояние и ценностные представления адресата, формирует его самооценку: *Und Sie, Herr Wolff – Sie haben eine gute Arbeit geleistet! (H-M, 125).* Положительная оценка сближает партнеров, вызывая у них положительные эмоции. Далее партнеры планируют собственное речевое поведение в соответствии с установкой на коммуникативное сотрудничество.

Высказывание похвалы, как и любое оценочное высказывание, понимается как семантико-прагматический тип, который не только выражает определенное положение вещей, но и передает мысли, чувства говорящего, показывая тем самым связь высказывания с ситуацией. Окказиональными, сопутствующими основной одобрительной интенции коммуникативные намерения не бесконечно разнообразны, они типизируются, поскольку конечно число ситуаций похвалы. Наш анализ позволил выделить следующие ситуативные интенции, сопровождающие основную или порождаемые ей:

– Эксплицитное побуждение к продолжению действия: *Tüchtig, tüchtig, junger Mann! Bloß nicht kleinkriegen lassen! (ET-S, 39).* Приведенное высказывание содержит одобрение поведения адресата – детектива, ведущего расследование происшествия в доме очень состоятельных людей и несколько фрустрированного разговором с высокомерным дворецким. Такая похвала утверждает адресата в правильности своей позиции и стимулирует его к продолжению его деятельности.

– Предположение о впечатлении, которое произведет одобряемое говорящим действие адресата: *Ihr Mädels habt das wirklich toll gemacht, das Krippenspiel wird eine Wucht (C-W, 116)* – похвала касается действий группы детей, готовящих инсценированное представление к празднованию Рождества. Интенсивное эмоциональное одобрение результатов их подготовки и не менее эмоциональное изображение фурора, который, по предположению говорящего, произведет спектакль, заряжает адресатов новой энергией и стимулирует их к еще большему старанию.

– *В*ыражение благодарности за выполненное адресатом действие: *Du bist ein liebes Mädchen (C-W, 62)* – высказывание благодарности всегда следует как реакция на бенефактивное для говорящего и, следовательно, положительно оцениваемое им действие. При разностатусных позициях говорящего и адресата (говорящий занимает супериорную позицию), как в приведенном высказывании, высказывание благодарности, имплицирует, кроме оценки, еще и интенцию похвалы.

– Выражение мнения о возможных последствиях иного поведения адресата (невыполнения им одобряемых говорящим действий): *Das ist sehr klug von dir. Würdest du ihn erpressen, hätte er nur das Gefühl, vom Regen in die Traufe zu kommen (J-K, 70).* Приведенное высказывание являет собой пример организации комплекса интенций в речевых актах похвалы, связанных между собой каузальными или следственными отношениями, в данном случае: *Ich lobe dich, weil du ihn nicht erpresst hast, wenn du ihn erpresst hättest, dann hättest du seine Frust zur Folge.* Говорящий может сопровождать похвалу предупреждением о возможных отрицательных последствиях одобряемого действия, предостережением: *Ein guter Gedanke, Loretta. Nur darf das keiner, absolut keiner ahnen (K-VA, 138).*

– Сообщение говорящего о своей уверенности в наступлении одобряемого положении вещей: *Mein Zuckermäuschen – das ist eine goldige Antwort. Die habe ich dir auch zugetraut (K-VA, 96).* Говорящий утверждает, что не ожидал иного положения вещей, поскольку знает наклонности и способности адресата и может предсказать результат его действий. Противоположным приведенному является высказывание восторженной похвалы, сопровождаемое «раскаянием» говорящего в собственной недооценке возможностей и умений адресата: *Glorreiche Idee, Evertier! Hätte ich Ihnen gar nicht zugetraut! Phantastischer Einfall (ET-S, 20).*

– Ободрение адресата, затратившего большие усилия для достижения одобряемого положения вещей: *Ihr seid alle wie die Champions gefahren. Und ich verspreche euch, dass es das nächste Mal besser geht (M-H, 222).* Посредством

такой похвалы-ободрения говорящий пытается воздействовать на адресатов с целью побудить их к продолжению начатого действия.

– Заверения в уникальности одобряемого действия адресата: *Einfach großartig. So etwas habe ich in Kabuki Aufführungen gesehen, aber noch nie im richtigen Leben (M-S, 457).*

Из сказанного явно, что функционирование похвалы реализует комплексный интенциональный смысл, в котором на ведущую интенцию выражения эмоционального одобрения накладываются прочие.

2.3. Похвала в составе диалогического единства

Реакция на похвалу. Похвала, как и все экспрессивы, представляет собой реактивный речевой акт, которым говорящий оценивает совершенное адресатом действие или его результат. При этом выполненному действию на шкале оценки противостоит его альтернатива – адресат мог действовать иначе; наличие такой альтернативы и является необходимым условием для совершения похвалы.

После идентификации похвалы, определения ее однозначности адресат имеет два пути реагирования на нее: с радостью принять оценку говорящего и поблагодарить его – это самая простая и самая частая реакция на похвалу (– *Dann ist deine sprachliche Leistung beeindruckend <...>. – Ich danke Ihnen, mein Fürst, im Namen meiner Lehrer (M-S, 187)),* – или же попытаться минимизировать действие партнера и снизать квалификативную ценность похвалы, не обращая внимания, например, на ее неритуальный характер и относясь к ней как к формальному комплименту: – *Also wirklich, Mathew, dank Heiko scheinst du ja mit einem Mal viel Verständnis für Japan zu haben. – Wir hatten etwas Gelegenheit zu sprechen (M-S, 401).* При этом адресат помнит о табуировании самопохвалы: поскольку слишком эйфорическое восприятие похвалы граничит с самопохвалой, то конвенции предписывают слабые, темперированные реакции в форме, например, – часто наигранного – удивления, скромного стеснения и выражения благодарности и растроганности:

– Oh, ist Ihr Kaffee gut! – Wirklich? Wirklich? Das hat mir heute Morgen ein Mann gesagt – sonst noch nie jemand. – Er ist wirklich gut (B-KW, 132).

Неконвенциональной реакции на похвалу в виде ее неприятия может быть несколько причин. Возможно, похвала касается положения дел, не имеющего отношения (или имеющего лишь косвенное отношение) к адресату и он не желает приписывать себе чужой успех *(– Das klingt wunderbar. Du spielst mit so viel Gefühl. Die meisten Leute leiern diese schönen Lieder einfach nur herunter. – Ich spiele nur so langsam, weil ich die Noten nicht schneller lesen kann (C-W, 25))*. Возможно, адресат не признает авторитета говорящего. Возможно также, что адресат не хочет довольствоваться похвалой и хочет большего или, наоборот, отказывается от «оваций» из скромности *(– <...> Es ist ein beglückendes Gefühl, wenn Gutes dem Traurigen folgt. Wir zwei haben uns keinen leichten Beruf erwählt. – Die anderen auch nicht, aber wenn man den Beruf als Berufung auffasst wie du. – Psst. <...> ich mag das nicht (V-DN, 57)*. Каковы бы ни были мотивы и констелляции похвалы, она в любом случае маневрирует адресата в ситуацию, которая угрожает его независимости и самостоятельности. Поэтому для сохранения свободы действий и выбора адресат, как бы балансируя на краю, включает в свое «одобрение одобрения» – положительную реакцию на похвалу – определенные сигналы тонко дозированного дистанцирования и минимизации похвалы, Важно при этом учитывать, что реакция на похвалу может концентрироваться не только на намерении похвалить, но и на его пропозициональном содержании, оценочных суждениях и квалификациях.

Реагируя на пропозицию, адресат имеет в своем распоряжении различные возможности релятивации похвалы без открытой резкости в адрес говорящего:

1) он может согласиться с похвалой – в определенных пределах, то есть принять оценку на основе общности оценочных критериев: *– Eine ausgezeichnete Strategie. – Und trotzdem bleibt es ein Spiel <...> (M-S, 305); – Sie sind ein Engel. – Sagen Sie das meinem Mann (M-H, 147)*. Согласие с похвалой не всегда выражено эксплицитно, часто адресат, принимая положительную

оценку, испытывает удовлетворение от признания, подтверждения его успехов и, гордясь собой, комментирует положение дел – основания похвалы: – *Das Polohaus sieht gut aus. Als ob es schon immer da gewesen wäre. – Es ist aus alten Steinen und alten Ziegeln gebaut <...> (M-H, 239)* – похвала архитектору, удачно вписавшему элемент создаваемого им гостиничного комплекса в общую архитектурную «атмосферу» местности;

2) он может модифицировать оценку, либо сдвигая масштабы, либо рассматривая оцениваемый объект – собственные достижения – в другом свете. Первое возможно посредством похвалы-бумеранга, использования высказанной похвалы для ответной хвалы говорящего, его успехов: – *Sie lernen rasch, Fürst Genji. Ihre Aussprache und Ihr Vokabular haben sich innerhalb von drei Wochen erheblich verbessert. – Das Lob gebührt Ihnen, Emily (M-S, 341).* Вторая модификация достижима при оценочном сравнении собственных успехов с успехами и достижениями третьих лиц, выигрывающих при таком сравнении: – *Dein Hieb war gut. Das Rohr blieb einen ganzen Herzschlag stehen, ehe es fiel. – Wenn Großvater zuuschlug, traf er so sauber und rasch, dass das Rohr genze fünf Herzschläge stehen bleib (M-S, 299)*;

3) он может косвенно отклонить похвалу, рассматривая собственный успех или успех третьих лиц в другой системе ценностей, не затрагивая непосредственно оценку говорящего: – *Alle Achtung, Singer. – Warten wir es ab. Wit haben noch keine Resultate. Für keinen von uns (B-S, 92); – Dein Talent und dein Mut haben mich beeindruckt. Am meisten aber hat mir deine Entschlossenheit imponiert <...>. – Ich bin eines solchen Lobes nicht würdig (M-S, 307).*

Может быть отклонена и самопохвала говорящего, что, впрочем, встречается редко, поскольку такая реакция противоречит общепринятым конвенциям вежливого общения и может больно ранить говорящего, ищущего подтверждения своей самооценки. Одним из немногих примеров высказывания-реакции такого рода является следующее: – *Aus dem Axl wird nie ein guter Hotelier, weil ihm das nicht liegt. Mit einem einzigen Fuß bin ich besser wie der mit hundert. – Es schaut aber besser aus (K-S, 79)* – сын хозяина небольшой

гостиницы, потерявший в несчастном случае ногу, желая вернуться к активной жизни и считая себя способным обслуживать гостей, пытается самопохвалой – безрезультатно – обратить на себя внимание отца и вернуть его расположение. Отец соглашается в принципе с положительной оценкой, но находит аргументы, минимизирующие самопохвалу – по его мнению, присутствие калеки может испортить гостям настроение и аппетит.

П о х в а л а к а к р е а к ц и я . Поскольку похвала содержит элемент произвола – говорящий по своему усмотрению решает, хвалить адресата или нет, – то адресату приходится иногда, не дождавшись желаемого «поглаживания», «напомнить» о себе и требующем одобрения положении дел, иначе говоря, «напроситься» на похвалу: *Ach, Willy, findest du die Weihnachtdekorationen an den Fenstern nicht auch wunderschön? (C-W, 27).* Такой стимул для речевого акта похвалы представляет собой вариацию самопохвалы, отреагировать на которую можно только одобрением, иной ответ противоречит конвенциям общения: – *He, das ist gar kein schlechter Slogan, finden Sie nicht? – Bei mir hat es funktioniert. Ich bin am Verhungern (M-H, 153)* – косвенная похвала (*Ja, das ist ein guter Slogan, er hat bei mir funktioniert*) в разговоре специалистов по созданию рекламы появляется как реакция на высказывание говорящего, включающее положительную оценку придуманного им рекламного девиза для пищевого продукта и требование подтвердить эту оценку.

2.4. Формирование смысла речевых актов похвалы

В отличие от комплимента, похвала «не стесняется» быть выраженной прямо, эксплицитно. Напротив, поскольку семантическим центром похвалы является положительная оценка деятельности, выполнения какой-либо работы, умений и качеств, проявляемых в поступках (значение глагола *loben – jmdm. ein Lob erteilen, jmdn. vor anderen anerkennen*), то адресат ждет этой оценки. Ее отсутствие, неэксплицитность приравнивается к порицанию. Более того, похвала одного является одновременно «непохвалой» других, которые часто являются третьими лицами, «публикой», присутствующей при выражении

похвалы, отсутствие похвалы в их адрес еще обиднее, если они имели непосредственное отношение к достижению адресатом его результатов или если их достижения не хуже достижений адресата[60]. Значит, эксплицитное выражение похвалы является «ликоподдерживающим, ликопоощряющим» речевым действием и актуальность экспликации интенционального смысла в нем очевидна.

2.4.1. Формирование интенционального и пропозиционального смыслов речевых актов похвалы. Матричная формула прямого высказывания похвалы совпадает с прототипной структурой комплимента и имеет примерно следующий вид: *Hiermit anerkenne ich auf Grunf des Vergleiches mit den vorhandenen Normen das positive Resultat der Handlungen/Tätigkeit von X und drücke mit meinem Sprechverhalten die Bewertung dieser Resultate aus.* Этот инвариант коррелирует с перформативной формулой (*Hiermit lobe ch dich/Sie und sage...)*, которая лежит в основе любого высказывания похвалы.

Эта перформативная формула может включать не только глагол *loben,* но и его дериваты – прилагательные *löblich, lobenswert (– Ich bin unterwegst zum Tempel in Hamacho, um Opfer für die in der Schlacht gefallenen Ahnen zu bringen. – Wie löblich <...> (M-S, 65); Es ist in der Tat lobenswert, dass Sie aus freien Stücken ein solches Opfer bringen <...>, um unserer Sache zu nützen (M-S, 271)),* существительное *Lob* в сочетании с глаголами *aussprechen, erteilen, singen, spenden, zollen, gebühren: Das Lob gebührt Ihnen, Emily (M-S, 341).* В высказываниях подобно приведенным слово *Lob,* референтом которого выступает адресат, находится в позиции грамматического субъекта и несет основную смысловую нагрузку, а глагол как вербализатор вводит его в предикацию. Выбор такого способа выражения – сочетания номинализации с глаголом – обусловлен специфическими параметрами прагматической ситуации: такая форма похвалы встречается, как правило, в официальном

[60]Верно и другое: не ругать – уже значит похвалить, ведь похвала как прототип символической гратификации знает только одно нестрогое условие: говорящий не только решает, достойно ли достижение похвалы, он оставляет за собой право отказаться от выражения похвалы, даже если он ее принципиально подтверждает. На похвалу можно надеяться, ее можно, возможно, ожидать, но ее нельзя требовать.

общении, при похвале «сверху вниз» и неблизких статусных отношениях, она является показателем высокого стиля и торжественности ситуации.

Выражение интенционального смыслового компонента высказываний похвалы модифицируется включением в предикатную позицию модального глагола *müssen*: *Ich muss Sie loben,* превращая его (иллокутивный компонент) в квазиперформатив. Выражение похвалы является в данной ситуации обязательным, однако обязательность обусловлена не действием социальных конвенций. Скрытый перформатив *Ich muss dich/Sie loben* выступает по отношению к исходной, немодифицированной форме *ich lobe* как более интенсивный способ представления интенции, связанный с вынужденностью говорящего выразить похвалу: адресат настолько хорошо выполнил свои обязательства, что говорящий, даже имея принципиальную возможность выбора – хвалить или не хвалить, не может себе позволить воспользоваться ей: *Ich muss schon sagen, die Überraschung ist euch prächtig gelungen (B-H, 64).*

При всей «откровенности» похвалы высказывания с эксплицитно-перформативной иллокутивной частью встречаются не так часто, как высказывания, состоящие только из пропозиции. Это, однако, не означает ни выхода в доминирующую позицию пропозиционального смысла, ни снижения релевантности интенционального элемента смыслового единства. В высказываниях похвалы с имплицитной представленностью иллокутивной части элементарные смыслы располагаются по-новому, модель «вспыхивает» новыми гранями, нюансами смысла.

«Старания» пропозиционального смысла «пробиться» на первый план проявляются в полной или частичной его экспликации. При этом в похвале, как и в других рассмотренных речевых актах, действует простое референциальное правило: если адресат знает, чего касается оценка говорящего, то достаточно употребления проформы для указания на референцию: *Das hast du gut gemacht*; *Das war weise von dir (M-S, 494).* Во всех других случаях необходимо обеспечивающее референцию расширение: *Du bist ein kluger Junge. Es ist ein schwerer Name und du hast ihn behalten (T-O, 16).* Но даже при вербальной

выраженности пропозиции прагматическая ситуация отводит пропозициональному смыслу только роль фона для совершения речевого акта (хотя, безусловно, справедливо и обратное – без повода нет и похвалы, нельзя хвалить просто так, ни за что). Напротив, интенциональный смысл, даже будучи представлен имплицитно, остается в ряду флагманов актуальных смыслов, поскольку говорящему важна правильная идентификация его речевого действия партнером.

Используя пропозицию как материальную основу для своей реализации, в похвале, как и в комплименте, доминирует эмотивный смысл, особенно его оценочный и реляционный элементы. Эмоциональный смысл находится ближе к периферийной части смыслового поля, поскольку выражение эмоций при реализации похвалы должно быть строго дозировано, нарушение эмоционального равновесия может разорвать тонкую границу между похвалой и лестью или комплиментом.

2.4.2. Формирование эмотивного смысла речевых актов похвалы. Эмотивный смысл похвалы формируется при взаимодействии операторов, являющихся элементами лексико-грамматической оформленности пропозициональной части высказываний, которая включает положительную оценку действий/деятельности адресата, его умений и поступков: *Sie machen das ausgezeichnet (H-M, 90).* Такая оценка выражается посредством двучленных предикатов – глагола, называющего выполненное/выполняемое действие, и обязательно сочетающегося с ним оценочного компонента, выраженного наречием: *Das klingt wunderbar. Du spielst mit so viel Gefühl (C-W, 25)* или сравнительной формулой: *Ihr seid alle wie die Champions gefahren (M-H, 222).* Наиболее популярным в этой группе является глагол *machen*, являющийся обобщенным называнием действия/деятельности вообще. Употребление этого глагола в речевых актах похвалы превратилось в своего рода клише, формулу одобрения: – *Wie hast du das geschafft? – Ein bisschen Drohung, ein bisschen Erpressung... – Gut gemacht (J-K, 165).*

Похвалой оценивается умение адресата наблюдать (*Ausgezeichnet beobachtet, Bruder Mathew (M-S, 37)*), умение общаться, вовремя сказать нужные слова (*Wohl gesprochen, gute Bauernfrau (M-S, 127)*), умение продумывать свои действия (*Wohl gedacht, Mann! (H-S, 371)*). Обращает на себя внимание факт, что в приведенных высказываниях речь идет о ретроспективном взгляде на уже выполненное действие, поэтому оно называется в форме причастия прошедшего времени. В таких высказываниях видно, кроме того, проявление закона языковой экономии: факт, что говорящий обращается непосредственно к адресату, делает избыточной специальную референциальную отнесенность, обычно выражаемую грамматическим субъектом в форме личного местоимения: *Gut gemacht, Matzuoki (M-S, 304) = Das hast du gut gemacht, Matzuoki.* В результате такие синтаксические структуры тоже становятся моделированными, заполняемыми различными лексемами в зависимости от ситуации. Однако интересно заметить, что отсутствие референциальной отнесенности всегда компенсируется включением в высказывание обращения как прикосновения словом. Обращением говорящий приближает себя к адресату, уменьшает ситуационно-статусный разрыв между собой и партнером.

Случай еще более свернутой пропозиции представляет собой структура, состоящая только из оценочного наречия, называние самого действия, как и называние субъекта и объекта оценки имплицированы: *Ausgezeichnet, Dame Heiko (M-S, 366); Ganz hervorragend, mein lieber Bert (M-H, 290); Brav so, mein Kleiner (K-A, 257); Überzeugend, Mike, sehr überzeugend (B-S, 237).* Подобные свернутые структуры очень «чувствительны» к элиминации обращения и к включению дополнительных элементов, которые обязательно вносят в высказывание новые смысловые оттенки: например, слово *wie* при отсутствии обращения превращает похвалу в ироничное замечание *Wie erfolgreich! (J-K, 78)* ← *Sehr erfolgreich, Mark!*

Напомним еще раз, что оценка говорящего в похвале субъективна. Все употребляемые в похвале оценочные наречия – общеоценочные (*ausgezeichnet,*

hervorragend, gut) или частнооценочные, оценивающие конкретные, частные аспекты действий и поступков (*erfolgreich, brav, überzeugend),* – выражают не безличную оценку, не общее мнение, разделяемое говорящим (хотя оно, безусловно, играет роль нормы, с которой сравнивается оцениваемый результат). Они выражают скорее собственное, субъективное мнение говорящего, которое совпадает с общим. То есть при выражении похвалы важно правильно расставить приоритеты: для адресата играет роль не положительная оценка в принципе, а положительная оценка, исходящая именно от говорящего, как *Ich lobe dich, weil ich finde, dass du die Sache gut gemacht hast und das entspricht meinen Erwartungen und den Erwartungen der anderen (übertrifft sie)*. Краткий вариант такой субъективной эмоциональной похвалы представляет собой восклицание *bravo*, являющееся эквивалентом аплодисментам: – *Ich weiß mich zu wehren, Herr Doktor. Ich habe ein Jahr lang auf einer Männerstation praktiziert. Da lernt man alle Kniffe. – Bravo! (K-A, 45).*

Прилагательные и существительные как операторы порождения эмотивного смысла. Употребление оценочных существительных и прилагательных – в функции определения или предикатива – не отличается сколько-нибудь от идентичных им средств выражения эмотивного смысла в комплименте, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться, ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Прилагательные находятся на периферии средств выражения оценки в речевых актах похвалы, наиболее частотными из них являются частнооценочные *klug, fleißig, tüchtig, brav*, положительно квалифицирующие прилежание, способности и умения адресата: *Ich bin mit Walter und Elke verabredet, wir wollen die dritte Szene noch einmal durchgehen. Irgendwie habe ich da immer einen Hänger. – Fleißiges Mädchen (J-K, 141; Braves Mädchen, Ginnamon. Ganz braves Mädchen (M-S, 350).* Разумеется, названными прилагательными не исчерпываются возможности выражения частной оценки в похвале, палитра встречающихся нюансов оценки достаточно разнообразна; она расцвечивает, выделяя вниманием, разные аспекты физической и

ментальной деятельности адресата – от суждений до морально-нравственных качеств и способностей: *glorreich (Glorreiche Idee, Evertier! (ET-S, 20)), goldig (<...> das ist eine goldige Antwort (K-VA, 96)), gesund (Eine gesunde Einstellung (M-S, 196)), treu (Ihr seid treue Gefolgsleute eines selbstlosen Freundes (M-S, 453), wirklich (Jetzt wirst du eine wirkliche Musikerin (C-W, 159)), richtig (Du hast mal wieder den richtiger Riecher gehabt, mein Alter (B-H, 60)).*

Высокая степень похвалы выражается прилагательным *stolz*: *Mac-Rivera, Sie haben eine gute Arbeit geleistet. Das FBI kann stolz auf Sie sein (FL-S, 176).* Его употреблением говорящий не только оценивает достижения адресата по шкале «хорошо»-«плохо», но и подчеркивает бенефактивность этих достижений для самого говорящего или лиц, которых он представляет, перенося таким образом центр значимости с адресата на себя (*Ich bin stolz auf dich*) или на другое авторитетное лицо, от имени которого произносится похвала и которое, как в приведенном высказывании, имеет отношение к успехам адресата. Перенос центра значимости в высказываниях с прилагательным *stolz* может быть удобным средством самопохвалы: *Ich glaube, mein Mann kann immer noch stolz auf mich sein (J-B, 54)* – положительная самооценка усилий говорящего по уходу за собственной внешностью. Такая стратегия (косвенной самопохвалы) уводит самого говорящего (=адресата) в тень и выводит на передний план лицо, в целях которого прилагаются усилия, подчеркивается бенефактивность действий говорящего для этого лица.

Общеоценочные прилагательные (*gut, wunderbar, großartig*) встречаются реже: *Du warst eine wundervolle Maria. Als du sangst, sind mir richtig die Tränen gekommen (C-W, 175).* Они положительно квалифицируют образ мыслей:*; Eine ausgezeichnete Strategie (M-S, 305);* результат действий адресата (например, приготовленное блюдо): *Ein vorzügliches Früstück (H-S, 304).*

Обобщение наблюдений над особенностями выражения эмотивного смысла в похвале оценочными прилагательными и оценочными наречиями при глаголах, называющих выполненное действие, приводит нас к логическому выводу о причинах в различии частоты употребления частнооценочных и

общеоценочных средств: средства выражения частной оценки дифференцируют нюансы похвалы, конкретизируют ее повод, что увеличивает ценность похвалы, сигнализирует особое внимание говорящего – ведь он не «отделывается» универсальным «*gut*» или клишированным «*gut gemacht*», которые несколько нивелируют индивидуальность адресата, уникальность его достижений; он дает себе труд выделить и эксплицитно подчеркнуть экстраординарность адресата.

В самопохвале прилагательное констатирует довольство говорящего по поводу результата выполнения адресатом похвалы (=говорящим) действия, его соответствия ожиданиям: *Ich bin mit mir selbst zufrieden (K-M, 25).* При этом прилагательное может употребляться в компаративе для выделения и положительной оценки собственных умений: *Es ist mir egal, wie fähig und tüchtig die Mitglieder Ihrer Spezialeinheit sind – ich bin besser (B-S, 209).*

Существительные как смыслопорождающие операторы представлены скорее маргинально, они функционируют, как правило, во вторичной – метафорической – номинации: *Supermaus, Goldjunge, Schatz, Engel*: *Du warst ein Schatz (C-W, 115); Bist doch ein Goldjunge (K-VA, 68); Sie sind ein Engel (M-H, 147).* Невысокая частотность употребления таких существительных может, на наш взгляд, объясняться высокой степенью их эмоциональности, имплицирующей очень теплое субъективное отношение к адресату. Похвала же как акт публичного одобрения имеет личностную границу, нарушение которой вызывает недоумение, если не порицание. Такая эмоциональная похвала уместна только в общении близких людей, тогда существительное положительной оценки может легко переходить в разряд комплиментарных вокативов, сочетаясь с эксплицитной похвалой, выраженной другими средствами: *Mein Zuckermäuschen – das ist eine goldige Antwort (K-VA, 96).*

Синтаксические операторы порождения смысла в речевых актах похвалы. Синтаксические структуры также являются многофункциональным средством выражения различных элементов единого смысла. Их небольшой арсенал в похвале несколько разнообразится эллиптическими вариантами, а также

повторами, увеличивающими оценочную плотность высказывания: *Tüchtig, tüchtig, junger Mann! (ET-S, 39); Prächtig, mein Lieber, prächtig! (M-H, 238).* Для выражения особенно эмоциональной похвалы, в которой эмоции преобладают над рациональной оценкой, используются идиоматичные структуры *Hut ab! Alle Achtung! Meine Hochachtung!: Hut ab, Frau Winkler, Hut ab! Sie können sich auf mich verlassen! (H-M, 252); Alle Achtung, Singer (B-S, 92).* Эти формулы являются удобным, подходящим к любой ситуации средством выражения одобрения действий, поступков адресата; сильным, оказывающим большое воздействие на адресата, несмотря на свою клишированность. В них нет снисходительности, покровительственности, как во многих «педагогизированных» ситуациях; они содержат элемент «обезоруженности» – искреннего, неподдельного восхищения неожиданным для говорящего результатом действий адресата.

Таким же клишированным является моделированное образование *Das nenne ich...!*, заполняемое различными лексемами – оценочными и нейтральными, например: *Das nenne ich pünktlich (B-H, 16).* Высказывания, построенные по данной модели, как бы устанавливают новую норму, новый образец, на который следует равняться всем, который «затеняет» все прежние достижения.

Интенсификация эмотивного смысла. Являясь показателем эмоционального психологического состояния (довольства, радости по поводу успешного состояния указанного в пропозиции положения дел), похвала может измеряться количественно, выражаться с большей или меньшей степенью интенсивности. Интенсивность содержится, в первую очередь, в семантике самих оценочных компонентов высказывания: прилагательные *glorreich, phantastisch, ausgezeichnet, vorzüglich* и т.п. выражают значительно более интенсивную положительную оценку по сравнению с нейтральным *gut.* Интенсивность похвалы увеличивается, кроме того, показателями степени *sehr, ganz: Das war sehr klug (J-K, 125)*; *Ganz hervorragend, mein lieber Bert (M-H, 290),* при этом усилительное наречие *ganz* с значением *voll, völlig, vollkommen*

[Wahrig] является, в свою очередь, более интенсивным чем частица *sehr (in hohem Grade, stark, heftig* [Wahrig]*).* Лексические показатели высокой степени интенсивности эмоционального состояния говорящего часто поддерживаются синтаксическими как повтор, например: *Ausgezeichnet, ganz ausgezeichnet (M-S, 295).* Такое «нагромождение» средств выражения интенсивности похвалы (в приведенном примере – семантика оценочного наречия, усилитель *ganz*, повтор) противоречит всем правилам языковой экономии, но именно такая избыточность и позволяет выразить не-нейтральное отношение говорящего к обсуждаемому положению дел.

Действенным лексическим средством повышения интенсивности похвалы является словосочетание *wie immer*, обозначающее постоянство признака во времени, как бы неизменное соответствие действий адресата норме, стандарту: *Vielen Dank, Mukai. Wie immer hast du deine Sache gut gemacht (M-S, 259).* Вынося указанный интенсификатор в начало высказывания, говорящий фокусирует на нем внимание, стимулирует таким образом желание адресата быть одобренным и в дальнейшем; такая похвала является хорошим примером мудрой стратегии высокостатусного собеседника поддерживать своеобразный психологический «голод», зависимость адресата от похвалы. Парис Р. сравнивает такую похвалу харизматичного руководителя с воронкой, из которой, попав в нее однажды, трудно выбраться, она становится порой причиной развития подчиненным неожиданной энергии [Paris 1998: 172].

Поскольку избыточная похвала приводит порой к ее инфляции, обесцениванию, лишению ее правдоподобности, то для убеждения адресата в объективной значимости достигнутых им успехов, для профилактики тривиализации похвалы говорящий использует модальное слово *wirklich*, подчеркивая соответствие положения дел норме*: Ihr Mädels habt das* <u>*wirklich*</u> *toll gemacht, das Krippenspiel wird eine Wucht (C-W, 116).* Такую же функцию выполняет модальная частица *doch*, убеждающая адресата в искренности речевого действия: *Bist doch ein Goldjunge! (K-VA, 68).*

Дополнительную эмоциональную нагрузку получает высказывание с инверсией – вынесением сказуемого в эмоционально детерминированную препозицию к подлежащему: *Oh, ist Ihr Kaffee gut! (B-KW, 132).* Такая синтаксическая эмфаза в сочетании со специальными интонационными средствами придает выражаемой оценке особую выразительность и эмоциональность, повышает эмоционально-оценочную «плотность» высказывания.

2.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний похвалы. Несмотря на несомненное преимущество эксплицитной прямой похвалы, обусловленное ее сутью – недвусмысленно выразить одобрение деятельности адресата, – встречаются, хотя несравненно реже, косвенные стратегии при выражении смысла в речевых актах похвалы. Они не отличаются внешне от соответствующих стратегий комплиментарного общения (хотя имеют иную природу), поэтому мы ограничимся лишь иллюстрацией их функционирования в рассматриваемом дискурсе.

Примером стратегии изменения референциальной соотнесенности объекта похвалы может служить следующее высказывание, в котором старший брат хвалит сестру за смекалку, не направляя похвалу непосредственно адресату, а обращаясь как будто к присутствующей публике, декларируя его (ее) положительные качества: – *Ich verstehe, niemand soll erfahren, wer der gutaussehende Verwalter ist. Habe ich recht? – Ich habe eine kluge Schwester (B-H, 7).* Такая отстраненность, создавая внешнюю объективность, является более интенсивным средством положительной оценки и похвалы.

Конкретная референциальная отнесенность субъекта оценки также может заменяться на обобщенно-неопределенную, часто в высказываниях самопохвалы: *Ja, ja. Ein Mann hat eben die Führungsnatur. Das ist gottgegeben. Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in den guten Händen (H-M, 128)* – высказывание говорящего, дискриминирующее, кстати сказать, адресата-женщину, включает положительную оценку экстраординарных, по его мнению,

умений руководить, данных мужчине природой, богом. Поскольку он явно относится к категории мужчин, то он априори приписывает эти умения и себе – смысл, который легко эксплицируется при трансформации второй части речевого акта: *Sie werden schon sehen, Frau Winkler, Ihre Firma wäre in den guten Händen, wenn Sie sie mir verkaufen würden – ich bin doch auch ein Mann und ich habe auch die Führungsnatur, sie ist mir auch gottgegeben.*

Референтная отнесенность в косвенной похвале может переноситься с адресата высказывания – исполнителя определенного действия на само действие, констатацию его удачного завершения: *Ein gelungener Abend, mein Junge! Sabine ist glücklich, und auch Veronika akzeptiert dich (K-A, 138)* – похвала адресована низкостатусному молодому человеку, не упавшему лицом в грязь во время приема в доме высокопоставленных богатых особ. Вариантом такой замены референтной отнесенности является просто называние положительных последствий, которые, по предположению говорящего, могут быть вызваны одобряемым действием адресата: *Die heilige Mutter Gottes wird sehr froh sein, dass du sie spielst (C-W, 739)* – похвала ребенку за исполнение роли девы Марии в рождественском спектакле, положительная оценка эксплицируется при разворачивании высказывания: *Die heilige Mutter Gottes wird sehr froh sein, dass du sie spielst, weil du sie sehr gut spielst.*

Косвенной стратегией похвалы является похвала посредством порицания, «как бы» отрицательной оценки действий, поведения адресата: *Du bist als Arzt doch sowieso abartig veranlagt, Günter. Du willst deine Patienten heilen, statt sie dir gewinnbringend krank zu erhalten (J-K, 49)* – порицая действия, приносящие социальную пользу, но не доход адресату, говорящий одобряет действия адресата. Таким образом, поведение адресата, отличающееся от поведения большинства представителей оцениваемой категории, получает противоположную квалификацию. Сообщить человеку о том, что его поступки и качества контрастируют с отрицательными поступками и качествами других людей, значит вынести оценку хорошо, указать партнеру по коммуникации на

общность его действий с нормой, которая всегда ограничена по сравнению с бесконечным многообразием явлений, маркированных знаком «минус».

Косвенная похвала может быть направлена на действия, противопоставляемые другим возможным (оцениваемым скорее отрицательно) действиям: *Wenn das mehr von uns so sehen würden, wäre die Geschichte Japans weniger grausam verlaufen, als bisher (M-S, 156).*

Другая косвенная стратегия похвалы – называние действия без его явного оценивания. Как правило, при этом называются действия, которые положительно оцениваются социальными конвенциями, потому и не требуют специального выражения оценки: *Du hast die Nation gerettet! (M-S, 177)* – подвиг во имя Отечества всегда оценивается положительно и поэтому простая декларация его совершения уже является похвалой.

В качестве похвалы функционируют дескриптивные высказывания, если есть стандарты, критерии суждения об описываемом положении дел, и если можно исходить из того, что партнер разделяет эти стандарты. Если говорящий использует дескриптивное высказывание *Ganz schön stark heute [Kaffee]. Er könnte ja Tote aufwecken (J-K, 40)* для выражения похвалы, то он предполагает, что адресат, владея соответствующим стандартом, нормой (*Guter Kaffee soll stark sein*) воспримет его высказывание как дескрипцию, соотнесет ее со стандартом и сделает оценочный вывод (*Der Kaffee ist heute gut, weil er ganz schön stark ist, wie ein guter Kaffee eigentlich auch sein soll. Ich lobe dich und danke dir für den Kaffee*). Еще подобный пример: *Du hast die Gesellschaft ganz schön durcheinander gebracht (K-A, 138)* – дескриптивное высказывание, констатирующее факт недоуменного замешательства присутствующих на богатом приеме гостей, является похвалой адресату – приглашенному на этот прием бедному горняку, не стесняющемуся своего происхождения (скорее гордящемуся им), свободно, «не прогибаясь», высказывающему свое мнение. В пресуппозиции этого высказывания находится общность взглядов обоих партнеров – тот самый стандарт, на основе которого адресат делает

инференциальный вывод о положительной оценочности приведенного высказывания.

Выражение положительного отношения к адресату также является показателем похвалы, ведь положительное отношение к адресату возникает часто в связи или благодаря его умениям, способностям, качествам: *Ich freue mich um so mehr, dass du von allein auf den Gedanken gekommen bist (B-H, 60).* Употребляясь в сочетании с дескриптивным высказыванием, содержащим косвенную похвалу, выражение положительного отношения увеличивает интенсивность этой похвалы, являясь своего рода эмоциональным средством увеличения «плотности» содержания: *Sie können ja sogar lachen! Freut mich ungemein! (ET-S, 28).*

Примечательно, что все приведенные примеры косвенной похвалы относятся к разряду косвенных речевых актов неконвенционапьного характера, сохраняющих свое основное интерактивное содержание. По-видимому, имплицитность в сфере похвалы вызвана не столько желанием автора квалификации представить свое мнение в скрытой, непрямой, некатегоричной форме, сколько возможностью реализовать две и более интенции, различные нюансы эмотивного смысла одновременно, передать максимальный объем содержания с помощью минимальных языковых затрат. Тот факт, что язык не вырабатывает стандартных форм, специализирующихся на выполнении вторичной стимулирующей функции, подтверждает отсутствие устойчивой корреляции между понятиями имплицитность и похвала.

* * *

Наблюдения над формированием смысла речевых актов похвалы позволяют сделать следующие выводы. Похвала, несмотря на ее близость комплименту, представляет совершенно иную композицию элементарных смыслов в единстве. Парой доминант в ней выступают интенциональный и эмотивный смыслы, причем последний четко актуализирует только две из своих составляющих – выражение оценки и отношения говорящего к партнеру, теплого, отеческого или статусного, снисходительно-одобряющего.

Пропозициональный смысл – несмотря на свою эксплицированность – является лишь фоном для совершения речевого действия для похвалы, а выражение эмоций является редким и скорее шаблонным, что обусловлено социальными конвенциями общения. Эти два элементарных смысла находятся в периферийной части смыслового целого,

3. ИНВЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

1.1. Инвектива как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Речь является продуктом социальной жизни человека и определяется социальными правилами или социальными конвенциями, следование которым приводит к запланированному адресантом для реализации своих невербальных целей результата. Отказ от соблюдения социальных правил свидетельствует о том, что адресант использует ситуацию коммуникативного контакта в особых прагматических целях, определяемых иллокутивным содержанием сообщения. Такой прагматической целью может быть социальная дискредитация субъекта посредством адресованной ему инвективы (англ. *invective* – обличительная речь, брань) – высказывания, воспринимающегося в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного.

Инвективе предшествует (грубое) нарушение адресатом правил поведения или норм частного или общественного сосуществования людей (намеренных, например, грубом толчке, невежливом поведении на дороге, неприемлемом нарушении тишины; или случайных: повреждении чего-то ценного, непонимании явного, лежащего на поверхности положения вещей, неспособности выполнить простую работу). Это нарушение говорящий рассматривает как ущемление его интересов или прав и испытываемое им в этой связи возмущение приводит его в состояние аффекта, рождает у него намерение изменить речевую ситуацию посредством высказываний, содержанием которых является оскорбительная оценка поведения адресата и попытка снижения его авторитета.

Важным ситуативным условием совершения инвективного речевого акта является личное присутствие адресата оскорбления при его вербализации, причем он может быть не адресатом речевого акта, а третьим присутствующим при разговоре лицом. Формально такое высказывание является оценочным речевым актом (*Georg war oimmer ein Idiot. Ein nutzloser Schwächling (R-L, 197); Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kroppzeug in meinem Laden sein! (T-G, 13))*, однако именно его стратегический характер, учитывающий присутствие обсуждаемых лиц, и намеренный выбор инвективных лексем *(Idiot, Schwächling, Luftverpester, Kroppzeug)* индицируют инвективную интенцию. На наш взгляд, шокирующая роль инвективы, обращенной к третьему лицу, ничуть не меньше, чем в случае прямого оскорбления.

Исследователь социального аспекта речевого взаимодействия К. Адамчик рассматривает оскорбление третьего лица, присутствующего при разговоре как провокацию, на которую партнер может отреагировать следующим образом: *Was sagst du da? / Sagst du das zu mir? / Sag das nochmal! / Scheißkerl!* [Adamzik 1984: 293]. Высказывание как *Scheißkerl!* показывает наличие прямого перлокутивного эффекта, оно переводит интеракцию в категорию инвективной дуэли. Адресат в этом случае находится в невыгодном положении, поскольку он первым совершает речевое действие прямого оскорбления. Высказывания же типа *Was sagst du da? / Sagst du das zu mir? / Sag das nochmal!* являются требованием к первичному говорящему произнести прямое оскорбление, целью которого является, возможно, интуитивное желание адресата не стать самому инициатором конфликта.

Оскорбление отсутствующего объекта в присутствии слушающего представляет собой отрицательный оценочный речевой акт, говорящий имеет намерение убедить адресата высказывания в своей точке зрения: *Dieser Mann ist ein absoluter Ekelpaker (G-T, 362)*. Перлокутивный эффект (чувство оскорбленности у адресата) не наступает и реакция оскорбленного объекта не следует, если только объект оценки не является близким человеком для

слушающего (адресата или присутствующего третьего лица). В таком случае слушающий может потребовать обоснования оценки и в случае ее необоснованности или недостаточной обоснованности адресат высказывания может превратиться в адресата оскорбления, как в следующем примере, где говорящий, обращаясь к сыну, неуважительно отзывается о дочери присутствующего при разговоре директора своего предприятия, чем наносит ему невольное оскорбление и вынужденно извиняется: – *Belogen hast du mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibstücks... – Halt! Sie sprechen von meiner Tochter, Herr Holtmann, vergessen Sie das nicht! – Verzeihung, Herr Direktor! (K-A, 104)*).

Если говорящим одержана моральная победа над адресатом и тот испытывает чувства унижения, оскорбления, обиды, эмоции гнева, то восприятие этого перлокутивного эффекта оказывает обратное воздействие на инвектанта: в нем растет чувство самолюбия, удовлетворения, он освобождается от напряжения или внутреннего возбуждения. Другими словами, инвективный речевой акт является, с одной стороны, способом «выпустить пар», освободиться от отрицательных эмоций, а с другой стороны, он призван оказать определенное перлокутивное воздействие на адресата – унизить, эмоционально подавить его. Попытка реализовать такую прагматическую цель искажает исходную форму коммуникации: инвективный речевой акт предполагает форму коммуникативной конфронтации вместо формы коммуникативного сотрудничества.

Отличия инвективы от смежных речевых актов. Инвективный речевой акт следует отличать от брани как акта спонтанного выражения отрицательных эмоций, когда говорящий пытается снять испытываемый им стресс употреблением непристойных слов, достигая эмоционального катарсиса (*Scheiße! Mist!*), или от ругательного порицания – выражения своего негодования или недовольства, всегда направленного на определенный объект (*Halt den Maul! Halt bloß den Maul und misch dich da nicht ein! (L-T, 118))*. Инвектива реализует намерение говорящего эмоционально

дискредитировать адресата, именно намеренность речевого действия оскорбления отличает инвективу от всех других агрессивных речевых актов.

Инвективные речевые акты следует отличать и от собственно оценочных суждений. Отрицательное оценочное суждение носит преимущественно рациональный характер, оно претендует на то, чтобы быть истинным, и реализует интенцию убедить адресата в этой истинности. Инвектива же является скорее эмоционально, а не рационально мотивированной дискредитирующей оценкой и выражает определенный тип действия, интенцией которого является достижение желаемого ментального состояния адресата [Motsch, Viehweger 1981: 7].

3.2. Функционирование и варьирование инвектив

Инвектива как прием коммуникативного давления не признает статусных различий, социально-иерархическая дифференциация нивелируется аффектом говорящего, «затуманивающим» его коммуникативную перспективу. Поэтому при рассмотрении вариаций инвективного речевого акта релевантностью обладают иные аспекты его функционирования, не поддающиеся объединению единым критерием и называемые в дальнейшем в свободном порядке.

С а м о и н в е к т и в а . Нарушенная социальная самоидентификация языковой личности, как правило, вследствие совершения некоторого социально осуждаемого действия, приводит к эмоциональному катарсису в виде самооскорбления – иллокутивно самоубийственного речевого действия как *Ich alter Idiot!* Исследователь психологической стороны агрессии Х. Грабер [Graber 1991: 67] считает, что такие суицидные речевые наклонности коммуникантов заложены в самом генезисе агрессии, которая при разделении субъекта и объекта делится на компоненты, направленные на окружающих (садизм) и на себя самого (мазохизм).

Признавая произнесением самоуничижительного высказывания свою ошибку или вину, говорящий (=адресат) испытывает искреннюю потребность дискредитировать себя перед другими. Но если у адресата инвективного

высказывания ментальное состояние подавленности наступает в результате его произнесения, то в случае совершения речевого действия самооскорбления мотивом является именно аффективное состояние «самоинвектанта». Причиной совершения акта вербального самобичевания является, вероятно, убеждение, что таким способом возможно устранение негативного положения вещей, ставшего поводом для самоинвективы. Или говорящий=адресат, действительно нанесший некий вред слушающему или нарушил правила общепринятого поведения, хочет превентивно удовлетворить желание «потерпевшего» дискредитировать своего невольного обидчика (значительно легче произнести обидные слова в свой адрес, чем услышать их от других): *Ach, wir Arschlöcher, wir (W-K, 57); O ich Esel! Ich alter Esel!* (*G-D, 380).*

Фиктивная инвектива. При коммуникации в кругу друзей проявляются другие аспекты и функции инвективного речевого акта. Неофициальная коммуникация, близкие дружеские отношения коммуникантов, которые рождают нетрадиционные креативные формы высказываний, являются условием и причиной окказиональных трансформаций инвективной лексики в нейтральную или мелиоративную. С. Бурген считает инвективу как «дружеское подтрунивание» признаком всех человеческих сообществ: «все люди склоняются к выражению родственных или интимных отношений посредством нарушения вербального табу» [Burgen 1998: 30] и указывает на то, что в ряде культур шутливые оскорбления даже ритуализованы, подчиняются определенному образцу. Примером функционирования фиктивной инвективы может служить речевой фрагмент – *Jetzt gehe ich in die Kirchn, bevor es dunkel is und Nachtmahlzeit. Soll ich für dich betn? – Danke gleichfalls. – Freche Luder (K-M, 18)*, ее адресат не воспринимает ее как оскорбления, поскольку понимает, что она произносится не с инвективной интенцией, а представляет собой дружеское подшучивание.

Условиями для успешного совершения фиктивного инвективного речевого акта (отсутствие перлокутивного эффекта оскорбления у адресата) являются – кроме близких отношений между коммуникантами – их общие

фоновые знания о системах ценностей, чертах характера и реакциях партнера. При таких условиях адресат распознает интенцию говорящего и соответственно интерпретирует высказывание: – *Bäh, deine Smokinghose ist total zerknittert! – Aas! <Wer dich in meiner Begleitung sieht, wird genau wissen, warum sie so zerwühlt aussieht> (K-A, 249).*

Интересен случай, когда инвективная лексика используется в качестве ласкательных слов в общении близких, влюбленных в интимных ситуациях: – *<...> Ich heiße Diane. Du aber, mit deinen Lippen, nenne mich Hure, ausdrücklich. – Du süße Hure! Süße Diane! – Nein, sag 'du Hure'! Lass mich meine Erniedrigung so recht im Worte kosten (M-BK, 443);*

– *<...> Hätt ich einen Strich bei meiner Schwester, wenn ich nicht der Bruder sein tät. – Du Sau (K-MM, 13).*

Инвективы, функционирующие в качестве ласкательных слов, интересны как с психологической, так и с лингвистической точки зрения. Их близость объясняется, вероятно, тем, что и те и другие служат аффектам: говорящий находится и в той и в другой ситуации в состоянии большого возбуждения. Из этого следует вывод, что прагматический аспект в таких высказываниях доминирует над понятийным. В.И. Жельвис называет фиктивные инвективы сложнознаковыми словами, считая, что в них сохраняется отрицательное бранное значение, на которое накладывается дополнительный положительный смысл [Жельвис 2001: 100], они мирно сосуществуют, пусть в разных пропорциях: *Du bist gemein wie ein Schuft, aber ich mag dich auch als Schuft.* Возможно, явление фиктивной инвективы целесообразно отнести к особым случаям энантосемии – развития в слове антонимических значений, присутствующих в словоупотреблении одновременно, которые в нашем случае, используя термины А.А. Леонтьева [Леонтьев 2007: 178], можно назвать сознаваемым объективным значением (отрицательное) и значением для субъекта – личностным смыслом (положительное). Очевидно, многозначность слова обеспечивается высокой степенью его эмоциональной нагруженности,

которая помогает конденсировать несколько индивидуальных оценок и отношений.

Инвектива как «театральное громыхание». Следует указать еще на один вид инвективного речевого акта – когда говорящий оскорбляет адресата не в состоянии аффекта (гнева или плохого настроения), а для того, чтобы показать посредством употребления инвектив свою силу, доминирующее положение. Ф. Кинер [Kiener 1983: 134] называет такой вид инвектив «театральным громыханием». Интенция говорящего нацелена скорее на риторическое воздействие, чем на освобождение от отрицательных эмоций или оскорбление адресата. Говорящий (ситуативно) занимает более высокую статусную позицию, чем адресат: *Am Ende bist du? Kein Mensch ist am Ende, bevor Gott ihn nicht richtet. Du elender Herumsäufer, du Saufsack, du Schnapsfaß, du Bierkeller, Neigenschlucker, du Spritflasche! Deine Seele schwimmt in Schnaps. Der Schnaps wird dir zu den Ohren herauslaufen. Als Feuerzeug und Fackel wird dich Gott am Jüngsten Tag benutzen (S-B, 138).* Адресат играет роль публики, к которой направлен монолог актера (говорящего). Он понимает театральность таких инвектив и получает даже удовольствие от этих экспрессивных высказываний. Так оскорбления стилизуются, по Кинеру, в искусство и получают оттенок шутки и игры, особенно для третьих лиц [Kiener 1983: 135]. Этот аспект инвективы в немецком языке показывает также этимология немецкого глагола *schimpfen*. Он происходит от древневерхненемецкого глагола *scimphen* и средневерхненемецкого глагола *schimphen*, которые означают *scherzen, spielen, verspotten* [Duden 1989: 1319].

Гендерный аспект инвективы. Красноречивы и достаточно разнообразны мужские и женские инвективные предпочтения, вопрос о которых достоин отдельного, более подробного рассмотрения. Рамки нашего обзорного анализа позволяют нам только констатировать, что инвективы, обращенные мужчине, встречаются почти в 7 раз чаще, чем инвективы, обращенные женщине. Женщины и мужчины предпочитают, как правило, разные оскорбления в отношении своего или другого пола. По нашему

языковому материалу, при оскорблении женщины представителями мужского и женского пола предпочитается слово *Luder*, при оскорблении мужчины мужчиной первые три места по количеству использований занимают *Idiot, Schwein, Narr*), мужчины женщиной – *Idiot, Hund, Feigling*. Не претендуя на всеохватность и детальность, представим гендерную модель оскорблений, по данным которой оскорбления в адрес женщин затрагивают следующие особенности этого пола:

– сексуальная распущенность (*Hure, Luder*);

– несоответствие внешности любовным притязаниям (*lebender Lift, Vollreiflese, Nymphomanin*);

– коварство (*Miststück, Satansweib*).

Оскорбления в адрес мужчин подразумевают:

– недостаточную мужественность, слабохарактерность (*Scheißer, Wurm, Feigling, Schwächling, Jammerlappen, Fettsack, Arschkriecher, Schlappschwanz*);

– умственную несостоятельность (*Idiot, Narr, Blödmann, Rindvieh, Esel, Spinner, Dummkopf, Depp, Trottel, Holzkopf*);

– неискренность и подлость (*Drecksker*l, *Mistkerl, Saukerl, Drecksack, Schuft, Schwein, Sau, Hund, Aas, Lügner, Lump, Teufel*).

Как видим, основное место в оскорблениях одного пола другим занимает негативная оценка поведения или характера, что опровергает точку зрения В.И. Жельвиса, который называет основным поводом гендерных инвектив «сексуальность в самых различных ее проявлениях» [Жельвис 2001: 69]. Из этого следует вывод, что нельзя строить полоразличительную модель оскорблений только на понятиях сексуальности, привлекательности и остроте восприятия, поскольку эти понятия не определяют всего многообразия отношений между мужчиной и женщиной и ситуаций, становящихся поводом для совершения инвективного речевого действия.

Полиинтенциональность инвективы. Анализ фрагментов дискурса, содержащих инвективные высказывания, позволяет говорить об их семантической и прагматической многослойности. В ряде случаев инвективная

семантика не является ведущей или даже сопутствующей, а в ряде – она сочетается с другими смысловыми элементами высказывания, будучи для них производящей или же, напротив, вытекая из них. Такими смысловыми элементами высказывания могут быть, например, требование выполнить какое-либо действие, угодное говорящему: *Geh weg, du Itaker! (K-A, 313); Komm runter, du Lump! (K-A, 223)* или вербальное выражение отказа выполнить какое-либо действие: *Du brauchst nicht zu bitten, du Schwein! <...> (R-L, 248),* а также эмоциональный упрек, обвинение в совершении или несовершении какого-либо действия: *Aus dem Land, das ihr zu einer Kaserne und einem Konzentrationslager gemacht habt, ihr Schweine! <...> (R-L, 162),* угроза: *Ich werde Sie vernichten, Sie kleine freche Kröte! (K-A, 85)* и т.п. Значит, инвективное высказывание реализует сложный интенциональный комплекс: оскорбление сопровождается намеренным понижением самооценки адресата, влиянием на эмоциональное состояние и взаимоотношения коммуникантов. В конкретном речевом акте любая из названных интенций может доминировать, затеняя остальные, или же может сочетаться с ними, строя семантически и прагматически неоднозначный фрагмент дискурса говорящего.

Поводы для инвективы. Для реализации иллокутивной цели инвективного речевого акта – оскорбления адресата – говорящий должен задеть его чувство собственного достоинства, найти его слабое место и именно его сделать мишенью оскорбления (исследователь немецкой бранной лексики Ф. Кинер образно называет оскорбления оружием [Kiener 1983]). Универсальные инвективы нацелены на личность адресата в целом, они представляют собой общую отрицательную характеристику адресата: *Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib! (L-T, 219*). Однако предметом оскорбления могут быть отдельные особенности, типичные для адресата или «определенные ему судьбой» (К. Зорниг), признаки, которые инвектант, сравнивая адресата с собой (считая себя «нормальным» инвариантом), рассматривает как изъяны (умственные, физические) или как отклонение от его собственной «нормальности». Такими поводами могут быть, например:

- внешность адресата, его физиологические особенности: *Du fleichlos Gerippe wie abgenagte Hundeknochen, du! (L-T, 157)* – поводом для оскорбления является худоба адресата – старого больного человека, который по сравнению с говорящей – пышной молодой женщиной – выглядит действительно не лучшим образом;
- возраст адресата: <... >*Du eingetrockneter alter Ziegenbockmist! (L-T, 156)* – те же коммуниканты, что и в приведенном выше примере; говорящая опять имеет повод, сравнивая адресата с собой, указать на его немолодые годы, сделавшие его непривлекательным;
- черты характера адресата: – *Mir ist schwach. – Jammerlappen! (R-L, 349)* – инвектива говорящего – «истинного арийца», сильного духом и телом – нацелена на слабохарактерность (по его мнению) адресата;
- физические недостатки: *Zu nichts bist du mehr nütze. du bist ein Krüppel, ein ... (G-G, 32);*
- особенности поведения: – *Weißt du überhaupt, mit wem du redest, Bubi? – Tja, weiß ich, mit einem beschissenen Kartenbetrüger (M-S, 105)* – поводом для инвективы является шулерство ее адресата в карточной игре;
- умения: *Du Ingenieur! Warum Auto nicht reparieren? Scheißingenieur! (L-T, 10*) – говорящий оскорбляет адресата в связи с его неумением отремонтировать старый автомобиль, считая, что «нормальный» инженер должен этим умением обладать;
- профессия: *Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! Werde bald allein mit diesem Kroppzeug in meinem Laden sein! (T-G, 13)* – говорящий – владелец небольшого ресторана – «нападает», используя инвективу, на двух полицейских, считая, что они «портят воздух» – отпугивают своим присутствием основных посетителей, не желающих, как правило, встречаться с представителями закона;
- происхождение или национальность: ... *verdammtes Halbblut! du willst doch nur ... (P-N, 34)*); *Viel Spaß mit meiner Frau wünsche ich dir, du kleiner Gaudafresser, viel Spaß! (D-M, 199)* – инвективы по национально-расовому

признаку выражают презрение, пренебрежение, оценку «чужих» («ненормальных») как неполноценных и являются важнейшим вербальным оружием для их дискриминации. Дискредитирующие представителей этнических меньшинств признаки – раса (физические признаки – цвет кожи, разрез глаз: *Hat dir denn keiner gesagt, du dreckige Rothaut, dass es in der ganzen Gegend um Rock Springs keinen besseren Schützen als den alten Brod Slater gibt? (P-N, 12)*), национальность/народность (*Du verdammter Chicano! (G-G, 38)* – инвективное обозначение *Chicano* использовали техасцы по отношению к мексиканцам), культура (например, привычки в еде: *Hau ab, du Makkaronifresser! (K-A, 313)*, или особенности туалета: *Verdrück dich, du Schmalzkopf! (K-A, 313)*) и др. (см. также [Markefka 1999: 108-109]).

Размышляя о поводах и причинах оскорбления, исследователи задаются вопросом, какая инвектива наиболее эффективна (болезненна) – основанная на реальных фактах или бессмысленная, ничем не обоснованная. В.И. Жельвис называет в качестве главного критерия при определении воздействующей силы инвективы социальную среду – по его мнению, оскорбительная констатация реального факта в группах, например, деклассированных элементов производит, как правило, меньшее впечатление, поскольку адресат мог слышать ее неоднократно и морально готов к ней (такое же мнение представляет В.И. Карасик в [Карасик 2002: 234-235]).

С точки зрения специалиста по социальному взаимодействию К. Адамчика, наиболее болезненными являются инвективы, которые пейоративно квалифицируют ценностно-нейтральные качества адресата (профессиональная, национальная принадлежность) или указывают на реальные отрицательно оцениваемые обществом факты, имеющие отношение к адресату [Adamzik 1984: 298]. Автор подчеркивает, что инвектива бьет тем больнее, чем негативнее оцениваются эти факты и чем меньше возможностей имеет адресат отказаться от причастности к ним, то есть чем менее добровольна эта причастность (физические недостатки, умственная несостоятельность, материальная необеспеченность).

На наш взгляд, очень существенную роль при восприятии инвективы играют также личные отношения между коммуникантами. Даже самая бессмысленная, не имеющая никаких реальных оснований инвектива может стать смертельным оружием, если ею в конфликтной ситуации намеренно воспользовался близкий человек, включать защитные механизмы по отношению к которому адресат не считал нужным; оскорбление наносится самим желанием оскорбить, «декларацией вражды».

3.3. Инвективный речевой акт в составе диалогического единства

Реакция на инвективный речевой акт. Ожидаемым перлокутивным эффектом инвективного речевого акта, как уже было указано, является чувство оскорбленности адресата и соответствующая вербальная или невербальная реакция (если говорящий имеет намерение оскорбить адресата, то он надеется, что тот будет оскорблен). То есть перлокутивный эффект является конститутивным элементом для инвективного речевого акта. Исследователь бранной лексики И. Эрмен говорит в этой связи об «ассоциированных перлокуциях», которые конвенциональным образом связаны с определенными иллокуциями, то есть входят в словарную экспликацию значения соответствующего иллокутивного глагола (*beschimpfen, beleidigen*) [Ermen 1996: 77].

Вербальной реакцией оскорбленного адресата на инвективный речевой акт в конфликтной ситуации часто является ответная инвектива: – *Du Ratte, Biber*. – *Du umgekippter Eimer Scheiße (S-Tr, 79).* Причину ее появления образно описывает в своей монографии В.И. Жельвис, пользуясь при этом терминологией военных стратегов: в случае успешности инвективы – достижения моральной победы над адресатом – «конфликт разрешается для говорящего, но никоим образом – для атакованного». Конфликт со стороны адресата даже усиливается, в результате чего борьба «просто меняет знаки и вспыхивает снова, порой усиливаясь», в роли атакующего выступает теперь бывший адресат [Жельвис 2001: 76]. В.И. Шаховский, анализируя типологию

взаимоотношений эмотивных стимула и реакции, указывал на регулярность отрицательной связи, суть которой заключается в следующем: «если в эмотивном высказывании-стимуле имеется хоть один эмотив с оценочным знаком минус, то в высказывании-реакции с большой долей предсказуемости также встретится минимум один эмотив со знаком минус, что объясняется психологическими мотивами» [Шаховский 1987: 147].

Если оскорбление является настолько неожиданным для адресата, что он не может достойно парировать взаимной остроумной инвективой, то он прибегает к помощи фразы типа «сам такой» – зеркально отраженного речевого акта говорящего: – *Ihr seid ein Pack! – Ihr nicht, was? (K-A, 252).* Такую «пульсирующую» ситуацию взаимного оскорбления В. Циллиг образно сравнивает с качелями и называет ее «процессом раскачивания» [Zillig 1982: 318]: одно слово цепляется за второе, говорящий и адресат так глубоко втягиваются в конфликт, что различие между первичным говорящим и первичным адресатом исчезает: – *Eine große Fresse hat er ja, Leute! Das wissen wir alle. Aber fragt ihn mal nach dem kleinen Einmaleins! Da glotzt er blöde, der Hilfsschüler. – Besser ein Hilfsschüler als Arschkriecher! (K-A, 135).*

Рассматривая «фактор адресата», Н.Д. Арутюнова говорит в этой связи об «игровом принципе речи» [Арутюнова 1981: 361]: такая постоянная смена ролей коммуникантов (переход адресата к вербальной агрессии и ответный агрессивный ход партнера) рождает, по ее мнению, «инвертированного адресата». Однако различие между первичным говорящим и первичным адресатом, а также между стимулирующими и реагирующими высказываниями, по ее мнению, не стирается, как не исчезает и соответствующая речевая тактика: наступление и защита. По нашему мнению, такое различие определяется только в начале конфликта, примеры показывают, что в процессе развития конфликта это различие стирается: – *Du Vagabund, du Hurenbock! – Verkrampfter Pauker! – Du verantwortungsloser Lump! – Du hysterischer Spießer, du elender Steißtrommler! (B-A, 206).*

На разных людей (с различными социальными, возрастными, половыми, национальными, конфессиональными характеристиками) в разных ситуациях, подчеркивает В.И. Жельвис, инвективное высказывание «может произвести самый разный эффект, вплоть до противоположного» [Жельвис 2001: 77]: грубое выражение может быть воспринято как глубоко оскорбительное или как ничего не значащее, что объясняется разницей в расположении порога восприятия неприятных элементов высказывания. Перлокутивный эффект может вопреки желанию говорящего не наступить, если порог восприятия инвективы адресата повышен и оскорбление не задевает адресата, хотя семантика высказывания и интенция говорящего интерпретируются им правильно: – *Wissen Sie, was Sie sind? <...> Sie sind ein heimtückischer Halunke, das sind Sie. – Das wusste ich allerdings noch nicht, Eine interessante Einzelheit, die Sie mir da mitteilen; verdient durchaus, näher geprüft zu werden (L-D, 45).* Адресат реагирует на инвективу говорящего как на информативное ассертивное высказывание, его реплика наполнена тонкой иронией (возможно, он искусно скрывает свои истинные чувства); говорящий, потерпевший фиаско в своем намерении оскорбить партнера, приходит в бешенство и переходит от вербальной агрессии к физической (*Sie brauchen diese Einzelheit nicht zu prüfen, sagte Alaric, und er schüttelte den Mann, dass der Speichel, der sich am Mund des Obersten zeigte, abflog).*

Отсутствие видимого перлокутивного эффекта (что не обязательно означает его отсутствие вообще) может объясняться тем, что адресат не придает (не может, не имеет возможности придавать) большого значения своему социальному «портрету», попытку негативного искажения которого посредством инвективного высказывания предпринимает говорящий (*Lebst du immer noch, du verdammtes Schwein? Totfahren sollte man dich, über den Bauch! ... (K-N, 215)* – оскорбление еврея в нацистской Германии, эмоциональная реакция адресата могла бы стоить ему жизни); или тем, что адресат согласен с субъективной оценкой своего социального статуса говорящим (– *Sie sind eine Art von Feigling und Duckmäuser, Mensch, und wenn Ihr Vetter Sie einen Zivilisten*

nennt, so ist das noch sehr euphemistisch ausgedrückt. – Kann alles sein, Herr Hofrat. natürlich, die Schwächen meines Charakters stehen doch außer Frage <...> (M-Z, 731)).

Часто отсутствие ожидаемой реакции объясняется тем, что адресат не замечает вульгарности и грубости инвективы, поскольку ненормативность и непристойность не противоречат нормам морали социальной среды его общения. В таком случае адресат, отбирающий при восприятии и интерпретации стимульной реплики самую существенную информацию, реагирует только на содержание фразы, сопровождающей оскорбление. Самой инвективе не придается особого значения, во всяком случае, достаточного для эмоциональной реакции на нее: – *Du verdammter Idiot! Du kannst doch hier nicht allein sprengen! – Was kann ich nicht? Soll ich vielleicht warten, bis es dir paßt? (L-F, 30).* Значит, реакция адресата зависит, прежде всего, не от объективной существенности или несущественности особенности, послужившей поводом для инвективы, а от «субъективного ощущения значимости или незначительности события» [Жельвис 2001: 78].

Еще один интересным вариантом реакции на инвективный речевой акт является требование адресата повторить его, создается впечатление, что адресат, считая, вероятно, что ослышался, дает инвектанту возможность исправить малефактивное положение дел: – *Ich denke nicht daran, mich vor einem Lümmel wie Ihnen zu rechtfertigen. – Sagen Sie das noch einmal! – Sie sind ein gewalttätiger, dreckiger Lümmel! (L-Z, 95*). Как правило, за повторением оскорбления (адресат рассматривает его как дополнительный вызов) следует невербальная агрессивная реакция – в ход идут кулаки: продолжением вышеприведенного диалога является потасовка (*Der Lastwagenfahrer stürzt sich auf den Arzt; es entsteht ein Handgemenge, man versucht, sie zu trennen. Der Lastwagenfahrer schlägt mehrmals zu).*

Ф. Кинер [Kiener 1982: 84] указывает еще на одну особенность реакции адресата на инвективу в конфликтной ситуации: уже в начале конфликта партнер грубо обрывает говорящего и надеется таким образом прекратить

взаимные оскорбления: – *Und du hast das mit dir machen lassen? Du Schlappschwanz! – Halt`s Maul! (K-S, 76).* Такие требования часто приводят к результату, противоположному желаемому – они воспринимаются адресатом как вызов. Несмотря на то, что говорящий явно может предугадать такую реакцию, он, тем не менее, прибегает к запрету говорения, как доказывает языковой материал: – *Du kannst dein ganzes kleines, miserables Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hast du dir denn überhaupt die Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen? – Verlassen Sie sofort mein Zimmer. Augenblicklich, sonst schreie ich (K-S, 58).*

Встречаются случаи «странной» реакции на инвективный речевой акт в виде благодарности за него. Причиной такой «странности» может быть презрительное равнодушие адресата, для которого полученное оскорбление не подпадает под критерий существенности: он признает наличие отрицательных особенностей своего характера или неблаговидность совершенных им поступков, но не стыдится их и не сожалеет о них, а испытывает удовлетворение, видя, какое впечатление на собеседника они производят: – *Du... du Schwein! – Danke. Solche Schmeicheleien höre ich öfter. (K-S, 58).*

Еще один любопытный пример странной, совершенно неадекватной реакции на инвективу: – *Geh, du Drecksker!l – Madonna! (K-A, 34)* – адресат оскорбления – молодой влюбленный итальянец – потерял голову, забыл обо всем на свете, буквально «оглох», увидев красивую женщину, поразившую его воображение.

Инвектива как реакция. Инвектива может входить в состав не только прогрессивной, инициирующей реплики, но и быть частью реагирующего репликового шага, в таком случае оскорбление является неожиданной реакцией, отличной от конвенциональной, обычно ожидаемой. В качестве стимулов, вызывающих реакцию в виде инвективы, могут быть, например, следующие ситуации:

- Отказ адресата выполнить действие в интересах говорящего или, наоборот, декларация совершения действия, неугодного говорящему. – *Er*

wurde verlegt in das Lager. Er liegt dort in seinem Bett in der Baracke Nr. 3. <...> Ich hätte das längst veranlassen müssen. – Ich werde Sie vernichten, Sie kleine freche Kröte (K-A, 85) – инвектива адресована врачу-женщине, положившей конец непристойным встречам в амбулаторном участке большого шахтерского предприятия жены его директора и горячего нравом шахтера-итальянца. Такие встречи были возможны в течение некоторого времени, поскольку высокопоставленная дама имела повод шантажировать адресата. Когда у последнего совесть возобладала над страхом, разъяренная, не привыкшая к поражениям женщина оскорбляет в бессильной злобе виновницу и угрожает уничтожить ее, раскрыв ее тайну.

- Навязчивость адресата инвективы: – *Madonna! – Du Affe! (K-A, 34)* – молодой итальянец, без памяти влюбленный в красивую женщину, преследует объект своего обожания повсюду, не давая ей прохода, чем (совершенно естественно) заслуживает вербальное «наказание» в виде инвективного высказывания, на которое он, впрочем, не обращает внимания.

- Высказывание адресата, которое, по мнению говорящего, неадекватно ситуации. В таких ситуациях проявляется, как правило, социальное (гендерное) неравенство: – *Wenn du ihm was tust, ist's aus mit uns! Lass ihn gehn, Willi! – Halt die Fresse, du Luder! <...> (K-A, 58)* – инвектива вместе с требованием замолчать адресована подруге говорящего – официантке, вступившейся за гостя, который, по мнению инвектанта, излишне любезно разговаривал с ней и которому поэтому угрожает опасность быть покалеченным «героем», оскорбленным поведением девушки. Еще пример: – *Ich habe keine Angst! – Schweig, du Narr! (129)* – высказывание храбрящегося адресата нелепо, как считает говорящий, в обстоятельствах, требующих молчаливого согласия и подчинения: сицилийская мафия делает провинившемуся адресату последнее предупреждение, после нарушения которого неуклонно следует смерть.

3.4. Формирование смысла инвективных речевых актов

Независимо от открытости намерений говорящего и формы осуществления инвективных речевых актов (прямой или косвенной) главной функцией инвективы является осуществление коммуникативного давления посредством характеристики партнера в резко негативной форме. Осознание этого неоспоримого факта делает очевидным специфическую «расстановку сил» в смысловом единстве инвективы.

3.4.1. Позиции интенционального и пропозиционального смыслов инвективных речевых актов. Поскольку говорящему важно выразить интенциональный смысл – свое намерение оскорбить, задеть, унизить адресата, и важно, чтобы адресат правильно идентифицировал его, то этот элементарный смысл «задает тон» в инвективах, определяет позицию всех остальных элементов. Неважна даже эксплицитно-перформативная невыраженность инвектив по причине угрозы «иллокутивного самоубийства». Имплицитная представленность иллокутивной части не мешает интенциональному смыслу иметь статус доминанты в смысловом целом рассматриваемых высказываний.

Пропозициональный смысл, напротив, не имеет серьезного значения при реализации оскорбления. Говорящий готов назвать партнера кем угодно, лишь бы увидеть его эмоционально поверженным, побежденным, раздавленным прессом вербальной агрессии. Сказанное, однако, не означает нерелевантность словесного выражения пропозициональной части высказываний инвективы, ведь именно материализация пропозиции создает эксплицитный фундамент для реализации эмотивного смысла, а ее вербальные элементы и их формы, о которых пойдет речь далее, функционируют как операторы его порождения.

3.4.2. Формирование эмотивного смысла инвективных речевых актов. Реализация прямых инвективных высказываний имеет особенность, сближающую их с речевыми актами комплимента: Пропозициональному содержанию инвективных высказываний, говорящий приписывает отрицательное оценочное значение – оно выражает его

отрицательное отношение к объекту инвективы. Особенности пропозиции определяют выбор языковых средств для ее выражения в конфликтных ситуациях.

Превалирование эмоционального смысла при эмоциональном катарсисе определяет важнейшую роль средств фонетического уровня: адресант говорит подчеркнуто громко или тихо, особенно выделяя ударением или протяжным произнесением отдельные слова в высказывании *(... ihr ... blöööööde ...Trottttllln ... auch du Platschberger ... mit deiner Scheißhurenlügentheaterkunst ... auch du ... aber ich ... Ihr Scheißer ... Ihr Arschlöcher ... (B-SM, 120).* Установлена закономерность: чем сильнее выражаемая эмоция, тем меньше слов употребляет говорящий и тем большая роль отводится просодии и кинесике [Шаховский 1987: 153].

Инвективная лексика. Операторами лексического уровня, способствующими освобождению от отрицательных эмоций и выражающими отрицательную оценку адресата, являются бранные слова и вульгаризмы. Это, как правило, оценочные существительные, материализующие эмоции говорящего – эмоции гнева, отвращения и презрения, которые «можно объединить в одну «триаду враждебности» и даже увидеть в этой триаде дополнительные элементы страдания и страха» [Изард 1980: 290]. Инвективная лексика является тем единым языковым средством, берущим на себя сложную функцию выражения всего спектра субъективно недифференцируемых эмоциональных нюансов. Например, словом *Krüppel (Wenn ich gehe, vergrabe ich mich nicht mit einem Krüppel, sondern suche das Leben (K-A, 241))* говорящий – красивая молодая женщина, запутавшаяся в своих отношениях с мужчинами – выражает гамму эмоций (отвращение, презрение, негодование) по отношению к адресату – влюбленному в нее немолодому мужчине, ставшему по ее вине калекой, всеми возможными способами добивающемуся ее внимания. Такая способность одного словесного средства выражать множество эмоциональных нюансов находится в связи со способностью сложных

эмоциональных переживаний концентрироваться на целостном образе человека, вызвавшем это переживание [Вилюнас, 1984: 67].

Существительные. Анализ языкового материала показал, что в языковой системе существует целый пласт потенциальных инвективных лексем (с узуальной отрицательной оценочностью), которые используются в процессе общения главным образом с намерением оскорбить адресата и сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме. Инвективная лексика не закреплена за определенной функционально-стилистической сферой и не ограничена в употреблении рамками социальных или профессиональных групп: инвективные, порой очень грубые, лексемы могут появиться в речи представителей не только низших социальных слоев, но и людей с высоким социальным статусом, которые, как и «нормальные» люди, подвержены приступам гнева и желания унизить собеседника.

Наряду с конвенциональными инвективными лексемами существуют совершенно абсурдные инвективные обозначения – слова с нетипизируемым лексическим значением. В ритуальном оскорблении («театральное громыхание») важна оригинальность, поэтому говорящий прибегает к использованию самых необычных бессмысленных слов, примерами которых могут служить не только ставшие уже наполовину конвенциональными *Gurke, Birne, Flasche* (их в качестве примеров приводит в своей небольшой статье К. Зорниг [Sornig 1975: 154]), но и слова, которые действительно не имеют значения: *Dumpfgummi, Stronkel* (примеры К. Адамчика [Adamzik 1984: 302]).

Еще много лет назад исследователь образного аспекта бранной лексики немецкого языка К.О. Эрдманн писал о словах, сохранивших только эмоциональный аспект, в котором полностью растворилось понятийное содержание. Большинство людей, употребляющих такие инвективы, не имеют понятия об их истинном значении. Автор говорит, например, о том, что он относительно поздно узнал, что слово *Luder* означает то же, что и *Aas,* и что слово *Hundsfott* имеет очень непристойное этимологическое значение. Из этого следует вывод: возможно, сильное, почти мистическое действие некоторых

бранных слов состоит именно в том, что никто, по сути, не знает, что они, собственно, означают [Erdmann 1925: 114]. Такого же мнения придерживается М. Фауст, считая, что бранная лексика возникает в результате частой употребительности отдельных слов в ситуациях оскорбления, этот конвенционализированный коммуникативный опыт коннотируется в случаях их употребления: они не выражают мнения, представления и чувства, а сигнализируют их наличие [Faust 1969: 61]. Исследователями подтверждается мысль, что особенно интенсивное оскорбительное воздействие на адресата оказывают именно те инвективы, которые имеют бедные сигнификативные аспекты значения и особенно емкие коннотативные аспекты (*Dreckstück, Luder, Schweinehund).*

Непроизводные в морфологическом отношении инвективные лексемы (значение которых часто немотивированно и для его определения требуется этимологический анализ) – не единственный оператор порождения вербальной эмоционально-агрессивного смысла. Очень продуктивны производные и сложные инвективные лексические образования[61], созданные на базе регулярных словообразовательных моделей[62]:

а) инвективы, образованные при помощи префиксов (*miss-, un-)* и нейтральной лексемы: *Missbild: <...> du bist ein Missbild und Kielkropf, ein kauziger Zwergenpojazz, dem sein Kammeramt weit mehr Spaßes halber als im Ernste zuteil wurde <...> (M-J, 1194);*

б) инвективы, состоящие из основы с негативо-оценочным значением и суффиксов *-er, -ler, -in, -ling, -ian, -in,* трансформирующих инвективную основу в единицу другого морфологического класса*: Schwächling, Feigling, Faulenzer* и др.*: Markiere keine Ohnmacht, Feigling! (R-L, 349); Ihr armseligen Spinner! <...>*

---

[61] Некоторые лингвисты [Behagel 1929: 1; Kiener 1983: 143] представляют мнение, что наиболее употребительные бранные слова односложны. О. Бехагель приводит в качестве иллюстрации инвективы *Lump, Sau, Aas, Schelm, Depp, Balg, Hur.* Наше исследование показывает, что наряду с указанными и подобными инвективами (*Arsch, Narr, Schuft, Tor)* существует множество не менее употребительных неодносложных оскорбительных слов: *Idiot, Trottel, Luder, Halunke, Lümmel, Schnösel, Schurke, Kröte* и др.

[62] Подробный перечень моделей сложных и производных слов приводится в работе О Хаврилин [Havrilin 2003: 40-45])

(K-A, 233); Vergiss nicht, was du mir zu verdanken hast, du kleiner Emporkömmling! (J-K, 134);

в) сложнопроизводные инвективы: *Herumsäufer, Luftverpester, Klugscheißer. Arschkriecher* и др.*: Verdammt! Noch zwei so Luftverpester! (T-G, 13); <...> du bist ein vollkommener Klugscheißer. <...> (L-H, 115);*

г) лексемы, состоящие из инвективного полупрефикса (*Scheiß-, Arsch-, Mist-, Dreck-, Rotz-, Sau-, Hund-, Teufels-*) и нейтральной лексемы: *Saukerl, Mistkerl, Mistvieh, Miststück, Scheißkerl, Scheißingenieur, Scheißmann, Arschloch* и др.*: Du Scheißkerl! (J-K, 53); <...> Jetzt mache ich dich fertig, du Rotzjunge! (K-A, 238); Hilfe! Ihr Feiglinge! Ihr Saubande! (K-A, 59);*

д) инвективы, состоящие из нейтрального полупрефикса и инвективной лексемы: *Vollidiot: O ihr Vollidioten! (K-A, 233)*

е) инвективы, образованные посредством определительного словосложения, в них определяющий компонент конкретизирует значение инвективной лексемы: *Hurensohn, Höllenhund, Hundescheiße, Spritflasche, Schnapsfaß, Holzkopf, Hasenschwanz, Jammerlappen, Geizkragen* и др.*: Schlappschwänze alle! Die ganze Polizei ist voller Schlappschwänze! (K-A, 221); Kalkkopf? Du bist ein Holzkopf (S-B, 268);*

ж) окказиональные авторские инвективные сложные и сложнопроизводные лексемы (в стремлении произвести сильное впечатление на оппонента, инвектант проявляет свой, как правило, большой творческий потенциал): *Schönheitschirurgengoldgrube, Vollreiflese, Oralsexverrückter, Leibkutscherseele, Neigenschlucker, Zittergrasbündel* и др.*: Versteckst du dich, Hasenschwanz! <...> Du Anfänger, du Zittergrasbündel in Hosen!(S-B, 300); <...> Du Flachbrustluder, ja nur neidisch, weil keine Titten (L-T, 213).* Или примеры, зафиксированные в устном общении: *Warmduscher* (настолько слаб и изнежен, что принимает теплый душ), *Bergrunterbremser* (настолько неловок в езде на велосипеде, что тормозит при спуске с горы) и др. (интересные примеры таких инвектив приводит в своей работе Ф.Д. Позолотин [Позолотин 2005: 25]).

Вербальное оскорбление адресату наносится часто отрицательными коннотативными компонентами значения лексемы. Речь идет в первую очередь о компонентах значения, ставших фактом коллективного языкового сознания и как таковые зафиксированных в парадигматическом значении слов. Примерами такого рода инвектив могут служить слова-фаунонимы: *Esel, Hund, Affe, Schwein, Wurm, Ratte, Kamel* и др. Они являются своего рода зоосемантическими метафорами, эллиптированными сравнениями, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) – в инвективах всегда отрицательно оцениваемое адресатом, объединяющее два сравниваемых лица: при употреблении инвективы *Esel* tertium comparationis является глупость, свойственная как называемому животному, так и человеку*: Toddy! Du Esel! (T-G, 40) = Du bist so dumm und trotzig wie ein Esel!* При инвективном употреблении слова *Kuh* оскорбление направлено на глупость адресата и на его большой объем (*dumm und dick wie eine Kuh): Du kannst mich, du dumme Kuh! <...> (B-S, 169).* Инвектива *Schwein (Sau)* касается нечистоплотности (в переносном смысле тоже) этого животного, качества, легко переносимого на человека *(schmutzig wie ein Schwein): Ist dir heiß geworden, du dickes Schwein? (K-A, 297). Tertium comparationis* при инвективном употреблении слова *Hund* является злой характер, слов *Kamel, Pute* – глупость, слова *Wurm* – пресмыкаемость, ничтожность, слов *Schlange, Ratte* – коварство и хитрость, *Affe* – кривляние.

В качестве инвективных лексем употребляются гиперонимы *Vieh, Tier*, а также слово *Bestie/Biest (lat. bestia > wildes Tier),* обозначающее грубого, вульгарного, жестокого человека: *Na gut... wenn du hierbleiben willst, dann bleibe hier. Verdammtes Biest... (L-H, 78).*

Метафорический перенос лежит также в основе инвективного употребления слов, обозначающих

- растения (*Giftpilz*): *Balg! Giftpilz du! <...> (M-J, 59)*;
- фекалии и выделения организма (говорящие проявляют всегда большую креативность при «изобретении» таких инвектив (*Dreck, Mist, Scheiße,*

Rotz и др.): *Stinkender Blähwind! (M-J, 509); Du umgekippter Eimer Scheiße! (S-Tr, 79); Du dreckig alter Mistkerl, du Hundescheiße, du Totengeripp!(L-T, 219)*;

- мифологические образы (*Teufel, Hexe, Satan): Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib! (L-T, 219); Du Kind des Teufels, du Feind aller Rechtschaffenheit! (M-S, 137)*;
- имена, как правило, наиболее распространенные и их варианты (*Großhans): Großhans! stinkender Blähwind! (M-J, 59);*
- внебрачных детей (*Bastard, Balg): Raus mit der Sprache, du Bastard! Wo habt ihr es versteckt? (P-N, 4)*;
- физические и умственные недостатки, болезни (*Krüppel, Kielkropf, Idiot): Du bist ein Krüppel, ein... (G-G, 32); <...> du bist ein Missbild und Kielkropf, ein kauziger Zwergenpojazz <...> (M-J, 1194)*;
- лиц, занимающихся антиобщественной, социально-вредной деятельностью (*Penner, Herumtreiber, Herumsäufer, Spielteufel): Penner, blöder Penner (L-S, 301); Du elender Herumsäufer! (S-B, 138).*

Распространенным средством образования инвектив является метонимический перенос: *Du Arschloch. Meinetwegen kannst du so weitermachen (J-B, 146)* – инвектива называет часть тела, обозначая человека в целом (*pars pro toto*); *Verdammter Dickschädel! (P-N, 16); Geizkragen! (K-A, 252); Ihr Großmäuler! (K-A, 128)* – в качестве инвектив использованы бахуврихи – посессивно-метонимические сложные существительные. Часто метонимические инвективы имплицируют в своем значении сравнение объекта с половыми органами (*Schlappschwanz, Schrumpelschwanz, Weichei)*: *Du Schlappschwanz! (K-S, 76); Du nichtsnutz Schrumpelhirn und Schrumpelschwanz! Esel! (L-T, 156).*

В качестве инвективных используются слова, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения адресата (*Verräter, Erpresser): Und nun geh, du Erpresser! (K-A, 72); Verräter! Verräter! (M-S, 177).*

Иногда инвективная характеристика лица дается на основании его отнесения к классу, обозначенному существительным с синтаксически обусловленным оценочным значением – существительным, не имеющим в своем значении семы оценки, но выполняющим субъективную оценочную функцию в определенном контексте. «Субъективность значения лексико-фразеологических единиц инвективной речи обусловливается тем, что предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику» [Бельчиков 2002: 68]. В примере – *Zieh dich an und verschwinde! – So nicht, du Mumie! (K-A, 257)* предметом оскорбления является возраст и худоба адресата, что дает повод для его сравнения с мумией. В системном значении слова *Mumie* отрицательно-оценочная сема отсутствует, и только учет всех параметров коммуникативно-прагматического контекста (недовольство говорящего исходом дела, отражающееся на его эмоциональном отношении к адресату) позволяет наиболее точно идентифицировать как саму инвективу, так и степень ее оскорбительной нагрузки в речевом акте.

Прилагательные. Инвективный смысл рождается также при употреблении системно-нейтральных существительных с определяющим их отрицательно-оценочным атрибутом: *Der Mann ist doch kein Bettler, Sie hirnverbranntes Stück! (T-G, 20); Jurgen, du billiger kleiner Friseurtyp! (H-S, 227).* В последнем примере сема негативной оценки в прилагательном *billig* не является доминирующей, а сопутствует основной семе.

В случаях употребления нейтрального атрибутивного прилагательного при инвективном существительном происходит конкретизация или градация оценочного значения последнего: *Und nun zu dir, du rotes Luder. Dir verhaue ich den nackten Arsch (K-A, 59)* – оскорбление адресовано рыжеволосой девушке*; Du alter Idiot! <...> (L-T, 133)* – прилагательное конкретизирует возраст адресата инвективы.

Прилагательные отрицательной оценки (*verdammt, verflucht, dreckig, gemein, hinterhältig, blöd, beschissen, verfressen, frech, biestig, mies, dämlich, dumm, nutzlos, verlogen, erbärmlich, jammervoll* и др.) сопровождают не только существительные с системно-нейтральным значением, но и оценочные инвективные существительные. В таких случаях они увеличивают силу воздействия оскорбления, увеличивая его инвективную «этажность»: *Und ob du das wusstest, du verlogenes Miststück. (G-T, 495); Du hinterhältiges Miststück! Saukerl! (H-M, 301); Du bist eine ganz gemeine kleine Kröte! (K-A, 72).* Это наблюдение подтверждается мнением Х.Б. Шуман, которая приводит ряд наиболее употребительных в инвективных высказываниях прилагательных (*alt, elend, verdammt, blöd, albern, faul, frech, gemein, unverschämt)* и, опираясь на данные словарей, утверждает, что пять последних из приведенного списка дают отрицательную социальную характеристику адресата (в нашем языковом материале: *ein ganz gemeiner Schlawiner, kleine freche Kröte, freche Luder*), а четыре первых являются средством интенсификации или конкретизации отрицательной характеристики (*biestiger alter Hund, verdammte Hunde, verdammter Schuft, blöde Ziege*) [Schumann 1990: 270].

Использование нескольких прилагательных для усиления оскорбления является показателем высокой степени возбуждения и абсолютного превалирования эмоционального смысла в высказывании: *Du Schurke! Du dreister Bengel! Du verdammter Affe! Blitzblaue Augen, nicht wahr? Der Teufel kratze sie dir aus, du unwissender, unwissender, unwissender Geck! (M-F, 194).*

Выше мы говорили о преобладании в инвективных лексемах коннотативного значения и их сигнальном характере, который ставит их в один ряд со стереотипными формулами или односложными фразеологизмами. Однако эта «сигнальность» не перекрывает пока остаток денотативного значения рассматриваемых лексем, которое определяет все еще особенности их семантической сочетаемости. Например, прилагательное *gemein (in moralisch besonders auffechtbarer Weise übelwollend gegenüber den Mitmenschen)* свободно может сочетаться с существительным *Schurke* (*gemeiner, niederträchtiger*

Mensch, Verräter), они образуют коллокации. Сочетание *Du gemeiner Schurke!* представляет собой типичную коллокацию, спонтанно возникающую в конфликтных ситуациях. Сочетание же *Du gemeiner Hund!* является так называемой банальной коллокацией и для его образования и употребления в конфликтной ситуации требуется определенная мыслительная операция. А значение существительного *Idiot (Dummkopf, begriffsstutziger Mensch)* не позволяет ему сочетаться с прилагательным *gemein (*du gemeiner Idiot!).*

Зоосемантические метафоры также имеют строго устоявшиеся в этнокультуре определения, которые не могут по желанию говорящего быть заменены любыми другими. Типичными коллокациями являются: *dumme Kuh, blöde Ziege, dumme Gans, dickes Schwein, verlogene Schlange,* в которых прилагательные усиливают негативную характеристику, выражаемую существительным, тавтологически повторяя ее; по определению вряд ли возможны сочетания **blöde/dumme Schlange (blöd – dumm, einfältig, geistig beschränkt; Schlange – falsche, hinterhältige Frau) *hinterlistige Gans (hinterlistig – tückisch, falsch, unaufrichtig, hinterhältig; Gans – einfältiges weibliches Wesen), *dicke Ziege (dick – eine große Masse aufweisend, umfangreich; Ziege – dumme oder unangenehme weibliche Person, in der Regel klein und mager).*

Важным выводом из вышеприведенного анализа функционирования инвективных лексем является следующий: инвективные существительные отражают оценочно-ценностные представления о человеке как носителе определенных качеств, в то время как оценочные прилагательные характеризуют человека не собственно как цельный объект, а указывают на непостоянный признак, то есть не несут в себе постоянных категориально-оценочных значений.

Для «коллективных» оскорблений действуют те же правила, что и для инвективных высказываний, адресованных отдельным лицам. Они выражаются при помощи собирательных существительных (*Gesindel, Pack, Saubande: Ihr seid ein Pack! (K-A, 252))* или существительных названных групп во множественном числе (*Großmäuler, Räuber, Mörder, Verräter): Was habt ihr aus*

Deutschland gemacht, ihr Räuber und Mörder und Folterknechte! (R-L, 162); Habt ihr denn keine Frauen im Dorf? Müsst ihr hier herumstehen, ihr jammervollen Hunde? (R-L, 248).

Инвективный речевой акт может также иметь форму сравнения, увеличивающую степень унижения партнера, в высказывании *Ihr seid Juden, ihr seid weniger als ein Dreck <...> (B-J, 9)* место партнера на оценочной шкале говорящего определяется как менее значительное, чем даже продукты человеческой жизнедеятельности, не имеющие, по сути, никакой ценности вообще. Интенцией высказываний *Schau sie doch an. Dein Ross erinnert mehr an eine Menschenfrau als sie (M-S, 274)* и *Zugegeben, gleich groß sind sie ja und ihre Nasen gleich lang. Trotzdem besitzt dein Ross eine ungleich schönere Farbe als deine geisterbleiche Begleitung (M-S, 274),* направленных, собственно, третьему, присутствующему при разговоре лицу (женщине), следует считать не декларацию особенностей ее непривычной для глаза говорящего внешности, проигрывающих даже в сравнении с жеребцом, а намеренное оскорбление преувеличением ее непривлекательности.

Местоимения. Употребление местоимений в инвективах объективно зависит от социальных ролей говорящего и адресата, они являются специфическим оператором порождения реляционного смысла в таких высказываниях. Оскорбление как «невежливый» речевой акт направляется преимущественно партнеру, которого отделяет от говорящего небольшая социальная (вертикальная) дистанция, так что обычной формой обращения является местоимение 2 лица. Если партнерами в инвективном общении являются интерактанты, обращающиеся друг к другу на «Вы», то налицо случай особенно эмоционально «заряженной» конфликтной ситуации, которая ломает даже рамки очень строгого соблюдения норм вежливого общения при такой дистанции между говорящим и слушающим. Однако в этих случаях говорящий связан в выборе инвективной лексемы – неслучайно в «вежливых» инвективных высказываниях (высказываниях с местоимением *Sie* как *Sie sind ein Esel! (M-T, 368); Sie sind ein blasierter Balg! (M-Z, 868))* речь идет о

сравнительно «мягких» оскорблениях, которые явно содержат дескриптивный компонент, то есть указывают, какие качества партнера говорящий квалифицирует как отрицательные. «Жесткие» инвективы кажутся действительно странными в сочетании с местоимением *Sie: *Sie Luder! *Sie Miststück! *Sie Scheißkerl!* Х.Б. Шуманн объясняет это тем, что употребление местоимения *Sie* выражает признание социальной дистанции между говорящим и адресатом, а лексемы *Luder, Miststück, Scheißkerl* и т.п. обозначают качества объекта, о которых говорящему (по определению социальной дистанции) не может быть известно [Schumann 1990: 269].

Если конфликт между интерактантами при большой социальной дистанции достигает ступени, когда «перехлест» эмоций говорящего заставляет его забыть о правилах интеракции, как бы потерять социальную «ориентацию» и пустить в ход особенно грубые инвективные лексемы, то одновременно происходит, как правило, прономинальный переход – использование местоимения *du* вместо местоимения *Sie,* Примером такой социально «дезориентации» может служить ситуация, когда девушка «из низов», оскорбленная грубостью молодого барона, но соблюдающая в начале разговора внешние приличия, вдруг переходит в ответной инвективе на «ты», выражая всю силу своего чувства крайне высокую степень негативной оценки поведения адресата и интенсифицируя таким образом ее воздействие:

– Was glaubst du denn eigentlich, wer du bist, du Kröte? Du kannst dein kleines, miserables Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hattest du dir denn überhaupt die Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen?

– Verlassen Sie sofort mein Zimmer! Augenblicklich, sonst schreie ich.

– Schrei doch. Weißt du, was ich denen dann erzähle? Dass du mich ins Zimmer gelockt hast und gemein wurdest, weil mir die Bezahlung, die du gefordert hast, zu hoch war. <...>

- *Du... du Schwein! (K-S, 58).*

Кроме того, уже использование местоимения *du* в ситуациях, когда социальные роли партнеров требуют обращения на *Sie,* может рассматриваться как оскорбление, даже если инвектива не была реализована лексическими средствами. В качества примера приведем фрагмент разговора героев романа Ремарка Э.М. «Ночь в Лиссабоне» – главного героя Шварца и Георга, брата его жены, убежденного нациста. Обычно их общение проходило в подчеркнуто вежливой форме, которая дополнительно маркировала непримиримость и дистанцию между ними: – *Ich möchte mit meiner Schwester allein reden, können Sie das nicht verstehen? – Haben Sie mich mit ihr allein reden lassen, als Sie mich verhaften ließen? (R-L, 198)*. Но когда терпение Георга и вместе с ним его желание представлять воспитанного члена нового общества лопнуло, он опускается до грубых оскорблений и угроз. Не считая нужным сохранять, по крайней мере, внешне вежливые формы, он обращается к своему оппоненту на ты: *Du Lump! Du ruinierst meine Schwester! Aber warte nur! Wir werden dich bald erwischen! (R-L, 211),*

Встречаются и обратные случаи, когда говорящий оскорбляет адресата, не только употребляя инвективную лексему, но и дополнительно дистанцируясь от него обращением на *Sie*. В статье Х.Б. Шуманн, например, приводится мнение, что при намерении унизить подростка большую силу будет высказывание *Sie Flegel!* вместо *Du Flegel!* [Schumann 1990: 269].

Общим правилом остается, впрочем, обращение к незнакомому и вышестоящему лицу на «Вы», даже в инвективных высказываниях.

<u>Синтаксические операторы формирования эмотивного смысла инвектив</u>. Синтаксические конструкции, употребляемые говорящим, отличаются наличием семантически нерелевантных повторений и пауз: *... du Schwein ... du elendiges Schwein ... du elendiges Schwein ... (B-G, 60).* В многократном повторении одного и того же проявляется возбуждение говорящего: находясь в состоянии аффекта, он не находит сразу нужные слова, это ведет к появлению повторяющихся логически и синтаксически незаконченных фраз,

Наиболее распространенный тип предложения для реализации прямой инвективы – простые (полные или эллиптические) предложения с составным именным сказуемым, как, например: *Du bist ein Luder! Ein richtiges Luder! (K-A, 248). Hure! (M-S, 157).* На выбор синтаксической структуры инвективного речевого акта влияет тип местоимения. По нашим наблюдениям, лексемы при сочетании с местоимением *Sie* употребляются преимущественно с определением: *Sie dreckiger Jude! (B-S, 253); Sie hirnverbranntes Stück! (T-G, 20).* Полное инвективное высказывание с местоимением *Sie* четче, более осознанно выражают оскорбительный характер по сравнению с эллиптическим, в котором на первый план выдвигается эмоциональная разрядка посредством употребления инвективной лексемы, ср.: *Sie sind kein Mann, Sie sind eine Memme! (S-L, 16)* и *Sie Memme!* Высказывания последнего типа И. Опельт [Opelt 1965: 14] называет предикацией, стянутой в обращение. Это определение логически приводит нас к заключению, подтверждаемому языковым материалом, что полные инвективные высказывания самодостаточны и не требуют (хотя и не исключают) выражения дополнительных иллокуций (обвинения, угрозы и т.д.): *Du bist ein ganz gemeiner Schlawiner! (K-S, 58); Ihr seid lediglich der degenerierte Rest einer aussterbenden Linie (M-S, 274).* А эллиптичные высказывания-обращения в большинстве случаев полииллокутивны, семантически многослойны.

Особенностью инвективных синтаксических конструкций является постпозиция личного местоимения по отношению к инвективной лексеме (*Balg! Giftpilz du! Großhans! stinkender Blähwind! (M-J, 509))* или постпозиция атрибута по отношению к определяемой им инвективной лексеме (*Komm her, wenn du Mut hast! Komm her, du Schwein, du verfluchtes! (K-A, 297); Blödmann, doofer! (P-M, 89)).* Характерным является также позиционирование местоимения в начале и в конце инвективного высказывания, которое Х.В. Шуманн [Schumann 1990: 272] называет прономинальным повторением: *Du Sau du! (K-S, 86); Sauf deine Pisse selber, alte Ratte, hau ab hier, du Verbrecher du! (S-N, 55).* Такое позиционирование местоимения является дополнительной

вербальной «оплеухой» адресату, инвективной рамкой вокатива, который в общем идентичен комплиментарному вокативу и располагается на той же эмоционально-оценочной шкале, но в противоположной ему плоскости.

Операторы интенсификации эмотивного смысла инвективных речевых актов. Вновь опираясь на введенное В.И. Шаховским понятие эмотивной «плотности», утверждаем, что эмотивные элементы редко представлены в высказываниях в одиночестве. Они конвергируются, взаимодействуют, создавая густую сеть операторов порождения эмотивного смысла: отрицательно-оценочные элементы притягивают элементы, дублирующие содержание, интенсифицирующие оскорбление, адекватно выражающие сиюминутную эмоцию. Все вышеприведенные примеры показывают высокую степень эмотивной плотности, поскольку практически во всех наблюдается по-разному варьирующаяся комбинация средств выражения инвективной оценки – «приписанная» инвективе синтаксическая конструкция наполняется определенной инвективной лексикой, эта «смесь» «приправлена» специальным порядком слов и особой интонацией.

Средством интенсификации, увеличения вероятности восприятия инвективы адресатом (даже при отсутствии установки на это) может стать увеличение образности инвективы: говорящему кажется, что «такое увеличение «дойдет» до любого получателя, проникнет за любой эмоциональный барьер» [Жельвис 2001: 79]; ср. высказывание, обвиняющее адресата в излишнем употреблении алкоголя, в котором говорящий использует синонимический ряд контекстных образных метафор для увеличения интенсивности воздействия инвективы: *Du elender Herumsäufer, du Saufsack, du Schnapsfaß, du Bierkeller, Neigenschlucker, du Spritflasche! Deine Seele schwimmt in Schnaps. Der Schnaps wird dir zu den Ohren herauslaufen. als Feuerzeug und Fackel wird dich Gott am Jüngsten Tag benutzen (S-B, 138).*

3.4.3. Формирование смысла косвенных инвективных речевых актов. Описанные выше прямые инвективные речевые акты относятся к простейшим случаям выражения в языке, когда говорящий,

произнося их, имеет в виду буквально то, что он говорит. Таких высказываний в языке абсолютное большинство. Этот факт можно, вероятно, объяснить тем, что завуалированная форма оскорбления требует построения инференциальной цепочки от формы высказывания к его функции, то есть способности к разумным рассуждениям [Серль 1986: 197], которые не всегда возможны в конфликтной ситуации. Находясь в состоянии аффекта, инвектант выбирает (как правило, бессознательно) из своего ментального арсенала такие языковые средства для достижения инвективной иллокутивной цели, по поводу которых он может быть уверен, что они попадут точно в цель и по возможности больнее «ударят» адресата.

Косвенные инвективные речевые акты появляются преимущественно в ситуации, когда говорящий имеет возможность рассуждать и сознательно выбирает форму своего высказывания, учитывая все его нюансы воздействия на адресата. Мы опять говорим о двух возможностях выражения косвенной инвективной оценки: путем преобразования различных элементов прямого отрицательно-оценочного высказывания или опосредованно, с помощью другого, формально неоценочного.

Примером первого типа косвенных инвектив может служить следующее высказывание, в котором преобразован объект инвективной оценки, названный как обобщенный: *Ich kann Frauen nicht leiden. Rück weiter weg (H-S, 227)* – говорящий испытывает отвращение к адресату по причине гендерного неприятия и оскорбляет его нежеланием находиться вблизи него; он пытается выразить свое мнение завуалировано, обобщив объект своей ненависти, но это ему плохо удается, поскольку он не останавливается на общей фразе *Ich kann Frauen nicht leiden*, а требует от адресата, чтобы тот (собственно, она) отошла от него на некоторое расстояние.

Объект инвективы может сопоставляться или противопоставляться другим объектам, которым уже дана оценочная (положительная) квалификация: *Als kleines Mädchen warst du niedlich. Die Zeit ist vorbei (H-S, 227)* – адресат путем несложных инференций из сопоставления двух фактов, оценка одного из

которых уже дана говорящим, легко приходит к заключению об инвективном намерении последнего. Такой способ косвенной инвективы позволяет лаконично указать адресату на место, отведенное ему говорящим, формально на нарушая при этом правил общения.

Второй тип косвенных инвектив отличается многообразием форм, которые трудно типизировать. Но в таких высказываниях всегда есть элемент, отталкиваясь от которого, адресат путем некоторых логических операций приходит к выводу, адекватному интенции говорящего. Степень правильности прочтения интенции зависит от семантического расстояния между словом-подсказкой в формально-неинвективном высказывании и собственно инвективным оценочным смыслом. Количество семантических шагов, которые предстоит сделать адресату-интерпретатору, и определяет степень косвенности выражаемой инвективной информации (ср. [Трипольская 1999: 60]). Примером такого типа косвенной инвективы может быть формально декларативное представление кого-либо в лучшем свете, как в следующем высказывании, которым говорящий указывает на возможность нахождения любовных утех супруга адресата в объятиях более молодой женщины, оскорбительно подчеркивая таким образом возраст адресата: *Nur meinen Warnungen, meiner Sorge und meinem guten Ruf ist es doch zu verdanken, dass Michael nicht längst die Fliege gemacht und sein Glück in den Armen einer anderen gesucht und gefunden hat. Einer ... Jüngeren (J-K, 134).* Маркером интенции говорящего является сравнительная степень прилагательного *jung*, которая актуализирует следующий смысл: *Du bist zu alt, um deinen Mann zufriedenzustellen.* Косвенная форма инвективного высказывания является особенной едкой, задевающей адресата, тем более что отсутствие прямого оскорбления мешает последнему выстроить защиту.

Следующий речевой фрагмент показывает намеренную инвективную стратегию косвенного указания на гендерные особенности адресата – женщины, которые, по мнению говорящего, не позволят ей удержаться в бизнесе ее покойного супруга: – *Nun, Ihr Mann ist tot, Sie sind eine Frau, das lockt*

die Haie an (H-M, 76). Адресат косвенной инвективы правильно интерпретирует и искусно парирует ее, намекая в ответе на свои намерения и уверенность в своих силах и возможностях (*– Ich weiß selbst, dass ich eine Frau bin, danke. Es gibt aber auch weibliche Tiere unter Haien, Herr Wiedenroth, Und sie haben auch Zähne*).

Еще одной косвенной инвективной речевой стратегией является указание на низкое социальное происхождение адресата, оскорбление наносится напоминанием места, определенного ему законами классового общества: *Du kannst dein ganzes kleines, miserabes Leben lang nur stolz darauf sein, dass dich ein Edelmann angefasst hat. Hast du dir denn überhaupt Zähne geputzt, ehe du es wagtest, mich zu küssen? (K-S, 58)*. Оскорбительно в приведенном примере само определение жизни адресата как *klein* и *miserabel,* его великим счастьем является, по мнению инвектанта, факт, что представитель избранных обратил на него внимание. Для современного человека, пусть даже не обладающего высокими титулами, но имеющего достоинство, такое высказывание равнозначно пощечине. На наш взгляд, даже грубое инвективное обозначение переносится адресатом легче (его можно списать на аффект), чем подобное изощренное унижение, обнажающее истинное отношение к нему.

Косвенные инвективные высказывания могут быть нацелены на физические недостатки адресата: *Wenn ich gehe, vergrabe ich mich nicht mit einem Krüppel, sondern suche das Leben (K-A, 241)* – говорящая отказывается покинуть обманутого ею мужа и уехать с человеком, влюбленным в нее и ставшим по ее вине инвалидом. Формально высказывание представляет собой объяснение причины отказа – желания вести полнокровную жизнь, но в ситуации обращения к инвалиду оно становится оскорбительным указанием на его физическую несостоятельность.

Наконец, пример типа наиболее оскорбительной косвенной инвективы: встретив на дороге знатного воина с небольшим сопровождением, группа разбойников, уверенных в своем превосходстве, старается заставить его потерять самообладание, что сделало бы его более уязвимым. С этой целью они

наперебой, пытаясь перещеголять друг друга в изощренности вульгарных представлений, сообщают о якобы связанных с адресатом слухах: *Wir haben gehört, dass du jede Nacht vor Entzücken kreischst, wenn barbarische Scheusale mit ihren stinkenden viehischen Schwänzen dein blutendes Arschloch weiten. Und dass du untertags wie ein Kleinkind gluckst, während du üble Säfte aus denselben kranken Gliedern saugst (M-S, 276).* Грубая лексика, свойственная речи представителей этой социальной подгруппы, маркирует интенцию говорящих. Для ее интерпретации адресату требуется всего несколько логических операций: имея фоновые знания о социальной неприемлемости обсуждаемых действий, он понимает, что намеренное сообщение об их совершении имеет стратегическую цель унизить, подавить его. Тот факт, что запланированный говорящим перлокутивный эффект – переход адресата в ментальное состояние оскорбленности – не наступает и реакция последнего идентична реакции на формальное сообщение о факте (*Leider hat man Sie falsch informiert <...>*), доказывает косвенный характер приведенного высказывания.

Существует распространенный тип конвенциональных косвенных оскорблений – предложение совершить оскорбительное действие, реализуемое в форме полных формально-побудительных предложений как *Leck mich am Arsch (B-J, 25),* или в их эллиптированном варианте: *Du kannst mich <...> (B-S, 169) → Du kannst mich am Arsch lecken.* Такие высказывания также являются сильным инструментом воздействия, которое не исчерпывается только побуждением, а является косвенным коммуникативным влиянием на эмоциональное состояние адресата, его поведение и ценностные ориентиры.

* * *

Подводя итог рассмотрению особенностей конституирования смысла инвективных высказываний, можно констатировать, что их иллокутивная цель – попытка осуществления вербальной социальной «казни» адресата – определяет порядок расположения компонентов в единой системе смыслов инвектив. Наиболее востребованными из них является пара интенционального и эмотивного смыслов, первый из которых обусловлен коммуникативным

намерением говорящего, а второй, особенно его эмоциональная составляющая, является результатом его эмоционального катарсиса, разрядки возникшей в конфликтной ситуации эмоциональной напряженности. Такое «выпускание пара» происходит чаще всего посредством инвективной оценочной номинации партнера, значит, не менее важными являются два других эмотивных элемента – оценочный и реляционный смыслы, которые иногда ситуативно бывают несколько «затенены» эмоциональным, Пропозициональный смысл находится на дальней периферии системы, поскольку инвектанта совершенно не заботит истинность содержания высказывания, во главе угла конфликтного общения стоит вербальная агрессия в любом пропозициональном воплощении.

4. РЕЧЕВОЙ АКТ ПОРИЦАНИЯ

Значение речевого акта порицания связано с оценочным понятием *schlecht*, которое выделяется среди других категорий чрезвычайной разноплановостью своих связей и функций: оно имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию (или скорее несоответствию) норме, восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям, к активному психологическому началу человека, его желаниям, стремлениям, воле, долгу и др. Оценочные суждения в форме порицания выполняют функцию ориентиров, помогающих решить проблему выбора, актуальную для каждого из членов общества, им отводится роль регуляторов, посредством которых оказывается влияние на адресата, а через него и на ход практической жизни.

4.1. Порицание как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Порицание понимается как отрицательная оценка действий/деятельности партнера, нанесших вред говорящему или третьему лицу в той или иной форме, высказываемая в частном порядке или при наличии публики. Это специфический комплексный речевой акт, с заложенным в нем изначально, независимо от контекста сложным интенциональным содержанием («сплавом» интенций упрека, обвинения и порицания в узком смысле), которое

интегрирует выражение неодобрительной оценки и воздействие на эмоциональное состояние адресата, каузирование эмоционального дискомфорта последнего. Планируемый перлокутивный эффект порицания заключается в изменении поведения адресата в лучшую сторону. Аргументом в пользу такого широкого понимания порицания является невозможность в ситуации речевого неодобрения отграничить упрек от обвинения и порицание от критики, они по определению предполагают наличие друг друга, например, высказывание *Gemein bist du! Alles hast du zerstört! (A-M, 8)* явно является обвинением с выражением субъективной оценки и упреком в несоответствии поведения партнера ожиданиям говорящего, а также содержит порицание за несоответствие поведения адресата норме межличностных отношений и обстоятельствам. Интенциональную формулу данного высказывания можно представить в следующем виде: *Ich finde, dein Benehmen und deine Handlungen entsprechen nicht der allgemein anerkannten Norm und den situativen Umständen, du solltest dich anders verhalten, ich werfe dir dein Verhalten vor und beschuldige dich des Zerstörens unserer Beziehungen.*

Различные виды порицания различаются только некоторыми нюансами значения, реализуют либо доброе отношение говорящего и мягкость выражения, либо строгость, официальный характер, иногда назидательность или придирчивость. Для порицания релевантны такие характеристики, как раздражение говорящего, его обоснованный гнев, насмешка и глумление, злобность. Порицание может отличаться степенью вины адресата, степенью резкости порицания, гнева. Но во всех случаях речь идет о вариациях на тему порицания – неодобрительного высказывания о поведении или действиях адресата. По этой причине мы в нашем анализе отвлекаемся от существенных характеристик отдельных модификаций порицания и сосредоточиваемся только на общих категориальных признаках этого типа оценочного суждения.

Ф. Хундснуршер в небольшой статье о конфликтных речевых актах [Hundsnurscher 1993: 143-146] рассматривает три точки зрения на порицание[63].

[63] Ф. Хундснуршер говорит в своей статье об упреке, но поскольку мы рассматриваем упрек как элемент

Согласно первой из них, «порицание является особым видом побуждения, а именно побуждением извиниться или оправдаться». Вторая точка зрения рассматривает порицание как утверждение, как негативную оценку и приписывание ответственности за наступившее положение дел или за определенное действие и, следовательно, как ассертивный речевой акт. И, наконец, с третьей точки зрения порицание имеет экспрессивную природу: оно служит выражению досады по поводу определенного положения дел или действия в адрес несущего за них ответственность адресата. На наш взгляд, именно третья точка зрения является наиболее обоснованной. Но в этой связи возникает вопрос: разве порицание не имеет ничего общего с побуждением и ассертивом? Ответ на этот вопрос заключается в нашем утверждении о комплексности порицания и его многофункциональности: с одной стороны, вербализируя пропозицию (т.е. информируя партнера по коммуникации о своей позиции относительно действий или поведения последнего), говорящий совершает ассертивное речевое действие, оценивает адресата, создает своего рода социальное отражение его личности, представление о том, каким видят его окружающие. Но одновременно порицающий стремится предотвратить повторение порицаемого действия, побуждая, следовательно, адресата к его прекращению, к исправлению отрицательно оцениваемого положения дел. Порицание, воздействуя на адресата, модифицирует систему его ценностей и установок: принимая этическое суждение, он принимает и выведенный из него императив [Hare 1972: 171]. Достижение этой цели не всегда возможно при использовании «голого» директива; наиболее эффективным является способ эмоциональной дестабилизации в форме экспрессивного порицания, в котором, как в мозаичном калейдоскопе, сочетаются в причудливом узоре ассерция, констатирующая отрицательное положение дел, собственно порицательные интенции упрека, обвинения в его наступлении и побуждение к изменению этого положения дел. Переплетаясь и варьируясь в разных ситуациях, эти

порицания, то, на наш взгляд, возможна замена в данном контексте узкого понятия «упрек» широким понятием «порицание».

нюансы смысла представляют восприятию адресата то одну, то другую «грань», имплицируя (не исключая совсем!) все остальные. Очень простой, но показательный пример сказанному: малолетняя дочь порицает маму за форму выражения своего мнения: – *Einen Teufel werde ich tun! – Mutti, das sagt man nicht! (H-M, 216)*. Высказывание порицания в приведенном речевом фрагменте можно развернуть следующим образом: *Mitti, das sagt man nicht* (ассерция), <*das entspricht nicht der anerkannten Norm. Die Tatsache, dass du das sagst, bewerte ich negativ* (отрицательная оценка) *und werfe dir deine Sprechweise vor* (порицание-упрек). *Sag das nicht mehr (nie wieder)* (побуждение)>.

Полиинтенциональность речевого акта порицания. Комплексный характер порицания определяет его полиинтенциональность. Реализуемые в нем отдельные интенции можно образно сравнить с блоками, из которых строится порицательное интенциональное единство. Порицание редко ограничивается краткими лаконичными оценочными формулами, которые в некоторых ситуациях без дополнительной аргументации воспринимаются как желание обидеть, задеть, то есть как инвектива, а в других случаях приводят к коммуникативной неудаче, оставаясь непонятыми адресатом. Поскольку целью порицания является регулирование действий, поведения адресата, отношений коммуникантов, то говорящий должен следить за тем, чтобы не допустить наступления незапланированного перлокутивного эффекта, и направлять коммуникацию в нужное русло. Для этого он старается пояснить, аргументировать свою оценку, указать на возможные отрицательные последствия действий или поведения адресата. Такая полиинтенциональность и является причиной полиструктурности речевых актов порицания, сочетающих прямые и косвенные формы, имплицитные и эксплицитные оценки, констатации отрицательного положения дел и побуждения изменить их, назидания, напоминания о норме и рекомендации и т.д. Возможности разнообразных комбинаций порицательных элементов исключительно велики, по нашим наблюдениям, абсолютно идентичные сочетания могут появиться только случайно, значит, верно утверждение, что «сколько высказываний,

столько порицательных «орнаментов». Приведем некоторые из них в качестве примера:

- Отрицательная оценка положения дел, за которой следует протест против этого положения дел и побуждение к его изменению, а также предположение о возможных последствиях «политики невмешательства»: *Geschwätz! Jedenfalls dulde ich net, dass sich einer meinem Willen widersetzt, und du schon gar nicht. Du hast zu tun, was ich sage. Wo kämen wir hin, wenn jeder eigene Wege gehen will! (B-Sz, 42).*

- Отрицательная оценка положения дел, затем предположение о возможных причинах его наступления, имплицитное побуждение к его изменению: *Dreck, überall Dreck! Die Kerle scheißen wohl in die Ecken, ja, was ist denn das für ein Sauladen, ein Schweinekoben, ein stinkiger Affenstall, verdammt! (N-H, 361).*

- Побуждение к изменению адресатом положения дел/действий, указание на уже вложенные усилия для создания положительного положения дел: *Schau, Madl, mach es uns doch nicht gar so schwer. Wofür haben wir denn geschafft und geschunden und dich aufgezogen? Doch nicht dafür, dass du dich jetzt einem solchen Menschen in die Hände gibst (S-T, 52).*

- Побуждение прекратить выполнение отрицательно оцениваемого (возможно, имплицитно) действия, указание на отсутствие видимых причин его выполнения: *Jetzt hören Sie aber auf! Was ist so witzig dabei, wenn zwei miteinander im Bett sind? (H-M, 92).*

Продолжать перечисление в ограниченных рамках данной работы не представляется целесообразным, уже приведенные примеры показывают и доказывают «многоликость» порицания, многослойность его содержания, позволяющая нам в подражание П.Х. Ноуэлл-Смиту назвать их «Янус-высказываниями» [Ноуэлл-Смит 1985: 157].

Отличие порицания от оскорбления. Как и в инвективе, степень категоричности и интенсивность выражения отрицательной оценки партнера в порицании могут быть достаточно высокими. Но до тех пор, пока

говорящий ориентирован на исправление партнера по коммуникации, его слова воспринимаются более как речевые действия порицания. Оскорбитель ругает ни за что, он преследует иную цель – унизить адресата, больнее уязвить его. Нанесение обиды – это выражение агрессии, поведение, направленное на отчуждение, отдаление и одновременно на унижение, подавление адресата.

Совершенно очевидно, что инвективам несвойственна регулирующая функция, поэтому они не признают ограничений на иерархический статус говорящего и слушающего – инвективы меняют дистанцию между партнерами, вторгаются в личную зону адресата[64]. Минимальная ориентация на адресата имеет следствием игнорирование установленных норм поведения, пренебрежение этикетной стороной речи, широкое использование бранных слов, выбор которых определяется не различиями дескриптивного характера, а степенью заключенной в них «ранящей» силы.

Отличие инвективы от порицания сказываются и на форме этих речевых актов. Если порицание имеет в первую очередь форму констатаций факта, то оскорбления предпочитают форму оценочных номинаций, в которых персонифицируется осуждаемое качество.

4.2. Функционирование и варьирование порицания

Поводы для порицания. Порицание, как и любое высказывание, имеет референтную характеристику: в основе высказывания порицания лежит какая-то ситуация (поступок), которую отрицательно оценивает говорящий.

Все поступки можно разделить на две группы: те, которые являются однозначно оцениваемыми, поскольку соотносятся с нормами, принятыми в обществе, и те, которые могут получать ту или иную оценку в зависимости от субъективного к ним отношения, поскольку прямо с нормами они не соотносятся. Поводами для порицания могут быть самые разнообразные жизненные положения дел, нарушения правил и норм, несоблюдения этикета и

[64]О таком функционировании оскорбительных речевых актов говорится в работе Л.Л Федоровой. «Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии» [Федорова 2003: 21-40].

т.д., важно лишь, что адресат несет ответственность за их наступление или ненаступление. Если ситуация, действие, положение дел не зависят от воли и деятельности адресата, то их нельзя вменить ему в вину [Воркачев 1990: 90; Вольф 2006: 141]. Например, нельзя порицать собеседника за данную ему природой неблаговидную внешность, но порицание за особенности внешности, зависящие от воли и желания адресата вполне логично: *Nicht gewaschen, nicht gekämmt, kommst du immer so zum Frühstück?* [Бессонова 2003: 11]. Важно, однако, заметить, что речевой акт порицания не обязательно предполагает включенность события в личную сферу говорящего. Основанием для порицания может быть норма, установленная обществом, кроме того, поведение или деятельность адресата могут оцениваться с точки зрения его роли, связанной с социально-статусными или иного рода отношениями равенства/неравенства и, прежде всего с той общественно-значимой ролью, которую берет на себя говорящий. Каузаторами порицания могут быть, таким образом, следующие:

– нанесение обиды: *Und du, mein kleines, unschuldiges Lämmchen, hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? Statt mir zu sagen,was dir begegnet war, fandest du beleidigende Worte für mich und machtest mich glauben, dass ich dir nichts bedeutete (B-St, 64);*

– нелицеприятный отзыв адресата о третьем лице, обладающем, по мнению говорящего, положительными качествами: *Ja, mei, der Vergleich ist aber net sehr schmeichelhaft für meine Schwester. Ich mag net, wenn du so redest <...> (B-W, 38);*

– недоверие, неверие в честность говорящего: *Anne, kleine, liebe Anne, konntest du wirklich von mir glauben, dass ich ein so hässliches Spiel mit dir treib? Hattest du so wenig Vertrauen zu mir? (B-St, 64);*

– нечестное, непорядочное отношение адресата к говорящему: <...> *Wie habe ich auch nur eine Minute glauben können, Sie wären besser als alle anderen? Sie sind es nicht, Herr Graf, im Gegenteil. Ich weiß jetzt, dass Sie mir gegenüber nur den Freund und Gönner gespielt haben – um – um – (B-St, 58);*

– несдержанность в поведении: *Da hättest aber doch du der Vernünftigere bleiben sollen (B-W, 32);*

– несоответствие поведения обстоятельствам: *Sei nicht so unverschämt. <...> Wenn du nur ein wenig mehr Wert auf dein Äußeres legen würdest, müsste ich nicht – (V-DN, 7);*

– несоответствие поведения/намерения/действий общепринятой норме: *Ja, mei, wirst doch net um diese Tageszeit so scharfe Sachen trinken wollen. Ich denk`, ihr müsst noch weiter (B-W, 31); Sie haben auch vor nichts und niemandem Respekt (V-DN, 29);*

– излишнее самовосхваление, самолюбование адресата: *Was würden Männer nur reden, wenn das Wörtchen „ich“ abgeschafft würde? <...> Du wärst absolut sprachlos (G-T, 345);*

– невыполнение/недобросовестное выполнение своих обязанностей: *Da haben Sie bestimmt überall Ihre Fingerpatschen hinterlassen, was, Constable? <...> Ersparen Sie mir die elenden Einzelheiten (G-T, 269);*

– нанесение действиями адресата личного вреда говорящему: *Da haben Sie mir ja was Schönes eingebrockt mit Ihrem Rat, den Sie der Dame gegeben haben! (B-W, 27).*

Варьирование порицания. Поскольку модификации порицания почти неограниченно многообразны (вариациями являются не только названные обвинения и упрек, но и осуждение, рациональное неодобрение, а также различные сочетания форм и интенций), то для некоторого упорядочивания этого речевого действия мы в качестве классификационного критерия вновь избираем социальный статус и утверждаем, что структура и характер порицания во многом зависят от того, в каком направлении статусных отношений оно используется. Возражая мнению некоторых лингвистов, например В.И. Карасика, который полагает, что порицание возможно лишь в случае неравенства статусов (когда вышестоящее лицо выносит отрицательную оценку действиям нижестоящего) [Карасик 2002], мы считаем, что порицание

может выражаться при статусных отношениях сверху вниз, снизу вверх или в общении равностатусных партнеров.

Порицание «сверху вниз». Статусные отношения «сверху вниз», обладая определенным модусом распределения уважения и презрения, собственной значимости говорящего и неполноценности адресата, являются основополагающими для порицания. Компетенцию одного из партнеров порицать определяет традиционная ролевая асимметрия (родитель>ребенок, старший по возрасту>младший по возрасту, руководитель>подчиненный).

Наиболее интересно порицание в ситуации общения социально разностатусных партнеров. Порицание сильных всегда темперировано: они редко бывают открыто агрессивны, скорее довольствуются намеками, не нуждающимися в пояснении, поскольку они абсолютно достаточны и показательны, как дистинктивные сигналы их избранности. А избранные избегают открытых и прямых обвинений, неприкасаемо возвышая себя этим над толпой. Пример тому – следующее высказывание, внешне безобидное, произнесенное с соблюдением всех правил вежливости. Но оно является ядовитым порицанием-обвинением в ситуации, когда абсолютно уверенный в своей правоте и торжестве справедливости рабочий выступает за права таких же, как он, на собрании «акул бизнеса»; прервав пламенную речь бунтаря, председатель собрания просто задает вопрос *Darf ich fragen, Herr Holtmann, welche Ausbildung Sie genossen haben? (K-A, 160),* который для адресата, не имеющего, разумеется, за спиной ни гимназии, ни университета, равнозначен инвективе, практически уничтожившей его. Примечательно, что после ухода поверженного «революционера» победитель как ни в чем ни бывало продолжает собрание, еще раз демонстрируя свою независимость от взглядов и мнений низкостатусного партнера, считая его недостойным своего внимания и интереса. Причина этой относительной отчужденности налицо: она состоит в превосходстве властных ресурсов, которое позволяет избранным почти не использовать средства диффамации и сдерживать собственные аффекты. Тому, у кого за спиной положение, имущество и закон, не нужно особенно

напрягаться, чтобы утвердиться в своей власти, он ограничивается пассивным цементированием своего статус-кво[65].

Порицание «снизу вверх». Порицание при статусных отношениях «снизу вверх» строится по другим законам. Низкостатусный партнер выступает в этом случае в роли лающей собаки, которая не кусает. Не кусает именно потому, что лает. То есть порицание снизу вверх – это имитация «кусания», который, однако, требует определенной доли решимости и мужества[66]. Примером такого порицания может служить следующий фрагмент: – *Ich protestiere gegen die Verwendung der Spendegelder für den Zechenausbau. Das Spendegeld hat voll den Waisen zuzufließen. – Protestieren Sie nur! <...> (K-A, 229).* В ситуации приведенного порицания адресат понимает, что дальше бессильного «тявканья» дело не пойдет, и отмахивается от говорящего и от ситуации в целом как от назойливой мухи.

Эмотивно-оценочное отношение в порицаниях «снизу вверх» можно определить как этическое презрение, в котором социальный статус говорящего и адресата не является релевантным, так как говорящий оценивает адресата как личность с моральных, а не социальных позиций. Этическое презрение появляется, если для этого есть веские основания: презирают за измену, предательство, подлость, но не за мелочный обман или ложь по незначительному поводу, то есть когда речь идет о поступках, противоречащих основным, общечеловеческим морально-нравственным принципам личной и общественной жизни говорящего. Заслуживающими презрительного отношения считаются также трусость, малодушие, ложь, лицемерие и другие личностные проявления, которые могут рассматриваться как измена самому себе.

---

[65] Безусловно, представители избранного социума тоже могут становиться более радикальными в порицании. Это происходит, если они чувствуют угрозу своему положению и если им отказано в уважении, тогда порицание становится агрессивным, включает элемент социальное презрение, а также целой палитры активных эмоциональных состояний от раздражения до ярости. В этом случае порицание может прямо переходить в инвективу.

[66] Речь в данном случае не идет о социальной борьбе, в которой порицание является попыткой «укусить», оно становится агрессивнее, злее, нетерпимее. Примером такого порицания может служить идеологический дискурс социальных движений, в котором «избранные» провоцируются, унижаются, изобличаются.

Порицание «снизу вверх» не ограничивается ситуациями общения представителей различных социальных слоев. К этой группе относятся также и порицания детьми родителей *(Du hast dich unmöglich benommen, Vater! Er hat dir gar nicht getan! (K-A, 16)*), младшими по возрасту старших (*Bist ganz schön frech, Bienchen! (K-A, 71)* – замечание младшего брата, направленное старшей сестре). Эмоционально-оценочное отношение при порицании в ситуациях общения близких родственников следует определить как рациональное неодобрение, недовольство или осуждение: говорящий, зная нормы подобающего поведения людей и ориентируясь на эти нормы, считает, что адресат не соответствует им. Такое порицание редко характеризуется сильным «накалом страстей», оно касается чаще всего бытовых стандартов (беспорядок), социальных явлений (пьянство), поступков, деятельности или событий, виновником которых явился адресат.

Порицание при равных отношениях партнеров. При совершении речевого действия порицания речь не идет об обязательной институциональной статусной асимметрии. Как и при похвале, компетенция порицать может быть одномоментной, ситуативно обусловленной, то есть порицать может один из равноправных партнеров, который в ситуации «здесь и сейчас» считает себя вправе высказать неодобрение по поводу действий или поведения адресата: *Reden Sie nicht solchen Unfug. Man soll das Schicksal nicht heraufbeschwören (B-W, 19).* Говорящий на момент произнесения порицания берет на себя психологическую роль Родителя (он присваивает себе право на оценку, авторитетность) и роль Взрослого (правильность оценки, трезвый анализ ситуации). Эмоционально-оценочное отношение, выражаемое равностатусным говорящим, варьируется от презрения (в случае нарушения адресатом морально-этических норм, например, при предательстве) пренебрежения (при отсутствии интереса говорящего к адресату или отсутствии ценности адресата для говорящего) и осуждения (если адресат, по мнению говорящего, сознательно и целенаправленно нарушает определенные нормы поведения и межличностных отношений) до доброжелательного порицания (при

положительном отношении говорящего к адресату и снисходительном отношении к его недостаткам). Основополагающим фактором при выражении эмоционально-оценочного отношения является прагматическая ситуация, определенная констелляция ее компонентов и испытываемая говорящим гамма эмоциональных состояний (гнев, ненависть, злость, неудовольствие и т.п.).

Самопорицание. По мнению психологов, действия людей по отношению к самим себе в значительной мере того же порядка, как и действия по отношению к другим людям или действия других людей по отношению к ним. Человек может ругать, хвалить, оправдывать или прощать самого себя за собственные поступки даже прежде, чем о них узнают другие [Шибутани 1969: 81]. Но в отличие от положительной самооценки, которую согласно социальным конвенциям следует минимизировать любыми доступными способами, отрицательная самооценка, особенно преувеличение ее степени, является наиболее эффективным средством показать скромность и требовательность к себе (парадокс: такое порицание сродни самопохвале): *Ich habe nie gesagt, dass ich vollkommen bin, Smilla (H-S, 282) = Ich bin sehr bescheiden, weil ich nie gesagt habe, dass ich vollkommen bin, denn ich weiß, was vollkommen sein heißt.*

Но самопорицание может быть использовано и в других целях. Его ценность в межличностных отношениях существенно зависит от коммуникативной функции этого речевого акта в диалоге и ожидаемого перлокутивного эффекта. Опосредованной целью самопорицания может быть, например, косвенный запрос совета: если говорящий порицает какое-то присущее ему качество, свое поведении или выполненное им действие, результаты которого, по его мнению, еще можно исправить, то логично предположить, что он ждет от партнера совета, рекомендации по изменению этого отрицательно оцениваемого положения дел; такая рекомендация является совершенно естественной реакцией партнера: *Ich war zu hart zu ihr. Ich hätte mehr Rücksicht auf sie nehmen müssen. Ich verstehe heute nicht, dass ich damals so völlig versagte. – Die Entscheidung darüber kannst du verschieben, bis du sie*

wiedergefunden hast. Du musst sie einfach finden, hörst du? (U-V, 36). Отрицательная оценка в таком самопорицании выражается дескриптивно – называются объективные качества, вызывающие недовольство говорящего.

Целью самопорицания может быть также профилактика отрицательной оценки партнера, которую ее адресат=говорящий рассматривает как более или менее агрессивный акт и которая может отрицательно повлиять на отношения между собеседниками. Разумеется, самокритика значительно более предпочтительна, чем порицание партнером. Заранее признавая свои ошибки, говорящий поддерживает свое положительное лицо и освобождает партнера от необходимости высказывать свою отрицательную оценку: *Hier trifft nur einen Schuld, und zwar mich. Ich habe mich so sehr daran gewöhnt, gute und treue Männer um mich zu haben, dass ich die Fähigkeit eingebüsst habe, mich selbst zu schützen (M-S, 360).* Такой вид самопорицания освобождает отношения от груза оценивания и является поэтому наиболее эффективным способом их сохранения и поддержания.

Самопорицание может реализовывать и интенцию извинения: и в этом случае, как и в предыдущем, говорящий маркирует свое поведение или действие отрицательной самоквалификацией и одновременно эксплицитно или имплицитно извиняется, освобождая тем самым партнера от необходимости порицать его за нанесение вреда: *Ich fürchte, ich habe mich wie ein Idiot benommen (R-P, 111).* Самобичевание функционирует здесь как своего рода наказание за нарушение, адресату не остается ничего другого, как вынужденно акцептировать имплицитное извинение.

Реже встречается самопорицание, побуждающее к положительной оценке партнера. Такая странная, на первый взгляд, реакция служит, по сути дела, оправданием самопорицающего говорящего, партнер, желая сохранить положительное лицо говорящего, выполняет роль утешителя, лояльного судьи: *– Alles ist einzig und allein meine Schuld. Meine Nachlässigkeit hätte Euch beinahe das Leben gekostet. – Du bist doch nicht einmal dabei gewesen. Wie kannst du dich da der Nachlässigkeit bezichtigen? (M-S, 360).* Преувеличенная отрицательная

самооценка, которая действительно имеет основания, побуждает адресата высказывания к возражениям, так что внимание фокусируется именно на последней, положительной оценке говорящего.

4.3. Порицание в составе диалогического единства

Реакция на порицание. Порицание определяется как реактивный речевой акт, так как он является реакцией на совершаемое/совершенное адресатом действие или на результат действия. Как и в похвале, в порицании проявляется ситуативное влияние системы ценностей: адресат имел возможность действовать иначе, наличие такого выбора является условием совершения речевого действия порицания[67].

Но, являясь реакцией на невербальный стимул, порицание представляет собой, как правило, инициативную реплику в диалоге, включающую объективную оценку поведения, действий адресата и поэтому естественным ответным шагом адресата должно быть простое признание вины или ответственности за наступление отрицательно оцениваемого положения дел: – *Wo bist du? Warum bist du fort, ohne eine Nachricht zu hinterlassen? Ich darf dich daran erinnern, dass du immer noch mit mir verheiratet bist, Simone. – Ich weiß, Carsten (U-V, 39).* Такое признание правомерности порицания равнозначно извинению[68], которое в таких случаях обязательно подразумевается: *Ich weiß, Carsten = Ich weiß, Carsten, dass ich mich falsch verhalten habe, und bitte mich zu entschuldigen.*

Раскаяние за необдуманность своих действий, приведшей к плачевному результату и нанесшей ущерб говорящему или третьему лицу, тоже является

---

[67] Наша точка зрения подтверждается мнением Л. Хертцберга [1975], который понимает порицание как действие, которое только тогда имеет право состояться, если один из действующих лиц несет ответственность за свои действия, то есть говорящий только тогда может совершить речевое действие порицания, если адресат в момент действия знал, что приемлемо, а что нет. Противоположное мнение представляет В. Циллиг, считая, что говорящий может порицать действие само по себе, например, он может не одобрять употребление адресатом определенных слов, даже если он не знает их значения: *Bettina, das ist ein ganz hässliches Wort, hörst du. Das sagt man nicht* [Zillig1982: 190ff].

[68] О случаях эксплицитной просьбы о прощении за нанесение ущерба мы писали в разделе о речевых актах извинения (- *Worüber lachst du? Doch nicht über meine Vorschläge Vergiss nicht, im Grunde sprach ich von meinem Tod. – Verzeih, Tante (K-M, 167))*, поэтому здесь мы не будем еще раз останавливаться на этом виде реакции на порицание.

имплицитным признанием вины и просьбой о прощении, как, например, в следующем речевом фрагменте, где адресат порицается за подстрекательство к опасным действиям по отношению к офицерам СС: – *Halten Sie den Mund! Sie haben Ihrem Freund einen schlechten Dienst erwiesen! Wenn das Theater wenigstens einen Sinn gehabt hätte! Aber wegen der Russen mit der SS anzubinen, das ist doch sinnlos! Was haben Sie sich bloß dabei gedacht? – Mir ist das alles erst hinterher eingefallen (N-H, 263).* Адресат признает вину и объясняет свое поведение спонтанной реакцией на несправедливость, понимая, что состояние его внутреннего мира никак не является оправданием его, солдата немецкой армии, действий.

Но, несмотря на естественность и ожидаемость реакции на порицание в виде признания своей вины, она встречается довольно редко. Значительно чаще адресат порицания протестует против порицания, оспаривает оценку произошедшего, одним словом, стремится «спасти лицо», и, поддаваясь аффектам, делает это не всегда в рациональной форме: – *Gitti? Fort! Verschwunden! Und du bist schuld daran! – Erlaube mal, wieso? Schließlich ist deine Schwester alt genug, um zu wissen, was sie tut (K-M, 135).* Ответ на вопрос о том, почему протест против порицания встречается чаще, следует, вероятно, искать в психологии личности, которой, как мы уже указывали выше, свойственна завышенная положительная оценка собственного «Я». Любая отрицательная оценка положения дел, касающегося адресата, является наступлением на его чувство собственного достоинства. Не каждому под силу спокойно и смиренно принять эту оценку, к ней относятся скорее как к вмешательству, хоронящему уверенность адресата порицания в себе, парализующему его жизненный взлет. Сильные личности, не знающие или не признающие за собой вины, меняют тактику и пытаются повергнуть самого порицающего. Так рождается конфликт, который часто от взаимных обид и упреков переходит к взаимным оскорблениям, откровенной агрессии.

Реакция-протест может быть направлена, с одной стороны, против иллокуции инициативного высказывания – намерения дать отрицательную

оценку действиям адресата, с другой стороны, против пропозиционального содержания, то есть против самих квалификативных суждений говорящего.

Реакция на иллокуцию. Реагируя на иллокутивную часть – на неодобрение, осуждение поведения или действий адресата, – последний выражает негодования по поводу самого факта порицания: – *Kaum kann der Zische wieder den Mund aufmachen, da quatscht er dämlich. So was! – Ich lass mir diese Beleidigung nicht mehr gefallen! (N-H, 260)* – упрек в демагогических рассуждениях о долге немецкого солдата и его преданности фюреру воспринимается адресатом как оскорбление его лучших чувств и побуждений и вызывает бурный протест и угрозу наказать обидчиков.

Распространенной формой протеста против интенции порицания является отказ обсуждать положение дел с кем бы то ни было, восприятие порицание вмешательством в личную жизнь и дела адресата: – <...> *Wie kannst du nur einen solchen Haderlumpen ins Haus holen? – Das ist allein meine Sach! (S-T, 51).*

Наконец, реакцией на иллокуцию может быть выражение неуместности либо самого порицания (– *Benehmt euch! – Quatsch doch nicht, Mensch, hier so`n Zimt machen wegen der Slowakischen! (N-H, 377))*, либо притязаний говорящего на компетенцию оценки и порицания, своего рода «одергивание»: – *Eine Pizza ist doch keine Kassette! Das weiß doch jedes Kind! – Sei nicht so naseweis, mein Fräulein! (N-M, 220)*

Реакция на пропозицию. В реакции против содержания пропозициональной части инициативного порицания адресат протестует против событийного факта или его толкования, тем самым утверждая свою невиновность. Примером протеста против пропозиции порицания является следующее высказывание, адресат которого возражает против проспективного порицания его действий (он – солдат немецкой армии – намеревается перейти на сторону противника, понимая несправедливость и бессмысленность войны), он выражает несогласие с интерпретацией ситуации: – *Ein Lump, der seinen Kriegsherrn im Stich lässt! – Kriegsherr, ... Das ist nicht mein Kriegsherr! Das ist nicht mein Krieg! (N-H, 475).*

Протест против содержания порицания говорящий может выражать, утверждая свою непричастность к вменяемому ему в вину поведению: – *Du Hornochse! Wie konntest du so unvorsichtig sein! <...> – Aber ich habe das Mädchen gefesselt und geknebelt (B-H, 20)* – адресат убежден в том, что он выполнил все требования говорящего и не несет ответственности за внезапное исчезновение плененного свидетеля неблаговидной деятельности его и говорящего.

В качестве аргументов отказа принять на себя ответственность за порицаемые действия адресатом называются, например, объективные обстоятельства, указывающие на несостоятельность обвинения: – *<...> Wie konntet ihr das zulassen? <...> – Sie wollte ja nicht hören. Ich habe mich geweigert, sie loszubinden. Sie hat es selbst getan. Wie hätte ich es verhindern sollen? Ich kann doch einer Lädy nicht in den Arm fallen (K-VA, 167).* Реакцией-протестом может служить также собственная интерпретация событий адресатом, как в следующем примере: – *Du gemeiner Kerl! Du wolltest dir das Zeug holen! – Aber nein, Armin! Ich wollte doch nur nachsehen (B-H, 39).*

Особым типом реакции на пропозицию порицания является оправдание как попытка минимизировать свою вину. При оправдании адресат соглашается с порицанием, то есть признает, что совершил нечто предосудительное, но при этом он не осуждает себя и предполагает, что имеет право на защиту. Защищаясь, он называет причины, по которым, по его мнению, его действия могут или должны считаться допустимыми: – *Du entpupst dich ja in einer netten Weise. – Ich hab nicht zu drohen angefangen (N-H, 268)* – говорящий признает вину, но приводит доводы в свою защиту, сводя тем самым степень виновности до минимума. Оправдываясь, адресат порицания может переносить ответственность на другого: – *Ich bitt euch gar schön, seid friedlich! An einem solchen Tag darf nicht gestritten werden. – Er fängt doch immer an (S-T, 22).*

4.4. Формирование смысла речевых актов порицания

Многообразие порицания обусловливает уникальную констелляцию элементарных смыслов в них, непохожую ни на одну из описанных выше. В ней одинаково релевантны интенциональный, пропозициональный и эмотивный смысловые компоненты, которые действуют «рука об руку» при конституировании смыслового единства в высказываниях порицания. Такому взаимодействию не мешает разная степень вербальной представленности этих элементарных смыслов в поверхностной структуре, ситуация общения достаточно полно компенсирует формальную «скрытость» отдельных элементов. Операторы порождения и модификации смысла в порицаниях, как и во всех инфлуктивах, действуют одновременно на нескольких фронтах, являясь, с одной стороны, элементами пропозиции и создавая пропозициональный смысл, а с другой стороны, выражая оценку действий/поведения адресата, «ткут» очень тонкий эмотивный слой смысла. Отбор и степень многофункциональности операторов порождения элементарных смыслов зависит от избранной стилистической тональности, ориентирования на ситуацию общения, характера адресата, официальности-неофициальности обстановки.

4.4.1. Формирование интенционального и пропозиционального смыслов речевых актов порицания. Несмотря обязательность и важность интенционального смысла в рассматриваемых речевых актах, порицание следует признать имплицитно-перформативным актом: среди большого количества и разнообразия встретившихся нам высказываний порицания нет ни одного с перформативными глаголами *tadeln, beschuldigen, vorwerfen, kritisieren*, которые наиболее полно выражали бы интенциональный смысл. Поэтому предположив теоретическую возможность эксплицитно-перформативного выражения различных оттенков порицания (*Ich tadle/beschuldige/rüge dich/werfe dir vor, dass ...)*, мы с уверенностью констатируем их исключительно редкую употребляемость. Объяснение этому заключается просто в факте, что с

помощью перформативных глаголов саморазрушительные намерения говорящего вряд ли могут быть достигнуты. Будучи «прагматически здоровым» членом языкового коллектива, говорящий сознает «самоубийственность» перформативного порицания и страхуется от его инициации употреблением замаскированных, скрытых форм выражения.

Не противоречием сказанному, а скорее подтверждением ему можно считать редкие случаи употребления перформативных номинализаций в высказываниях осторожного порицания-обвинения, как, например: *Vielleicht suchen Sie die Schuld dafür auch einmal bei sich, Herr Neuner. Die Wechseljahre sind ein schwieriges Alter, die Sorge um Ihren Sohn zerrt an ihren Nerven (V-DN, 54).* Обвинение говорящего не клеймит адресата, а рекомендует ему задуматься о положении дел и поискать возможную причину отрицательного состояния дел в себе.

Высказывания такого типа могут иметь и более настойчивый характер, становясь даже агрессивными: *Such die Schuld erst einmal bei dir, bei den Einflüsterungen deines sauberen Herrn Vaters, bei deiner persönlichen Laschheit, der undeutschen Toleranz...! (N-H, 268)*. В пропозициональной части приведенного высказывания говорящий своей отрицательной оценкой морально-этических качеств адресата буквально пригвождает его к ситуативному позорному столбу (немцу с чистой кровью нельзя показывать слабость характера), при этом в иллокутивной части он не обвиняет адресата прямо, а опять же только рекомендует, направляет его в поисках виновного к самому себе.

Оба приведенных высказывания с номинализацией *Schuld* являются рикошетным ответом на обвинение адресата, об этом свидетельствует сочетание номинализации с глаголом *suchen*. Ситуация строится, таким образом, как взаимный поиск причины отрицательного положения дел и взаимное порицание-обвинение, причем ответное обвинение является, на наш взгляд, более сильным, поскольку оно не ожидается адресатом, уверенным в своей правоте и, следовательно, в своей неприкосновенности.

Модальные и отрицательные модификации перформативных высказываний – квазиперформативы с модальными глаголами – встречаются чаще, при этом грамматические показатели модальности имеют не собственные, а прагматические значения. Высказывания с глаголом *müssen* подчеркивают вежливость или официальность в общении, в них на передний план выдвигается нежелание говорящего порицать, вынужденность совершения этого речевого действия, поэтому их появление в речи довольно странно («не хочешь, не порицай!»). Во избежание такой странности ситуации говорящий иногда «маскирует» перформативный глагол, заменяя его глаголом говорения, имплицируя, что совершенно очевидно, глагол порицания: *Ich muss dir schon sagen, du bist genauso ein Dickkopf wie dein Bruder (B-H, 38) = Du benimmst dich wie ein ein Dickkopf, deshalb muss ich dich tadeln und dir sagen, dass du eben ein Dickkopf bist.*

Напротив, употребление глагола *möchte* в сочетании с перформативом в отрицательной форме является конвенциональной коммуникативной стратегией порицания, учитывающий фактор дистанции[69]. Такое высказывание порицания представляет собой некое «введение» в ликоущемляющий акт, предупреждение говорящего о том, что следующее речевое действие – «акт насилия» – может быть ему неприятно, что говорящий, вступая на чужую территорию, ни в коем случае не пробует навести там порядок: *Ich möchte Ihnen natürlich keinen Vorwurf machen, Chief Inspektor. Ich weiß ja, wie beschäftigt Sie sind. Trotzdem war ich enttäuscht, dass ich auf meine Information hin nichts von Ihnen gehört habe (G-T, 452).*

Вышесказанное о перформативной представленности порицания позволяет сделать вывод, что перформативные высказывания, хоть и выражают наиболее полно интенциональный смысл, не могут считаться типичными формами порицания, поэтому высказывания порицания с эксплицитно выраженным «я» в разговорной речи представлены спорадически.

---

[69] Дистанция между партнерами релевантна не только для случаев субординированных отношений между коммуникантами. По сути, любой коммуникативный акт предусматривает определенную дистанцию между участниками: дистанция эта оказывается то более, то менее значительной, но ее не может не быть совсем [Клюев, 1998: 113].

Напротив, пропозициональная часть высказываний порицания всегда эксплицирована и представляет собой, как правило, выражение отрицательной оценки действий/поведения адресата. Это значит, что порождение пропозиционального и эмотивного (эмоционально-оценочного, в первую очередь) смыслов происходит несинкретично, референциальная ситуация и ее оценка раздельно получают выражение в пропозиции высказывания. Для референтной отнесенности достаточно бывает употребление проформы, если адресат знает, чего касается оценка говорящего: *Was höre ich? Was sagen Sie da? (N-H, 309)* – порицание за недостойные высказывания. В иных случаях требуется специальное расширение-пояснение, чтобы адресат знал повод порицания: *Aber dass du hinsetzt und brühwarm alles deinem Alten schreibst, das ist ... erbärmlich ist das! Wenn du dich beleidigt fühlst und für`n Groschen Mut hast, dann machst du das mit mir ab und lässt deinen Vater aus dem Spiel (N-H, 278)* – упрек в малодушии и моральной несостоятельности партнера, который для решения возникшего конфликта обращается за помощью к отцу.

Обе части – оценка и референциальная ситуация – могут быть невыраженными, подразумеваться. Так, не всегда в высказывании эксплицирован сам поступок: *Du bist ein dummer, unverschämter Junge (N-H, 269).* И наоборот, высказывание может состоять только из пропозициональной части, а все оценочные элементы переводятся в пресуппозицию: *Sie haben heute ausgesprochen gute Laune! (H-M, 145).*

Дальнейшее изложение оставляет в стороне вопросы функционирования операторов порождения пропозиционального смысла (речь вновь идет о лексико-грамматической выраженности ситуаций-поводов для порицания) и ограничивается рассмотрением особенностей формирования эмотивного смысла

4.4.2. Формирование эмотивного смыслов речевых актов порицания. Ядро системы операторов порождения эмотивного смысла составляют оценочные слова и предикаты, выраженные разными частями речи:

Sie sind ungezogen! Es gehört sich, dass man mit der Dame des Hauses tanzt! (N-H, 188); Das ist – auf gut deutsch gesagt – eine Sauerei! (K-A, 219).

Прилагательные как операторы формирования эмотивного смысла. Эмотивный смысл, особенно его оценочная составляющая реализуется в порицании в первую очередь прилагательным *schlecht* и его синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*nicht so prima, sauschlecht, hundsmiserabel): Und die Sache mit Ihrer Bianca finde ich auch nicht so prima, wenn wir schon dabei sind (H-M, 171).* Эти прилагательные выражают оценочный итог, сконцентрированная в них отрицательная квалификация всегда принимается не как простая информация, а как руководство к действию: она нацелена либо на пресечение некоторых действий адресата, либо на преобразование результата его действий, не удовлетворяющего говорящего: *Schlecht, sauschlecht, hundsmiserabel! Unfähig, träge, minderwertig! <...> (N-H, 431)* – порицание солдата во время учебных занятий за несоответствие скорости его действий нормативам. Совершенно очевидна прескриптивность общеотрицательной оценки в порицании: оценочные слова являются стимулом для изменения положения дел к лучшему, оценка рождает окказиональный побудительный элементарный смысл.

Общеотрицательные прилагательные выполняют в предложении чаще всего функцию предикатива, конденсируя в одном слове весь спектр нюансов общей оценки – субъективное неудовольствие говорящего, объективное несоответствие действий адресата принятой норме, выражение адресованной эмоции недовольства, стремление вызвать определенное психологическое состояние адресата и желание устранить констатируемый дефект: *Und Sie, Holt, Sie ziehen ein anderes Gesicht, aber sofort! Sie sind überhaupt ein ganz wankelmütiger Mensch! ... Schlecht, Holt! Nehmen Sie ein Beispiel an Wolzow... (N-H, 252).*

Частноотрицательная оценка более многообразна, поскольку зло многолико и отклонений от нормы может быть сколько угодно. Поэтому только общей характеристики положения дел или действий адресата как «плохих»

явно недостаточно для выражения многообразия интенциональных нюансов говорящего. Частнооценочные прилагательные – основной оператор выражения частноотрицательной оценки – включают в состав своего значения какой-либо дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки. Группа таких прилагательных обширна и разнообразна, спектр выражаемых ими частнооценочных значений широк и включает все возможные виды оценки: интеллектуальной (*unklug, dämlich, töricht, einfältig, engstirnig, dumm/saudumm/strohdumm* и др.), эмоциональной (*lustlos, mürrisch, herzlos* и др.), этической (*feige, hochnäsig, unmoralisch, frech, frivol, taktlos* и др.), утилитарной (*nutzlos, gemeingefährlich, schädlich* и др.), нормативной (*nicht richtig, falsch, krank, ungewaschen, ungebührlich,* и др.*).*

В роли характеризующих могут выступать нейтральные в эмоционально-стилистическом отношении прилагательные, которые приобретают оценочность в определенных коммуникативных условиях: *Hoffentlich bist du anders, wenn wir verheiratet sind. Du bist ja kälter als ein Eisblock (S-T, 10).* Прагматический контекст порицания придает отрицательную оценочность даже традиционно положительным качествам немецкого характера – точности, пунктуальности, которые, конечно, неуместны при ухаживании за женщиной, на что и указывает говорящий в следующем высказывании: *Ja, sicher, du kommst mir vor wie einer, der eine Uhr verschluckt hat. Du lieber Himmel, exakt bis in die Knochen! Mach dich doch nicht lächerlich! (K-S, 11).*

Изысканной стратегией «укола» адресата является отрицательная характеристика действиям и поведению адресата посредством положительно-оценочного прилагательного в сравнительной степени – говорящий указывает, что ожидал от партнера большего, считал его лучше: *Eigentlich hätte ich Sie für vernünftiger gehalten (N-H, 94).* Такая своего рода гипербола увеличивает силу эмоционального воздействия – в каждом из нас заложено стремление соответствовать требованиям, экспликация несоответствия равносильна порицанию

Знак положительной оценки на отрицательный меняет также употребление ориентированных на норму интенсификаторов *allzu, zu:* отклонение от нормы порицается: <...> *Idealismus ist gut, aber allzu edel brauchst du auch nicht zu sein (V-DN, 35).*

Популярна сравнительная оценка, основанная на сопоставлении адресата или его поступка с другими, отрицательность которых очевидна или общепринята: <...> *Du bist genauso hochnäsig, wie deine Mutter (K-A, 72)* – порицание не ограничивается указанием на высокомерие адресата, оно усиливается сравнительной референцией на недостаток близкого ему человека. Интенции говорящего в данном случае – порицая, задеть, обидеть адресата, поэтому высказывания такого рода можно считать порицанием-инвективой.

Существительные как операторы формирования эмотивного смысла в порицании. Существительные очень широко употребляются в качестве операторов порождения эмотивного смысла, по частотности они даже преобладают среди частей речи, служащих для выражения отрицательной эмоциональной оценки. Это объясняется тем, что существительные, выполняя назывную функцию, могут выражать не только простые свойства, качества и состояния, но и выражать гораздо более сложные понятия, оно «конкретнее, индивидуальнее, живее, чем прилагательное» [Пешковский 1930: 153].

Оценочный потенциал существительных, используемых для выражения отрицательного отношения к адресату или его действиям, неравнозначен. В высказываниях порицания используются, в первую очередь, собственно оценочные существительные *Sauerei, Schweinerei, Gemeinheit, Mist, Unverschämtheit, Ungeheuerlichkeit, Wahnsinn, Schande,* цель такой оценки – сформировать отношение, мнение, оказать на адресата воздействие: *Schweinerei, verdammte! Die Kerle rauchen! Soll der ganze Wald in die Luft fliegen? (N-H, 495).* Назначение ценностного суждения приведенного примера, мотив которого включен в аргументативную часть высказывания (*Das Rauchen der Kerle kann die Explosion verursachen*), – не сообщение о факте курения адресатов (что было бы совершенно избыточным при его очевидности), а

оказание влияния – побуждение прекратить опасное для всех присутствующих действие.

Все высказывание порицания может быть сведено к одному оценочному предикату, выраженному общеоценочным существительным, гальванизирующим порицание: *Sauerei! Mistloch! (N-H, 360)* – порицание за беспорядок в солдатской казарме. Оценка не поясняется говорящим, поскольку аксиологическая квалификация однозначно конкретизируется в применении к данной ситуации. Оценочное по форме высказывание лишается своей информативности, и его функции ограничиваются иллокутивными целями – выражением порицания и стремлением произвести воздействие на адресатов.

Частнооценочные существительные, употребляемые в высказываниях порицания, являются показателем многогранности и противоречивости человека, квалификацию действий которого нельзя ограничивать только холистической оценкой *schlecht*. Но общая оценка является в то же время облигаторным компонентом семантической структуры любого существительного, называющего порицаемые аспекты жизнедеятельности адресата: *Das ist Verrat! Die Truppe ist noch gut für 24 Stunden Häusekampf (N-H, 552) = Das ist Verrat und das ist schlecht.* Частнооценочные существительные называют признаки внешности, душевные качества, способности и т.п., они представляют собой либо слова, в которых сема отрицательности присоединяется к различным вещественным семам, (ср.: *Jammerlappen, Rotzjunge, Unglücksmensch, Frechling, Flittchen, Feigling, Lump, Lümmel, Dickschädel, Sturschädel, Wilder, Vaterlandsverräter, Nutte, Luder, Speichellecker* и т.д.), либо или существительные, со словарно закрепленным вторичным оценочным значением, выявляющимся в соответствующем лексическом окружении (*Schwein, Sau (Topsau), Rindvieh, Bock, Biest, Teufel, Gespenst* и др.). Примеров высказываний с такими существительными великое множество, они варьируются в зависимости от степени эмоциональности, социальных ролей, интеллектуального уровня говорящего, но во всех случаях, выполняя различные синтаксические роли, они квалификативно характеризуют адресата,

например: *Blödmann. Ich leide (IK-M, 55)*[70] – оценочное существительное в функции предикатива; *Ich muss schon sagen, dass ich das Theater mit euch Rotzjungen langsam satt habe N-H, 264)* – оценочное существительное в роли предложного дополнения, называющего адресата как причину своих неприятностей.

Но чаще всего названные категории существительных в оценочных номинациях адресата просто сопровождают порицание, являясь его эмоциональным «фоном», например: *Wo ist William? Sie Lümmel, Sie sind einfach verschwunden! Und Ihre Bebsy weint den ganzen Tag! (K-VA, 178).* Такие номинации мы по аналогии с комплиментарными или инвективными вокативами называем порицательными или ругательными вокативами, Их можно считать коммуникативными омонимами последних, поскольку в их основе лежат одинаковые синтаксические модели и лексическое наполнение моделей может быть идентично, ср.: инвективное высказывание *Du verlogenes Aas! (N-H, 194)* и порицание *Du unverschämter Kerl wirst dich sofort bei mir entschuldigen! (N-H, 269).* Но их сходство внешними признаками и ограничивается, поскольку на интенциональном уровне граница между ними маркирована резко: в порицании вокативы играют вспомогательную роль, они только сопровождают основное содержание высказывания, собственно ругание, являются его эмоциональным катализатором, сигналом психологического состояния говорящего, своего рода эмоциональной лакмусовой бумажкой. В инвективах же вокативы представляют собой пропозицию, основное содержание высказывания, их коммуникативное назначение – «ударить» словом, задеть, обидеть.

В порицательных вокативах персонифицируется осуждаемое действие или поведение, качественная характеристика при этом либо называется прямо (*Frechling, Schlampe, Feigling, Speichellecker, Flittchen, Verbrecher, Vaterlandsverräter: Sie – Sie Frechling. Jetzt weiß ich, was hinter Ihrer angeblichen*

[70] Произнесенное без соответствующей экспрессивной интонации, отрицательно-оценочное выражение, почти не воспринимается как порицательное, оно, скорее, подобно «отмахиванию» от назойливости партнера. Это еще раз подтверждает мысль, выразительно сформулированную К. Бюлером: «В ругани, также как и в музыке, почти все зависит от «тона»» [Бюлер 1993: 37].

Leutseligkeit steht. Sie wollen Geld machen mit anderer Leute Kinder (B-St, 27)) либо замещается образами-заместителями в переносном значении, которые усиливают экспрессию (*Gans, Teufel, Gespenst, Sau*): *Fünfzig Kniebeugen, das Gewehr in Vorhalt, ich bring Ihnen bei, wie man mit einer Waffe umgeht, Sie hohläugiges Gespenst! (N-H, 361).*

В высказываниях, где оценка передается при помощи существительных в переносном значении, оценочный эффект достигается в результате нарушения семантического согласования: происходит перенос общего признака с объекта первичного наименования на объект вторичного наименования, например, адресат порицания <...> *Und du Rindvieh gehst hin und hängst dich an die Tochter des Chefs. Kreuzdonnerwetter, ich sollte dir wirklich eine kleben! (K-A, 104)* оценивается говорящим как недалекий человек, не думающий о будущем и о последствиях своих поступков. Ему приписываются характеристики соответствующего животного, который в немецкой языковой культуре представляется большим и сильным, но не обладающим выдающимся умом. Актуализация оценочного признака в словах этой группы приводит к изменению их синтаксической функции: референтные (идентифицирующие) имена переходят в предикативные (характеризующие). Ярким доказательством сказанному является употребление разных квалифицирующих прилагательных в роли атрибутов при таких существительных: при употреблении существительного *Rindvieh* в первичной функции его могли бы определять прилагательные *stark, teuer, gut, rassig.* В порицаниях данное существительное сочетается с прилагательным *himmelhoch*, которое эмоционально характеризует степень глупости адресата: *Himmelhohes Rindvieh, du darfst doch nicht sagen, es soll weh tun, du musst sagen, es tut weh! <...> (N-H, 411).*

В качестве порицательного вокатива возможно и использование существительных с синтаксически обусловленными оценочными значениями. Они не имеют семы оценки в семантической структуре, однако в определенном контексте, находясь в предикативной позиции, выполняют оценочную функцию. Механизм возникновения оценки в таких случаях обусловлен тем,

что существительные с семантикой, далекой от ярко выраженной качественности, могут осмысливаться как совершенно определенные квалитативные единицы. Например, порицание солдата на учениях за неосторожность: *Vetter, werden S wohl liegenbleiben! Sie san tot! Tot san Sie! Sie depperte Leich, Sie depperte! (N-H, 140).* Коммуникативной функцией приведенного высказывание никак не является унижение партнера, поскольку порицающий офицер искренне расположен к юным солдатам, переживает за их ошибки, которые могут в иных обстоятельствах стоить им жизни – номинация *Leiche* эмоционально указывает солдату на то, что в боевых условиях его уже не было бы в живых. Значит, мы с уверенностью можем определить это высказывание как отрицательную квалификацию действий ее адресата, эмоционально «приправленную» порицательным вокативом *Sie depperte Leich, Sie depperte!*

Обращает на себя внимание функционирование в качестве порицательного вокатива широкозначного существительного *Ding*. Слова такого рода А.А. Уфимцева определяет как промежуточные полудейктические знаки, объединяющие в своем значении назывные и указательные семы [Уфимцева 2004: 188-192] – они, несмотря на свою семантическую опустошенность и контекстуальную обусловленность (как местоимения), сохраняют свое – частично десемантизированное – номинативное значение. Степень индивидуализации признаков при обозначении их существительным *Ding* минимальна, поэтому оно способно замещать любую единицу класса существительных с более конкретной семантикой.

Исследователь соответствующих слов английского языка Х. Шмид дал им метафорическое название «слов-раковин» (*shell nouns*) [Schmid 2000: 30]. Он рассматривает их как своего рода пустые контейнеры, в которые в благоприятных для раскрытия «створок раковины» условиях, то есть в определенном контексте, как жемчужина вкладывается прагматическое содержание высказывания – в порицании это информация о пренебрежительном эмоционально-оценочном отношении говорящего к

адресату (называние партнера неясным, расплывчатым «нечто» возможно только при отсутствии уважения и любви к нему). Сочетание нейтрального по характеру существительного *Ding* с оценочными атрибутами отрицательной коннотации усиливают степень пренебрежения, эмоционально заряжают его: *Nur Ärger hat man mit dir, du ungeratenes Ding (B-St, 7).*

В категории частнооценочных существительных следует отметить группу, выражающую отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего к адресату или к его поведению посредством деривации имени с помощью эмоционально окрашенного суффикса *–erei (-elei)*. Такая деривация сопровождается переосмыслением значения имени за счет приращения оценочного смысла: *Diät – Diäterei, Kind – Kinderei, Dusel – Duselei*, хотя, строго говоря, рассматриваемый суффикс не является оценочным. Дериваты такого рода полярно меняют свою исходную нейтральную семантику и приобретают отрицательное оценочное значение неуместного, бесполезного и/или неумеренного действия, которое и порицается говорящим: *An dieser ganzen Diäterei kommen mir allmählich Zweifel (G-T, 291)* – порицание за неумеренное применение различного рода диет; *Wenn du wieder so eine verrückte Idee hast, dann such dir einen anderen! Von deiner Humanitätsduselei hab ich genug <...> (N-H, 271)* – порицание за излишнюю, по мнению говорящего, гуманность по отношению к военнопленным.

Основой производных слов с суффиксом *–erei* может быть и оценочная номинация адресата (например, *Drückeberger)*. В этом случае значение деривата не меняется полярно, он становится собирательным именем, обозначающим поведение адресата, и выражает отрицательно оцениваемое качество адресата более интенсивно, поскольку приобретает еще и дополнительное значение видо-временного (аспектного) плана (повторяемость проявления отрицательно оцениваемого свойства адресата), а также выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего (презрительное пренебрежение): *Mensch, Wolzow, diese Drückebergerei... (N-H, 69).*

Глаголы как операторы порождения эмотивного смысла в порицании. Глаголы как смыслопорождающие операторы представляют собой в порицании эмотивно-оценочные номинации поведения: *Du bist erst siebzehn und treibst es schon derartig mit Weibern (N-H, 194).* Они обозначают «некое действие, значение которого не сводится к непосредственному содержанию этого действия, а выражает определенную установку по отношению к участнику коммуникации, определенной социальной группе и окружающему миру» [Сандомирская 1999: 116]. Мерками отрицательной оценки поведения являются общечеловеческие установления, осуждаемыми являются, например, нарушение нравственных правил как супружеская измена, причинение морального и физического вреда, безделье, лень, пустое времяпрепровождение и др. Поэтому отрицательно-оценочными глаголами поведения являются, соответственно, следующие: *ehebrechen, peinigen, das Leben vergallen, belügen, Leid antun, meckern, quatschen, herumtreiben, schwänzen* и др.*: Weil du mich belogen hast! Du hast mich dauernd angeschwindelt! <::.> (R-P, 112)* – глаголы *belügen* и *anschwindeln* используются как поведенческие, выражая упрек, недовольство поведением адресата, причем это значение усиливается за счет квантификатора *dauernd*, показывающего регулярную, продолжительную деятельность.

Поведенческий смысл может приписываться и самым разнообразным действиям, прагматический контекст может придать статус поведенческого практически любому глаголу. Так в следующем примере самопорицания неоценочные глаголы переосмысливаются как поведенческие: *Von mir gibt´s nicht viel Gutes zu sagen. Ich trinke zuviel, rauche zuviel, ich arbeite zuviel. Ich vernachlässige meine Familie... (H-S, 251).* На необходимость категоризации глаголов-сказуемых приведенного высказывания (*rauchen, trinken, arbeiten*) в терминах поведения указывает его вводная часть, в которой говорящий обобщает особенности своего образа жизни, давая ему отрицательную оценку (*nichts Gutes*), он заранее направляет восприятие адресата, фокусирует его внимание на минусах – типичная стратегия самопорицания. Кроме того,

свидетельством наличия интенции самопорицания является употребление квантификатора *zuviel* (превышение нормы порицается!), а также глагола *vernachlässigen* в параллельной конструкции (в заключительной части высказывания), структура значения которого включает отрицательную оценку как один из ядерных, интенсиональных компонентов (пренебрежение семьей расценивается социумом как отрицательный стереотип поведения). Таким образом, глаголы, обозначающие нерелевантные в иных случаях действия, при взаимодействии с указанными «переключателями» могут рассматриваться как поведенческие.

Интересно проследить, как трансформируется значение нейтральных деятельностных (*hüpfen, treiben, kraxeln, toben)* глаголов и глаголов состояния *(sitzen, stehen)* при сочетании их с приставочным компонентом *herum-* в значении *ständig, längere Zeit (und sinnlos) etwas tun* [Wahrig]. Действия, обозначаемые такими производными глаголами, воспринимаются как поведение и «мутируют», принимая отрицательно-оценочный компонент значения, в действия, достойные порицания и порицаемые. В следующем высказывании сказанное подтверждается использованием в качестве синонима глагола *herumsitzen* идиомы *dem Herrgott den Tag stehlen* с парадигматическим значением отрицательной оценки: *Marsch in die Küche! Das soll dir so passen, hier herumzusitzen und dem Herrgott den Tag zu stehlen. Es gibt Arbeit in Fülle und wenn ich schon zwei hungrige Mäuler stopfen soll, so sollst auch dafür arbeiten (B-St, 19).* Приведенное высказывание, как и многие другие рассматриваемого типа, является средоточием нескольких средств выражения отрицательного отношения к адресату (неуважения, нелюбви), отрицательных эмоций (недовольства, раздражения) и отрицательной оценки его действий и поведения. Эти нюансы смысла проявляются в грубом обозначении адресата – падчерицы и ее ребенка – как *hungrige Mäuler,* в номинации намеренного ограничения взаимодействия и взаимообщения только удовлетворением физиологической потребности адресата в еде (*hungrige Mäuler stopfen*). Средством выражения отрицательного мнения об адресате является и часть

Das soll dir so passen, которая имплицирует рациональную оценку адресата (*Du bist faul und verdorben und es soll dir deshalb passen, hier herumzusitzen und nichts zu tun).*

Таким образом, можно утверждать, что в своем подавляющем большинстве глаголы поведения являются эмотивно маркированными словами с богатым набором коннотативных значений. Употребляясь в высказываниях порицания, они не описывают поведение, а интерпретируют, эмоционально оценивают его.

Степень эмотивности порицания увеличивается при сочетании поведенческого глагола с аффективными сравнительными обозначениями, относящими адресата к представителям соответствующего класса со всеми его стереотипными качествами: к классу дикарей (*wie die Wilden*), лиц с нарушением психики (*wie ein Verrückter, wie ein Idiot*), неразумных детей (*wie ein unmündiges Kind, wie ein Kleinkind, wie ein unreifer Junge*), невоспитанных детей (*wie ein unerzogener Junge*), представителей определенных «грубых» профессий (*wie die Metzger*). Примерами таких классификационно-оценочных высказываний порицания могут служить следующие: *Manchmal reden Sie wie ein unreifer Junge, Bernhard (K-A, 125); Sie benehmen sich wie ein böser, unerzogener Junge, Bernhard (K-A, 123).* В обоих случаях порицание вызывается горячностью, вспыльчивостью адресата, его категоричностью в выражении мнения, что, как считает говорящий, простительно только неопытным молодым людям со свойственным им юношеским максимализмом.

Как синонимы поведенческих глаголов выступают идиомы, образно отражающие поведение адресата и выражающие отрицательное эмоционально-оценочное отношение говорящего к нему[71]*: auf der faulen Haut liegen (faulenzen), dem Herrgott die Zeit stehlen (faulenzen, nichts tun), ein Herz aus Stein haben (hartherzig sein, kein Mitleid haben), es ist nicht sauber in dem Oberstübl (geisteskrank sein)* и др. Идиомы отображают нормативную картину мира

[71] Интересное исследование идиом, обозначающих поведение, на материале русского языка представлено в работе О.В. Латиной «Идиомы и экспрессивная функция языка [Латина 1999].

народа, его особое мировидение, поэтому их появление в высказываниях порицания в качестве регуляторов поведения логично: *Passens bloß auf, dass die Marie net auch einmal so wird! In die alten Fetzn die gestrigen Tag suchn, dem Herrgott in der Kirchn die Zeit wegstehlen und saudumm daherredn! Bloß nix arbeitn <...> (K-M, 32).* Идиома в приведенном высказывании фиксируют отклонение от нормы (пустое времяпрепровождение, бездельничанье рассматривается как социально вредное действие), это подвергается говорящим рациональной и эмоциональной квалификации («красть», отнимать время – это плохо) и порицается.

Следует упомянуть и группу поведенческих глаголов, употребляемых только в сочетании с оценочным наречием – *sich benehmen, sich anstellen, sich aufführen* и т.п. При элиминировании наречия высказывание теряет смысл: *Du hast dich unmöglich benommen, Vater! Er hat dir nichts getan! (K-A, 16)* → ~~*Du hast dich benommen, Vater!*~~ Следовательно, в этих случаях наречие заполняет семантическую валентность глагола поведения на оценку и является семантически и синтаксически облигаторным. В нем аккумулируется не только отрицательная оценка, но и эмоциональный заряд порицания: вышеприведенное высказывание меняет свое положение на эмоциональной шкале при замене эмоционального *unmöglich* на нейтральное *schlecht (Du hast dich schlecht benommen, Vater!).*

Отрицательные наречия модифицируют не только порицания с глаголами поведения. Они являются показателем неодобрения при сочетании с глаголами, обозначающими разные виды деятельности, например, говорения: *Aber da verstehe ich nicht, wie du so gleichgültig darüber reden kannst! Mein Gott... Es geht doch um Deutschland! <...> (N-H, 253)* В таких конструкциях определители имеют, как правило, частнооценочные значения. Их семантика исключительно разнообразна и модифицирует различные аспекты действий и пропозициональной структуры, в которую входит глагол [Вольф 2006: 134]. В следующем высказывании, например, осуждается бездумье, легкость, с какой адресат совершил аморальное действие – отказ от собственного

новорожденного ребенка. Оценочное наречие специфицирует в нем глагол физического действия – подписания отказных документов – и квалифицирует последнее как необдуманный поступок: *Wie bedenkenlos hast du die Verzichterklärung auf das Kind unterschrieben. Wie eine Ware, die man handelt, hast du das Kind betrachtet. Simone, Simone, ich kann dich nicht verstehen und deine Tat nicht begreifen. Ich kann es nicht... (U-V, 19).* Нераспространение глагола искажает смысл подобных высказываний. При опущении наречия в фокусе внимания оказывается глагол, то есть действие; при наличии наречия в фокусе оказывается вся группа и меняется ее коммуникативная роль, ср.: (1) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er dämlich! So was! (N-H, 210)* и (2) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er! So was!* В (1) порицается содержание находящегося в пресуппозиции действия адресата, признак, выраженный наречием, является коммуникативным центром высказывания; в (2) порицается само действие адресата – разговор, ему предлагается лучше помолчать.

Говоря о функционирующих в порицании глаголах, нельзя не коснуться и так называемых аксиологических предикатов – класса предикатов, «которые входят в структуру оценки, объединяя ее субъект и объект» [Вольф 2006: 97]. К ним относятся в первую очередь глаголы *finden, glauben, scheinen* и т.п., которые вводят в высказывания порицания эксплицитно выраженную субъективность мнения говорящего: *Und ich finde es einfach beschissen, entschuldige meine Offenheit, wie du ihn behandelt hast (IK-M, 132); Ich glaube, Simone, dass du ungerecht bist. Du suchst alle Schuld bei mir (U-V, 52)*, Собственно говоря, аксиологический предикат имплицитно присутствует в любом оценочном высказывании, в том числе и высказывании порицания[72], ср. (1) *<...> Einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und Hinterlistigste, was es gibt! (B-St, 58)* и (2) *Ich finde/gaube, einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und*

[72] Мы опираемся на точку зрения Д. Болинджера, который считает, что в таких случаях показывается осознание говорящим того факта, что содержание его высказывания иногда зависит от его взгляда на вещи [Bollinger 1973: 415]..

Hinterlistigste, was es gibt! Отличием второго варианта выражения оценочного мнения является эксплицитная представленность в нем допущения о существовании других мнений и возможности возражений. Но реакция в виде возражения высказанному в порицании мнению может появиться в ответ на оба его варианта, что доказывает имплицитное присутствие предиката мнения и в высказывании (1).

Для аксиологических предикатов характерно наличие предикативного определения (*Ich finde dich lächerlich, Bernd (K-A, 61*), пропозициональной фразы с союзом *dass (Ich finde, dass dein Verhalten ungebührlich ist)* или инфинитивной группы (*<...> ich würde es ziemlich unhöflich finden, mich in meinem Alter zur Großmutter zu machen (K-A, 212)*). В высказываниях с придаточным предложением и инфинитивным оборотом глаголы мнения выполняют еще и «вводную» роль, традиционно приписываемую модальным словам. Они служат для того, чтобы подчеркнуть, что оценка представлена как индивидуальное мнение, а не «положение вещей», которое подразумевается, когда субъект оценки не назван. Иллокутивная цель включения такого глагола – смягчение категоричности высказывания путем введения в него субъективности. Е.М. Вольф рассматривает глаголы в таком употреблении как своего рода перформативы, сообщающие, что соответствующая оценка принадлежит говорящему [Вольф 2006: 101].

Для передачи мнения при оценке используются также именные выражения, например: *<u>In meinen Augen</u> sind Sie ein ganz abscheulicher Mensch <...> (B-H, 48) = Ich finde (ich meine), dass Sie ein ganz abscheulicher Mensch sind.* И в этом случае именное выражение в резком порицании имеет прагматическую цель указать на возможность альтернативного мнения, а значит, и некоторое снижение степени категоричности порицания.

Употребление глагола *scheinen* отличается синтаксическими позициями его актантов: в фокусе оценки, то есть в роли подлежащего выступает ее объект, а не субъект, как при глаголе *finden: Sie scheinen schlechte Laune zu haben, mein Freund. Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern, der*

scheinbar die Schweigsamkeit zu seinem Freunde hat (T-O, 57). Кроме того, высказывания с глаголом *scheinen* реализуют отличный от высказываний с глаголом *finden* модальный смысл – в них указывается на то, что мнение говорящего относится к «возможному миру», который не обязательно совпадает с фактическим: *Du scheinst keine rechte Freud am Tanzen zu haben. Musst du denn gar so lustlos sein? (S-T, 40).* О том, что иллокутивная цель приведенных высказываний не ограничивается просто констатацией предполагаемого говорящим положения вещей, свидетельствует эксплицитное или имплицитное выражение в них отрицательной оценки этого положения вещей: *Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern = Ich finde, es ist nicht interessant, ...; Musst du denn gar so lustlos sein? = Du bist heute lustlos und das finde ich schlecht. Musst du immer so lustlos sein?* Можно предположить, что глагол *scheinen* тоже служит средством снижения категоричности оценки, он подчеркивает субъективность мнения говорящего: *Es scheint mir, dass du keine Lust zum Tanzen hast. Ich kann mich aber auch irren.*

К категории аксиологических следует отнести и предикаты, называющие внутреннее состояние говорящего, то есть глаголы чувств, например: *Es <u>enttäuscht</u> mich sehr, Euch in einem derart unreinen Zustand zu sehen (M-S, 144).* Такие высказывания порицания тоже выражают некатегоричную субъективную оценку (*Ich finde Euren Zustand enttäuschend*), которая в приведенном примере аргументируется называнием рациональных причин отрицательного восприятия положения дел – отклонение от общепринятой нормы (норма – чистый опрятный внешний вид, *derart unrein* вербализует значительное отклонение от этой нормы*).* Высказывание произносится в ситуации, когда говорящий, приехав навестить адресата, у которого наблюдается некоторое нарушение психики, находит его в состоянии, описываемом автором как *Er war von Kopf bis Fuß mit seinem eigenen Kot besudelt.* В таком контексте высказывание порицания, приведенное выше, является более чем осторожным, некатегоричным, оно указывает на субъективность мнения и оставляет адресату возможность выражения альтернативного мнения (которым могло бы быть,

например: *Mein Zustand mag Euch enttäuscht haben, Ihre Enttäuschung geht mich aber nicht an. Ich fühle mich gut in meinem Zustand)*.

Незнаменательные слова как операторы эмотивного смысла в порицании. Специальными операторами порождения и модификации смысла порицания являются различные незнаменательные части речи как междометия, модальные слова и частицы, которые при определенных контекстуальных условиях выступают в функции аксиологических операторов. Отсутствие собственного лексического значения не мешает таким словам играть роль показателей оценки, «ослабленность знаменательности слов не снижает содержательности высказывания. Напротив, все синсемантичные средства насыщаются смыслом, рождающимся в процессе коммуникации, и он нужным образом раскрывается слушающим» [Девкин 1985: 9].

Наиболее показательным в порицании классом незнаменательных слов являются междометия – слова, выражающие аффекты: *Pfui Teufel! Das Vaterland kämpft, blutet, leidet. Fünf junge Menschen desertieren! Treiben sich rum! Pfui Teufel! (N-H, 98).* Междометие *pfui*[73], эмоционально усиленное называнием источника всего отрицательного (*Teufel),* выражает не только отношение к объекту оценки – адресату, но и степень «накала страстей большую интенсивность эмоционального восприятия говорящим положения вещей, его переживаний и соответственной реакции.

Междометия являются иногда единственным языковым показателем эмоционально-оценочного отношения говорящего, при элиминировании междометия порицания превращаются в эмоциональную констатацию нелицеприятного факта (не обязательно порицаемого), ср.: *Pfui! Sie schwänzen wieder! (N-H, 230)* → *Sie schwänzen wieder!* В следующем речевом фрагменте междометие является практически единственным показателем не только эмоционально-оценочного отношения говорящего к адресату, но и его

[73] *Pfui* – самое распространенное в порицании междометие - является показателем неудовольствия, даже отвращения. Оно категоризуется как звукоподражательное слово [Duden 1989: 525] и представляет собой вербальный «плевок» как показатель презрения.

интенции – упрека в неуважении и несправедливости: *Was habe ich dir getan? Ich gehe schon von selbst, du brauchst mich nicht hinauszuwerfen. Pfui! (M-B, 322).*

Поскольку междометия относятся к категории аффективных слов, то их употребление предполагает презумпцию существования оцениваемого объекта, совершения оцениваемого действия. Это значит, что эмоционально-оценочные междометия могут употребляться лишь при определенной референции, говорящий, как правило, приводит аргументы в пользу своей точки зрения: *Pfui! Du machst mir wenig Freude, das ist wahr. Was soll aus dir werden, wenn du die Güte haben willst, mir das zu sagen? Du wirst im Leben niemals an die Oberfläche gelangen (M-Bj, 111).* В приведенном высказывании говорящий реферирует к известным из пресуппозиции успехам адресата в школе, он отрицательно оценивает их (*Du machst mir wenig Freude*), а выражаемое междометием эмоциональное отношение накладывается на высказывание в целом как аффективная модальная рамка. В результате такого взаимодействия рождается эмоциональное высказывание порицания, включающее аффект (*Pfui!*), констатацию отрицательно оцениваемого положения дел (*Du machst mir wenig Freude, das ist wahr.*) и прогноз малоприятного будущего адресата (*Du wirst im Leben niemals an die Oberfläche gelangen*).

Кроме междометия *pfui* в порицаниях употребляются междометные выражения *Verdammt! (Verdammt noch mal), Himmel noch mal! Donnerwetter! (Himmeldonnerwetter!)* и т.п., которые определяются в единую категорию бранных слов (*Fluchwörter*[74]) . Их отличие от *pfui* заключается в том, что они выражают только аффективную оценку, не выражая эмоционально-оценочного отношения: *Aufpassen! Himmel noch mal! Immer das Gleiche! Die Burschen greifen zu wie die Metzger! Mein Bein! Ist denn keiner hier, der etwas von Krankentransport versteht! Ein Saustall! (K-A, 65).* При элиминировании междометного *Himmel noch mal!* высказывание порицания не лишается смысла совсем, но теряет важную часть – его эмоциональный компонент, снижается степень

[74] Интересный анализ междометных выражений названного типа приводится в монографии Ф. Кинера «Das Wort als Waffe» [Kiener 1983: 223 ff.].

эмоциональности. В.И. Жельвис называет такие междометия-эмоционализаторы «детонирующими запятыми» [Жельвис 2001: 90]: заполняя паузы, они эмоционально «расцвечивают» сообщение, которое в противном случае может оказаться нудным, пресным, пусть даже верным по существу, ср.: *Verdammt, jetzt beginnt Ihr Gerede auch mir auf die Nerven zu fallen (L-Z, 24) → Jetzt beginnt Ihr Gerede auch mir auf die Nerven zu fallen.*

Модальные частицы «приправляют» порицание так, как они это делают при функционировании в других речевых актах, придают ему тонкие нюансы смысла, например, *ja* и *doch* показывают очевидность отрицательности порицаемого действия или поведения: *Mach keinen Zimt wegen dem Läusebiss... Was hast du gehabt? Einen Wundschock willst du gehabt haben bei dem Kratzer? Du bist ja bescheuert! (N-H, 395); Das ist doch lächerlich! (G-T, 372).*

Интенсифицирующие и деинтенсифицирующие операторы эмотивного смысла в порицании. Многие из уже описанных выше операторов можно с полным правом отнести к интенсификаторам выражения основных элементарных смыслов – наречия, а также модальные частицы, междометия и междометные выражения. Их особенностью является тот факт, что они часто связаны не с реальным нарастанием степени признака, а с установкой говорящего, т.е. они отражают не столько объективный, сколько субъективный компонент порицания как аксиологического суждения.

Следует в этой связи обратить особое внимание на наречия, выполняющие функцию сентенциональных модификаторов, интенсифицирующих содержание всего высказывания в целом: *Und du, <...> hast uns beide unsagbar gequält, nicht wahr? Statt mir zu sagen, was dir begegnet war, findest du beleidigende Worte für mich und machtest mich glauben, dass ich dir nichts bedeutete (B-St, 64)*. Подобные наречия могут быть устранены без нарушения истинности высказывания, ср.: *Und du hast uns beide gequält, nicht wahr?* Очевидно выполнение наречием *unsagbar* функции повышения воздействующей силы порицания, оно ориентировано на эмотивность, на восприятие порицания адресатом.

Такие наречия, дающие модальную характеристику порицаемого признака (поведения, действия), употребляются обычно при прилагательном: *Du bist reichlich aufsässig, Anne. Ich würde dir raten, ein wenig liebenswürdiger zu mir zu sein, zumals du von mir abhängig bist (B-St, 43)* – модальный оператор *reichlich* показывает высокую степень представленности признака/качества *aufsässig*. Так же функционируют интенсификаторы *ganz schön (Bist ganz schön frech, Bienchen (K-A, 71)), wirklich (Du hast das damals wirklich raffiniert eingefädelt. Wilmas Sehnsucht nach einem Kind hast du schlau in deine Pläne einbezogen. Und du warst das Kind ein für allemal los (U-V, 13)), sehr (<...> Sie sind ein sehr junger Mann und sehr dumm, so viel zu riskieren (B-S, 166)), gar (Noch gar nicht richtig auf der Welt und wagt es, meinen Mann zu kritisieren (H-M, 197)).* Аналогом таких словосочетаний с усилителями являются прилагательные, включающие интенсифицирующий элемент в свою словообразовательную структуру и имплицирующие в таком случае метафорическое сравнение, например: *So eine Schande... Mit sechzehn Jahren stockbetrunken! <...> (N-H, 103)* – интенсификатором служит компонент *stock-*, при экспликации сравнения мы получаем *betrunken bis zum Zustand eines Klotzes (ahd., mhd. stoc* имело значение *Baumstumpf* [Duden 1989: 713]*).*

Значительно повышает степень воздействия порицания такая форма выражения оценки, когда на чашу виртуальных весов ставится все возможное и противопоставляется оцениваемому качеству/признаку как *alles andere als gut* или *alles andere als anständig.* С другой стороны, при таком порицании значительно снижается категоричность оценки (отсутствие вербализованного отрицания или отрицательно-оценочного слова психологически переносится значительно легче), снимает ее «припечатывающий» эффект, ср. *alles andere als gut* и *nicht gut, schlecht*. Например: *So unsympatisch sie dir auch ist, Simone, hat sie nicht recht? Die Rolle, die du als Mutter gespielt hast, war alles andere als rühmlich. <...> (U-V, 22).* В этом высказывании сильное порицание говорящего, возмущенного безнравственными действиями партнера, сравнимо с сильнодействующим лекарством иного рода: для того, чтобы достичь

желаемого исправительного эффекта, он, применяя его, рассчитывает дозу и возможность непредвиденных реакций. В результате адресат не оскорблен (ведь не было явных намерений обидеть или унизить его), он принимает критику, осознает всю степень тяжести содеянного и раскаивается.

Эмотивный смысл в порицании интенсифицируется использованием квантификаторов, указывающих на аспект действия – на его регулярность, повторяемость или на его непрерывность в течение долгого времени (*immer, wieder, jahrelang* и т.п.), например: *Wie sollte ich Sie nicht kennen, Baldener-Bäuerin? Sie haben jahrelang mein Leben vergällt, meinen Vater gepeinigt und gequält, wie sollte ich ein Gesicht wie das Ihre jemals vergessen? (B-St, 42).* В приведенном высказывании хорошо видно, насколько тесно переплетается в реальной ситуации рациональная оценка поведения (в соответствии со стереотипами – действия *peinigen* и *quälen* оцениваются отрицательно в любой культуре) с оценкой эмоциональной, проистекающей из личного отношения говорящего к объекту оценки (в нашем случае непримиримая ненависть).

Интересно обратить внимание на особый вид интенсификаторов – наречие с отрицанием *nicht einmal,* которое оценивает действие/поведение адресата по отношению к норме, показывает, что не соблюдается даже общепринятый минимум предъявляемых к нему требований: *Nicht einmal Schuhe putzen kannst du! <...> (K-VA, 166)* – порицается неумение сделать самое, по мнению говорящего, малое – почистить обувь. Порицания с *nicht einmal* касаются и более серьезных тем, но в любом случае они показывают несоответствие действий адресата общепринятой норме, например, при несоблюдении адресатом этической нормы – дети должны уважать родителей и помогать им – рождается следующее высказывание порицания: *Du hast keinen Respekt vorm Tod, geschweige vor mir. Nicht einmal die Kinder sind einem mehr ein Trost, wenn es so weit ist (K-M, 11).* Высказывания с *nicht einmal* являются двоякодействующими: с одной стороны, они усиливают перлокутивный эффект порицания, утверждая, что адресат не в силах (не умеет, не желает) сделать даже самое малое, необходимое для удовлетворения говорящего; с другой

стороны, они снимают категоричность порицания, делают его более «обтекаемым», поскольку эксплицируют самый низкий уровень требований: *Hier zeigt sich wieder einmal deutlich, was euch die Verwandschaft wert ist. Nicht einmal eine Gans habt ihr für uns übrig, und wir fahren bei dieser Affenhitze in dieses Kaff (S-T, 7)* – адресат интерпретирует данное порицание следующим образом: конечно, для дорогих гостей можно было бы (в соответствии с тем, как это принято в приличных домах) приготовить и поросенка, и бычка на вертеле. Но ведь на столе нет даже гуся! Очевидно, что обратной стороной или даже фоном такого порицания является самопохвала, как это часто бывает в порицании – подчеркивая отрицательность адресата, беря на себя компетенцию оценивать, говорящий подчеркивает свою положительность.

В ситуациях, когда говорящий, порицая, осознает возможность возникновения конфликта, он стремится избежать использования категоричных, безапелляционных форм выражения оценки[75]. О некоторых средствах менее безусловного оценивания, указания на субъективность мнения, возможности других мнений мы уже говорили, например, в разделе о глаголах: глаголы *finden, glauben, scheinen* указывают, что оценка относится к индивидуальной сфере говорящего, которая может не совпадать с миром адресата.

Другим способом снижения категоричности оценки является использование различного рода деинтенсификаторов, снижение количества признака. К средствам, ослабляющим перлокутивный эффект высказывания, относятся, прежде всего, так называемые аппроксиматоры[76] – слова,

---

[75] Основанием для необходимости смягчать выражение оценки являются подробно описанные в теории коммуникации принципы кооперативного общения [Грайс 1985; Leech 1983]. Соблюдение диалогического, интерактивного принципа коммуникации предполагает, что мы не механически передаем информацию друг другу, в своей совместной деятельности мы создаем последствия (перспективы) взаимной коммуникации. Американский специалист по теории коммуникации П. Хани пишет о возможном эффекте нашего обращения к адресату, что его отношение к нам и, что более важно, его поведение по отношению к нам, определяется в значительной степени нашим отношением к нему. Вынося оценочное мнение сниженной категоричности, говорящий дает возможность адресату оспорить это мнение, указывает, что это мнение не является абсолютно и единственно верным, и с другой стороны, он легче реализует свою иллокутивную цель – воздействовать на адресата, добиться изменения его поведения или исправления результатов его действий. И наоборот, категоричное, не допускающее вариантов порицание ведет к обидам, взаимонепониманию и, следовательно, к конфликтам.

[76] Об аппроксиматорах писали, например, О. Дюкро [Ducrot 1974], Дж. Сейдок [Sadock 1977], Е.М. Вольф

выражающие приблизительность, показывающие не количество признака, а истинность высказывания: «говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и заметками» [Виноградов 1986: 577]. К немецким аппроксиматорам относятся такие слова и словосочетания как *etwas, ein bisschen,* например: *Jobst, ich fürchte, du warst* <u>*ein bisschen*</u> *zu voreilig <...> (B-H, 53); Vater ist da bisweilen* <u>*etwas*</u>*... ähm – na ja, engstirnig (S-T, 16).* Такие высказывания, несомненно, более осторожны, более вежливы (ср. высказывания без деинтенсификатора *Jobst, du warst zu voreilig, Vater ist da bisweilen engstirnig),* но в то же время они сильнее, поскольку их труднее опровергнуть.

Категоричность оценки в порицании снижается и при употребления модального оператора предположения – частицы *wohl*, которая, однако, может придать высказыванию и оттенок иронической насмешки, показать осознание говорящим своего превосходства над партнером, а значит, усилить воздействующую силу порицания: *Sie haben wohl schwache Nerven! (N-H, 412).*

Наконец, специфическим способом смягчения оценки являются квантификаторы *manchmal, manche,* проецирующие отрицательную оценку не на адресата вообще, а на проявление время от времени отрицательно оцениваемого в его действиях/поведении: *Sie sind* <u>*manchmal*</u> *unausstehlich, Graf (B-St, 53)* – в приведенном высказывании порицается непостоянный признак адресата – его ироничность, иногда неприятная собеседникам.

Следует отметить, что как повышение, так и понижение интенсивности порицания часто происходит комплексно, путем использования нескольких средств. Значит, мы можем констатировать высокую степень эмотивной плотности порицания, что еще раз доказывает недостаточность эмоциональности одного элемента для адекватного выражения эмоций в данный момент.

[Вольф 2006: 112] , С.Л. Сахно [Сахно 1983]] и др.

Это (истинное, поскольку много раз доказанное) мнение не исключает, однако, появления высказываний, не включающих в свой состав никаких парадигматических эмотивных операторов и интенсификаторов, представляющих собой, тем не менее, сильное ситуативное порицание. Например, в речевом фрагменте – *Andreas!* – *Ich – ich hab nimmer an mich halten können <...> (S-T, 28)* основными показателями иллокутивной силы порицания является прагматическая ситуация (порицается влюбленный молодой человек за нарушение рамок принятого поведения) и интонация, которая, как известно, является одним из самых сильных средств выражения интенции. Развернув имплицитно выраженные иллокутивную часть и пропозицию, получаем полное высказывание порицания: *Ich werfe dir dein Benehmen vor und tadele dich dafür, dass du mich geküsst hast, du hast es aber nicht tun dürfen*, в ответ на которое следует адекватная реакция адресата – извинение за неподобающее поведение и объяснение его причин: *(Ich entschuldige mich), Ich – ich hab nimmer an mich halten können.*

В следующем примере для выражения порицания достаточно одного короткого слова *ja*, которое в данной ситуации сильнее любого, даже самого эмоционального высказывания: – *Ich kann mir alles kaufen... Pelze, Schmuck, Sportwagen, Häuser und – Männer! Ist es unmoralisch, von diesen Möglichkeiten Gebrauch zu machen? – Ja (K-A, 68).* Произнося лаконичное *ja*, порицающий не пытается ни привести аргументы в пользу своей точки зрения – она, на его взгляд, отражает истинное положение вещей в реальном мире и не требует дополнительной аргументации; ни каким-то образом эмоционализировать свое высказывание – он тем самым выражает свое отрицательное эмотивно-оценочное отношение – этическое презрение – не только к самому адресату, его нравственным качествам, но и к его образу жизни и поведению. Такое порицание «бьет» адресата наотмашь, поскольку он – собственно, она – молодая жена очень богатого промышленника, избалованная и не знающая границ морального и аморального, – однажды пытается объяснить свое мировидение, считая его естественным и ожидая понимания от партнера.

При сопоставлении двух последних речевых фрагментов с ранее приведенными мы убеждаемся еще раз в действии принципа «борьбы противоположностей» – явление языковой избыточности в одном высказывании «соседствует» с явлением языковой экономии в другом. И нельзя определенно сказать, какое из этих явлений делает выражение интенции более действенным, поскольку при выборе формы высказывания включаются самые разнообразные когнитивные механизмы, учитываются самые разнообразные социальные параметры. И именно поэтому каждое новое высказывание уникально – оно произносится в неповторимых прагматических условиях (нельзя дважды войти в одну и ту же реку!), имеет уникальный набор смысловых компонентов.

Синтаксические операторы формирования эмотивного смысла в порицании. Огромное структурное многообразие высказываний порицания обусловлено тем, что порицание является чаше всего многословным речевым актом с полипредикативной синтаксической основой, части которой строятся по разным структурным моделям, переплетающимся между собой, переливающимся друг в друга. Но наряду с этими «громоздкими» высказываниями абсолютным правом на существование обладают и краткие (полные и эллиптические) емкие высказывания, точно квалифицирующие либо адресата, либо порицаемое действие/поведение (*Eingebildeter Bursche! (B-H, 9);*

Eine unglaubliche Arroganz! (M-S, 301) и др. под.). Концентрированную эмоциональную оценку содержат также эксклaмативные фразеологизированные высказывания (безглагольные эллиптические и полные) с типизирующими словами *welch, solch, dieser, wie, so, was fur ein*, которые в сочетании со специфической интонацией поддерживают иллокутивную силу высказываний: *Oh, welch ein Tor bin ich doch gewesen! <...> (T-O, 62).* Подобные высказывания выражают спонтанную аффективную, очень интенсивную оценку качественного признака оцениваемого лица, которая, как правило, не поддерживается дополнительной аргументацией, поскольку аффект не допускает многословия – предполагается, что отрицательность оцениваемого

налицо: *Was bin ich nur für eine blöde Pute! (IK-M, 140)* – самопорицание за совершенно конкретное действие.

Высказывания с указательным местоимением *solch* или наречием *so* как самостоятельные единицы могут функционировать в любом контексте, при этом они обладают огромным семантическим потенциалом: адресат «додумывает» фразу, заполняя оставленную лакуну доступным его воображению содержанием в зависимости от ситуации и от отношений между партнерами, от интонационных особенностей высказывания: *Mit einem solchen Menschen rede ich nicht mehr! Ich werde mich nicht mehr an einen Tisch mit ihm setzen <...> (K-A, 210).* Словосочетание *mit einem solchen Menschen* может быть распространено оценочными прилагательными *schlecht, frech, böse, ungerecht* и т.п., но даже в случае употребления всех прилагательных сразу степень интенсивности оценки снижается по причине «разжижения» прилагательным ее высокой концентрации.

Такая стратегия порицания очень продуктивна и благодаря своей гибкости (возможность «вкладывания» в подразумеваемую часть высказывания самых разнообразных оттенков эмоционально-оценочного отношения от легкого пренебрежения и иронии до сильного презрения) очень действенна. Лакунированные высказывания относят порицаемую личность к социальному классу (*<...> Als ob so einer wie du die feinen Hände schmutzig machen wird! Schäm dich! (A-M, 35),* сравнивают ее с другими: *<...> Dass ausgerechnet wir solche Kinder ham! Andere ham ganz andere Kinder <...> (K-M, 39).* Отказ от идентифицирующей номинации, «обезличивание» партнера является демонстративным понижением его значимости и показателем намеренного игнорирования говорящим адресата, максимальной дистанцированности от него. Порицание с таким обозначением адресата очень интенсивно и в определенных ситуациях может быть воспринято как инвектива, поскольку в нем явно слышится презрение: *So also steht es mit dir. Und ich verschwende die Zeit mit solch einem... (B-H, 36).*

Семантико-функциональными синонимами таких высказываний являются порицания, просто называющие отрицательно оцениваемое лицо: *Mannsbilder! (S-T, 5); Und das ist mein Sohn (K-M, 15); Diese Kids heutzutage (G-T, 104).* Они подобны соответствующим комплиментарным единицам – в них адресат тоже должен вывести аксиологический элемент на основе стереотипных представлений о возможных признаковых характеристиках оцениваемого объекта: *Männer sind nicht treu, eigensinnig, haben schwache Nerven..., Kinder sind undankbar, die junge Generation ist rücksichtslos und frech* и т.д. Отсутствие оценочного прилагательного концентрирует оценку и делает порицание, с одной стороны, более емким, а с другой стороны, более осторожным, менее категоричным, поскольку признак не эксплицируется, он лишь подразумевается.

Особую эмоциональность порицанию придает инверсия: говорящий в состоянии эмоционального подъема или напряжения часто начинает свою речь с самого главного: <...> *Viel zu weich bist du! (N-H, 262)* – на первом месте стоит наиболее важный, выделяемый член предложения. Чем необычнее эта позиция для данного члена предложения, тем действеннее его сдвиг на эту позицию [Admoni 1966: 309]. В порицании *Meine Güte, bin ich bescheuert! (IK-M, 140)* говорящий вынесением бытийного глагола на первое место подчеркивает не просто отрицательное качество осуждаемого лица, а само наличие этого качества, обладание им. Инверсия часто сочетается с разного рода повторами, которые поддерживают аффект, усиливают его: <...> *Belogen hast mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibsstücks – (K-A, 104).* Приведенный пример еще раз свидетельствует об эмотивной плотности высказываний порицания, включающих сразу несколько языковых средств выражения аффекта.

Наконец, следует вспомнить о существовании некоторого перечня клишированных синтаксических структур, за которыми парадигматически закреплено порицательное значение. К таковым относятся, например, псевдопридаточные предложения с глаголом *lachen: Fremdgeher aller Länder,*

vereinigt euch, was? Dass ich nicht lache! (H-M, 155), они являются фразеологизированным синонимом лексической единицы *lachhaft: Fremdgeher aller Länder, vereinigt euch, was? Das ist lachhaft!*

Моделированное образование *Du/Sie und dein/Ihr + Substantiv* и его вариант *Du/Sie mit dein…/Ihr…+ Substantiv* тоже являются порицательными клише, в них, независимо от контекста и лексического наполнения, заложено отрицательное оценочное значение*: (1) Mei, du und dein Geld! Das hast du im ersten Ehejahr schon zum Fenster hinausgeworfen. <...> (S-T, 58; (2) Wenn das hier alles den Bach runter geht, bin ich dort herzlich willkommen. Du aber, Jakob, mit deinem unverbesserlichen Sturschädel (S-T, 62).* Используя эти конструкции в речи, говорящий оценивает и характеризует адресата одновременно: (1) *Du prahlst mit deinem Geld, aber es gab ganz wenig von deinem Geld, und ich finde es frech, dass du immer davon sprichst*; (2) *Du, Jakob, bist stur, diese Eigenschaft ist unverbesserlich und das schätze ich negativ ein.*

4.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний порицания. Воздействие вербальных форм порицания с отрицательной оценкой порождает дискомфортные для адресата ситуации, сопряженные со стрессом, переживаниями, ощущением своей уязвимости. Такой личный дискомфорт имеет последствия не только для процесса передачи и восприятия информации, но и для согласованной коммуникации в целом. Поэтому в целях маскировки неприятных для собеседника, резких, безапелляционных замечаний, способных вызвать разногласия между интерактантами, речевые единицы часто используются во вторичной функции. Анализ фактического материала показывает существование большого количества конвенциональных косвенных речевых актов – опривыченных высказываний, при восприятии которых снимается необходимость инференций, потому что функция порицания закрепляется за ними множеством употреблений. Все конвенционализированные речевые акты легко делятся на три большие группы: порицания в форме констативов, порицания в виде вопросов и порицания в виде побуждений.

4.4.3.1. ***Констативы как порицания.*** Порицание в форме констатива представляет собой высказывание с пропозицией, отражающей некоторую ситуацию действительности, которая вызывает отрицательную реакцию говорящего [Дьячкова 2001: 12]. Оно направлено на то, чтобы адресат исправился в момент говорения, в нем, как и в прямом порицании, заложена некоторая доля императивности: *Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Inspektor <...> (G-T, 496) = Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Inspektor, das schätze ich negativ ein und bitte Sie, Ihre Fragen anders zu formulieren, sonst bin ich gezwungen, ihr den Rat zu geben, sich weniger kooperativ zu verhalten.*

Первичная иллокутивная цель констативов – довести до сведения адресата некоторую информацию. Но эта цель не может считаться самостоятельной, поскольку речь идет не просто об известном, а об очевидном слушающему положении дел: *Du tust mir weh (N-H, 37)*. Говорящий знает, что содержание его высказывания не является новостью для партнера по коммуникации, но он, тем не менее, нарушает максиму релевантности и сообщает партнеру хорошо известный ему факт. Оправданной подобная информационная избыточность может быть лишь в случае, если семантика высказывания не исчерпывается только его денотативным содержанием, а включает дополнительные неконвенциональные созначения, в нашем случае порицание. Совершенно очевидно, что основной вес в таких высказываниях приходится именно на долю прагматического значения, а объективное содержание является лишь поводом для передачи глубокого субъективного смысла.

Порицания с изменением референциальной соотнесенности. Одной из наиболее популярных стратегий порицания является преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания, в частности преобразованием референциальной соотнесенности объекта или субъекта порицания. Примером реализации такой стратегии может служить высказывания с заменой конкретной референции субъекта и объекта оценки

одновременно на неопределенную: *Alles wird einem missgönnt in diesem Haus! (K-M, 17).* В приведенном высказывании, формально представляющем собой констатацию неблагожелательной семейной атмосферы, оценка выражается глаголом *missgönnen*, обозначающим социально порицаемый образ действий, поведения. Но в нем не называется ни конкретный адресат, ни субъект оценки (ср. *Du missgönnst mir alles)* – порицаемое поведение приписывается неопределенному субъекту, за которым явно «просвечивает» адресат. Вывод о выражаемом порицании мы делаем, проведя некоторые инференции: *Alles wird einem <mir> missgönnt in diesem Haus! Das schätze ich negativ ein und werfe es <meinem Partner> dir vor, weil du mein Missgönner bist.* Удобным языковым средством выражения неопределенности адресата (поскольку он без труда определяется в контексте и ситуации) являются двучленные пассивные конструкции: *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft! (S-T, 8)* – простая, на первый взгляд, констатация несовершения некоторого действия является в определенной прагматической ситуации категоричным требованием прекратить порицаемое действие: → *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft! Sie verunglimpfen aber die Kirche, was ich negativ einschätze; ich bitte Sie daher nachdrücklich, mit der Verunglimpfung der Kirche aufzuhören.* Именно неназывание адресата способствует усилению категоричности порицания, поскольку такое структурно строгое, нераспространенное высказывание всегда привязано к коммуникативной ситуации и адресуется конкретному партнеру, совершившему предосудительные действия, в нашем случае неуважительно высказавшемуся о церкви и ее служителях. Введение распространителей, назидательных рассуждений «по поводу» «разжижает» концентрированность порицания, отвлекает внимание адресата от его истинной интенции.

Удобным приемом порицания без указания на его объект является использование предложений с неопределенно-личным местоимением *man: Deswegen braucht man nicht zu schreien! (S-T, 46)*. Тождественность объекта оценки в приведенном высказывании его адресату проверяется законом

взаимозаменяемости тождественных величин: тождественны те величины, которые могут заменять друг друга без изменения истинностного значения предложения [Арутюнова 2003: 200]: *Deswegen btaucht man nicht zu schreien! = Deswegen btauchst du nicht zu schreien!* О правильной интерпретации высказывания как порицания свидетельствует агрессивная реакция его адресата, настаивающего на своем праве выполнять отрицательно оцениваемое действие: – *In meinem Haus schreie ich, solang es mir passt! (S-T, 46).*

Большую группу косвенных порицаний составляют высказывания с расширением объекта оценки – заменой его конкретной референции на обобщенную, например: *Natürlich, ihr Weiberleut wollt immer gern Ehen stiften, was dabei herauskommt, ist euch letzthin gleich (B-St, 50).* Отрицательная оценка выражена в приведенном порицании имплицитно – только декларируется неблаговидность одного из любимых – по мнению говорящего – занятий женщин, порицаемых обществом – сводничество. Оценка направлена адресату, но касается не его (ее) конкретно, а всех женщин как категории (*ihr Weiberleut*). Наречие *immer* интенсифицирует высказывание, указывает на постоянность, повторяемость действия.

Высказывания с обобщенным объектом порицания очень разнообразны. Часто адресат причисляется к категории лиц, от природы наделенных, по мнению говорящего, отрицательными качествами, например: <...> *Haben Sie sich mal in meine Lage versetzt? Wenn Sie das als Mann überhaupt können... Männer sind doch alle gleich, roh und gefühlslos... (J-K, 162).* Типично «межгендерное» порицание-упрек, относящее адресата к представителям противоположного пола и наделяющее его всеми возможными отрицательными качествами. Совершив несколько семантических интерпретирующих шагов, мы эксплицируем истинный смысл высказывания: *Sie können sich in meine Lage nicht versetzen, weil Sie ein Mann und deshalb ebenso roh und gefühlslos wie alle Männer sind.*

Обобщение объекта оценки может иметь самые разные пределы – от отдельной группы до целого мира, в последнем случае значительно возрастает

степень эмоциональности и интенсивности порицания, недовольство говорящего раздвигает границы коммуникативной ситуации, конкретный адресат растворяется в категории «все»: *Jetzt langt´s mir aber! Langsam scheint mir, dass sich alle Welt in meine Angelegenheiten einmischen will. Jeder versucht, mich von was abzubringen... (B-SZ, 20).*

Косвенное порицание достигается также путем смещения объекта оценки – оценивается не адресат высказывания, а третье лицо, присутствующее при этом: *Deine Tochter hat nur ihren Putz im Kopf, liebe Schwiegermama! (S-T, 7).* На имплицированную отрицательную оценку в приведенном высказывании указывает только наречие *nur*, подчеркивающее скудость ума оцениваемого лица, занятого только самосозерцанием и самолюбованием. Употребление слова *Putz* в переносном значении для обозначения средств макияжа также показывает отрицательное отношение говорящего к образу жизни адресата порицания. Перлокутивный эффект такого порицания не менее силен, чем в случае прямого порицания.

Порицание может выражаться посредством положительной оценки лица, не присутствующего при разговоре, при этом его достоинства противопоставляются соответствующим качествам адресата, значительно проигрывающим в сравнении: *Und höflich war er auch! Davon könnte mancher sich eine Scheibe abschneiden (K-VA, 16).* Еще пример, в котором порицание основывается на сравнении адресата и его отрицательно оцениваемого качества – излишней, на взгляд говорящего, говорливости – с голубями, которые, если и обладают какими-либо недостатками, то, по крайней мере, не говорят глупостей: *Prost Mahlzeit! Ich geh in´n Schlag. Die Tauben quatschen wenigstens nicht (K-A, 16).*

Нельзя не упомянуть и такую стратегию порицания с соблюдением всех правил этикета, как оценка лиц, ответственных за воспитании адресата, привитие ему тех или иных качеств, обучение его тем или иным навыкам. В следующем высказывании адресат порицается за неумение вести себя, при этом формально оцениваются его родители, не справившиеся, по мнению

говорящего, с поставленной перед ними воспитательной задачей: *Junge, deine Eltern sind nicht gerade Meister in Sachen Kindererziehung (M-S, 190).* Такая стратегия является средством деинтенсификации порицания, снятие вины с адресата, переложение ее на третьих лиц.

Важной и очень действенной стратегией порицания является «вторжение» в коммуникативной пространство адресата, то есть лишение адресата «права на речь», настаивание говорящим на собственном сценарии коммуникации, сознательное игнорирование интересов партнера. Коммуникативный дисбаланс устанавливается, например, при оценке говорящим коммуникативной компетентности партнера, негативная характеристика его высказывания: *Ich verbitte mir freche Antworten! (K-A, 89).* Она направлена на захват коммуникативной инициативы, на девальвацию его высказываний по причине его коммуникативной некомпетентности. По аналогии с известным термином «коммуникативное самоубийство» Т.А. Воронцова [Воронцова 2006] вводит понятие «коммуникативное киллерство» – уничтожение высказываний партнера, которое, однако, не всегда удается, адресат, уверенный в своей правоте, может возразить, в таком случае порицание не достигает своей цели и ситуация перерастает в конфликт, ср. продолжение речевого фрагмента: *– Ich verbitte mir freche Antworten! – Und ich verbitte mir, dass hinter meinem Rücken – Sie verbittet mir etwas! Meine Tochter verbittet sich etwas von mir! Du bist noch nicht zu alt, als dass ich dir nicht ein paar hinter die Ohren geben würde! (K-A, 89).*

<u>Порицание с имплицитной оценкой</u>. Другой тип порицаний-констативов – порицания, в которых оценка не выражена эксплицитно, для ее выведения требуется применение некоторых мыслительных усилий. Такое порицание реализуется при помощи интенсификаторов, частиц, а также восклицательных выражений, которые показывают, что говорящий оценивает поведение, действия адресата отрицательно: *Du hast bis jetzt fünf Tage gearbeitet (K-A, 112)* – констатация небольшого срока работы в определенной прагматической ситуации превращается в упрек – говорящий порицает адресата за безделье, за

нарушение правил и договоренностей. Это порицание лишено каких бы то ни было средств интенсификации и эскалации экспрессивной насыщенности, несмотря на то, что адресат действительно «заслуживает» оценки в экспрессивно утрированной форме: говорящему важно не допустить «эмоционального перехлеста» в ущерб целям общения в данной ситуации. Но авторитет говорящего, вес его положения оказывают необходимое влияние, сила воздействия его высказывания заключается именно в краткости и строгости констатации, концентрирующей отрицательную оценку как удар молнии.

Конвенциональными в этой группе порицаний-констативов являются высказывания, выражающие предположение или утверждение о психическом заболевании говорящего: *Da hast du dich auf etwas Schönes eingelassen. Eine Liebschaft mit einem Knecht! Du musst nicht recht bei Trost sein, Madl! (S-T, 44).* Мыследействия говорящего в подобных высказываниях открыты: поступать настолько нелогично, на его взгляд, может только психически больной человек, отсюда предположение о нездоровье адресата (*Luigi, du bist wohl verrückt! <...> (K-A, 204))* или констатация этого (*Du spinnst ja! <...> (B-H, 12)).*

Порицанием являются высказывания-предположения о выполнении адресатом действий, являющихся недопустимыми или нерациональными в данной ситуации: *Sie pennen wohl! (N-H, 291)* – порицание солдату, не сумевшему сразу отреагировать на вопрос старшего по званию.

Произнося порицания с имплицитной оценкой, говорящий ориентируется на фоновые знания и языковую компетенцию, он рассчитывает на способность адресата восстановить эксплицитно не выраженную информацию. Такие порицания полностью зависят от контекста. Фактором, оказывающим влияние на их прагматическую сущность, оказывается признак релевантности содержания высказывания для данной ситуации общения. Высказывание *Aber ich habe keine Vorräte droben, und dies hier ist ein Laden. Ich kann mir keinen Grund vorstellen, dass du es verweigerst, bei dir das Nötigste einzukaufen (B-ST, 29)* порицает за невежливость в общении, оно опирается на ситуацию, где хозяйка

сельского магазина отказывается по только ей известным причинам обслуживать покупателя – автора порицания.

Интересны высказывания, в которых говорящий, казалось бы, никаким образом не касается адресата порицания, говорит только о себе, но представление себя в положительном свете, положительная саморепрезентация бросает тень осуждения на адресата и является порицанием его действий и поступков, как, например, в следующем речевом фрагменте: – *Magst du eine Halbe? – Der Himmel bewahre mich, ich müsste Sünden fürchten! Ich trinke nie Alkohol! (S-T, 16).* Порицающий отказывается от предложения выпить с партнером пива, называя употребление алкоголя большим грехом. При интерпретации его слов адресат учитывает максиму релевантности (говорить только то, что имеет отношение к данной ситуации) и распространяет греховность предложенного действия и на себя: *Ich trinke nie Alkohol, weil es eine Sünde ist; jeder, der Alkohol trinkt, ist Sünder. Du trinkst Alkohol, folglich sündest du auch, das missbillige ich und werfe es dir tadelnd vor.*

Семантическая инверсия в порицании. Высказывания с инвертированным знаком оценки являются продуктивным типом высказываний порицания: *Du bist mir ein schöner Germane, kannst nicht mal saufen! (N-H, 252).* Несмотря на наличие положительно-оценочного прилагательного *schön* высказывание однозначно квалифицируется адресатом как осуждение, упрек. На переход положительной оценки в отрицательную указывает наличие личного местоимения в *dativus ethicus (Du bist mir ein schöner Germane)*, показывающего эмоциональную задействованность говорящего в содержании высказывания, а также интенсификатор-квалификатор *nicht mal,* выражающий степень «падения» адресата в глазах автора порицания (*Das wenigste, das ein Germane muss tun können, ist Saufen. Du kannst nicht mal das. Diese Tatsache werte ich als deinen großen Nachteil ein und werfe sie dir tadelnd vor).* Семантическая инверсия в порицании представляет собой психологический «укол», который является скорее этикетной формой косвенного выражения агрессии, это ироничное, а значит, более язвительное порицание. Ирония является в такого рода

порицаниях своеобразной попыткой примирить две противоположные интенции – стремление исправить недостаток, с одной стороны, и стремление уязвить, с другой. Высказывание *Sehr schön, dass man dann den alten Vater auch noch gnädigst unterrichtet! (K-A, 154)* дает выход отрицательным эмоциям субъективной оценки, раздражению, недовольству, досаде, но оно облекает эти эгоистические проявления в форму согласия и одобрения, которая должна свидетельствовать о солидарности с партнером по коммуникации. Налицо амбивалентный характер иронических высказываний порицания.

4.4.3.2. ***Порицания в форме вопросов***. Основное свойство вопроса есть «знание незнания», вопросы задаются с тем, чтобы узнать неизвестное. Если же вопросы лишены «спрашиваемого», то они теряют свое первоначальное предназначение и наполняются новым содержанием, порицанием в нашем случае. Популярность вопросительной формы при выражении порицания объясняется ее эмоциональной «нагруженностью»: одновременная реализация вопросительного и утвердительного («холодного» по своей природе) значений создают особый эмоциональный заряд[77].

Конвенциональные вопросы-порицания. Семантика вопросов-порицаний исключительно многообразна, однако результаты анализа показывают, что они в абсолютном большинстве являются конвенциональными образованиями, строящимся по привычным, узнаваемым моделям. Это своего рода синтаксические метафоры, они являются результирующими множества употреблений и обладают необходимым набором дистинктивных признаков (грамматическая устойчивость, воспроизводимость), позволяющих идентифицировать их с этим языковым феноменом и в некоторых случаях даже говорить о лексикализации риторически-вопросительного порицания.

---

[77] О такой функции несобственно вопросов писали многие исследователи. Например, Ш. Балли считал, что «ложный» вопрос лишь символизирует чувства и полностью оторван от подлинно вопросительных предложений). К.А. Долинин делит «ложные» вопросы на две категории – те, которые призаны оказать какое-то воздействие на адресата в рамках эмоциональной коммуникации, и те, которые выполняют только экспрессивную функцию, выступают только как средство эмоционального самовыражения). Риторические вопросы рассматривали также У. Леннерт, анализировавший их функционирование в различных вариантах социальных контекстов, А.А. Масленникова, изучавшая скрытые смыслы, реализуемые несобственно-вопросами, и другие лингвисты.

Подчеркнуто эмоциональная форма риторического вопроса-порицания обусловливает частотность его употребления в живой коммуникации и большое разнообразие стратегических ходов при его реализации. Приведем некоторые примеры для иллюстрации высказанных положений о фиксированности форм такого порицания и его конвенционализации.

Очевидна порицательная интенция в риторических вопросах об образе выполняемого действия: *Ja, wie redest du denn? Ist doch lauter ungereimtes Zeug <..> (B-W, 16).* Говорящий запрашивает информацию и, не дожидаясь реакции адресата, сам отвечает на заданный вопрос, совершенно избыточный в ситуации диалога – говорящий прекрасно слышал предыдущую реплику адресата, следовательно, он сам может определить образ действия – как говорит адресат. Не вызывает сомнений наличие иной интенции его высказывания – выражение недовольства содержанием речи адресата, побуждение говорить яснее, без намеков и подтекста.

Похоже функционируют избыточные вопросы о внешнем виде адресата: *Wie sehen Sie denn aus, Mensch! (N-H, 257).* Главным показателем реализации невопросительной интенции в них является ситуация непосредственного общения партнеров: говорящий собственными глазами видит адресата и все особенности его внешнего вида. О реализации интенции, отличной от вопросительной, свидетельствует в приведенном высказывании также ее маркирование восклицательным знаком вместо вопросительного.

Конвенциональными стали риторические *wie*-вопросы-порицания, содержащие формальный запрос о том, как адресат осмелился нарушить предписанные нормы и вопреки им выполнить порицаемое действие. Такой вопрос формулируется при помощи глагола *wagen* в сочетании с модальным глаголом *können*: *Wie kannst du es wagen, ohne zu klopfen hier reinzukommen! (G-T, 243).* Пропозициональная часть называет, как правило, осуждаемое действие (*ohne zu klopfen reinkommen*), осуждение сопровождается эмоциями возмущения. Сила выражаемых эмоций увеличивается использованием модального глагола *können* – говорящего возмущает не просто прецедент

«осмеливания», он задается вопросом о степени «падения» морали адресата, если он способен осмелиться переступить норму и выполнить порицаемое действие. Высказывания с глагольной парой *wagen können* стали своего рода порицательным клише, используемым в ситуациях нарушения норм и правил.

Избыточные вопросы, имплицирующие оценку действий/поведения адресата, задаются часто в ситуации, когда адресат переходит границу дозволенного в общении или в отношениях с говорящим. Такие порицания-вопросы представляют собой формальный запрос информации о том, что адресат о себе воображает или себе позволяет: *Idiot! Schnösel! Depp! Was bildest du dir ein! (H-M, 109)*; *Nehmen Sie sich zusammen! Was erlauben Sie sich! (N-H, 306).* Ни в том, ни в другом случае говорящий не ждет ответа от адресата (ответ явился бы нарушением ожиданий говорящего и считался бы непозволительной дерзостью), отрицательность действий адресата для него очевидна и не требует доказательств или пояснений. Поэтому порицания, строящиеся по таким моделям, кратки и лаконичны, лишь иногда говорящий указывает в пропозиции вызвавшее его недовольство действие адресата: *Holt, was erlauben Sie sich zu grinsen? (N-H, 365).*

В аналогичных ситуациях появляются косвенные вопросы о значении порицаемого положения вещей: *Norbert, was soll denn das heißen? Willst du meine Eltern enttäuschen? (B-H, 38).* Высказывания этого типа чаще всего лишены инфинитива глагола *bedeuten* или *heißen*, он представлен имплицитно: *Aber was soll das? Es ist für alle genug da. Warum soll der Bursch in die Wirtschaft gehen? (S-T, 20) → Aber was soll das bedeuten? ...* На вопросы такого типа формально возможен ответ как на собственно вопрос даже в ситуации порицания: *Was soll das Theater? Spielt ihr an eurer Grenze Katz und Maus? – Ja, das machen wir <...> (A-M, 36).* Но такая реакция встречается редко, порицание и здесь является преобладающей интенцией и не предполагает возражения, попытка возразить резко пресекается, рождая новое порицание.

В ситуациях статусного или ситуативного неравноправия говорящий, выражая недовольство положением вещей, пытается выяснить, от кого

получено разрешение выполнять порицаемое действие: *Wer gibt Ihnen das Recht, sich in meine Angelegenheiten zu mischen? (B-St, 34)*. Такие «стратегические» вопросы имеют целью заставить адресата занять оборонительную позицию, хотя в ином контексте они могут быть вполне логичными. Прямой вопрос теряет всякий смысл, если диалог происходит, например, в такси и вопрос-порицание адресован таксисту: *Idiot! Wer hat denn gesagt, dass die Fahrt beendet ist? (H-M, 157),* поскольку информацию о том, что поездка закончена, таксист мог получить только от самого говорящего. Значит, очевидно, что вопросительная интенция нейтрализуется и на первом плане оказывается интенция порицания адресата-таксиста, который собирается уезжать, не дожидаясь вышедшего на минуту пассажира. Маркером порицания является вокатив *Idiot!,* не допускающий иной интерпретации вопроса.

К числу прочно закрепившихся в речи узуальных форм относятся вопросы об умственной и психической состоятельности адресата типа *Bist du eigentlich närrisch geworden? Was denkst du dir überhaupt? (B-SZ, 49).* Поскольку интеллектуальные способности и состояние психики индивида относятся к числу тех качеств, о которых окружающие должны судить на основании их внешних проявлений, то обращение к самому адресату за аксиологическими выводами о нем, по крайней мере, нелогично. Значит, это вопросы-порицания, которые легко трансформируются в оценочные высказывания (*Du bist närrisch geworden)*. Частнооценочные прилагательные (*närrisch, verrückt, wahnsinnig, schwachsinnig, übergeschnappt, töricht, krank)* или синонимичные им идиомы (*von allen guten Geistern verlassen sein: Bist du von allen guten Geistern verlassen? Ich kann es einfach nicht glauben: meine Tochter und der Knecht von Stierbauern (S-T, 46)*) характеризуют действия адресата как необдуманные, опрометчивые, безрассудные, то есть как нерациональные, но не имеющие отношения к квалификации с медицинской точки зрения. Несмотря на идентичность модальных значений, выражаемых в вопросе и в соответствующей констатации (*Bist du verrückt?* и *Du bist verrückt!*), сравниваемые формы отнюдь не тождественны: вопрос представляет собой более экспрессивное порицательное

суждение и обладает, следовательно, более сильным воздействием на собеседника. Со своей стороны, констатация является очень категоричным, безапелляционным порицанием, которое при определенном психическом состоянии адресата может быть воспринято как инвектива.

Следует заметить, что в вопросах-порицаниях такого типа меняется и характер выражения категории аффирмативности: оппозиция «констатация наличия/констатация отсутствия» сохраняется, как в утвердительных суждениях, но формально эти значения получают противоположные значения: *War es nicht ziemlich töricht, so viele Hoffnungen auf einen einzigen geographischen Zufall zu setzen? (G-T, 467) → Es war ziemlich töricht, ...* В приведенном высказывании ничто не отрицается, напротив, подчеркивается факт нерациональной логики расследования преступления, приведшей детективов в тупик. Выбранная говорящим форма выражения порицания снимает категоричность оценки, он как будто задается вопросом (деинтенсифицированным аппроксиматором *ziemlich),* заранее зная ответ. Задача адресата заключается только в вербализации этого заранее заданного ситуацией ответа.

Конвенциональными стали «странные» вопросы-порицания, спрашивающие о виде, качестве лиц или положения вещей, об их характеристике: *Was ist denn das für eine Schweinerei? Das lass ich mir nicht bieten! <...> (H-M, 269).* Формально на приведенный вопрос должен был бы последовать ответ **Das ist eine große/kleine, gute/schleche, rote/weiße... Schweinerei.* Разумеется, говорящий ждет не такого ответа, он не ждет, собственно, никакого ответа, поскольку сам оценивает обсуждаемое положение вещей употреблением оценочного существительного *Schweinerei.* Имплицированная мыслительная цепочка легко выводится: *Was ist das für <Dingenlage?/Was für Dinge tun Sie? Ich sehe, Sie tun keine guten Dinge, ich würde sie als Schweinerei bezeichnen. Das ist also> eine Schweinerei! <Ich werfe Ihnen diese Dingenlage tadelnd vor!>.* Вопросы-порицания этой категории не обязательно включают оценочные лексемы, однако они запрограммированы

самой ситуацией, пресуппозицией суждения: *Was für ein Ton? Empfängt man so einen Freund? (K-S, 56) → Das ist kein gebührender Ton für den Empfang eines Freundes. Ich werfe Ihnen Ihren Ton vor und tadele Sie dafür.*

Как клише-порицания функционируют вопросы о местонахождении порицаемого положения вещей: *Mit´m Aquarium schmeißen, wo gibt´s denn so was? (N-H, 201).* Такие вопросы превратились в устойчивые порицательные формулы, не трансформируемые, не допускающие в свой состав дополнительных элементов. Структура полного высказывания порицания тоже определена: перед вопросом-порицанием называется отрицательно оцениваемое положение вещей, затем задается вопрос *wo gibt´s denn so was?* Этот вопрос можно считать парадоксальным, ведь в конкретной языковой ситуации, исключающей альтернативный ответ, снимается противоречие между исходным предположением вопроса и ответом на вопрос: офицер, порицающий солдат за потасовку высказыванием *Die Neuen verprügeln die Alten, wo gibt´s denn so was? (N-H, 158),* отказывает вопросу в риторичности (*Nirgendwo!)*, так как совершенно четко знает, по крайней мере, одно место, где происходит подобное нарушение порядка – его подразделение.

Самые разнообразные оттенки значения имеют порицания в форме вопросов о причинах выполнения порицаемого действия, например: *Warum verzerrst du alles, Simone? Warum können wir nicht in Ruhe darüber diskutieren? <...> (U-V, 52).* Отрицательная оценка действия, совершенного адресатом порицания, детерминирует запрос о причинах этого действия. Говорящий не ожидает ответа на свой запрос, он побуждает адресата изменить свой образ действий, сменить линию поведения, настроиться на сотрудничество в общении.

Традиционны риторические вопросы-порицания с самым разнообразным содержанием в форме общевопросительных предложений, предполагающие только один, заложенный в пресуппозиции высказывания, вариант ответа: *Ist so viel Ungezwungenheit klug? (M-S, 272) → So viel Ungezwungenheit ist nicht klug.* Такие вопросы задаются адресату с целью получить у него подтверждение

собственной – отрицательной – оценки положения вещей. К этой категории следует причислить, например:

– вопросы-порицания с глаголами мыслительной деятельности *meinen, glauben, denken,* Формально такие вопросы запрашивают информацию об образе мыслей адресата: *Ich werde dir zeigen, zu wem du gehörst. Denkste, ich will ein Flittchen zur Frau? (K-A, 60),* но ответ на этот вопрос известен заранее и не зависит от контекста – ни один «нормальный» мужчина не хочет иметь женой легкомысленную особу: *Denkste, ich will ein Flittchen zur Frau? Wenn du so denkst, dann irrst du dich, ich will kein Flittchen zur Frau. Du aber benimmst dich wie ein billiges Flittchen, was ich negativ beurteile und dich dafür tadele.* В этой же группе вопросов-порицаний находятся высказывания, касающиеся общечеловеческих ценностей, морали, нравственных устоев: *Das sechste Gebot lautet: du sollst nicht ehebrechen! Und ein Ehebrecher sitzt vorne in der Bank und betet! Glaubst du, Gott lässt sich so betrügen, wie ein Mensch? (K-A, 143).* Единственно возможный ответ на такой вопрос предопределен заранее: *Du kannst den Gott mit deiner Scheinheiligkeit nicht betrügen. Du sollst lieber seinen Geboten folgen und nicht ehebrechen.* Это своего рода прохибитив, косвенный синоним аксиологического протокольного предложения *Man soll nicht versuchen, den Gott zu betrügen*, целью которого является коррекция системы ценностей адресата, его поведения.

– Вопросы о желании или намерении совершить порицаемое действие как *Idiot, willst du uns umbringen? (H-M, 96)* всегда касаются предосудительных действий, порицаемых обществом, как лишение кого-либо жизни (*j-n umbringen*), оскорбление собеседника (*j-n beleidigen*), вымогательство (*Geld von j-m haben wollen*), симуляция болезни (*mit einem Kratzer krank feiern*) и др. Поэтому совершенно логична интерпретация высказываний типа *Sag mal, mein liebes Kind, willst du einen Hampelmann aus mir machen? (B-H, 16)* как порицаний – говорящий предполагает отрицательный ответ на заданный им вопрос и оценивает поведение адресата, создавшее у него впечатление, что адресат намеревается выполнить предосудительные действия: *Sag mal, mein liebes Kind,*

willst du einen Hampelmann aus mir machen? Du verhältst dich so, als hättest du eine solche Absicht. Iich beurteile dein Verhalten negativ, werfe es dir vor und tadle dich dafür.

– Вопросы-порицания о необходимости выполнения определенного, как правило, осуждаемого, действия как излишнее употребление алкоголя, ссоры и издевательства друг над другом: *Musst du soviel trinken? (S-T, 40).* Такие действия не относятся к числу физических потребностей человека, их также нельзя назвать необходимыми в силу долга, моральной обязанности или внутреннего убеждения, поэтому очевидно, что вопрос о мотивированности постоянного или чрезмерного проявления отрицательных качеств имплицирует желание говорящего устранить их: *Du musst nicht so viel trinken, aber du tust es, was ich negativ einschätze und dich dafür tadle.*

– Вопросы-порицания с модальным предикатом возможности, выраженным глаголом *können,* употребляются всегда с отрицанием, он «перелицовывает» модальность ситуации: говорящий пресуппозицирует, что желаемое действие может быть совершено адресатом и порицает последнего за невыполнение этого действия. Вербальный контекст часто указывает на наличие условий, необходимых для совершения действия: *Mein Kopf, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Das Haus ist groß genug (K-A, 89).* Такие порицания значительно менее категоричны по сравнению с прямым императивом, более универсальны и экономичны, ср. эксплицированное высказывание: *Mein Kopf tut weh, Ludwig. Kannst du deine Familienstreitigkeiten nicht woanders austragen? Du kannst sie bestimmt woanders austragen, das Haus ist groß genug. Du tust es aber nicht, das schätze ich negativ ein, tadle dich dafür und bitte, es doch woanders zu tun.*

<u>Неконвенциональные вопросы-порицания</u>. Небольшую группу представляют собой вопросы-порицания неконвенционального характера, Их коммуникативный смысл вытекает из общей ситуации и в изолированном виде они неузнаваемы как порицания. Отрицательная оценка в них выводится на основании общих фоновых знаний участников общения, их личных

взаимоотношений, конкретной ситуации общения. Примерами таких порицаний могут служить следующие: *Wollen Sie nicht selber fahren? (H-M, 154); Vor dem Essen? (S-T, 16).* Первое высказывание адресовано нетерпеливому пассажиру такси, который то и дело требует от водителя увеличения скорости движения. Второе высказывание порицания является реакцией на сообщение адресата о своем намерении выпить пива, что, на взгляд говорящего, в этот час недопустимо.

4.4.3.3. ***Порицания-императивы***. Порицания в форме императивных высказываний тоже привычны, узнаваемы и логичны – говорящий, осуждая адресата за некое неадекватное ситуации или несоответствующее норме действие/поведение, требует (просит, рекомендует – в зависимости от социальной роли) прекратить выполнять это действие, изменить поведение, например: *Spiel du nicht den barmherzigen Samariter! Fang du lieber deinen Schandbuben, den Zünder, den gewissenslosen! (A-M, 47)* – порицание адресата, сын которого причастен к преступлению, за неискренние, по мнению говорящего, слова сочувствия. Порицание в приведенном примере сопровождается советом относительно наиболее целесообразных в данной ситуации действиях адресата. Если причина побуждения прекратить выполнение действия неясна из контекста, говорящий во избежание непонимания мотивирует свое мнение, обосновывает его: *Lügen Sie nicht, Mädchen. Unter Kollegen tut man das nicht (K-A, 86)* – порицание молодого врача за неискренность и ненужное лукавство при посещении тяжело больного коллеги, который прекрасно понимает, в каком положении находится, и ждет от посетителя совсем других слов. Это порицание-императив – негативную оценку реплики адресата (*Sie lügen*), своеобразное информационное «обнуление» – можно тоже обозначить как одну из форм «коммуникативного киллерства», девальвацию высказывания адресата.

Прием «коммуникативного киллерства» используется партнерами часто, «покушение» на речевой ход адресата может высказываться и в более грубой форме, при этом говорящий пользуется, как правило, своим статусным

приоритетом, предусмотренным речевой ситуацией или условиями дискурса: *Halt den Schnabel, ich duld keine Widerede! (S-T, 24)* – порицание отца, адресованное мятежной дочери, отказывающейся выходить замуж за нелюбимого человека. Или порицание зажиточным крестьянином своего батрака, осмелившегося давать советы: *Halt den Maul! Werd mir von einem Knecht Vorschriften machen lassen, ja, das wär ja wohl noch schöner! (S-T, 26).* В обоих случаях императив указывает адресату на его статусную роль, порицает его за выход за рамки дозволенного этой ролью и имеет целью изменить протекание процесса общения в нужном говорящему направлении.

Конвенциональными стали парадоксальные высказываниями порицания в форме императива, алогичность которых заложена на их лексико-семантическом уровне, как, например, требования в отношении изменения внутреннего мира человека, который, как известно, не подвластен каким бы то ни было директивам и указам[78]. Проявление психической реакции стыда не может быть вызвано по приказу или рекомендации другого лица, это реакция спонтанная, возникающая в ответ на внешние раздражители. Следовательно, высказывания как *Pfui, schäme dich, du hast dich nicht wie ein wohlerzogener Junge benommen (B-H, 10)* представляет собой оценочное суждение (*Ich bewerte die Tatsache, dass du dich schlecht benommen hast, negativ und finde, dass du dich deshalb schämen sollst*), произносимое с целью порицания, и является поэтому фактором, детерминирующим соответствующее эмоциональное состояние адресата.

Особую категорию императивов-порицаний представляют собой высказывания, требующие сиюминутного изменения характера или умственных потенций адресата, например, *Madl, sei nicht so dumm! (S-T, 37).* Очевидно, что говорящий имеет в виду не общую мыслительную способность адресата, ведь человек не может регулировать степень своей глупости в соответствии с желаниями окружающих, но он в силах управлять своим внешним поведением. Значит, императив *Sei nicht so dumm!* — это не точная

[78] Богданов В.В. называет такие высказывания инъюнктивами [Богданов 1990: 15-16]

инструкция, а оценочное высказывание предшествующего акту речи конкретного поступка адресата – в данном случае решение адресата выйти замуж за любимого, но низкостатусного человека.

Интересно наблюдение Бессоновой [Бессонова 2003: 124] об императивных высказываниях порицания с предикатами дезидеративной оценки. Такие предикаты нарушают правило, согласно которому содержание распоряжения должно быть предметом желания говорящего [Вежбицка 1985: 257]: *Ja, jetzt fang nur wieder zu betteln an. Schau mein Gewand an. Hätt ich dir die Nase nicht eingeschlagen, du hättest mich ja vergewaltigt! (A-M, 23).* Очевидно, что линия поведения, которую предлагают соблюсти адресату, противоречит всем нормам и правилам, стереотипному представлению о хорошем и должном, а значит, не может быть объектом стремления, ориентиром для собеседника. Кроме того, побуждение в приведенном высказывании касается не будущего «желаемого» действия адресата, а уже совершенного, порицаемого (*zu betteln anfangen)*. Следовательно, логичен вывод о том, что истинная коммуникативная цель говорящего противоречит буквальному содержанию высказывания, прямо противоположна ему. Его желания представляют собой в данном случае зеркальное отражение сказанного.

* * *

Проведенный анализ является ярким свидетельством уникального многообразия речевых актов порицания – ни один из рассмотренных экспрессивных речевых актов не обладает столь разветвленной системой операторов порождения элементарных смыслов, взаимодействие которых в определенных ситуативных условиях создает диковинные сочетания смысловых нюансов. Обращение к компонентам глобального смысла высказываний порицания показывает их удивительное «согласие» при конституировании смыслового универсума – все основные элементарные смыслы действуют в этом процессе единым фронтом, не отставая друг от друга ни на шаг. Ситуативная неэксплицированность некоторых из них не лишает их приоритетного положения в единстве, их важность диктуется всем

прагматическим контекстом общения. Существенность пропозиционального смысла в порицании объясняется необходимостью констатации несоответствующего норме/представлениям говорящего положения дел для убеждения адресата в правомерности совершения речевого действия. Высказывания, содержащие только такую констатацию, представляют собой очень действенное эмоциональное порицание, не нуждающееся в специальной экспликации элементов эмотивного смысла. Редуцирование его роли при том же положении эмоционально-оценочного компонента, переводит высказывание в разряд инвектив – ничем не аргументированной эмоциональной отрицательной оценки. Реляционный смысл в высказываниях порицания может характеризоваться как положительным (при направленности порицания близким, в педагогическом контексте), так и отрицательным (в ситуации отсутствия уважения к партнеру) зарядом, что четко демонстрируется выбором говорящим лексических операторов при совершении речевого действия. Однако и в случае неприязни говорящего к партнеру порицание нельзя считать оскорблением, поскольку оно реализует очень важный уникальный элементарный смысл – побуждение к изменению отрицательно оцениваемого положения дел, выполняет регулятивную функцию, несвойственную инвективе. Третий угол эмотивного «треугольника» – эмоциональный смысл – может несколько менять свое положение в смысловом целом от высказывания к высказыванию, определяя большую или меньшую степень его эмоциональности. Однако выражение эмоций принципиально существенно в рассматриваемых актах, поскольку равнодушное, незаинтересованное порицание теряет свою воздействующую силу и превращается просто в констатацию неблагоприятного положения дел.

5. РЕЧЕВОЙ АКТ ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ

5.1. Злопожелание как речевой акт. Общая характеристика

Определение. Выделение отдельного класса злопожеланий

противоречит мнению Дж.Л. Остина, в классификации речевых актов которого формулы пожелания как единый класс относится к группе бехабитивов, включающих в себя "понятие реакции на поведение других людей, их судьбу и установки и выражение установок по отношению к чьему-то поведению в прошлом или будущем» [Остин, 1999: 132]. Этот авторитетный ученый не разделяет функционально-семантические группы пожеланий с положительной и с отрицательной экспрессией. С нашей точки зрения однако именно положение пропозиции пожелания на оценочной шкале должно стать отправной точкой при определении его отнесенности к тому или иному классу. Поэтому мы "разводим" этикетное пожелание как конвенциональное "поглаживание" и злопожелание как речевой акт эмоционального воздействия в разные группы класса экспрессивов – социативов и инфлуктивов, несмотря на их структурную идентичность. Злопожелания без всякого сомнения относятся к последним, поскольку выражают оценочные чувства-отношения, это всегда воздействия, направленные на адресата, имеющие целью повлиять на его внутренне состояние, поведение, психологический настрой.

Злопожелания определяются как "выраженные словами пожелания какой-либо беды, являющиеся отражением известного душевного состояния человека"; в них "вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни…" [Самойлова]. Речь идет о речевых актах непрескрипционного характера, их произнесение вызвано лишь аффективными состояниями говорящего и не является институализированным для какой-либо разновидности речевых ситуаций, поэтому можно утверждать, что они призваны выполнять исключительно экспрессивную функцию.

Злопожелание следует отличать от речевого акта предсказания, которым говорящий дает понять адресату, что не верит в успех его будущего действия. Предсказание произносится, как правило, с целью заставить адресата отказаться от запланированного им действия, например: *Mit euch beiden wird es nicht gut gehen!* К предсказаниям относятся также прогнозы и пророчества –

ассертивные речевые акты, которые представляют собой более или менее обоснованные утверждения говорящего о будущих событиях[79]: *Wahrscheinlich wird dich auch diese Frau verlassen.* Для таких речевых актов характерна уверенность говорящего в том, что обозначенное событие обязательно произойдет в будущем. Их отличие от рассматриваемых речевых актов злопожелания заключается в том, что в последних говорящий выражает не уверенность, а надежду на наступление желаемого им негативного положения вещей: *Hoffentlich bekommst du ordentlich Gegenwind!*

В отличие от акта добропожелания акт злопожелания называет события, которые касаются лично адресата и являются уникальными. События или положения вещей, которые затрагивают всех и регулярно повторяются, могут стать поводом для негативного пожелания индивидуальной жизненной ситуации, пожелания как *Ich wünsche dir ein erfolgloses/erbärmliches neues Jahr!; Langweilige/schreckliche Weihnachten!; Alles Schlechte zum neuen Lebensjahr!* могут появиться только при большой вражде коммуникантов.

С. Мартен-Клиф отличает высказывания злопожелания от проклятий, считая последние аффективным выражением гнева или ненависти и синонимами пейоративов, что доказывает нереальность их пропозиции[80]: *Ich wünsche dir die Pest an den Leib!* Принимая мнение о пейоративности современных злопожеланий-проклятий, мы все-таки рассматриваем их в категории пожеланий, реальность/нереальность пропозиции не играет при этом роли, важно высказать адресату наболевшее: *Ich hasse dich zutiefst. ICH WÜNSCHE DIR ALLES SCHLECHTE, ALLES VERDERBEN, ALLE SCHMERZEN, ALLES SCHLIMME AUF DIESER WELT!!! (fluchen.net)*

В немецком языке злопожелание обозначается словами *Verwünschung, Verfluchung* (и его синонимами *Verdammung, Bann* и др.), различия между которыми определяются носителями языка следующим образом: *Verwünschung*

---

[79] Прогноз отличается тем, что обозначенное в его пропозиции положение вещей находится в будущем и может быть обосновано. Пророчество тоже касается будущего положения вещей, для которого у говорящего, однако, нет рационального объяснения [См. Rolf 1983: 157].

[80] Ф. Кинер тоже оценивает проклятие как "выражение враждебного отношения". Они больше являются «явлениями, сопровождающими взрывы ярости, скорее агрессивной фантазией, чем настоящим проклятием с намерением и верой в то, что проклятие действительно может сбыться» [Kiener 1983: 220].

– злопожелание, имеющие последствием длительное невезение адресата (от готской приставки *for-* со значением "*weg*", то есть пожелать адресату, чтобы он куда-нибудь попал, исчез и т.д. *Jemanden irgendwohin wünschen, z.B. zum Teufel*): *Scher Dich hin, wo der Pfeffer wächst. Verfluchung* – более сильное злопожелание (проклятие), имеющее следствием длительный вред адресату, даже смерть: *Du elende Mistkröte! Ich wünsche dir die Hölle auf Erden! (fluchen.net)* Такие злопожелания уходят корнями в средневековые религиозные проклятия – магические вербальные действия, направленные на причинение (или желания) всяческих бед, закрытие для жертвы возможности наслаждаться жизнью, лишения её малейшей вероятности благоприятного исхода событий[81]. Проклятие (анафема) наиболее ярко выражало регулятивную роль культа, оно являлось санкцией за антиповедение, отклонение от принятых стандартов, за нарушение клятвы, договора, церковных правил, за еретически-атеистическое мировоззрение и образ жизни. Поле применения проклятия было весьма обширно, оно выступало как универсальное средство воздействия на жизнь человека. Сегодня проклятия-злопожелания потеряли свой сакральный смысл и используются для выражения крайне эмоционального негодования по отношению к чему или кому-либо. Их следует рассматривать как проявление сильной деструктивной агрессии, т.е. как имеющее отрицательные последствия коммуникативное воздействие и взаимодействие, это речь, оцениваемая в пейоративных определениях, как грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, унижающая, подавляющая и т.п. [Щербинина 2008: 7].

Особенностью злопожеланий является нестандартная модель адресата: в них реальный собеседник часто является не субъектом, а объектом тех отрицательных перемен в состоянии дел, которых желает отправитель, он есть то лицо, во вред которому произносится текст [Толстая, 1994: 176]. Подлинным

[81] Магия слов, то есть представление о том, что слова имеют некую волшебную силу, родилось в далекое доисторическое время, когда считалось, что вербально выраженное имеет особую связь со сверхъестественными силами и поэтому обладает магической силой. Например, слово Hokuspokus в немецком языке (волшебная формула, сопровождающее сегодня исполнение фокусов) есть, скорее всего, преобразование фразы hoc est corpus <meum> (сие есть тело <мое>) из католической литургии, поэтому ему приписывается особая сила. С другой стороны, существует мнение, что языковое выражение само по себе имеет силу, что хорошо заметно на примере речевого действия обещания, когда реализация слов в силах говорящего. Создание своего рода зависимости происходит и при "обозначении" человека именем.

же адресатом является некто (нечто), имеющий возможность влиять на события, часто исполнителем негативного пожелания предполагаются высшие силы (Бог, святые, духи или нечистая сила). В высказывании *Du kannst mich jetzt ein für alle Mal! Ich lege keinen Wert auf falsche Freunde! Verrotte in der Hölle! Wir werden uns dort sehen! (fluchen.net)* выражается пожелание его адресату попасть в преисподнюю – пожелание, исполнение которого подвластно только представителям потусторонних сил.

Важным условием успешности речевого действия злопожелания является непосредственное присутствие адресата его произнесении и верить в его действенность и силу, иначе говоря, злопожелание должно быть узнано и ратифицировано как таковое. На обладающего здоровой психикой адресата злопожелание не оказывает заметного влияния, в этом случае очевидно, что задуманное речевое действие терпит неудачу[82]. Если же ожидаемый перлокутивный эффект налицо и адресат выведен из психического равновесия, испытывает сильное эмоциональное возбуждение, страх перед свершением пожелания, то говорящий с удовлетворением может констатировать успешность совершенного действия. У людей с лабильной нервной системой злопожелание в отдельных случаях может даже запустить психический механизм автосуггестии, что в конечном итоге приводит к необходимости обращения адресата злопожелания к специалистам-психотерапевтам.

Вариативность злопожелания. Как в случае с любым инфлуктивом, успешность, эффективность злопожелания не зависит от статуса говорящего, то есть ситуация общения не обязательно должна быть асимметричной, ведь выражение аффекта, "выпускание пара" не видит границ и возможно при совершенно разном распределении социальных ролей. Примером злопожелания при равном статусном, но различном гендерном положении может служить следующее высказывание дошедшей до крайности женщины, предназначенное ее супругу, долгое время мучившему ее оскорблениями и

[82] Следует, однако, отметить, что страх перед исполнением злопожелания в некой форме все-таки остается даже в людях, не воспринимающих злопожелания серьезно, поскольку в каждом из нас еще живет атавизм магического мышления.

побоями: *Ich wünsche dir – dir und deinesgleichen – Krebs im Endstadium. Aber nicht, dass du so nach 4 Wochen schon abnibbelst, NEIN monatelang soll dein Todeskampf gehen, du sollst um Tod betteln und wimmern! (fluchen.net).* Ситуация произнесения этого злопожелания сродни революции в отдельно взятой "ячейке общества", когда низы (женщина, жена, многие годы терпевшая издевательства) не хотят, а верхи (мужчина, муж, позволявший себе слово- и рукоприкладство) не могут жить по-старому. Отношения, достигнув критической точки, "взрываются", эта эксплозия выражается вербально в злопожелательной тираде, содержание которой впечатляет даже видавших виды инвектантов.

В ходе анализа языкового материала было замечено, что гендерный аспект довольно четко проявляется при совершении речевого действия злопожелания. Так, женские злопожелания (произнесенные женщиной) значительно более протяженные по времени, многословные, часто исключительно изощренные, что объясняется, вероятно, тем, что они редко произносятся совсем спонтанно, эти фразы "зреют" в сознании параллельно с переживанием обид и насилия. Поэтому, когда открывается внутренний клапан и женщина выплескивает в лицо обидчику накопившееся, материализуется уже продуманное, срываются – если оставаться в рамках метафоры – уже созревшие плоды: *Ich wünsche dir, dass dir tausendmal widerfährt, was du deinem Umfeld antust! Dass du büßen musst für die Pein, die du überall anrichtest! Dass dir eines Tages jemand ins Gesicht spuckt und dir sagt, was für ein Arschloch du bist! Dass dir deine miesen Machenschaften eines Tages nicht mehr gelingen – und dass alles Böse, was du anrichtest und angerichtet hast, auf dich zurückkommt.* Инвективные обозначения, сопровождающие злопожелания, у женщин тоже более разнообразны, как правило, суперлативны и, следовательно, значительно более эмоциональны, ср., например, перечень определений адресата, который предварил приведенное выше злопожелание: *Nie, niemals ist mir im Leben so ein ARSCHLOCH begegnet wie du! Du bist das allerperfideste, hinterhältigste, verlogenste, jämmerlichste, widerlichste, grausigste, abscheulichste, verachtenswerteste, nichtigste, ekelhafteste,*

teuflischste, verabscheuungswürdigste Wesen, was mir je begegnet ist!

Мужские (произнесенные мужчиной) злопожелания кратки и жестки, агрессор в критической ситуации апеллирует к стереотипу доминантной мужественности (бицепс – решение всех проблем!) и не задумывается о форме действительно спонтанного высказывания, выбирая из возможного многообразия императив и посыл в отдаленные места в разных вариантах, например: *Scher dich zum Teufel! (F-T, 37).*

Разумеется, это небольшое замечание о соответствии речевого действия гендерным стереотипам не является утверждением, для установления истины в последней инстанции оно требует специального исследования. Ведь, в конце концов, не секрет, что и в сознании мужчины при накоплении критической массы отрицательных переживаний и при наличии достаточного количества времени для облечения эмоций в слова рождается злопожелание как небольшое эссе на заданную тему: *Ich hoffe, dass die Hölle, in der ihr schmort, nicht einfach nur 'ne Hölle ist mit Fegefeuer und irgendwelchen dämlichen roten Teufeln. Ich hoffe, in eurer Hölle gibt es Schmerzkatapultkatapulte. Also Katapulte, die Katapulte katapultieren, die im Flug Schmerzen katapultieren, die euch treffen. Das mit den Katapulten ist billigst geklaut, aber ich find es einfach so gut...so dermaßen Hammer, dass ich's klauen musste.*

Back to Business: Ihr degenerierten, mir fehlen die Worte und das ist selten. Wenn ich drei Wünsche frei hätte, dann würde ich mir heute nicht das Ende von Hunger und Elend in der Welt, jeden Monat 50.000 Euro mehr auf meinem Konto und ewige Potenz wünschen, sondern ich würde zwei Personen aufzählen, denen das schlichtweg Schlimmste passieren soll. Das Schlimmsvorstellbare. Etwas, das ich nicht in der Lage bin, mir in der wütendsten Sekunde auszudenken. Und da ich dann wieder dran gedacht habe, weswegen ich so sauer bin, würde der dritte Wunsch nicht auf Weltverbesserung hinauslaufen, sondern eher auf die 50 k.(dreizehnsieben.blog.de)

Примером статусной инверсии при злопожелании является, например, обращение подростка к своим родителям: *Ach, leckt mich doch alle am Arsch!*

Steckt euch doch euer Silvester so tief rein, dass es oben wieder mit der Kotze rauskommt! – нестандартная ситуация, возможная лишь в случае потери контроля говорящего над собой, когда нивелируются все границы между социальными ролями (стандартное общение предполагает уважительное отношение детей к родителям).

В целом злопожелания можно разделить на две категории: злопожелания-"посылы" ("отсылы"), как их называет В. М. Мокиенко [Мокиенко, 1994: 62] и злопожелания-ругательства, называющие способ желаемого наказания адресата.

Злопожелания первого типа отсылают партнера к какому-либо реальному или мифологическому персонажу, олицетворяющему зло, губительное начало (*der Henker, der Teufel* или *der Kuckuck* как его эвфемизм*)*, они наиболее четко демонстрируют связь бранного и сакрального. такие речевые действия представляют собой пожелания зла и неудачи, для них характерен семантический синкретизм значений 'нечистая сила' и 'зло, болезнь, неудача'. Посыл не обязательно прямо называет это существо, он может указывать только на место его пребывания – некое "чужое" пространство, особенно подверженное воздействию нечистой силы: *die Hölle, wo der Pfeffer wächst*: *Ich will es nicht mehr hören! "Ich bin doch deine Freundin" – fahr zur Hölle eh. Verbreite deinen verdammten Lügen dort (fluchen.net).* Посылы такого рода превратились сегодня в своеобразные клише злопожеланий, говорящие не задумывается об их действительном содержании, для них важно послать адресата, и преисподняя возникает в сознании как первая ассоциация с царством страданий и тьмы. Поэтому формулы злопожеланий-посылов не демонстрируют разнообразия форм, они представлены прежде всего императивами глаголов *gehen, fahren* в сочетании с существительными *Hölle, Teufel: Geh zum Teufel! Fahr zur Hölle!*

Более "креативными" злопожеланиями являются выражения, прямо именующие "способ" наказания того человека, к которому обращен речевой акт: *Mich kotzt das voll an, ihr sollt an eurem Scheißgelaber einfach ersticken!!! Und dann soll auf dem Grabstein stehen: Verreckt am Scheißgetratsche!!! Oder der Blitz*

soll euch beim Scheißen treffen!!!!!!!!!!!! (fluchen.net) и т.п. Разнообразие подобных злопожеланий в повседневной эмоциональной речи поистине неисчислимо, в них проявляется фантазия говорящего, степень его эмоциональной "заряженности", уровень его речевой компетентности. Такая множественность и разнообразие понятны и объясняются ставшей частью сознания древней верой в магическую силу слова, возможностью "овеществить" его и обратить в оружие против недругов и соперников. В.М. Мокиенко говорит о них как о мощном генераторе современных бранных выражений, поскольку в речи по таким моделям постоянно образуются новые и новые ругательства-злопожелания, от тривиального пожелания смерти (*Du Feigling, Arsch, stirbt doch alle!!!! (fluchen.net))* до торжественного насылания бед на головы адресата/адресатов: *Verflucht sein sollen alle, die dieses Kloster beeinträchtigen, verflucht – wenn sie aus- und eingehen, verflucht sei ihr Tod, wer sie begräbt, sei wie ein Hund vertilgt! (К-Аб 347).*

Особым видом злопожелания являются самопроклятия, то есть пожелания зла самому себе: *Wir, die „Alten", die von unserem Geschütz noch am Leben sind, haben uns doch geschworen, jederzeit füreinander einzustehen und ich will verdammt sein, sollte sich auch nur einer nicht daran halten (M-R, 667).* Это, по сути, формулы, которые используются как подкрепления обещания или клятвы. Формулы с подобными функциональными свойствами зафиксированы в текстах на готском языке: *svaran bi himina, bi haubida, swuor bi sînes vater sêle,* встречаются они и в более поздних текстах (*ahd. uppen hiligen swern*)[83], не являются редкостью и в ситуациях современного общении. Клялись богом, мечом, небом, всеми небесными силами: *bei Gott, beim Himmel, bei allen Heiligen* и т.д.[84]: *Hiermit schwöre ich vor Gott und bei meiner Ehre als guter Christ, meinen Brüdern und Schwestern stets treu zur Seite zu stehen (M-R, 99);* клянутся даже жизнью: *Ich werde dich rächen! Vamun wird dafür bluten! Ich schwöre es bei meinem Leben (P-S, 76).* Но в течение времени формулы клятвы прошли путь

[83] О формулах клятвы в средневерхненемецкий период см., например [Schmidt-Wiegand 1998].

[84] Современное слово *beileibe* тоже является производным из древней формулы клятвы *bei Leibe*, обещающей телесное наказание в случае ее нарушения.

функционального преобразования и по известному эмпирическому закону, названному В. Вундтом гетерогенией целей (достижение целей может порождать другие цели) превратились в существующие параллельно формулы проклятия. Из фразы *Ich schwöre es bei Gott, und Gott verdamm mich, wenn ich mein Eid breche* в результате действия закона языковой экономии[85] остались лишь фрагменты *Ich schwöre es bei Gott* или *Gott verdamm mich,* которые функционируют как самостоятельные клишированные единицы, актуализируемые при совершении либо речевого действия клятвы, либо речевого действия самопроклятия. Иначе говоря, проявление закона гетерогении целей касается в нашем случае перерождения сакральных слов, перешедших в разряд восклицаний, сопровождающих аффекты, в том числе вспышки гнева, но не только. Сегодня такие формулы являются эмоциональным выражением самых различных чувств, своего рода многокомпонентным междометием. Например, высказывание капитана ван Хорна, адресованные его собаке Джерри, в "Джерри-островитянин" Дж. Лондона является эмоциональным выражением любви к четвероногому другу: *Gott verdamm mich! ... Du bist ja nichts als ein Bündel hochgespannter Gefühle mit einem goldenen Herzen in der Mitte und in eine goldene Haut gewickelt. Gott verdamm mich, Jerry, du bist Gold, reines Gold innen und außen, und kein Hund auf der ganzen Welt kann sich mit dir messen.* А в следующем высказывании говорящий формулой самопроклятия выражает нетерпение, недовольство медлительностью адресата: *Ich mag nich alleene essen, Gott verdamm mich (разг. речь).*

Таким образом, злопожелание, которое говорящий адресует самому себе, представляет собой речевое действие, утратившее первоначальное сакральное значение и превратившееся в клише спонтанного выражения чувств или в формулу, повышающую интенсивность выражения основной интенции, поддерживающую, подтверждающую ее: *Zum Verfehlen brauche ich, egal, wie*

---

[85] Реализация полной фразы всегда ситуативно излишня, поскольку одно всегда подразумевает другое: не может быть клятвы без обязательств, произнесение клятвы неминуемо предполагает согласие принять наказание - проклятие - в случае ее нарушения.

beschissen, ein Thema, möglichst deutlich umrissen, aber Liebe, verdamm mich, ist mir zu schwammig (N-D, 2).

Полиинтенциональность злопожеланий. Как правило, злопожелания объединяют несколько интенций: краткая формула пожелания неприятностей слишком лаконична, чтобы удовлетворить потребность говорящего в эмоциональном катарсисе. Потому речевые акты злопожелания полиструктурны, "гибридны": единый интенциональный комплекс злопожелания складывается их мозаично сочетающихся интенций, среди которых чаще всего в той или иной сочетании встречаются следующие:

– открытая, без боязни иллокутивного "самоубийства" декларация интенции проклинания: *Durch die mir gegebene Macht verfluche ich Euer armseliges Wesen bis an das Ende aller Tage! Ihr sollt jung an Jahren sterben, Euer Leidensweg soll lange währen und bei jedem Schlaf, den Ihr findet, werde ich Euer Alptraum sein! (M-R, 447);*

– выражение психического состояния говорящего, когда открывается некий катартический "клапан", позволяющий говорящему выплеснуть всю гамму скопившихся в нем отрицательных эмоций, эту функцию выполняют сопровождающие большинство злопожеланий инвективы: *Damit nicht genug, willst du mir auch noch meinen einzigen Lebensinhalt wegnehmen, du feiges Arschloch!!!!! Deine beschissene Ehre, dein noch viel beschissenerer Stolz sollen eines Tages DEIN Tod sein, nicht meiner! (fluchen.net)*

"Выпускание пара" происходит не только при инвективном назывании партнера, огромную роль играет при этом и спонтанное выражение эмоций при помощи самых разнообразных междометных структур как, например: *ey pass ma auf du scheiß verdammte schlampe!!! lass doch einfach mal deine scheiß finger von ihm!! boa waaaaaaaaaaaa!!!!!!!..(fluchen.net)*

– вымещение своей желчи и злобы собственно пожеланиями всевозможного негативного: *Ich verfluche dich mit voller Inbrunst. Keine Minute sollst du mehr glücklich werden bis zu deinem Tod. Die waltende Gerechtigkeit soll dir Job, Gesundheit und Familie sowie Freunde nehmen! Du sollst solche Qualen*

erleiden müssen, dass du dir deinen Tod herbeisehnst!!! *(fluchen.net).* Это, собственно, есть выражение основной, доминирующей злопожелания. При отсутствии этого компонента в интенциональном комплексе реализуется другое речевое действие - проклятия или оскорбления.

– информирование адресата о причинах вербализации этой внутренней агрессии, констатация положения дел, приведшего к ситуации выражения злопожелания: *ey dumme bitch ich hasse dich mehr als alles!!! Stirb doch! Sooft wie du mich in einem Jahr verletzt hast hat mich niemand in meinem ganzen leben!!!!!! (fluchen.net)*

Сценарий совершения полиинтенционального речевого действия злопожелания можно, таким образом, сравнить со сценарием судебного заседания, в котором говорящий выступает в двух лицах – обвинителя и судьи: сначала обвинитель сообщает о прегрешениях адресата, осуждая его, затем судья выносит ему приговор, проклиная его, насылая на него всевозможные беды.

5.2. Злопожелания в составе диалогического единства

В диалогическом единстве злопожелание является чаще всего реакцией на действие, то есть инициирующей репликой в акте коммуникации. Поводом для злопожелания служат самые различные действия адресата, нанесшие вред адресату и/или социально осуждаемые, как, например, любовные заигрывания или, хуже того, интимные отношения с партнером говорящего. В ситуации измены партнера отравленный ревностью, разъяренный говорящий/ая реагирует, например, таким образом: *du bist so ein billiges miststück! geh zurück in deinen puff alter.. mit deinen scheiß billigen schlampenbilder mit bauchnabelausschnitt.. du bist so ein elendiges dummes billiges luder lass die finger von ihm du scheiß dummes ehlendiges mistkind!!.. geh sterben oder so aber lass es! du dummes scheiß fuck verdammt elendiges fugly hurenkind!!! WAAAAAAAAAAAAAAAA.. (fluchen.net)*

К социально осуждаемым явлениям пьянство и дебоширство, а также употребление наркотиков, которые приводят к моральной деградации адресата

и эмоциональному надрыву окружающих его людей. Примером злопожелания-проклятия в общении с абсолютно опустившимся наркоманом может служить следующий речевой фрагмент: *...Ich hasse Dich! ...du hast mich echt nur beschissen! Mein Geld gezockt, ... damit du dir noch mehr "Zeugs" durch deine verschissene "Kokanase" ziehn kannst! Verreck dran, ... ich hoffe du bleibst drauf hängen und man weist Dich ein! (fluchen.net)*

Злопожелания могут появляться и в реплике-реакции на некоторое высказывание адресата, выводящее говорящего из состояния равновесия, это может быть упрек в несостоятельности, угроза, просто крайне негативное мнение о положении дел, имеющем исключительное значение для говорящего. В примере *Hör auf, mich zu terrorisieren und mach dir lieber Gedanken darüber, wie du dein Kind ernähren wirst! Und deine neunmalklugen Sprüche kannst du dir in deinen hässlichen Arsch schieben!!! Du Wurst! (fluchen.net)* злопожелательная тирада в адрес партнера является своего рода интериоризацией физического удара и материализацией фонтана отрицательных эмоций, она рождается в ответ на грубое требование адресата избавиться от нежданной и нежелательной для него (отца будущего ребенка) беременности.

5.3. Формирование смысла высказываний злопожеланий

Поскольку их главной функцией является осуществление коммуникативного давления на партнера, то для говорящего важна правильная идентификация интенции адресатом. Следовательно, несмотря на имплицитно-перформативную представленность большинства злопожеланий – говорящий концентрирует внимание партнера на пропозиции (Ср.: *Mein Gott, ich hab so die Schnauze voll von dem ganzen Kack hier! Geht euch alle ficken! (fluchen.net)),* интенциональный смысл имеет статус доминанты в смысловом целом рассматриваемых высказываний.

5.3.1. Формирование интенционального смысла высказываний злопожелания. Интенциональный смысл высказываний злопожелания может быть выражен и вербально с

использованием перформативных глаголов *verfluchen, verdammen* или их эвфемизмов (как *verflixen).* Это происходит в случае совершения речевого действия проклятия, если говорящий подчеркивает свое коммуникативное намерение, сознательно делает на нем акцент, надеясь на перлокутивное ухудшение эмоционального состояния адресата: *Ich verfluche dich mit voller Inbrunst...* Эксплицитный перформатив *Ich verfluche dich* в этом случае является стандартной речевой формулой, изначально использовавшейся в ситуации статусного общения (в религиозной сфере), когда обладающий властью говорящий (служитель культа), желая причинить адресату моральный вред, констатировал факт его отчуждения от себя и /или сообщества (отлучал от церкви за тяжкое догматическое или дисциплинарное преступление). Сегодня, в связи с полной (или частичной) утратой первоначальной магической функции формулы злопожеланий-проклятий перешли, как уже говорилось выше, в разряд бранных выражений и успешность их использования совсем не зависит от статусных конвенций. Таким образом, формула проклятия *Ich verfluche dich* сохранила традиционную вербальную форму, но полностью сменила прагматическую установку, став просто знаком выражения негативной экспрессии говорящего. Эксплицитно-перформативное высказывание с глаголом *verfluchen* самодостаточно и не требует экспликации пропозиции: формула проклятия как таковая эффективно выполняет заложенное в ней коммуникативное задание: *Bleib bei deiner neuen Bitch, Wixer, ich verfluche dich! (fluchen.net).*

Интенсифицирующим оператором актуализации интенционального смысла является наречие образа действия *von Herzen,* которое, будучи ситуативно избыточным, выполняет однако важную функцию: оно дополнительно подчеркивает степень эмоционального неприятия говорящим деяний адресата, пожелание наказания не произносится походя, не носит конвенциональный характер, а идет из самой глубины души: *Ich wünsche dir von Herzen alles Schlechte (beichthaus.de).*

5.3.2. Формирование пропозиционального смысла

высказываний злопожелания. Вербализованная пропозиция высказываний стандартного злопожелании представляет собой ставшее практически ритуальным клише *alles Schlechte: Ich hasse Schüler wie dich und wünsche dir von Herzen alles Schlechte (beichthaus.de),* иногда сопровождающееся интенсифицирующим оператором *erdenklich: Was du da sagst, ist sowas von Scheiße, krank und asozial, dass mir echt die Spucke wegbleibt. Auch wenn ich es nicht gern sage, aber ich wünsche dir alles erdenklich Schlechte für dein zukünftiges Leben (beichthaus.de).* В этом случае мы видим зеркальное отражение структуры пожелания добра на противоположной оси оценочных координат (ср. *Ich wünsche dir alles erdenklich Gute!),* что свидетельствует об определенной степени конвенциализации злопожелания. Примечателен однако факт, что если формула пожелания добра может иметь форму суперлатива (*alles Beste*), то формула отрицательного пожелания встречается только с прилагательным в положительной степени. Повышение действенности в злопожеланиях такого типа достигается внешними операторами как уже упоминавшееся наречие образа действия *erdenklich* или повтор первого элемента формулы: *Ich wünsch´dir ALLES ALLES SCHLECHTE FÜR DEIN LEBEN, ich werde nicht mehr länger auf dich warten, du oasch...(mirgefaellts.com).*

В категории высказываний, состоящих только из констатации желаемого положения дел, выделяется клише, превратившееся из реального злопожелания как *Ich wünsche dir, dass du verdammt/verflucht bist* (или самопроклятия *Ich soll verdammt/verflucht sein* или, возможно, пожелания *das Ganze soll verdammt/verflucht sein)* во вторичное междометие *Verdammt/Verflucht!,* используемое, как уже говорилось выше, в любой ситуации выражения аффекта и никому в современных условиях общения не напоминающее о своем первоначальном значении: *Verdammt! ... Das hat uns gerade noch gefehlt! (Schol-P, 136)*[86]. Наличие такого междометия увеличивает объем реализуемого в

[86] Известна формула *Verflucht und zugenäht!,* которая внешне не отличается от рассматриваемых нами здесь вторичных междометий, но изначально она являлась не злопожеланием, а, скорее, декларацией произошедшего (отсюда причастия прошедшего времени): ее этимологические корни уходят в средневековый студенческий фольклор:

высказывании эмоционального смысла, выдвигает его на передний план. Интенсивность выражения эмоций значительно увеличивается при многоразовом повторении клишированной формулы: *Verflucht, verflucht, verflucht! ... Verflucht! Betrogen, betrogen und untertreten! (M-J, 213).* Ф. Кинер видит в таком избыточном варианте выражения междометного псевдопроклятия анахронизм религиозного исступления при произнесении молитвы (он называет злопожелания негативной молитвой) [Kiener 1983: 238]. На наш взгляд, в основе любого интенсивного речевого действия находятся аффекты, их можно назвать религиозным исступлением или просто эмоциональным возбуждением, в состоянии которого человеку непросто обратиться к нужной "полочке" в сознании, чтобы воспользоваться разнообразными языковыми средствами для выражения своего психического состояния. Поэтому говорящий "хватает" первое пришедшее ему в голову слово и "умножает" его, при этом количество повторений элементов такой антимолитвы кратно степени снижения эмоционального напряжения говорящего. Но в наше стремительное время каждое мгновение оценивается на вес золота, и "экономные" участники коммуникации заранее увеличили интенсивность междометного проклятия, добавив в формулу наречие *noch mal/ noch einmal*. Лексикализированное в таком виде вторичное междометие встречается очень часто в речи представителей самых разных слоев общества. Пример: *Ich habe nicht telefoniert, ich habe nur, verdammt noch mal, gewartet! (G-RB, 133).*

Наиболее действенным средством выражения злопожелания являются эксплицитно-перформативные формулы с мотивирующим глаголом *wünschen*, имеющим обязательную валентность на пропозицию*: Ich wünsch dir ALLES ALLES SCHLECHTE FÜR DEIN LEBEN! Ich werde nicht mehr länger auf dich warten, du Arsch! (fluchen.net).* Такое развернутое высказывание представляет собой полный, прототипный вариант злопожелания, формула которого (*Ich*

Ich habe eine Liebste, die ist wunderschön,
sie zeigt mir ihre Äpfelchen, da ist's um mich gescheh'n.
Doch als mir meine Liebste der Liebe Frucht gesteht,
da hab' ich meinen Hosenlatz verflucht und zugenäht.

wünsche dir X) идентична инвариантной структуре положительного пожелания. В такой формуле бывают представлены оба антропокомпонента (*ich, dir)*, что обеспечивает безошибочность ее интерпретации адресатом. Местоименная форма дательного падежа для адресата пожелания дополнительно поддерживается инвективным вокативом (*du Arsch)*[87], который выполняет исключительно важную коммуникативную функцию: он представляет собой дополнительный вербальный «удар» адресату, то есть является незаменимым оператором реляционного смысла высказывания, выводящим его на передний план.

Вербализованная пропозиция высказываний злопожелания с глаголом *wünschen* выражается, как правило, зависимой словоформой в винительном падеже: *Ich wünsche dir* <u>*die Pest an den Leib*</u>*!* Конкретное лексическое наполнение этого актанта многообразно, индивидуализировано и не поддается стереотипизации, поскольку зависит от риторических способностей и умений говорящего, от его "творческого" потенциала (ср., например, такое нетривиальное злопожелание: *Ich wünsche dir einen so kleinen Penis, dass du irgendwann gemobbt bist).* Единственным формульным словосочетанием в такой модели является пожелание всего наихудшего: *Ich wünsche dir von ganzem Herzen* <u>*alles Schlechte*</u>*!,* которое, впрочем, тоже легко может расширяться перечислением желаемых конкретных неприятностей, например: *Ich wünsche dir* <u>*alles Schlechte*</u> *und viele Schmerzen!* Факт, что клише при выражении злопожелания неупотребительны, объясняется тем, что этот речевой акт не является ритуальным рутинным повседневным действием.

Пропозиция злопожелательных высказываний с глаголом *wünschen* часто выражается развернуто - в форме объектного придаточного с союзом *dass: Ich wünsche dir, dass du leidest und Schmerzen empfindest. Ich wünsche dir außerdem, dass du das Gefühl hast daran zu zerbrechen. Ich wünsche dir, dass dir das Leben ohne mich schlecht und nicht lebenswert erscheint. Ich wünsche dir, dass du so sehr*

---

[87] Инвективные вокативы было уже представлены выше, их функционирование в высказываниях злопожелания идентично аналогичному явлению в оскорблениях, поэтому мы сочли возможным отказаться здесь от подробного анализа их семантики и употребления.

nach mir sehnst, dass du es als körperlichen Schmerz empfindest (jetzt.de). Такая форма выражения злопожелания - с полным выражением всех возможных элементов модели *Ich wünsche dir X* и распространенным наполнением ее пропозиционной части - опять напоминает нам антимолитву как ритуал, торжественный акт насылания бед и напастей на адресата высказывания. Приведенное высказывание кажется хорошо продуманным и четко выстроенным, и хотя его эмоциональный накал необыкновенно высок, говорящий держит себя в руках. Эмоциональный компонент смысла в таком высказывании, не будучи актуализированным специальными операторами, пронизывает тем не менее весь смысловой континуум, сливается с каждым звуком, с каждым словом, возникает впечатление, что воздух дрожит от напряжения ситуации. Это тот редкий случай использования инфлуктива, когда все атомарные смыслы высказывания одинаково важны для говорящего: важно, чтобы адресат правильно определил интенцию высказывания, важно, чтобы он осознал суть пожелания (для этого так четко сформулированный пропозициональный смысл), важно, чтобы он почувствовал степень эмоционального напряжения говорящего и понял, что причиной такого состояния является любовь к нему - адресату.

Высказывания с невербализованной интенцией, состоящие только из собственно пожелания зла, модифицируются глаголами, актуализирующими модальный смысл. Наиболее часто употребляемым является глагол *sollen* как в высказывании *Dein schlechtes Gewissen soll deine Strafe sein und dich am besten bis zum Ende deines Lebens begleiten.* Системное значение глагола *sollen* включает элемент приказания, пожелания, который накладывается на пропозициональный смысл, усиливая его воздействие. Реализация пожелания не в компетенции говорящего, поэтому он, используя глагол *sollen,* совершенно очевидно обращается к помощи невидимых сил, побуждая их претворить сказанное в жизнь: *Du sollst Kinder bekommen und diese aufwachsen sehen. Diese Kinder sollen genauso behandelt werden, wie du es ihr angetan hast. Und du sollst erleben, wie deine Kinder fühlen.*

Такую же функцию выполняет глагол *mögen*, как правило, в форме презенс конъюнктив: *... möge dich Gott für all diese Taten bestrafen und dich leiden lassen!* В приведенном примере говорящий прямо обращается к судье на небесах, надеясь, что тот примет правильное решение в отношении грешника и заставит его ответить за совершенное. А вот пример скорее насмешливого, хотя не менее неприятного злопожелания с указанным глаголом: *Mögen dir alle Zähne ausfallen – bis auf einen, fürs Zahnweh! (wer-weiss-was.de)*

Следует отметить, что в действительно спонтанной эмоциональной речи описанные конструкции редко встречаются в чистом виде. Как правило, говорящему уже в процессе совершения речевого действия приходят в голову новые идеи и методы наказания партнера, для актуализации которых он использует другие структуры, начиная с торжественного *Ich wünsche dir...* и заканчиваю грубым в своей неприкрытой повелительности императивом: *Ich wünsche dir von Herzen, dass du nie glücklich wirst... schwer krank wirst und einen qualvollen Tod stirbst. Fahr zur Hölle, möge dich Gott für all diese Taten bestrafen und dich leiden lassen!* Или наоборот, начав с традиционного посыла в преисподнюю, говорящий спохватывается и "назначает" адресату совсем иное, на его взгляд, значительно более тяжкое наказание: *Brenn in der Hölle, nein, noch besser, ich wünsche dir einen so kleinen Penis, dass du irgendwann mal gemobbt wirst (beichthaus.de).* Содержательное наполнение таких "многоэтажных" злопожеланий может быть самым разнообразным, оно находится в прямой зависимости от фантазии "наступающего" в отношении меры и способов наказания адресата. Следующее высказывание, например, свидетельствует об очень изощренном мышлении говорящего: *Lebenslanger, fauliger Mundgeruch. Immer einwachsende Fußnägel. Frostbeulen an den Fingern. Außerdem drahtigen Haarwuchs aus Nase und Ohren. Das wünsche ich dir, du elender Dieb. Brich dir die Beine und stürz in einen Gulli.* Используя инверсию (пропозиция в данном высказывании предваряет вербализацию интенции) как специальный синтаксический оператор в сочетании с формальным изолированием интенциональной и пропозициональной частей друг от друга,

говорящий достигает особой концентрации внимания адресата на сути злопожелания, пропозициональный смысл выдвигается на передний план. Завершается реплика самым простым и самым доходчивым элементом - императивом.

5.3.3. Формирование эмотивного смысла высказываний злопожелания. Как уже было сказано выше, эмоциональный смысл высказываний пожеланий может быть актуализован, не имея внешних показателей его объемной представленности. Однако, главным "инструментом" эмоционального катарсиса и выражения отрицательной оценки, а следовательно, формирования эмотивного смыслового слоя, остаются бранные слова и вульгаризмы, материализующие эмоции гнева, отвращения и презрения (*Von mir aus könnt ihr an eurem Scheißalkohol und an euren Drogen verrecken! ... Ich hasse euch alle! Geht sterben, ihr Huren!).* Инвективные вокативы (*Huren)*, превращающие злопожелание в "слово как оружие", сниженная лексика (*Scheißalkohol, verrecken),* инвертированный порядок слов, избыточное использование личного местоимения (*ihr Huren)* – все эти элементы реализации эмоционально-оценочного отношения говорящего к партнеру способствуют интенсификации злопожелания, повышают эмотивную плотность высказываний, выводя эмотивный элемент смыслового целого в доминирующую позицию.

Важным оператором актуализации эмотивного смысла является синтаксический параллелизм – повтор синтаксически однотипных конструкций, считающийся одним из самых действенных средств языковой манипуляции. В нашем случае такими однотипными конструкциями являются либо полные предложения, включающие все возможные элементы злопожелания (*Ich wünsche dir, dass ...),* либо части этой прототипной структуры, как правило придаточные предложения, которые нанизываются как бусины в четках на интенциональную нить. Примеры: (1) *Ich wünsche dir, dass du leidest und Schmerzen empfindest. Ich wünsche dir außerdem, dass du das Gefühl hast daran zu zerbrechen. Ich wünsche dir, dass dir das Leben ohne mich schlecht*

und nicht lebenswert erscheint. Ich wünsche dir, dass du so sehr nach mir sehnst, dass du es als körperlichen Schmerz empfindest (jetzt.de). (2) Ich wünsche dir, dass dir tausendmal widerfährt, was du deinem Umfeld antust! Dass du büßen musst für die Pein, die du überall anrichtest! Dass dir eines Tages jemand ins Gesicht spuckt und dir sagt, was für ein Arschloch du bist! Dass dir deine miesen Machenschaften eines Tages nicht mehr gelingen – und dass alles Böse, was du anrichtest und angerichtet hast, auf dich zurückkommt!

Подобные "четочные" злопожелания оказывают гипнотическое влияние на адресата, завораживают своей ритмикой (ритмом мысли!), еще раз показывая нам близкородственность духовной (мы называли злопожелание отрицательной молитвой) и поэтической речи[88].

5.3.4. Формирование смысла косвенных высказываний злопожелания. Среди косвенных злопожеланий следует в первую очередь назвать императивные конструкции, содержание которых ограничивается, как правило пожеланием смерти с небольшим вариативным разнообразием: *Geht sterben ihr verfickten Huren! (fluchen.net), Verrecke! (fluchen.net), Verrote in der Hölle! (fluchen.net), Krepiere an deinem schlechten Gewissen! (fluchen.net), Schmore in der Hölle! (fluchen.net).* Такие лаконичные, абсолютно однозначные высказывания, похожие на выстрелы снайпера, в ситуации конфликта действительно могут поразить наповал (каково это, когда тебе желают смерти!), однако их нельзя рассматривать как директивное речевое действие, которое имеет ориентацию "от высказывания к действительности" и предполагает наличие у говорящего желания делать/не делать что-либо. Невозможно себе представить, чтобы высказывание типа вышеприведенного побудило адресата совершить/стать объектом совершения указанного действия. Очевидно, что приведенные и им подобные злопожелания являются реализаций инфлуктива, выражают психическое состояние говорящего и имеют коммуникативное намерение эмоционально

[88] В. П. Москвин писал в 2001 году: "На протяжении тысячелетий использовали магию повтора служители культа...; отсюда обилие самых разнообразных фигур повтора в молитвах и заговорах" [Москвин 2001: 81].

воздействовать на адресата, вывести его из внутреннего равновесия.

Одной из разновидностей императивных высказываний злопожеланий является формула *Sei verdammt/verflucht!*, в которой говорящий не исполняет самосудную кару (как в высказывании *Ich verfluche dich!),* а обращается для его исполнения к тому, кто имеет "компетенцию" наказывать или миловать. Интенциональный смысл в приведенной формуле представлен имплицитно: *<Ich wünsche dir:> Sei verflucht!,* эксплицирована только "голая" пропозиция, потенциальный каратель адресата высказывания тоже остается за кадром, но безошибочно читается в контексте: *<Ich wünsche dir:> Sei <vom Gott> verflucht!*[89]

В категории императивных высказываний злопожелания встречаются и такие побуждения совершить сексуальных действий как *Fick dich (selbst; ins Knie)!* Такие высказывания находятся на границе собственно злопожеланий и ругательств, бранных выражений, выполняющих почти исключительно катартическую функцию: *Fick dich, Schlampe, Nutte, Drecksau, Arschloch, und halt deine blöde Fresse! (fluchen.net).* В приведенном примере мультипликация инвективных вокативов и грубое злопожелание адресату выводит в доминирующую позицию эмотивный смысл.

Более разнообразные злопожелания встречаются в высказываниях-выражениях надежды на наступление кары за совершенное адресатом деяние как *Seht mich an! Das habt IHR aus mir gemacht und ich hoffe, dass ihr irgendwann die Strafe dafür bekommt ... (fluchen.net).* Такие высказывания формально представляют собой ассертивные высказывания с глаголом *hoffen* в качестве сказуемого вводящего злопожелание предложения (*Ich hoffe, du schmorst mit dem ständigen Wissen, ein Menschenleben buchstäblich auf dem Gewissen zu haben (beichthaus.de)*) или выполняющим его функцию наречием *hoffentlich (Ihr werdet hoffentlich auch irgendwann vom Schicksal, sofern es sowas wirklich gibt, dafür*

[89] В этом же ключе следует рассматривать современное вторичное междометие *(Zum) Donnerwetter!,* в основе которого находится полная императивная форма *Da schlage doch das Donnerwetter drein!*, призывавшая первоначально божий гнев, выражавшийся в непогоде с громом и молнией, на голову адресата [Kiener 1983: 237]. Со временем произнесение полной формулы по причине ее повсеместной узнаваемости стало избыточным и она сократилась до восклицания *Donnerwetter!,* которая затем, подчиняясь закону аналогичного уподобления и опираясь на уже имевшийся посыл *Zum Teufel!*, приобрела форму *(Zum) Donnerwetter!*

bestraft). Выражение надежды как эмоционального переживания, предвосхищающего вероятность свершения желаемого зла, является сильным инструментом воздействия, поскольку в сознании каждого из нас, воспитанного в христианской традиции, присутствует знание о том, что эта универсальная человеческая ценность выражает идею препоручения себя всевышнему, нахождения в его руках и уверенности в его справедливости. В этом случае говорящий имплицирует свое пожелание недоброго (*Ich <wünsche dir, dass du auch mal erwischt wirst und> hoffe, dass du auch mal erwischt wirst, denn du bist ein Betrüger (beichthaus.de))*, но вопрос принятия окончательного решения остается все-таки за "компетентным лицом".

Нам встретилось высказывание, имеющее неконвенциональную, несвойственную для речевых действий такого типа, форму, но тем не менее безошибочно, даже вне контекста узнаваемое как пожелание зла: *Für dich hat der Teufel in der Hölle einen besonders heißen Stuhl parat. Schon bei der Krebsvorsorge gewesen? Vielleicht wuchert irgendwo was Hässliches in dir? (beichthaus.de).* В этой ситуации говорящий выражает даже не предположение, а –уверенность в том, что адресат уже осужден и приговорен к наказанию, его полный сарказма вопрос-предположение о том, что его – наказания – исполнение уже началось, способно вывести из равновесия любого.

К категории косвенных высказываний, построенных на основе изменения референциальной отнесенности, следует отнести злопожелания, произносимые с церковных кафедр и адресованные собравшимся на проповедь прихожанам, но формально отнесенные ко всем потенциально возможным грешникам: *Gott strafe die Schlemmer, den Ehebruch und die Hurerei. Verflucht seien die elenden Sünder (B-Sp,38).* Безусловно, каждый верующий, совершивший какое-либо прегрешение, принимает такую угрозу наказания на свой счет. Задуманный перлокутивный эффект налицо, речевое действие злопожелания можно считать успешным.

Завершая описание речевого акта злопожелания, следует отметить, что в силу своей остро негативной семантики он занимает особое место в ряду

высказываний, интенцией которых является моделирование желаемого положения дел в реальной жизни. С одной стороны, формулы злопожеланий практически полностью утратили первоначальную магическую функцию и сменили прагматическую установку, став знаком выражения негативной экспрессии говорящего. С другой стороны, смена религиозных представлений и этических установок не исключила экзистенциальный страх перед «черным словом» – факт, объясняющий значительный перлокутивный эффект речевого акта злопожелания. Анализ показывает, что существует некий злопожелательный континуум, присущий каждой национальной культуре, представители которой прибегают в случае коммуникативной необходимости к той или иной части этого континуума: от клишированной, междометной до наиболее резкой, грубой, вульгарной, в зависимости от социальных, возрастных, гендерных и других факторов.

Следует также констатировать сходство констелляции элементарных смыслов высказываний положительного и отрицательного пожелания. Эмотивный смысл в злопожеланиях также «привязан» к пропозициональному, эта связка доминирует в индивидуализированных речевых действиях, пронизанных отрицательными эмоциями и свидетельствующих о негативном отношении говорящего к партнеру и ситуации. Интенциональный смысл злопожеланий редко выражается эксплицитно, поскольку пропозиция достаточно четко проявляет намерения говорящего. Не будучи выраженным вербально, интенциональный смысл становится "невидимым фронтом", внутренним толчком к совершению речевого действия злопожелания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задачей автора изложенного было обоснование гипотезы о динамическом характере конституирования смысла языкового выражения, основным положением которой является утверждение, что смысл не является условием успешной коммуникации, он является ее творческим результатом, порождается, конституируется партнерами в процессе успешной коммуникации.

Анализ проводился в рамках деятельностной парадигмы смысла, в которой язык рассматривается как область действий, посредством которых люди в повседневной практике влияют на поведение, мысли, эмоции и волю друг друга. Эта теория утверждает основополагающим принцип антропоцентризма, в соответствии с которым смысл высказывания – всегда субъективный смысл, придаваемый ему говорящим субъектом. Интерпретация субъективного смысла каждого конкретного речевого действия, его декодирование и «присвоение» адресатом возможны, если известно преследуемое этим действием намерение, цель говорящего, его роль для адресата и действующие и действительные в языковом сообществе правила кооперации, иначе говоря, первоочередную важность имеет тесная взаимосвязь между действиями, осуществляемыми посредством языковых выражений, и социальным контекстом употребления последних.

Ключевой единицей анализа является речевой акт, субъект которого – говорящий производит высказывание, рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим. Смысл высказывания – функция многих «конвенциональных переменных», в их число входят не только языковые средства, используемые для его построения, но и тот контекст, в котором оно употребляется. Только в соответствующей прагматической ситуации, в соответствующих контекстных условиях произносимые фразы могут быть восприняты в том смысле, который подразумевается говорящим субъектом, и быть эффективными для совершения задуманных им действий.

Сфера функционирования речевых актов – диалогическое взаимодействие, характеризуемое направленностью действий собеседников друг на друга, их взаимовлиянием. Именно в процессе взаимодействия проявляется намерение участников общения, формируется окончательный смысл высказываний. Поскольку смыслы изменчивы во времени и непостоянны, то в целостном смысловом потоке при обмене речевыми актами смыслы одного типа могут возникать в рамках одной реплики, зачастую не усваиваясь собеседником и в ответных репликах трансформируясь в смыслы совершенно иного типа. Смысл варьируется также в зависимости от индивидуальных особенностей коммуникантов: смысловой посыл говорящего, в силу специфики индивидуального восприятия высказывания, с легкостью преобразуется в неинтенциональные, незапланированные смыслы, одно и то же по форме высказывание может быть осмыслено разными адресатами различным, порой совершенно неожиданным образом.

Исходной посылкой анализа явилось общепризнанное мнение о гетерогенности смысла высказывания, включающего обязательные элементы, по-разному расположенные в смысловом континууме: они находятся в перманентном движении, меняют свой объем и положение, способны доминировать в данный момент и исчезнуть на периферии смысла в следующий – в зависимости от конкретного наполнения поверхностной структуры специальными операторами.

Сформулированная посылка позволила выдвинуть положение о возможностях построения модели смысла, вычленения его элементов и определения их позиции в смысловом целом высказывания, а также определения условий субъективной действительности, способных изменить положение атомарных смыслов в конкретный момент общения. В результате анализа был определен универсальный набор компопнентов смысла, он включает пропозицию и интенцию как пару атомарных смылов, составляющих основу любого высказывания, а также совокупность эмоционального, оценочного и реляционного смыслов, некий эмотивный комплекс, всегда

сопровождающий интенционально-пропозициональную пару. Далее эта модель дополняется различными окказиональными элементами, не поддающимися алгоритмизации (действительность исключительно разнообразна и просчитать и смоделировать заранее абсолютно все нюансы во всевозможных комбинациях представляется невозможным), и обрамляется прагматической компетенцией, определяющей уместность активизации того или иного компонента в актуальном контексте.

Создание представленной модели смысла происходило индуктивным путем и явилось результатом многостороннего эмпирического анализа большого количества языкового материала, в качестве которого были избраны экспрессивные речевые акты – действия, выражающие внутренние состояния определенного типа – а именно эмоции, волю и мнения в широком смысле слова. Иллокутивной целью экспрессивных речевых актов является либо оказание церемониального почтения собеседнику (социативные речевые акты), либо эмоционального воздействия на него (речевые акты эмотивного отношения и эмоционального воздействия). Мотивом избрания экспрессивов в качестве эмпирической основы исследования является их особая социальная значимость в процессе межличностной коммуникации, настоятельно требующая подведения под их здание лингвистической основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение.

В ходе анализа были выявлены сходства и различия подгрупп класса экспрессивов в отношении контура их смыслового континуума, определяемого доминированием в нем того или иного элементарного смысла. При этом детерминирующая позиция одного из смысловых компонентов ни в коем случае не означает элиминирование, непредставленность других. Все элементы смысловой модели всегда «просвечивают» в ней, образуя многосоставную иерархическую совокупность. В зависимости от разных обстоятельств те или иные из элементов выступают на передний план, становясь решающей силой интеграции смысла в данный момент, в то время как другие отодвигаются, проглядывая лишь в более или менее отдаленной перспективе.

В общей модели смысла высказываний, реализующих этикетные речевые акты, на переднем плане находятся интенция и эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату, оценка является фоном для реализации интенции, а пропозиция – поводом для выражения почтения, уважительного отношения к адресату; эмоциональный компонент иногда совсем нейтрализован, «законсервирован» и находится в самом дальнем «углу» модели, готовый, однако, по первому требованию изменить свою позицию и выйти на передний план, составив партнерскую пару интенциональному смыслу (в случае, например, искреннего, эмоционального пожелания).

Модель смысла инфлуктивных высказываний трансформируется таким образом, что в ней превалирует оценка, амальгамированная с эмоциональным компонентом и реляционным смыслом. Второй доминантой в смысловом целом инфлуктивов является интенциональный смысл, практически никогда не эксплицируемый, но не теряющий, тем не менее, своей актуальности: коммуникативное намерение предполагается выражением эмоциональной оценки. Пропозиция в инфлуктивах представляет собой лишь средство реализации основной интенции – оказать эмоциональное воздействие, она является, таким образом, поводом, материальной основой для «надстройки» на ней эмотивного смысла.

Сколь бы разнообразными ни были отдельные компоненты смысла и варианты их сочетания и проявления, важно, что они «сплавляются» в единое целое только в рамках высказывания. Вне высказывания крупицы смысла рассыпаются по различным каналам сознания, не имеющим друг к другу прямого отношения; в этом состоянии мы можем только случайно заметить заключенный в них потенциал смыслового взаимодействия – и даже заметив, можем не найти для него применения. Но в высказывании сам факт схождения различных элементов делает их взаимодействие неизбежным и необходимым.

Будучи выраженными в языке, элементарные смыслы проявляют свое «упорство» тем, что постоянно выдают себя, сигнализируют о себе через диалектику выражения и выражаемого, означающего и означаемого. Для

экспликации всех названных компонентов смысла язык развил определенную систему языковых средств, неких вербальных «ключей», открывающих адресату «потайную дверцу» целостного смысла. К категории таких операторов порождения и модификации смысла относятся в первую очередь перформативные глаголы или производные от них перформативные формулы, индицирующих интенциональный смысл. Для маркирования оценки и сопровождающих ее эмоций используются оценочные существительные и прилагательные, а также существительные и прилагательные с синтаксически обусловленным оценочным значением, немалую роль играют и оценочные глаголы. Эмоциональный компонент смысла эксплицируется при помощи самых разнообразных операторов: специального порядка слов и синтаксических структур, свойственных только аффективной речи, безусловно, просодических особенностей. И, конечно же, лексическими средствами: бранная лексика в инвективах, ласкательные номинации в комплиментарных вокативах. Все языковые средства выражения элементарных смыслов различаются по степени интенсивности выражаемых эмоций и квалификаций. Важно заметить, что операторы всегда действуют в совокупности, их собственные возможности при порождении элементарных смыслов ограничены. Только одновременное функционирование «пучка» операторов способно создать необходимую конфигурацию смысловых компонентов.

Очень существенна категория косвенных высказываний при выражении отдельных элементарных смыслов, завуалированное выражение основного коммуникативного намерения или изменение референтной отнесенности позволяет выразить еще целую гамму окказиональных смыслов, отсутствующих в высказывании в изолированном виде или превращающиеся в недискретные, явные и, следовательно, не всегда приемлемые при прямом способе выражения.

Определение конечного количества операторов порождения и модификации смысла не предполагает ограничение и регламентирование их роли в процессе формирования смысла, фиксирование степени их значимости.

Очевидно, что каким бы незначительным, случайным и «внешним» ни казался какой-либо языковой элемент сам по себе, его взаимодействие с другими элементами именно в данном речевом фрагменте может иметь существенные последствия, заставляющие признать в этом элементе одного из (бесчисленных) «истинных героев» (по выражению Р. Якобсона) разыгрывающегося в нашем сознании смыслового действия.

В самом общем виде итог проведенного исследования сводится к подтверждению справедливости идеи о многосоставной динамичной (конституируемой) сущности феномена смысл, актуализация различных потенций которого определяется прагматической ситуацией и специальными языковыми средствами, находящимися в распоряжении говорящего и слушающего. Высказывания, реализующие экспрессивные речевые акты, являются ярким доказательством валидности такой трактовки, позволяющей раскрыть возможности языковых единиц при реализации любых замыслов говорящего в актах речи, оттенить нюансы человеческой мысли. Новый, нетрадиционный взгляд на смысл языкового выражения значительно расширяет рамки лингвистики, которая на современном этапе развития занимается не только изучением языковых значений и структур, но и ментальной основой для их создания и функционирования. С другой стороны, смысл тоже становится объектом лингвистической науки, поскольку именно порождение и восстановление смысла является целью речевой и мыслительной деятельности человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авоян Р. Г.* Значение в языке. Философский анализ. – М.: Высшая школа, 1985. – 103 с.
2. *Агаркова О. А.* Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета: – Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Челяб. ГУ. – Челябинск, 2004. – 133 с.
3. *Адамокова Э. Б.* Семантико-прагматические свойства и контексты функционирования средств выражения благодарности в немецком языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Пятигор. ГПУ. – Пятигорск, 2005. – 17 с.
4. *Адамчук Т. В.* Тематизация эмоций в тексте: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Морд. ГУ. – Саранск, 1996. – 197 с.
5. *Акимова Т. Г., Масленникова А. А.* Семантика императива и оценка // Общие и специальные вопросы языковой типологии: [Сб.ст.]. – М.: Б.и., 1987. – С. 3-9.
6. Актуализация предложения: [Сб. ст.]. – Т. 1: Категории и механизмы. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 236 с.
7. *Алимурадов О. А.* Значение, смысл, концепт, интенциональность: (Система корреляций): Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – Ставрополь, 2004. – 544 с.
8. *Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 322-362.
9. *Алференко Е. В.* Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Воронеж. ГУ. – Воронеж, 1999. – 16 с.
10. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
11. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

12. *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. – 1986. – Сер. лит. и яз. – Т. 45. - № 3. – С. 208-233.

13. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 2003. – 383 с.

14. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.

15. *Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 5-40.

16. *Арутюнова Н. Д.* Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 130-273.

17. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

18. *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-358.

19. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Урал. ГУ, 1989. – 182 с.

20. *Балаян А. Р.* Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1971. – 19 с.

21. *Балли Ш.* Язык и жизнь. – М.: URSS, 2003. – 230 с.

22. *Баранов А. Н.* Политический дискурс: прощание с ритуалом? / А. Н. Баранов // Человек. – №6. – 1997. – С. 108-118.

23. *Барт Р.* S/Z. Пер. с фр. – М.: Эдиториал УРССб 2001. – 232 с.

24. *Бартон В. И.* Сравнение как средство познания. – Минск: БГУ, 1978. – 127 с.

25. *Бахтин М. М.* План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» // Контекст: [Литер. иссл.]. – М.: Наука, 1976. – С. 293- 316.

26. *Бахтин М. М.* Человек в мире слова. – М.: МОУ, 1995. – 139 с.

27. *Безменова Л. Э.* Функционально-семантические и прагматические

особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): Автореф. дисс. … канд. филол. наук; 10.02.04 / Самар. ГПУ. – Самара, 2001. – 18 с.

28. *Безрукова А. В.* Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04/ ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1981. – 19 с.
29. *Белодед О. Р.* Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности высказываний благодарности: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Киев. ГУ. – Киев, 1990. – 25 с.
30. *Бельчиков Ю. А.* Инвективная лексика в контексте некоторых традиций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 66-77.
31. *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 167 с.
32. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: URSS, 2003. – 448 с.
33. *Бенвенист Э.* Формальный аппарат высказывания // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: URSS, 2002. – С. 311-319.
34. *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. - Т. 40. – 1981. – №4. – С. 343-355.
35. *Бердникова А. Г.* Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Новосиб. ГУ. – Новосибирск, 2005. – 224 с.
36. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология межчеловеческих отношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы: [Пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
37. *Бессонова И. В.* Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Тамб. ГУ. – Тамбов, 2003. – 23 с.
38. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики: [Учеб. пос.]. – М.: Высшая

школа, 2000. – 159 с.

39. *Богданов В. В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 27-38.
40. *Богданов В. В.* Речевое общение // Язык и культура: Сб обзоров. – М.: Знание. – 208 с.
41. *Богданов В. В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. – 86 с.
42. *Богин Г. Е.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.19 / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1984. – 31 с.
43. *Болдырев Н. Н.* Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура: [Тез. конф.]. – Ч. 1. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 15-18.
44. *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
45. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
46. *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
47. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: [Сб. ст.]. - Т. 1. - М.: РГГУ, 2001. - С. 4-13.
48. *Бондарко А. В.* Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы) // Язык и речевая деятельность: [Сб. ст.]. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 17-30.
49. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценочные акты «извне» и «изнутри» // Логический анализ языка: Язык речевых действий: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1994. – С. 49-59.
50. *Буренина Н. В.* Диалог и эмотивная функция языка // Диалог о диалоге: [Сб. науч. тр.]. – Саранск: Морд. ГУ, 1991. – С. 28-35.
51. *Буренина Н. В.* Эмоциональные конструкции английской диалогической речи: Дисс. … канд. фил. наук: 10.02.04 / Морд. ГУ. – Саранск, 1989. – 188 с.

52. *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативные функции языка: [Пер. с нем.]. – М.: Прогресс. Универс, 1993. – 501 с.

53. *Васильев С. А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев: Наукова думка, 1988. – 237 с.

54. *Вдовина Е.В.* Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / ГИРЯ им. А.С. Пушкина. – М., 2007. – 24 с.

55. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-276.

56. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи: [Темат. сб. ст.]. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99-111.

57. *Вежбицка А.* Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание: [Сб. ст.]. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201-375.

58. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-250.

59. *Вилюнас В. К.* Основные проблемы психологической теории эмоций// Психология эмоций: [Тексты]. – М.: МГУ, 1984. – С. 3-28.

60. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

61. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237 с.

62. *Витгенштейн Л.* Философские работы: [Пер. с нем.]. – Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 320 с.

63. *Водяха А. А.* Эмоциональная рамка высказывания: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Волг. ГПУ. – Волгоград, 1993. – 158 с.

64. *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательных. – М.: Наука, 1978. – 80 с.

65. *Вольф Е. А.* Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2006. – 261 с.

66. *Воркачев С. Г.* К семантическому представлению дезидеративной оценки в

естественном языке // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4. – С. 86-92.

67. *Воронцова Т. А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Челяб. ГУ. – Челябинск, 2006. – 43 с.
68. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
69. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. – М.: Эксмо, 2003. – 1136 с.
70. *Гак В. Г.* К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1987. – С. 37-48.
71. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
72. *Гальперин И. Р.* Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Филологические науки. – 1982. – №5. – С. 34-43.
73. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
74. *Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124-136.
75. *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1993. – С. 158-218.
76. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276-302.
77. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики: [Учеб. пос.]. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
78. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, - Вып. 16: Лингвистическая прагматика: [Сб. ст.]. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

79. *Графова Т. А.* Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1987. – 197 с.

80. *Графова Т. А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 67-99.

81. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию: [Пер. с нем.]. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.

82. *Гусаренко М. К.* Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональная характеристика речевых актов пожелания в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ставроп. ГУ. – Ставрополь, 2005. – 22 с.

83. *Гусев С. С., Тульчинский Г. Л.* Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.

84. *Даммит М.* Что такое теория значения? // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.

85. *Девкин В. Д.* Прагматика слова // Прагматика слова: [Сб. науч. тр.]. – М.: МГПИ, 1985. – 109 с.

86. *Дементьев В. В.* Косвенность и косвенные речевые жанры: определение косвенности в связи с функциями языка // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: [Сб. ст.]. – Вып. 2. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 44-56.

87. *Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука в конце XX века: [Сб. ст.]. – М.: РГГУ, 1995. – С. 239-320.

88. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: [Сб. научно-аналит. обзоров]. – М.: ИНИОН, 1991. – 159 с.

89. *Долинин К. А.* Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста (французский язык): Автореф. дисс. … д-ра филол. наук / АН СССР, Ин-т языкозн. – М., 1989. – 46 с.

90. *Дьячкова И. Г.* Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ): [Электронный ресурс]. – Омск, 1998. – Режим доступа: www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998-j3/a055/article.html

91. *Дьячкова И. Г.* Способы выражения интенционального смысла высказывания в речевых жанрах похвала и порицание: [Электронный ресурс]. – Омск, 2001. – Режим доступа: / www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/dyachkova.html

92. *Евтушенко О. А.* Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Волг. ГПУ. - Волгоград, 2006. – 197 с.

93. *Еемерен Ф. Х., ван, Гроотендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки: [Пер. с англ.]. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 207 с.

94. *Жалагина Т. А.* Коммуникативный фокус в английской диалогической речи: Автореф. дисс. … кандидата филол. наук: 10.02.04 / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1988. – 16 с.

95. *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 348 с.

96. *Жучкова Н. Ф.* Грамматические особенности эмоциональных структур в составе речевых комплексов: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 215 с.

97. *Звегинцев В. А.* Смысл и значение // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики: [Сб. ст.]. – М.: МГУ, 1973. – С. 91-98.

98. *Зверева Е. В.* Коммуникативно-речевая сиуация «Комплимент» (на материале исп. языка): Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.05 / РУДН. – М., 1995. – 330 с.

99. *Земская Е. А., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование: [Сб. ст.]. – М., 1988. – С. 121-152.

100. *Зернецкий П. В.* Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1987. – С. 89-95.

101. *Зимняя И. А.* Вербальное общение (психологический аспект) //

Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 51-72.

102. *Золотова Г. А.* О перспективах синтаксических исследований // Известия АН СССР: Серия лит. и языка. – Т. 46. – №6. – 1986. – С. 500-514.

103. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 439 с.

104. *Иванина Г. Н.* Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: Автореф. дисс.… канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПУ им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 16 с.

105. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. – М.: МГУ, 1970. – 230 с.

106. *Изард К.* Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980. – 439 с.

107. *Имас А. В.* Выражение благодарности в немецком языке (на матер. литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Твер. ГУ. – Тверь, 2001. – 173 с.

108. *Иссерс О. С.* Коммуникативная тактика комплимента в русской разговорной речи // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: [Сб. науч. тр.]. – Вып.2. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 56-76.

109. *Ишмуратов А. Т.* Логический анализ практических рассуждений (формализация психологических понятий). – Киев: Наук. думка, 1987. – 137 с.

110. *Калентьева Т. Л.* Языковое сознание как объект психолингвистического исследования // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: [Мат. науч. конф.]. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. – С. 71-73.

111. *Каминская Э. Е.* Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия. – Новгород: НовГУ, 1998. – 134 с.

112. *Кант И.* Критика чистого разума: [Пер. с нем.]. – Ростов н/Д: Феникс, 648 с.

113. *Карасик В. И.* Семантика этикетного действия // Действие: лингвистические и логические модели: [Тез. докл.]. – М.: ИЯЗ, 1991. – С. 45-57.

114. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333 с.

115. *Караулов Ю. И.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

116. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.,: Наука, 1988. – 309 с.

117. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

118. *Кашкин В. Б.* Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.

119. *Кашурникова Л. Д.* Восклицательные предложения с эмфатическими интродукторами в современном английском языке: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1979. – 195 с.

120. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным проблемам языкознания: (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М.: МГУ, 1992. – 335 с.

121. *Киселева Л. А.* Язык как средство воздействия. – Л.: ЛГУ, 1971. – 60 с.

122. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. – Москва: ПРИОР, 1998. – 224 с.

123. *Клюканов И. Е.* Единицы речевой деятельности и единицы языкового общения // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 41-47.

124. *Кобозева И. М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: [Сб. ст.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 303-359.

125. *Коваль О.* Междометная реприза, или еврейские сценарии речевого поведения. Семантика междометия языка идиш «Feh» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.conf40.htm

126. *Колесов В. В.* Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.

127. *Колокольцева Т. Н.* Современная диалогическая коммуникации и проблемы ее изучения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – Волгоград: ВГУ, 2006. – С. 56-66.

128. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. – М.: ЛКИ, 2007. – 176 с.

129. *Колшанский Г. В.* О понятии контекстной семантики // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – С. 69-75.

130. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

131. *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. – М.: УРСС, 2003. – 192 с.

132. *Коморова Д. Ф.* Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Томск. ГУ. – Томск, 2005. – 19 с.

133. *Комчаева А. В.* Специфика интерактивного единства «комплимент-реакция» в английском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / ИГЛУ. – Иркутск, 2004. – 16 с.

134. *Королева О. П.* Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2002. – 17 с.

135. *Костенко И. В.* Значение и смысл как категории когнитивной лингвистики (на материале английских и русских лексико-фразеологических единиц с общим значением «соединить») // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: [Матер. междун. школы-семинара по когн. лингв.]. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 34-36.

136. *Коул П.* Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 13: Логика и лингвистика: проблемы референции. – М.: Прогресс, 1982. – С. 391-405.

137. *Кравец А. С.* Структура смысла: от слова к предложению // Вестник Воронеж. ГУ. – Сер. 1: Гуманитарные науки. – №1. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 60-84.

138. *Кравец А. С.* Деятельностная парадигма смысла // Вестник Воронеж. ГУ. – Сер. 1: Гуманитарные науки. – №1. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 160-181.

139. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

140. *Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В.* Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом такой // Известия АН СССР: Сер. литер. и яз. – 1984. – Т. 43. – №5. – С. 457-470.

141. *Кубик М.* Модели двусоставных предложений русского языка в сопоставлении с чешскими. – Praha: Б.и., 1977. – 204 с.

142. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 157 с.

143. *Кубрякова Е. С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. – 238 с.

144. *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Волгогр. ГПУ. – Волгоград, 2003. – 24 с.

145. *Кучинский Г. М.* Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительной задачи // Психологические исследования общения: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1985. – С. 252-264.

146. *Латина О. В.* Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1999. – С. 136-156.

147. *Леви В. Л.* Искусство быть другим. – М.: Торобоан, 2003. – 384 с.

148. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: URSS, 2007. – 306 с.

149. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат. 1975. – 304 с.

150. *Леонтьев В. В.* Похвала, лесть, комплимент в структуре английской языковой личности: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Волг. ГУ. – Волгоград, 1999. – 26 с.

151. *Леонтьев Д. А.* Деятельность и потребность // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. – М.: АПН СССР, 1990. – С. 96-108.

152. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

153. *Лисенко М. В.* Место стратегии извинения в гармонизации межличностных отношений (на материале английского языка): Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 1999. – 16 с.

154. *Лисоченко Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой, прагматический аспекты). – Ростов н/Д: РГУ, 1992. – 152 с.

155. *Литвищенко Г. С.* Синтаксический анализ одноядерных эмотивных предложений в современном английском языке: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1972. – 183 с.

156. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления // Проблемы семантики: [Сб. ст.]. – Новосибирск: НГУ, 1986. – 227 с.

157. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики, - М.: МГУ, 1975. - 253 с.

158. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.

159. *Макаров М. Л.* Отражение межличностных отношений во взаимодействии коммуникативных стратегий в диалогическом дискурсе // Прагматика и логика дискурса: [Сб. науч. тр.]. – Ижевск: УдГУ, 1991. – С. 66-73.

160. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.

161. *Макколи Дж. Д.* О месте семантики в грамматике языка // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 235-301.

162. *Максимова С. Э.* Регулятивная функция междометной реплики в диалоге: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Твер. ГУ. – Тверь, 2000. – 189 с.

163. *Малинович Ю. М.* Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка: Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.04 / АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та языкозн. – Л., 1990. – 34 с.

164. *Маринин Ю. Н.* Речекомплекс «поздравление»: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Волгоград. ГПУ. – Волгоград, 1996. – 24 с.

165. *Масленникова А. А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 260 с.

166. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95-142.

167. *Мекеко Н. М.* Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы "Пожелание" в английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / РУДН. – М., 2001. – 207 с.

168. *Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Советское радио, 1978. – 292 с.

169. *Милосердова Е. В.* Смысл как интерпретация языкового знака в дискурсе // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: [Сб. науч. тр.]. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 160-164.

170. *Минина О. Г.* Речевой акт обращения с импликатурой и проблема понимания: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pn.pglu.ru

171. *Мищенко В. Я.* Комплимент в разговорном поведении представителей англоязычной (британской и американской) культур: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02. 04 / Харьк. ГУ. – Харьков, 1998. – 22 с.

172. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1/2. – С. 50-73.

173. *Москвин В. П.* Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. - М., 2001. - №5. - С. 81-85.

174. *Муравьева Н. В.* Язык конфликта. – М.: Термика, 2004. – 264 с.

175. *Мурашкина Э. В.* Комплимент как регулятивный речевой акт (на материале английского языка): Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Твер. ГУ. – Тверь, 2004. – 152 с.

176. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 509 с.

177. *Мягкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт

психолингвистического исследования. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 109 с.

178. *Мягкова, Е. Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: КГПУ, 2000. – 110 с.

179. *Никитина Л. Б.* Оценка интеллекта в речевом жанре порицания // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: [Темат сб. науч. тр.]. – Вып. 2. – Омск: ОГУ, 1997. – С. 85-88.

180. *Новиков А. И.* Смысл: семь дихотомических признаков: [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://newaspomskreg.ru/intellect/f52.htm

181. *Новиков А. И.* Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

182. *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 227 с.

183. *Норманн Б. Ю.* Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков. -– Минск: Университетское изд., 1988. – 28 с.

184. *Ноуэлл-Смит П. Х.* Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 155-183.

185. *Остин Дж.* Избранное. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 329 с.

186. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.

187. *Павиленис Р. И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

188. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

189. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

190. *Панкрац Ю. Г.* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. – Минск: МГПИИЯ, 1992. – 333 с.

191. *Пегина Т. П.* Структурно-семантические и коммуникативные особенности

междометных эмоциональных идиом: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Орл. ГУ. – Орел, 1994. – 168 с.

192. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика // Пешковский А.М. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 177-179.

193. *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М.- Л.: Просвещение, 1930. – С. 133-161.

194. *Пиотровская Л. А.* Лингвистическая природа эмотивных высказываний: Дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01 / СПбГУ. – СПб., 1995. – 510 с.

195. *Писарек Л.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским. – Wrozlaw: Wydaw. Uniw. Wroclawckego, 1995. – 173 с.

196. *Позолотин А. Д.* Инвективное обозначение человека как лингвокультурный феномен: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Волг. ГПУ. – Волгоград, 2005. – 248 с.

197. *Поспелова А. Г.* Возможные подходы к решению проблемы эмоциональности и экспрессивности слова и предложения // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте: [Сб. ст.].– Л.: ЛГУ, 1985. – С. 83-90.

198. *Поспелова А. Г.* О дополнительных коммуникативно-прагматических функциях высказывания в английском языке // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис: [Сб. ст.]. – Л.: ЛГУ, 1988. – С. 53-57.

199. *Поспелова А. Г.* Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка): [Сб. ст.]. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С. 68-85.

200. *Постовалова В. И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 222 с.

201. *Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1998. – 70 с.

202. *Почепцов Г. Г.* Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116 с.

203. *Почепцов Г. Г.* Прагматика предложения // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 271-278.

204. *Приходько А. И.* Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.04 / Белгор. ГУ. – Белгород, 2004. – 42 с.

205. Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании: [Темат. сб. ст.]. – СПб.: Наука, 2000. – 345 с.

206. *Ранних Н. А.* Речевые акты пожелания и способы их выражения в русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1994. – 20 с.

207. *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.

208. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. – М.: Добросвет, 1997. – 597 с.

209. *Романов А. А.* Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1984. – С. 86-92.

210. *Романов А. А., Ходырев А. А.* Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 215 с.

211. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. - СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

212. *Рыбакова М. В.* Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложения (на матер. англ. яз.): Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1985. – 174 с.

213. *Рыжова Л. П.* Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1982. – 15 с.

214. *Рябцева Н. К.* Мысль как действие // Логический анализ языка: модели

действия: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1992. – С. 60-69.

215. *Салькова Д. А.* Синтаксические поля и семантическое моделирование (на базе значений нем. придаточных предложений). – Л.: ЛГУ, 1983. – 128 с.

216. *Самойлова Е. Е.* Проклятия как форма конвенционального поведения / Е. Е. Самойлова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/samoylova3.htm

217. *Сандомирская И. И.* Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, означающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.

218. *Саржина О. В.* Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / ТомГУ. – Томск, 2005. – 209 с.

219. *Сахно С. Л.* Приблизительные номинации современного французского языка: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.05 / АН СССР, Ин.т языкозн. – М., 1983. – 180 с.

220. *Седов К. Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи: [Темат. сб. ст.]. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 188-195.

221. *Сергеева Т. А.* Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой диалогической речи: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / ПГГИИЯ. – Пятигорск, 1993. – 195 с.

222. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986б. – С. 170-194.

223. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст]. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 210-229.

224. *Серль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 18: Логический анализ языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 252-255.

225. *Силин А. А.* Средства описания эмоциональных состояний: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.05 / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – 169 с.

226. *Синеокова Т. Н.* Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 2004. – 35 с.

227. *Сковородина С. В.* Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «благодарность» и «извинение»): Автореф. дисс. … канд. филол. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2004. – 20 с.

228. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1977. – 344 с.

229. *Соловьева А. К.* О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. – № 6. – 1965. – С. 103-110.

230. *Степанов Ю. С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступ. слово // Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.

231. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1982. – 360 с.

232. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 170 с.

233. *Субботина О. А.* Деривационные процессы и переосмысление оценочного значения имен прилагательных // Русское языкознание: реалии и перспективы: [Сб. ст.]. – Симферополь: ТГУ, 2004. – С. 207-210.

234. *Сулейменова Э. Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.

235. *Сурова Е. В.* Полоролевая характеристика комплиментарной интеракции: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Ульян. ГУ. – Ульяновск: УГУ, 2007. – 24 с.

236. *Суслова М. М.* Синтаксические конструкции аффекта в совремнном английском языке: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ Им. В.И.

Ленина. – М., 1998. – 162 с.

237. *Сусов И. П.* Интенциональная структура предложения // Введение в теоретическое языкознание [Электр. учебник]. – Тверь: ТГУ, 2006. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/5_05.htm

238. *Сусов И. П.* Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. ст.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 7-13.

239. *Сусов И. П.* Семантическая структура предложения: Автореф. дисс. … докт. филол. наук: 10.02.19 / АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та языкознания. – Л., 1973. – 34 с.

240. *Сусов И. П.* Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: [Сб. ст.]. – Калинин: КГУ, 1984. – С. 3-12.

241. *Сухих С. А.* Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Куб. ГУ. – Краснодар, 1998. – 159 с.

242. *Табурова С. К.* Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения: Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / МГЛУ. – М., 1999. – 214 с.

243. *Тарасенко Т. В.* Этикетные жанры русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Краснояр. ГУ. – Красноярск, 1999. – 169 с.

244. *Телия В. И.* Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

245. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

246. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С.14-56.

247. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: [Сб. ст.]. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.

248. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания: [Сб. ст.]. – СПб.: Наука, 1992. – 303 с.

249. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность: [Сб. ст.]. – СПб.: Наука, 1996. – 263 с.

250. *Толстая С. М.* Вербальные ритуалы в славянской народной культуре / С. М. Толстая // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С.176-179.

251. *Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 165 с.

252. *Трофимова Н.А.* Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения. - СПб.: ИВЭСЭП, 2010. – 172 с.

253. *Трофимова Н.А.* Речевой акт соболезнования // Linguarum terra: [Сб. науч. тр.]. – Чебоксары, 2006. – 25-31с.

254. *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб.: ВВМ, 2008. – 371 с.

255. *Тягунова Ж. А.* Контексты функционирования и семантика выражений thank you и thanks: Когнитивно-прагматический подход: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / ПГЛУ. – Пятигорск, 2002. – 170 с.

256. *Уткина М. В.* Семантика и функционирование единиц речевого этикета тематической группы "пожелание" (на материале русской драматургии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / СПбГУ. – СПб., 2002 . – 220 с.

257. *Уфимцева А. А.* Лексической значение (Принцип семиологического описания лексики). – М.: Наука, 1986. – 239 с.

258. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. – М.: URSS, 2004. – 205 с.

259. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2007. – 912 с.

260. *Федорова Л. Л.* Грамматика диалога: основные категории. – 2005. – [Электронный доступ]. Режим доступа: www.dialog-

21.ru/Archive/2005/Fedorova %20L/FedorovaL.htm

261. *Федорова Л. Л.* Прямое выражение агрессии в речевом общении // Агрессия в языке и речи: [Сб. науч. ст.]. – М.: РГГУ, 2004. – С. 219-232.

262. *Федосюк М. Ю.* Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи: [Темат. сб. науч. тр.]. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 66-88.

263. *Фесенко Т. А.* Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура: [Матер. междун. конф.]. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 112-116.

264. *Фомина З. Е.* Лексико-семантические группы глаголов действия с эмоционально-оценочным компонентом // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: [Сб. науч. тр.]. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С.45-54.

265. *Формановская Н. И.* Употребление русского речевого этикета. – М.: Русский язык, 1984. – 198 с.

266. *Формановская Н. И.* Вы сказали «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. – М.: Знание, 1989. – 156 с.

267. *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: ИЯЗ, 1998. – 291 с.

268. *Формановская Н. И.* Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи: [Сб. науч. тр.]. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-116.

269. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: [Сб. ст.: Пер. с нем. и англ.]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

270. *Фреге Г.* Логические исследования: [Сб. ст.: Пер. с нем.]. – Томск: Водолей, 1997. – 127 с.

271. *Храковский В.* Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике: [Сб. ст.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 22-46.

272. *Худяков А. А.* Семиозис простого предложения. – Архангельск: ПГУ, 2000.

– 269 с.

273. *Цейтлин С. Н.* Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: [Сб. ст.]. – Л.: Наука, 1990. – С. 142-156.

274. *Цховребова Б. Ф.* Структурно-функциональные характеристики речевых формул пожелания. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сев.-Осет. ГУ им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2002. – 167 с.

275. *Цюра С. В.* Коммуникативно-прагматические особенности высказываний извинений: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Киев. нац. лингв. ун-т. – Киев, 1994. – 14 с.

276. *Чинова Л. Н.* Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи-2: [Темат. сб. ст.]. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 278-281.

277. *Шатуновский И. Б.* Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка: проблема интенсиональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 155-186.

278. *Шахнарович А. М.* Общая психолингвистика. – М.: РОУ, 1995. – 93 с.

279. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 192 с.

280. *Шаховский В. И.* Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: [Мат. науч. кон.]. – М.: РУДН, 1996. – С. 29-30.

281. *Шаховский В. И.* О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: [Сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГУ, 1995. – С. 3-15.

282. *Шаховский В. И.* Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: [Сб. науч. тр.]. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 3-10.

283. *Шаховский В. И.* Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: [Сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГПУ, 1997. – С. 3-10.

284. *Шаховский В. И., Жура В. В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 2002. – №5. – С. 38-56.

285. *Шелестюк Е. В.* Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 22. – № 20 (121). – 2008. – С. 166-176.

286. *Шибутани Т.* Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.

287. *Шиленко Р. В.* Регулирование равновесных межличностных отношений в коммуникативном пространстве // Языковое общение: процессы и единицы: [Сб. науч. тр.]. – Калинин: КГУ, 1988. – С. 40-44.

288. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи: [Темат. сб. науч. тр.]. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 88-99.

289. *Щербинина Е. В.* Вербальная агрессия / Е. В. Щербинина. – М.: ЛКИ, 2008. – 360 стр.

290. *Экман П.* Почему дети лгут?: [Пер. с англ.]. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 270 с.

291. *Эрвин-Трипп С. М.* Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике: [Сб. ст.]. – Вып. 10: Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 336-362.

292. *Эткинд А. М.* Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений // Вопросы психологии. – № 2. – 1981. – С. 106-112.

293. *Юдина Н. Е.* К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств. – Дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1973. – 179 с.

294. *Янелюнайте С. С.* Грамматические средства выражения эмотивности в тексте (совр. нем. яз.): Автореф. дисс.… канд. филол. наук: 10.02.04 / МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1985. – 21 с.

295. *Adamzik K.* Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. – Tübingen: Gunter Narr, 1984. – 365 S.

296. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau. – Л.: Просвещение, 1966. – 284 с.

297. *Admoni W.* Die deutsche Sprache. – München: Beck, 1970. – 322 S.

298. *Altmann H.* Satzmodus // J. Jacobs et al. (Hg.) Syntax. Ein internationales Handbuch zur zeitgenössischen Forschung. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1993. – S. 1006-1029.

299. *Aman R.* Psychologisch-sprachliche Einleitung in das Schimpfen // Bayrisch-Österreichisches Schimpfwörterbuch. – München: Süddeutscher Verlag, 1972. – S. 113-128.

300. *André-Larochebouvy D.* Introduction à l'analyse sémiolinguistique de la conversation. – Paris: Didier, 1979. – 196 p.

301. *Austin J. L.* Performative Utterances // Philosophical Papers. – Oxford: Univ. Press, 1979. – P. 233-252.

302. *Bach K., Harnish R.* Linguistic Communication and Speech Acts. – L., Cambridge: MIT Press, 1980. – 327 p.

303. *Ballmer Th. T.* Probleme der Klassifikation von Sprechakten // G. Grewendorf (Hg.): Sprechakttheorie und Semantik. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1979. – S. 247-274.

304. *Ballmer Th.T., Brennenstuhl W.* Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. – Berlin: Springer, 1981. – 274 p.

305. *Beetz M.* Komplimentierverhalten im Barock. Aspekte linguistischer Pragmatik an einem literarhistorischen Gegenstandsbereich // W. Frier (Hg.): Pragmatik. Theorie und Praxis. – Amsterdam: Rodoph, 1981. – S. 135-151.

306. *Behagel O.* Die deutschen Scheltwörter. Eine sprachwissenschaftliche Plauderei // Münchener Neueste Nachrichten. – Nr. 50. – 20.2.1929. – S. 1-2.

307. *Bierwisch M.* Semantic Structure and Illocutionary Force // Searle J.R. et al. (Eds.): Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht: Reidel, 1980. – P. 1-35.

308. *Bolinger D.* Degree Words. – The Hague – Paris: Mouton, 1972. – 324 p.

309. *Bolinger D.* Objective and Subjective Sentences without Performatives. – Linguistic Inquiry. – Vol. 4. – Nr. 3. – 1973. – P. 414-417.

310. *Boss M.* Is Psychotherapy Rational or Rationalistic? // Review. of Existential Psychology and Psychiatry. – Vol. 19. – 1988. – P. 115-127.

311. *Braun F., Kohz A., Schubert K.* Anredeforschung: kommentierte Bibliographie zur Soziolinguistik der Anrede. – Tübingen: Narr, 1986. – 404 S.

312. *Braun F.* Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. – Berlin: de Gruyter, 1988. – 372 p.

313. *Brauße U.* Lexikalische Funktionen der Synsemantika. – Tübingen: Narr, 1994. – 194 S.

314. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Schwann, 1971. – 939 S.

315. *Brocher T.* Von der Schwierigkeit zu lieben. – Stuttgart: Kreuz-Verlag, 1975. – 177 S.

316. *Brown P., Yule G.* Discourse Analysis. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 288 p.

317. *Brown P., Levinson S.* Politeness – Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.

318. *Bula D., Nawacka J.* Proba klasyfikacji aktow mowy // Sociolingwistyka. – Nr. 5. – 1983. – Warszawa-Katowice-Krakow. – S. 31-46. – Цит. по: Писарек Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским. – Wrozlaw, 1995.

319. *Burger H.* Interjektionen // H. Sitta (Hg.): Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – S. 53-69.

320. *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. – 2., unver. Aufl. – Stuttgart: Fischer, 1965. – 434 S.

321. *Burgen S.* Bloody hell, verdammt noch mal! Eine europäische Schimpfkunde. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – 251 S.

322. *Calhoun C., Solomon R.* What is an Emotion? Classic Readings in Philosophical Psychology. – N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1984. – 358 p.

323. *Coulmas F.* Diskursive Routine im Fremdsprachenunterricht // Routinen im Fremdsprachenerwerb. – München: Goethe-Institut, 1986. – S. 3-45.

324. *Coulmas F.* Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. – Wiesbaden: Athenaion, 1981. – 262 S.

325. *Coulthard M.* An Introduction in Discourse Analysis. – London: Longman, 1985. – 195 p.

326. *Craig R. T.* Communication // T.O. Sloane (Ed.): Encyclopedia of Rhetoric. – N.-Y.: Oxford Univ. Press, 2001. – P. 125-137.

327. *Craig E.* Footnotes to M. Heidegger. On Adequate Understanding of Daseinsanalysis // E. Craig, C. Aanstoos (Eds.): Psychotherapy for Freedom (A Special Issue of The Humanistic Psychologist). – Nr. 1. – V. 16. – 1988. – P. 92-98.

328. *Davies E. C.* On the Semantics of Syntax: Mood and Condition in English. – Athlantic Highlands (N.J.): Humanities Press; London: Groom Helm, 1979. – P. 12-24.

329. *Dijk T. A.van* Studies in the Pragmatics of Discourse. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.

330. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). – Berlin: Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, 2009-2011. – Электронный ресурс: http://www.dwds.de/

331. *Ducrot O.* La preuve et le dire. Langage et logique. – P.: Mame, 1973. – 290 p.

332. *Duden:* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim et al.: Dudenverlag, 1984. – 804 S.

333. *Duden:* Bedeutungswörterbuch. – Mannheim et a.: Dudenverlag, 1998. – 1104 .

334. *Duden:* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim et al.: Dudenverlag, 1989. – 839 S.

335. *Duden:* PC-Bibliothek. Version 2.0. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 2000.

336. *Duden:* Zweifelsfälle der deutschen Sprache. – Mannheim et al: Dudenverlag, 1972. – 764 S.

337. *Edmondson W.J.* Routinisierte Elemente im fremdsprachlichen Diskurs // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – Paderborn: Schöningh, 1983. – S. 3-30.

338. *Ehlich K.* Interjektionen. – Tübingen: Niemeyer, 1986. – 314 S.

339. *Ehrhardt C.* Beziehungsgestaltung und Rationalität. Eine linguistische Theorie der Höflichkeit. – Trieste: Ed. Parnaso, 2002. – 247 S.

340. *Eisenberg P.* Grundriss der deutschen Grammatik. – Stuttgart: Metzler, 1989. – 576 S.

341. *Erdmann K. O.* Die Bedeutung des Wortes. – Leipzig: Haessel, 1935. – 266 S.

342. *Ermen I.* Fluch – Abwehr – Beschimpfung. Pragmatik der formelhaften Aggression im Serbokroarischen. – Bern: Lang, 1996. – 206 S.

343. *Faust M.* Metaphorische Schimpfwörter // Indogermanische Forschungen 74. – Berlin: de Gruyter, 1965. – S. 54-125.

344. *Figal G.* Sinn // Br. Hilmer (Hrsg.): Anfang und Grenzen des Sinns: für Emil Angehrn. – Weilerswist: Velbrück, 2006. – 284 S.

345. *Firth J. R.* Papers in Linguistics (1937-1951). – London: Oxford Univ. Press, 1969. – 233 p.

346. *Földes Cs.* Überlegungen zum lexikographischen Konzept eines phraseologischen Wörterbuchs // Muttersprache. – Nr. 1. – 1995. – Wiesbaden: GfdS. – S.66-78.

347. *Fraser B.* Hedged Performatives // Cole P., Morgan J. (Eds.): Syntax and Semantics. – Vol. 3: Speech Acts. – N.-Y.: Academic Press, 1975. – P. 187-210.

348. *Fraser B.* On Appologizing // Coulmas F. (Ed.): Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. – The Hague: Mouton, 1981. – P. 259-271.

349. *Fromm E.* Haben oder Sein. Die seelischen Grundlagen einer neuen Gesellschaft. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1991. – 220 S.

350. *Goffmann E.* Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1973. – 291 S.

351. *Graber G. N.* Zur Psychoanalyse des Fluchens // Psychoanalytische Bewegung. – Nr. 3. – 1991. – S. 56-68.

352. *Graffe J.* Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachlichen Realisierungsformen. – Münster, New York: Waxmann, 1990. – 334 S.

353. GDG: *Heidolph K. E.* (Hg.): Grundzüge der deutschen Grammatik. – Berlin: Akademieverlag, 1981. – 1028 S.

354. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. – 533 S.

355. *Haferland H., Paul I.* Eine Theorie der Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. – № 52: Themenheft zu Höflichkeit. – 1996. – S. 7-69.

356. *Hare R. M.* Die Sprache der Moral. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1972. – 242 S.

357. *Harnish R. M.* Mood, Meaning and Speech Acts // Tsohatzidis S. (Hg.). Foundations of Speech Act Theory: Philosophical and Linguistic Perspectives. – London: Routledge, 1994. – P. 407-459.

358. *Harras G.* Lexikalisierungen von Bewertungen durch Sprechaktverben – Suppositionen, Präsoppositionen oder generalisierte Implikaturen? // Proost K., Harras G., Gfatz D. Domäne der Lexikalisierung kommunikativer Konzepte. – Tübingen: Gunter Narr, 2006. – S. 95-128.

359. *Havrilin O.* Pejorative Lexik. – Frankfurt/Main [u.a.]: Peter Lang, 2003. – 155 S.

360. *Helbig G.* Partikeln als illokutive Indikatoren im Dialog // Deutsch als Fremdsprache. – Nr.14. – 1977. – S. 30-44.

361. *Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1979. – 274 S.

362. *Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. – Berlin u.a.: de Gruyter, 1982. – 330 S.

363. *Hindelang G.* Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen. – Göppingen: Kuemmerle, 1978a. – 572 S.

364. Hindelang G. Skizze einer Sprechhandlungstaxonomie // Münstersches Logbuch zur Linguistik. – 1978b. – Nr. 2. – S. 50-66.

365. *Hochschild A. R.* Emotion Work, Feeling Rules, and Social Strukture // American Journal of Sociology. – Nr. 85/3. – 1975. – P. 555-575.

366. *Holdcroft D.* Searle on Conversation and Structure // Searle J.R. et al. (Eds.) Searle on Conversation. – Amsterdam; Philadelphia, 1992. – P. 57-76.

367. *Holly W.* Imagearbeit in Gesprächen (ein linguistisches Beschreiben des

Beziehungsaspekts) // Reihe Germanistische Linuistik. – Nr. 18. – Tübingen, 1979. – S. 78-82.

368. *Holly W.* Sprachhandlungen im Wörterbuch. Zur lexikigraphischen Beschreibung sprachhandlungsbezeichnender Ausdrücke // Wiegand H. (Hg.): Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. – Hildesheim u.a., 1984. – S. 12-41.

369. *Holmes J.* Compliments and Compliment Responses in New Zeeland English // Anthropological Linguistics. – № 28. – 1987. – P. 458-508.

370. *House J., Vollmer H.* Sprechaktperformanz im Deutschen: zur Realisierung der Sprechhandlungen Bitten/Auffordern und. Entschuldigen // Linguistische Berichte. – Nr. 114. – Tübingen: Niemeyer, 1988. – 186 S.

371. *Hundsnurscher F.* Streitspezifische Sprechakte: Vorwerfen, Insistieren, Beschimpfen // Protosoziologie. – Nr. 4. – 1993. – S. 140-150.

372. *Hudson T.* Sociolinguistics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. – 250 p.

373. *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language. – London, N.Y.: Wiley, 1960. – P. 350-378.

374. *Jakobson R.* Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. – Russian Language Project. – Department of Slavic Language and Literatures. – Harvard: Harvard Univ. Press 1957. – 10 P.

375. *Juchem J. G.* Kommunikationssemantik. – Münster: Nodus Publikationen, 1998. – 224 S.

376. *Keller R.* Kollokutionäre Akte // Germanistische Linguistik. – Nr. 1-2. – 1977. – S. 3-50.

377. *Kenny A.* Action, Emotion and Will. – London: Routledge&Kegan Paul, 1963. – 245 S.

378. *Kiener F.* Das Wort als Waffe. Zur Psychologie der verbalen Aggression. – Göttingen: Vandenhock & Ruprecht, 1983. – 304 S.

379. *Kirchner G.* Gradadverbien. Restriktiva und Verwandtes im heutigen Englisch (britisch und amerikanisch). – Halle (Saale): Niemeyer, 1955. – 126 S.

380. *Kitzelnigg A. Br* als Bedeutungsträger // Linguistics. – 1973/1974. – Nr. 103/131. – S. 16-19.

381. *Knuf J., Schmitz W.* Ritualisierte Kommunikation und Sozialstruktur. – Hamburg: Buske, 1980. – 382 S.

382. *Kohrt M.* Von „Hallo!“ „Wie geht’s?“ bis zu „Tschüs!“ „Mach’s gut!“ Grüße, Grußformen und Verwandtes im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch // Kürschner W., Vogt R. (Hg.): Sprachtheorie, Pragmatik, Interdisziplinäres. – Tübingen: Narr, 1985. – S. 173-184.

383. *Lang E.* Zum Status der Satzadverbiale // Slovo a Slovesnost XL. – 1978. – S. 200-213.

384. *Lange W.* Aspekte der Höflichkeit. Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschen. – Frankfurt/Main (u.a.): Peter Lang, 1984. – 199 S.

385. *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.

386. *Leisi E.* Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. – 167 S.

387. *Levinson S. C.* Pragmatics. – Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 S.

388. *Lewandowski Th.* Linguistisches Wörterbuch. – 3 Bände. – 5. überarb. Aufl. – Heidelberg [u.a.]: Quelle&Meyer, 1990. – 883 S.

389. *Lewis C.J.* An Analysis of Knowledge and Valuation. – La Salle: Open Court Publ., 1996. – 568 s.

390. *Liedtke F.* Grammatik der Illokution. Über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen. – Tübingen: Günter Narr, 1998. – 287 S.

391. *Manes J., Wolfson N.* The Compliment Formula // Coulmas F. (Ed.): Conversational routine. Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. – The Hague [u.a.]: Mouton, 1981. – P. 115-132.

392. *Markefka M.* Ethnische Schimpfnamen – kollektive Symbole alltäglicher Diskriminierung // Muttersprache. – Nr. 2. – 1999. – S. 97-123.

393. *Marten-Cleef S.* Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. – Göppingen:

Kümmerle, 1991. – 371 S.

394. *Motsch W.* Situational Context and Illocutionary Force // Searle J.R. et al. (Eds.): Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht: Reidel, 1980. – P. 155-168.

395. *Motsch W., Viehweger D.* Sprachhandlung, Satz und Text // Sprachhandlung, Satz und Text. – Berlin: Akademieverlag, 1980. – S. 1-42.

396. *Ninio A., Snow C. E.* Pragmatic Development. – Oxford: Westview Press. 1996. – 142 S.

397. *Norrick N. R.* Expressive Illocutionary Acts // Journal of Pragmatics. – Nr. 2. – 1978. – P. 277-291.

398. *Opelt I.* Die lateinischen Schimpfwörter und verwandte sprachliche Erscheinungen. – Heidelberg: Winter, 1965. – 283 S.

399. *Oskar E.* Kommunikative Akte und Textanalyse am Beispiel von dialogischen Erzähltexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1981. – Nr. 9/2. – S. 129-151.

400. *Paris R.* Stachel und Speer. Machtstudien. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1998. – 225 S.

401. *Perls F. S.* Gestalt Therapy verbatim. – Stittgart: Klett, 1979. – 292 S.

402. *Pomeranz A.* Compliment Responses: Notes on the Co-operation of Multiple Constrains // Schenkein J. (Ed.): Studies in the Organization of Conversational Interaction. – N.-Y. [et al.]: Academic Press, 1978. – P. 79-112.

403. *Popitz H.* Phänomene der Macht. – Tübingen: Mohr, 1992. – 279 S.

404. *Prause K.* Deutsche Grußformen in neuhochdeutscher Zeit. – Breslau: Markus, 1930. – 286 S.

405. *Quine W. O.* Word and Object. – N.Y.: MIT Press, 1996. – 294 p.

406. *Rubattel G.* Un analyse semantique des verbes performatifs // Cahiers de Linguistique français. – Nr.1. – 1980. – P. 104-127.

407. *Rehbein J.* Entschuldigungen und Rechtfertigungen. Zur Sequenzierung von kommunikativen Handlungen // Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. – Frankfurt/Main: Athenäum, 1972. – S. 288-317.

408. *Rolf E.* Illokutionäre Kräfte. Grundbegriffe der Illokutionslogik. – Opladen:

Westdeutscher Verlag, 1997. – 257 S.

409. *Roulet E.* De la structure dialogique du discourse monologal // Langues et linguistique. – No. 8. – 1982. – P. 65-84.

410. *Roulet E.* Strategies d'interaction, modes d'implication et marqueurs illocutoires // Cahiers de Linguistique française. – Nr. 1. – 1980. – P. 80-103.

411. *Rychlak J. F.* Introduction to Personality and Psychotherapy: a Theory-Construction Approach. – Boston: Houghton Mifflin, 1981. – 871 p.

412. *Sadock J.M.* Toward a Linguistic Theory of Speech Acts. – N.Y. et al: Academic Press, 1974. – 168 S.

413. *Sander T.* Expressive (Rede-)Handlungen // Divinatio. Studia culturologica series. – № 18. – 2003. – S. 7-34.

414. *Schegloff E. A., Sacks H.* Opening up Closings // Semiotica. – Vol. 8. – 1973. – P. 289-327.

415. *Schmid H.-J.* Englich Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. – Berlin: de Gruyter, 2000. – 457 p.

416. *Schmiedt-Wiegand R.* Mit Finger und Zunge: Formen des Schwörens in Text und Bild dea Sachsenspiegels // E. Schmitsdorf (Hrsg.): Lingua Germanica: Studien zur deutschen Philologie: Jochen Splett zum 60. Geburtstag. – Münster ua.: Waxmann, 1998. – S. 255-281.

417. *Schumann H. B.* Sprecherabsicht: Beschimpfung // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Bd. 43. – 1990. – S. 259-281.

418. *Searle J. R.* Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1971. – S. 99-113.

419. *Searle J. R.* Ausdruck und Bedeutung. – Frankfurt/Main: Suhrkamp 1982. – 211 S.

420. *Searle J. R., Vanderveken D.* Foundation of Illocutionary Logic. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. – 227 p.

421. *Sinclair J. M., Coulthard R. M.* Towards an Analysis of Discourse. – Oxford: Univ. Press, 1975. – 163 p.

422. *Sornig K.* Beschimpfungen // Grazer Linguistische Studien. – Nr. 1. – 1975. – S. 150-167.

423. *Sosa Mayor I.* Routineformeln im Spanischen und im Deutschen. Eine pragmalinguistische kontrastive Analyse. – Wien: Präsensverlag, 2006. – 455 S.

424. *Sprenger R. K.* Soll der Chef mit Lob regieren? // Harvardmanager. – Heft 4. – 1999. – S. 9-12.

425. *Stenström A.-B.* An Introduction to Spoken Interaction. – London: Longman, 1999. – 239 p.

426. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

427. *Veith H.* Deutsches Bergwörterbuch mit Belegen. – Wiesbaden: Sändig, 1871. – 600 S.

428. *Vendler Z.* Linguistics in philosophy. – Ithaca; New York: Cornell Univ. Press., 1967. – 203 p.

429. Wahrig-Wörterbuch der deutschen Sprache. – München: Wissen Media, 2006. – 1728 S.

430. *Watzlawick P., Beaven J.H., Jackson D.D.* Menschliche Kommunikation, Formen, Störungen, Paradoxien. – Bern [u.a.]: Huber, 1969. – 271 S.

431. *Weigand E.* Sprache als Dialog. Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. – Tübingen: Niemayer, 1985. – 368 S.

432. *Wilkins D. P.* Interjections as Deictics // Journal of Pragmatics. – № 18. – 1992. – P. 119-158.

433. *Wolfson N., Manes J.* The Compliment as a Social Strategy // Papers in Linguistics. – № 13. – 1980. – P. 391-410.

434. *Wright G. H.* von. The Varieties of Goodness. – N.-Y., London: Routledge and Kegan, 1963. – 222 S.

435. *Wunderlich D.* Zur Konventionalität der Sprechhandlungen // Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. – Frankfurt/Main: Athenäum, 1972. – S. 11-59.

436. *Wunderlich D.* Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics /Ed. J.R. Searle et al. – Dordrecht, etc.: D. Reidel

Publishing Company, 1980. – P. 291-312.

437. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechaktteorie, – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. – 416 S.

438. *Zillig W.* Bewerten. Sprechakttypen der bewertenden Rede.– Tübingen: Niemeyer, 1982. – 317 S.

Список источников иллюстративного материала

1. *Altenried A.* Mara und ihr Brummbär. – Meine Heimat. – Band 76. – Hamburg: Martin Kelter, o.J. – 64 S. ***(A-M)***
2. *Becker J.* Jakob der Lügner. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. – 283 S. ***(B-J)***
3. *Bergner L.* Nur der Fels kennt die Wahrheit. – Meine Berge. Romane von Heimat und Liebe. – Nr. 123. – Hamburg: Martin Kelter, 1977. – 64 S. ***(B-W)***
4. *Bergner L.* Großvater kann alles – Heimatroman. – Nr. 749. – Hamburg: Martin Kelter, o.J.. – 63 S. ***(B-G)***
5. *Berger R.W.* Spitzenrausch. – Föritz: Mitteldeutscher Verlag, 2006. – 252 S. ***(B-Sp)***
6. *Berger R.W.* Laura. – Föritz: Amicus, 2006. – 213 S. ***(B-L)***
7. *Bobker L.R.* Schach dem Mörder. – Berlin: Moewig, 1985. – 255 S. ***(B-S)***
8. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. – Köln, Berlin: Kiepenheuer und Witsch, 1963. – 303 S. ***(B-A)***
9. *Böll H.* Und sagte kein einziges Wort. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 255 с. ***(B-KW)***
10. *Brehm R.* Mein Herz hat immer dir gehört. – Köln: Wolfgang Marken, 1974. – 64 S. ***(B-H)***
11. *Brunner Chr.* Schwere Zeiten für Leni. – Heimatsterne: Romane aus den Bergen. – Band 67. – Hamburg: Martin Kelter, o.J. – 64 S. ***(B-SZ)***
12. *Buchner C.* Die Stumme vom Baldenerhof. – Claudia-Roman. – Nr. 448. – Feucht bei Nürnberg, o. J. – 64 S. ***(B-St)***
13. *Cotton G.J.* Ein Teenager soll sterben. – Trivialroman. – Nr. 565. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o. J. – 62 S. ***(C-T)***

14. *Clark M.H.* In einer Winternacht. – München: Wilhelm Heyne, 1998. – 189 S. ***(C-W)***

15. *Ellmer E.* Die Bettelfrau von Buhinga. – Föritz: Amicus, 2003. – 350 S. ***(E-B)***

16. *Freitau v. Esch U.* Wiedersehen im Zarenschloss. – Königs-Roman. – Nr. 69. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o. J. – 64 S. ***(F-W)***

17. *Friedl P.* Die Erbschaft im Döbl. – Bergroman. – Nr. 1102-1103. – Rastatt: Zauberkreis. – o. J. – 124 S. (***F-E)***

18. *Garner R.F.* Gannons Gold. – Hamburg: Martin Kelter, 1990. – 64 S. ***(G-G)***

19. *Grisebach A.-M.* Eine Frau Jahrgang 13. Roman einer unfreiwilligen Emanzipation. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch , 2000. – 487 S. ***(G-E)***

20. *Grisebach A.-M.* Eine Frau im Westen. Roman eines Neuanfangs. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch, 2000. – 463 S. **(G-W)**

21. *Goethe J.W.* Dichtung und Wahrheit. – Hamburg, o.J. – Bd. 9, ***(G-D)***

22. *Goethe J.W.* Wilhelm Meisters Lehrjahre. – Hamburg, o.J. – Bd. 7. ***(G-M)***

23. *Graham C.* Treu bis in den Tod. – München: Goldmann, 1999. – 509 S. ***(G-T)***

24. *Grass G.* Die Blechtrommel. – Darmstadt: Moderner Buch-Club, 1964. – 606 S. ***(G-B)***

25. *Groot A. de:* Dein Vater wird uns liebgewinnen. – Hamburg: Martin Kelter, 1990. – 65 S. ***(G-V)***

26. *Grossmann K.H.* Rattengift und Bimbes. – Föritz: Amicus, 2006. – 216 S. ***(G-R)***

27. *Hartwig H.* Suse an Bord. – Föritz: Amicus, 2002. – 353 S. ***(H-SB)***

28. *Hauptmann G.* Nur ein toter Mann ist ein guter Mann. – München: Piper, 1996. – 302 S. ***(H-M)***

29. *Hermann J.* Das Geheimnis der Reges Sancti. – Föritz: Amicus, 2003. – 388 S. ***(H-G)***

30. *Hoeg P.* Fräulein Smillas Gespür für Schnee. – Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1996. – 528 S. ***(H-S)***

31. *Johnson U.* Das dritte Buch über Achim. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1962. – 336 S. ***(J-B)***

32. *Kellermann B.* Totentanz. – Berlin: Volk und Welt. – 1960. – 543 S. ***(K-Tt)***

33. *Klemperer V.* Tagebücher 1. Jan. – 10. Juni 1945 // Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. – Bd. 2. – Tagebücher 1942-1945. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1995. – S. 635-830. ***(K-Z)***

34. *Klemperer V.* Tagebücher 2. Jan. 1953 - 1. Jan. 1954 // Klemperer V. So sitze ich denn zwischen allen Stühlen. – Bd. 2: Tagebücher 1950-1959. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1999. – S. 351-425**.** ***(K-T)***

35. *Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen, (Datiert: Dresden, Weihnachten 1946). – Leipzig: Reclam, 1996. – 363 S. ***(K-N)***

36. *Knodel S.* Adelheid von Lare. – Föritz: Amicus, 2004. – 355 S. ***(K-AL)***

37. *Konsalik H.G.* Auch das Paradies wirft Schatten. – München: Goldmann, 2001. – 96 S. ***(K-S)***

38. *Konsalik H.G.* Die schöne Ärztin. – München: Goldmann, 1980. – 316 S. ***(K-A)***

39. *Konsalik H.G.* Die Masken der Liebe. – München: Goldmann, 2001. – 84 S. ***(K-M)***

40. *Konsalik H.G.* Verliebte Abenteuer. – München: Goldmann, 2001. – 187 S. ***(K-VA)***

41. *Kroetz F.X.* Maria Magdalena // Kroetz F.X. Stücke 1. – Hamburg: Rotbuch, 1999. – S. 7-66. ***(K-MM)***

42. *Kürthy von I.* Mondscheintarif. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1999. – 142 S. ***(IK-M)***

43. *Larsen, V.* Die heimlichen Wege der schönen Prinzessin. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o. J. – Nr. der Reihe: 239. ***(L-P)***

44. *Lenz S.* Die Auflehnung // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 12. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1999. – 499 S. ***(L-A)***

45. *Lenz S.* Duell mit dem Schatten // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 2. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. – 321 S. ***(L-D)***

46. *Lenz S.* Die Enttäuschung // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 18: Hörspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 63-112. ***(L-E)***

47. *Lenz S.* Das Gesicht // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 17: Schauspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 117-257. ***(L-G)***

48. *Lenz S.* Die Glücksfamilie des Monats // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 15: Erzählungen. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 73-105. ***(L-GM)***

49. *Lenz S.* Das Feuerschiff // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 14: Erzählungen. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – S. 171-335. ***(L-FS)***

50. *Lenz S.* Das schönste Fest der Welt // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 18: Hörspiele. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 7-61. ***(L-F)***

51. *Lenz S.* Die Klangprobe // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 11. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1999. – 464 S. ***(L-K)***

52. *Lenz S.* Es waren Habichte in der Luft // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 1. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. – 278 S. ***(L-H)***

53. *Lenz S.* Exerzierplatz // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 10. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – 645 S. ***(L-Ex)***

54. *Lenz S.* So zärtlich war Suleyken // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 13. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. – S. 207-357. ***(L-ZS)***

55. *Lenz S.* Stadtgespräch // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 5. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – 357 S. ***(L-S)***

56. *Lenz S.* Das Vorbild // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden, – Bd. 7. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1999. – 621 S. ***(L-V)***

57. *Lenz S.* Zeit der Schuldlosen // Lenz S. Werkausgabe in Einzelbänden. – Bd. 17. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1998. – S. 7-116. ***(L-Z)***

58. *Lewycka M.* Kurze Geschichte des Traktors auf Ukrainisch. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. – 358 S. ***(L-T)***

59. *Mairock A.* Wenn einer zuviel weiß. – Bergroman. – Nr. 1104. – Rastatt: Zauberberg-Verlag, o.J. – 62 S. *(M-W)*

60. *Mann T.* [Ansprache zu Heinrich Manns siebzigsten Geburtstag], (Ansprache 1941), In: [Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband]. – Bd. 13. - Frankfurt/Main: S. Fischer, 1974. **(M-A)**

61. *Mann T.* Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 7. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. – 660 S. ***(M-BK)***

62. *Mann T.* Buddenbrooks. // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 1. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. – 758 S. ***(M-B)***

63. *Mann T.* Der Bajazzo // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. ***(M-Bj)***

64. *Mann T.* Die Betrogene. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1954. – 126 S. ***(M-Bt)***

65. *Mann T.* Der Erwählte // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 7. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960**.** – 660 S. ***(M-E)***

66. *Mann T.* Der Weg zum Friedhof // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. - Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960, ***(M-F)***

67. *Mann T.* Der Zauberberg // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband, – Bd. 3. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. – 993 S. ***(M-Z)***

68. *Mann T.* Gefallen // Mann. T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. ***(M-G)***

69. *Mann T.* Joseph und seine Brüder // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 4/ Bd. 5. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. – 902 S. (Bd. 4) / S. 913-1821 (Bd. 5). ***(M-J)***

70. *Mann T.* Königliche Hoheit. Roman, (Erstv. 1909) // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 2. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. – 764 S. ***(M-KH)***

71. *Mann T.* Tristan // Mann T. Gesammelte Werke in zwölf Bänden mit einem Ergänzungsband. – Bd. 8. – Frankfurt/Main: S. Fischer, 1960. ***(M-T)***

72. *Matsuoka T.* Die Stunde des Samurai. – München: Goldmann, 2003. – 510 S. ***(M-S)***

73. *Mayle P.* Hotel Pastis. – München: Knaur, 1995. – 450 S. ***(M-H)***

74. *Müller R.* Die Ritter der Euterpe. – Föritz: Amicus, 2004. – 695 S. ***(M-R)***

75. *Noll D.* Die Abenteuer des Werner Holt. – Berlin: Aufbauverlag, 1982. – 563 S. ***(N-W)***

76. *Pegg, J.* Nacht des Jägers. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o. J. – Nr. der Reihe: 507. ***(P-N)***

77. *Pinkwart H.* Mord ist schlecht für hohen Blutdruck. – München: Goldmann, 1963. – 180 S. ***(P-M)***

78. *Planert A.* Rubor Seleno. – Föritz: Amicus, 2005. – 288 S. ***(P-R)***

79. *Planert A.* Seleno. – Föritz: Amicus, 2006. – 359 S. ***(P-S)***

80. *Ramge S.* Strahlenkinder: 20 Jahre nach Tschernobyl. – Föritz: Amicus, 2006. – 146 S. ***(R-S)***

81. *Remarque E.M.* Die Nacht von Lissabon. – Санкт-Петербург: Карро, 2005. – 379 S. ***(R-L)***

82. *Rome J.* Power-Sound und coole Sprüche. – Bravo- Herzklopfen- Roman. – Bd. 192. – Rastatt: Erich Pabel-Arthur Moewig, o.J. – 126 S. ***(R-P)***

83. *Schädlich H.J.* Versuchte Nähe. – Hamburg: Rowohlt, 1977. – 217 S. ***(S-N)***

84. *Schädlich H.J.* Trivialroman. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1998. – 158 S. ***(S-Tr)***

85. *Schlesinger K.* Trug. – Berlin: Aufbau-Verlag, 2000. – 190 S. ***(S-T)***

86. *Scholz D.* Poldi. – Föritz: Amicus, 2004. – 237 S. ***(S-P)***

87. *Steingruber P.* Treue brachte ihr das Glück. – Edelweißroman: Wo die Heimat am schönsten ist. – Band 152. – Hamburg: Martin Kelter, o.J. – 64 S. ***(S-TG)***

88. *Stephan S.* Ihre Liebe gab ihr Leben. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o. J. – Nr. der Reihe: 214. – 64 S. ***(S-L)***

89. *Strittmatter E.* Ole Bienkopp. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1963. – 427 S. ***(S-B)***

90. *Telford S.* Die blutige Göttin. – Kelter-Kriminalroman. – Bd. 96. – Hamburg-Wandsbek: Martin Kelter, 1957. – 64 S. ***(T-G)***

91. *Torwegge C.* Liebe hat ihre eigenen Gesetze. – Hamburg: Martin Kelter, 1990. – 64 S. ***(T-L)***

92. *Tyran I.* Das Opfer der geliebten Frau. – Silvia-Roman. – Band 727. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o.J. – 64 S. ***(T-O)***

93. *Uhl Y.* Um Mitternacht im blauen Schloss. – Silvia-Roman. – Band 202. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o.J. – 64 S. ***(U-M)***

94. *Uhl Y.* Verzeih, dass ich dich weinen ließ. – Silvia-Roman. – Band 617. – Bergisch-Gladbach: Bastei, o.J. – 64 S. ***(U-V)***

95. *Vandenberg P.* Dr. Daniel Norden. – Arztroman. – Nr. 1. – Hamburg: Martin Kelter, o. J. – 64 S. (***V-DN***)

96. *Wussow K.J.* Bitterer Kaffee. – Ulm: Gustav Lübbe, 1994. – 174 S. ***(J-K)***

97. *Walldorf H.* Der Mörder saß im Wembley-Stadion. – Roman-Zeitung. – Nr. 280. – Berlin: Volk und Welt, 1973. – 111 S. (***W-M***)

98. *Walser M.* Finks Krieg. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1996, – 310 S. (***W-K***)

99. *Walser M.* Ohne einander. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1993. – 226 S. **(*W-O)***

100. *Wittelsbach K.* Marc Marée – der Nackte auf Wagen 10. – Föritz: Amicus, 2003. – 268 S. ***(W-MM)***

101. Электронный ресурс http://www.fluchen.net

102. Электронный ресурс http://www.beichthaus.com/

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие …….....…… 3

Глава 1. Конституирование смысла экспрессивного высказывания: вводные замечания.....…..... 7

1.1. Смысл как объект исследования.....……..... 7
1.2. Экспрессивные речевые акты..... 7

Глава II. Формирование смысла высказываний, реализующих социативные речевые акты…….....

1. Речевой акт извинения…….....…..

1.1. Извинение как речевой акт. Общая характеристика…….....
1.2. Поводы для извинения. Варьирование извинения…….
1.3. Речевой акт извинения в составе диалогического единства…….
1.4. Формирование смысла речевых актов извинения……..
1.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов извинения…….
1.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов извинения…….
1.4.3. Формирование смысла в косвенных извинениях……...

2. Речевой акт добропожелания…….....……..

2.1. Пожелание добра как речевой акт. Общая характеристика……..
2.2. Функционирование и варьирование пожелания…….
2.3. Пожелания в составе диалогического единства…….
2.4. Формирование смысла речевых актов пожелания…….
2.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов пожелания……
2.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов пожелания……
2.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний пожелания..

3. Речевой акт поздравления…….

3.1. Поздравление как речевой акт. Общая характеристика…….
3.2. Поздравление в составе диалогического единства…….
3.3. Формирование смысла речевых актов поздравления…….
3.3.1. Формирование интенционального смысла речевых актов поздравления……..
3.3.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов

поздравления……..
3.3.3. Формирование смысла косвенных высказываний поздравления

4. Речевой акт благодарности…….

4.1. Благодарность как речевой акт. Общая характеристика……
4.2. Благодарностьв составе диалогического единства…….
4.3. Формирование смысла речевых актов благодарности…….
4.3.1. Формирование интенционального смысла речевых актов поздравления……..
4.3.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов благодарности……..
4.3.3. Формирование смысла косвенных высказываний благодарности

Глава III. Формирование смысла высказываний, реализующих инфлуктивные речевые акты …….

1. Речевой акт комплимента……..

1.1 Комплимент как речевой акт. Общая характеристика…….
1.2. Функционирование и варьирование комплиментов……
1.3. Речевой акт комплимента в составе диалогического единства…….
1.4. Формирование смысла речевых актов комплимента……...
1.4.1. Периферийные компоненты смысла речевых актов комплимента……
1.4.2. Формирование пропозиционального и эмотивного смыслов речевых актов комплимента……..
1.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний комплимента……

2. Речевой акт похвалы……..

2.1. Похвала как речевой акт. Общая характеристика……..
2.2. Функционирование и варьирование похвалы……
2.3. Похвала в составе диалогического единства…….
2.4. Формирование смысла речевых актов похвалы……
2.4.1. Формирование интенционального и пропозиционального смыслов речевых актов похвалы…….
2.4.2. Формирование эмотивного смысла речевых актов похвалы….
2.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний похвалы…..

3. Инвективный речевой акт……..

3.1. Инвектива как речевой акт. Общая характеристика...…….
3.2. Функционирование и варьирование инвектив……..

3.3. Инвективный речевой акт в составе диалогического единства…..
3.4. Формирование смысла инвективных речевых актов……
3.4.1. Позиции интенционального и пропозиционального смыслов инвективных речевых актов……..
3.4.2. Формирование эмотивного смысла инвективных речевых актов
3.4.3. Формирование смысла косвенных инвективных речевых актов

4. Речевой акт порицания…….……

4.1. Порицание как речевой акт. Общая характеристика……
4.2. Функционирование и варьирование порицания……
4.3. Порицание в составе диалогического единства……
4.4. Формирование смысла речевых актов порицания……
4.4.1. Формирование интенционального и пропозиционального смыслов речевых актов порицания……..
4.4.2. Формирование эмотивного смысла речевых актов порицания..
4.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний порицания…
4.4.3.1. Констативы как порицания……..
4.4.3.2. Порицания в форме вопросов……..
4.4.3.3. Порицания-императивы……...

5. Речевой акт злопожелания…….……

5.1. Злопожелание как речевой акт. Общая характеристика……
5.2. Функционирование и варьирование злопожелания……
5.3. Злопожелание в составе диалогического единства……
5.4. Формирование смысла речевых актов злопожелания ……
5.4.1. Формирование интенционального смысла речевых актов злопожелания.....
5.4.2. Формирование пропозиционального смысла речевых актов злопожелания …….....……..
5.4.2. Формирование эмотивного смысла речевых актов злопожелания .....
5.4.3. Формирование смысла косвенных высказываний злопожелания .....…

Заключение……..

Библиография……..

Список источников иллюстративного материала……

Трофимова Н. А.
Т 76 От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов: монография / Н. А. Трофимова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2011. - 295 с.

ISBN 978-5-4227-0056-1

Монография посвящена вопросу конституирования смысла высказываний, реализующих экспрессивные речевые действия. Исходя из идеи многомерности феномена смысл, автор выделяет его элементы - атомарные смыслы, рассматривает языковые операторы их порождения и модификации и определяет роль каждого из этих элементов в едином смысловом целом.

Книга адресуется специалистам в области современного немецкого языка, филологам-германистам, культурологам, преподавателям языковедческих дисциплин в вузах.

БК 81.2Нем